

№ 12 (107) 2011

Выпуск 10

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ»,
Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л. Я. Дятченко,

ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

А. П. Пересыткин,

проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари:

В. М. Московкин,

доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»

Е. Н. Кролевецкая,

доцент кафедры педагогики НИУ
«БелГУ», кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

А. П. Короченский,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Заместители главного
редактора:

И. А. Нагорный,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория. **Н. Ф. Алефиренко 5**

Трансформация образов в процессе перевода (на материале перевода стихотворения Г. Гейне «Die Nixen»).

Н. А. Борченко, С. А. Кошарная 12

Диктумно-модусная организация предложений с модальным значением целесообразности в современном русском языке.

Е. И. Дубовик, И. А. Нагорный 21

Буквенные изменения в русском алфавите. **А. Э. Колотилова 29**

Основные латинские термины-элементы и термины метаязыка лингвистики. **С. В. Лесников 37**

Компьютерные средства обучения орфографии в работе современного учителя. **Г. И. Пащикова 46**

Репрезентанты сравнения в современной женской прозе.

Н. А. Туранина 55

«Годовые кольца» детского словотворчества. **В. К. Харченко 61**

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Синтаксические трансформы паремий (на материале англоязычных масс-медиа). **О. Н. Антонова 68**

Словообразовательные и структурные особенности терминов женской косметики в русском и немецком языках.

Ж. Багана, Е. Н. Таранова 73

К вопросу о фонетическом своеобразии британского и американского диалектических вариантов в свете английской силлабики (на материале современного английского языка). **М. А. Береснева 88**

Рельеф как объект лингвистического описания (на материале французского языка). **А. Л. Великанова, С. А. Мусеева 98**

Стилистические возможности категории рода и грамматическая метафора. **Ю. Н. Власова 105**

Концептосфера мужских и женских речевых партий в англоязычном художественном дискурсе XX века (на материале речевых характеристик персонажей произведений Джека Керуака). **А. А. Габеев 111**

Лингвокультурная специфика метафорических переносов в рамках модели People are Trees (на материале английского языка). **О. В. Дехнич 117**

Молодёжный социолект как одна из форм существования французского языка. **Н. Н. Копытина 123**

Шарль де Бовель об изменчивой природе языка. **Е. Н. Михайлова 131**

О. Н. Прохорова,
доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

И. Ф. Исаев,
доктор педагогических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Н. И. Исаева,
доктор психологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
и Высшей гуманитарной школы,
Сосновец (Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиапедагогика

Консультант
Е. А. Кожемякин,
доктор философских наук, профессор
НИУ «БелГУ»

Ответственный секретарь
И. И. Карпенко,
старший преподаватель
факультета журналистики
НИУ «БелГУ», кандидат филологических
наук

Подготовка к выпуску *Л. И. Фальковой*

Оригинал-макет *И. И. Карпенко*,
Н.Ю. Пыленко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 30.06.2011
Формат 60x84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 35,34
Тираж 1000 экз.
Заказ 262

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован в Издательско-
полиграфическом комплексе НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

Специфика объективации синестетических конструкторов в английском языке. **О. Ю. Ромашина 139**

Фразеологическая коммуникация как способ актуализации языковой личности политика (на материале дискурса А. Меркель).
А. П. Седых, И. В. Сопова 145

Реалии как стилистическое средство выражения категории времени в англо-шотландских народных балладах. **О. С. Филимонова 154**

От модернизма к постмодернизму: некоторые аспекты смены литературно-художественной парадигмы. **Ж. Е. Фомичева 160**

Функционально-семантические особенности ценностной концептосферы Naptonu в современном английском языке.
И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова 170

Прагмафонетическое изучение словесного ударения в риторически ориентированной английской речи (на материале современного английского языка). **А. С. Шиханцов 179**

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Сущность графических невербальных средств в печатной рекламе.
А. А. Аникаева 186

Молодёжь Белгородской области как аудитория региональных СМИ.
А. М. Аткина 192

Русский язык в медиасистеме Казахстана. **Т. В. Вялых 205**

Политическая власть Италии и СМИ: специфика взаимоотношений.
А. Д. Золотых 213

Офлайн и онлайн: единство и борьба противоположностей.
Е. Н. Подставка 221

Концептуальная модель медийного имиджа инновационного вуза (на примере БелГУ). **С. И. Шатохина 226**

ПЕДАГОГИКА

Особенности родного языка учащихся как причина возникновения трудностей усвоения РКИ. **Али Анвар 235**

Опыт исследования психологических условий развития научного потенциала личности в контексте культуротворческого подхода.
Е. В. Богданова, Е. А. Болотова, И. Ф. Исаев, Н. И. Исаева 242

Программно-целевой и рефлексивный подходы как методологическая основа технологии управления вузовским центром модерации.
Н. В. Кирий, Л. В. Верзунова 247

Принципы организации работы по профессиональному самоопределению учащихся сельских школ-комплексов Белгородской области (1975–1992 гг.). **Е. В. Кудинов 254**

Усвоение детьми цветовой картины мира как элемента историко-культурного наследия. **Н. И. Любимова 260**

Концепция формирования имиджа региональных вузов социокультурной сферы. **А. В. Скрипкина 266**

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности представлений об отцовстве у молодых отцов.
Н. В. Акиншина 271

Психологическая культура как условие жизнестойкости человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию. **Н. М. Волобуева 279**

Динамическая характеристика культурно-психологических стремлений в старшем школьном возрасте. **Ю. О. Калашикова 287**

Сведения об авторах **296**
Информация для авторов **300**

№ 12 (107) 2011

Issue 10

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2005.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L. Y. Dyatchenko,
Rector of Belgorod National Research University, doctor of sociological sciences, Professor

Deputy editor-in-chief

A. P. Peresyplkin,
Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

V. M. Moskovkin,
Doctor of geographical sciences, Professor of world economy department Belgorod National Research University

E. N. Krolevetskaya,

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,
Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Implicitness of the Feature Text as a cognitive and discursive Category.

N. F. Alefirenko 5

Transformation of Images in translation Process (the Case of Translation of the Poem of G.Gejne «Die Nixen»).

N. A. Borchenko, S. A. Kosharnaya 12

Dictum and modus Structure of a Sentence with the Meaning of Expediency in the modern Russian. **H. I. Dubovik, I. A. Nagornyy 21**

Alphabetic Changes in the Russian Alphabet. **A. E. Kolotilova 29**

Key Terms and Latin Term Elements of Linguistics metalanguage.

S. V. Lesnikov 37

Computer Techniques of orthography Teaching in modern Teacher's Practice.

G. I. Pashkova 46

Representations of Comparisons in modern female Prose.

N. A. Turanina 55

«The growth Rings» of the children's Speech. **V. K. Kharchenko 61**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Syntactical Transforms of Paremiias in the English language Mass Media.

O. N. Antonova 68

Derivational and structural Features of the Terms of Cosmetics for Women in the Russian and German Languages. **J. Baghana, E. N. Taranova 73**

Concerning the phonetic Peculiarity of British and American diatopic Variants in Terms of English Syllabics (based on modern English).

M. A. Beresneva 88

Relief as an Object of linguistic Description (the Case of the French Language).

A. L. Velikanova, S. A. Moiseeva 98

Stylistic Potential of grammatical gender and grammatical Metaphor.

J. N. Vlasova 105

Sphere of Concepts of male and female speech Turns in the XX-th Century literary Discourse (the Case of speech Characteristics of Characters of Jack Kerouac's Works). **A. A. Gabets 111**

Language cultural specific Features of Metaphors representing «People are trees» Model (on the Basis Of English). **O. V. Dekhnich 117**

Youth Sociolect as one of the Forms of the French Language.

N. N. Kopytina 123

Charles de Bovelles on the variable Nature of Language.

E. N. Mikhailova 131

Synesthetic structures' Objectivation in modern English.

O. Yu. Romashina 139

Phraseological Communication as an updating Way of politic's linguistic Personality. **A. P. Sedykh, I. V. Sopova 145**

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

O. N. Prohorova,

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

I. F. Isaev,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

N. I. Isaeva,

Doctor of Psychological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,

Doctor of Humanities, professor of Sile-
sian University, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,

PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V. I. Lozovaya

Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov
National University, member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,

Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,

Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A. V. Fedorov,

Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute,
president of Russian Association of Media
Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,

Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,

PhD, Senior lectures of the Faculty of Journal-
ism (Belgorod National Research University)

Prepared for release *L. I. Falkova*

Dummy layout by *I. I. Karpenko,*

N.Y. Pylenko

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 30.06.2011

Format 60x84/8

Typeface Georgia, Impact.

Printer's sheets 35,34

Circulation 1000 copies

Order 262

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated
at Belgorod National Research University
Publishing House
Address: 85, Pobedy Str., Belgorod,
Russia, 308015

Realia as stylistic Means of Expression of Category of time in English and Scot-
tish popular Ballads. **O. S. Filimonova 154**

From Modernism towards Postmodernism: Change of fiction Paradigm.

Z. E. Fomicheva 160

Semantic and functional Peculiarities of the Value conceptual Sphere Harmo-
ny in modern English. **I. V. Chekulai, O. N. Prokhorova 170**

Pragmaphonetic Study of the Word-Accent in the rhetorically oriented english
Speech (on the Basis of modern British English).

A. S. Shyhancov 179

JOURNALISM AND PR

Essence of Graphic Non-verbal Facilities in the Printed Advertisement.

A. A. Anikaeva 186

Youth of Belgorod Region as Audience of Regional Mass Media.

A. M. Atkina 192

Russian Language in Media System of Kazakhstan. **T. V. Vyalykh 205**

Political Power and Mass Media in Italy: Specifics of Inter-Relations.

A. D. Zolotykh 213

Off-Line and On-line Media: Communion and Conflict of Polarities.

E. N. Podstavko 221

Theoretical Model of the Media Image of an Innovative University

(on the example of BelSU). **S. I. Shatokhina 226**

PEDAGOGICS

Features of the native Language of Students as the Cause of the Difficulties of
Assimilation the Russian Language as a foreign Language. **Ali Anwar 235**

Development of scientific potential of Personality: psychological Conditions.

E. V. Bogdanova, E. A. Bolotova, I. F. Isaev, N. I. Isaeva 242

Program-targeting and reflective Approaches as the methodological Basis of
higher school management Technology of moderation Center.

N. V. Kiriy, L. V. Verzunova 247

Principles of Organization of children`s professional self-
determination Work in Belgorod Region Country School Units in

1975 – 1992. **E. V. Kudinov 254**

Learning of the color Picture of the World by the Children as the Element of
historical-cultural Heritage. **N. I. Lyubimova 260**

Concept of Formation of Image for regional Universities in socio-cultural

Sphere. **A. V. Skripkina 266**

PSYCHOLOGY

Young Fathers' Representations of Fathering.

N. V. Akinshyna 271

Psychological Culture as a Condition of hardiness of the Person, in difficult
vital Situation. **N. M. Volobueva 279**

Dynamic Characteristic of cultural and psychological Aspirations in the senior
school Age. **J. O. Kalashnikova 287**

Information about Authors **296**

Information for Authors **300**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 808.2-318+802.0-318

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ¹

Н. Ф. Алефиренко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
alefrenko@bsu.edu.ru*

Имплицитность – одна из основополагающих категорий когнитивной поэтики художественного текста, которая формируется взаимодействием многоканальных когнитивно-синергетических истоков образного дискурса.

Ключевые слова: имплицитность, текст, дискурс, лингвосинергетика, лингвопоэтика, коммуникативное событие.

Одним из категориальных свойств когнитивной поэтики художественного текста является имплицитность, под которой нами понимается особого рода подтекст, возникающий за счёт увеличения смыслового ореола знака, репрезентирующего художественный концепт [1, с. 207]. Отличительными признаками имплицитности как дискурсивного средства порождения художественного текста являются:

- выход за пределы непосредственно воспринимаемого смыслового содержания номинации, выход в дискурсивную ситуацию: (а) в логические рамки мышления, фоновые экстралингвальные знания, в чувственно-образную сферу сознания; (б) в предметную ситуацию речевого акта с ее материальными атрибутами; (в) в речевой экстракт обмена скрытыми мыслями;
- подвижное, сбалансированное соотношение между элементами номинации и элементами ситуации, которое выражается в разных типах и видах номинации;
- категория адресата (интерпретатора), которая нередко задается автором «на входе» как свойство художественно-образной номинации, свойство проявляющееся только «на выходе», при непосредственной интерпретировании воспринимаемого текста;
- переосмысление номинации, которое часто приводит к созданию нового, ассоциативного, смысла. Ее предпосылка – диалог, выступающий, по словам М. Ю. Лотмана, «основой словообразования».

Иными словами, имплицитность формируется многоканальной когнитивно-синергетической природой образного дискурса, порождающего художественный текст. В когнитивной лингвопоэтике дискурс понимается как речемыслительное образование событийного характера, природа которого обуславливается совокупностью

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

коммуникативно-прагматических, социокультурных, психологических, паралингвистических и других факторов. И в этом статусе он характеризуется несколькими образующими имплицитность смыслового содержания художественного текста признаками:

а) как коммуникативное событие – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации;

б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование [1: 8];

в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки высказываний), дискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности;

г) как «речь, погруженная в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [2], преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий).

1. Смыслопорождающий потенциал дискурса

Гипотеза представляемой здесь концепции состоит в предположении, что *смыслопорождающий потенциал дискурса обуславливается его когнитивно-синергетической природой.*

Предвосхищая идеи современной когнитивно-поэтической синергетики, исследующей принципы самоорганизации художественного текста, русский философ П. А. Флоренский писал: «Связь бытий <...> есть синэргия, со-деятельность бытий <...> Она не состоит в тождественном равенстве ни с одним из бытий, будучи новым в отношении каждого из них; но она есть каждая из них» [11, с. 286]. Размышляя над природой языка, П. А. Флоренский пришел к убеждению: «Слово синергетично» [11, с. 263]. «Слово больше себя самого. И притом, больше — двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем есть и субъект познания и объект познания» [11, с. 293]. «В слове уравниваются и приходят к единству две накопившиеся энергии... Оно не есть уже ни та, или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире... Но нельзя сказать: «оно само по себе». Без того или без другого из соединяемых им полюсов оно вовсе не есть [11, с. 292].

Как когнитивно-синергетический феномен, слово есть образ дискурсивного взаимодействия субъекта и объекта. Уравновешивая эти два сопряженных полюса, образ взаимодействия выступает по отношению к ним как интерполент, индуцированный их взаимным влиянием. Формирование интерполента возможно как между двумя полюсами, так и в пределах одного из них. Так, при явлении резонанса, в интерпретации П. А. Флоренского [11, с. 286], «в резонаторе колеблется не только его энергия, и не энергия только вибратора, а синэргии того и другого». Эта «синэргия» и есть динамический образ взаимодействия двух полюсов, вибратора и резонатора, сформировавшийся внутри последнего, который как бы порождает синергетический образ внутри себя. Так и слово порождается и пределах субъекта, будучи интерполентом его взаимодействия с объектом. Слово в его звуковой оболочке — это форма, дискретная сущность, схватывающая, фиксирующая зыбкий и пластичный синергетический образ, индуцированный в сознании субъекта.

Под когнитивной синергетикой художественного дискурса мы понимаем взаимодействие всех порождающих его факторов, в результате которого происходит «слияние и со-действие энергией», направленные на онтологическую и функциональную «самоорганизацию» дискурсивного пространства и определяющее смысловую дистрибуцию его ингредиентов. В связи с этим, как нам представляется, смыслорождающая энергия художественного дискурса подпитывается различными энергопотоками:

- сенсорно-перцептивной образностью,

- знаково-символической интерпретацией первичных образов,
- действием превращенной формы в тексте, и, наконец,
- воздействием экстралингвистической среды ситуативного, культурного и коммуникативно-прагматического контекста.

В своем единстве названные энергопотоки представляют собой ассоциативно-деривационную сущность художественного дискурса, благодаря которой используемые в нем языковые знаки становятся стереотипными образными единицами. Такие дискурсивно превращённые единицы способны нести не только рациональную информацию, но и имплицитно выражать практически необозримый спектр человеческих эмоций, интегративно представляя понимание и переживание человеком воспринимаемого мира.

Поэтому объектом лингвистического анализа художественного дискурса, смысловое пространство которого представляют в разном соотношении единицы первичной и вторичной номинации, становится не только текст, но и вся та социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется. Художественный дискурс, представляет собой прежде всего среду формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения. При этом следует помнить, что центральной фигурой вторичного семиозиса выступает языковая личность – главный энергоноситель в лингвокреативных процессах метафорического мышления. Действительно, художественный текст создается и воспринимается субъектами дискурса (автором, его создающим, и читателем, его воспринимающим), без которых существует лишь «тело текста», последовательная цепочка каких-то фигур. Иными словами, «тело текста», рассматриваемое без означивающих его субъектов речи, не может служить источником внутренней энергетики. Таковым он становится лишь тогда, когда погружается участниками дискурсии в соответствующее этнокультурное пространство, центральной фигурой которого является художник слова (креативная языковая личность), создающий художественный текст. Только текст, погруженный в культуру, представляющий собой определенное дискурсивное пространство, может служить источником той энергии (образного напряжения, поэтической силы и интенсивности), в силовом поле которой порождаются знаки образной номинации. Что же является невидимым и поэтому таинственным источником поэтической энергии дискурса?

Как показывают наши исследования, таковыми, прежде всего, выступают прагматические и концептообразовательные механизмы формирования внутренней формы дискурсивно обусловленного языкового знака.

Концентрируясь вокруг некоторого опорного концепта, дискурс создает общий речемыслительный контекст, включающий в себя информацию о субъекте/-ах речемышления, объектах, обстоятельствах, о временных координатах. Базовыми структурными элементами художественного дискурса выступают: (а) события, их участники, перформативная информация и (б) не-события (обстоятельства, сопровождающие события, фоновая информация, оценка события, информация, соотносящая дискурс с событием) [5, с. 203]. За художественным дискурсом, следовательно, стоит особый мир. Более того, этот мир может быть не только реальным. Чаще всего художественный дискурс, по Ю. С. Степанову, — это один из «возможных миров» многосложной структуры.

С точки зрения структуры, художественный дискурс – двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания [10, с. 8]. План выражения дискурса – связная последовательность языковых единиц, созданная в определенное время в определенном месте с определенной целью. В означивающем дискурса дискурсивным этносознанием выделяются ключевые слова-концепты, вобравшие в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику всего коммуникативного события. Именно эти слова-концепты становятся, как правило, смысловым центром вторичного знакообра-

зования. Значения же таких знаков заключают в себе свернутые модели дискурсивной деятельности.

План содержания дискурса образуют его семантика и прагматика. Семантическая структура дискурса представляет собой триединство следующих аспектов: а) реляционно-го, отражающего строение факта в виде признаков отношений между предметами; б) референциального, соотносящего аргументы пропозиции с предметами; в) предикационного, фиксирующего приписываемые семантическому субъекту признаки. В результате сложнейших лингвокогнитивных преобразований дискурса (редукции и перестройки плана выражения, с одной стороны, и образной конденсации плана содержания в процессе образования новых метафорических концептов, с другой стороны) лингвокреативное мышление способно порождать знаки косвенно-производной номинации.

Любой знак косвенного именованья (метафорическое сравнение, метафорическое и метонимическое сочетание, фразеологизм, поговорка), возникнув на базе дискурса, характеризуется асимметрией формы и содержания, когда смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего. Асимметрический дуализм дискурсивно обусловленных знаков обуславливается самой их генетической природой: они порождаются потребностью речемышления в образно-прагматических средствах – в вербализации чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов и явлений. Когнитивная сущность дискурсивного знакообразования (разумеется, в иной терминологии) впервые была определена М. Лацарусом и А. А. Потебней как «сгущение мысли», когда появление на основе дискурсивного мышления новой внутренней формы и сама апперцепция в формирующемся знаке «сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением...» [8, с. 194]. При этом происходит ослабление или даже забвение внутренних форм слов их дискурсивного переосмысления. В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований развивается несоответствие означаемого означающему дискурсивно обусловленного знака косвенно-производной номинации. В соответствии с концепцией структурной асимметрии языкового знака, при возникновении дискурсивно обусловленного знака нарушение взаимнооднозначных отношений между означаемым и означающим дискурса приводит к их асимметрии. Причем дискурсивное знакообразование осуществляется в процессе возникновения совмещенной асимметрии – парадигматической и синтагматической. Синтагматическая асимметрия проявляется в том, что целостная мыслительная структура (концепт, гештальт, фрейм) объективируется в образной речи (а) имплицитно, в виде устойчивого сочетания слов, возникшего в результате нарушения их смысловой дистрибуции: одним миром мазаны – 'одинаковы' или (б) эксплицитно, в виде метафоры: *Молния сверкала синей птицей* (Б. Поплавский) < молния – синяя птица. Парадигматическая асимметрия дискурсивно обусловленного знака образуется несоответствием его ассоциативно-смыслового содержания значениям слов в их первично-номинативном статусе. Ср. парадигматическую асимметрию фразеологических единиц и метафор: а) *открывать Америку* – 'говорить, сообщать то, что всем давно известно' (насмешливо, пренебрежительно); б) *Свой гребень подняла волна Крылом нацелившейся чайки* (Н. Н. Васильев) < гребень – крыло чайки. Такого рода асимметрия отражает весь прагматический спектр синергетики художественного дискурса, включающего в себя интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный и коммуникативно-информационный (фокальный) компоненты. Характер названных компонентов, собственно, и определяет имплицитность когнитивно-дискурсивных и прагматических свойств языкового знака в художественном тексте.

2. Событийная синергетика образного слова и дискурса

Если подходить к данной проблеме как многоканальному процессу, то изначальными когнитивно-дискурсивными факторами формирования синергетичности художественного знака выступают не столько единичные денотаты и сигнификаты, сколько такие имплицитные категории дискурса, как событие, ситуация, пресуппозиция, прекоонструкт, интердискурс, интрадискурс, которые уже были объектом нашего рассмотрения [см. 3]. Мы же остановимся только на событии — важнейшей когнитивной категории, обуславливающей лингвопоэтическую синергетику художественного дискурса в целом и образного слова в частности. «Событийное» представление мира выдвинуло на первый план идею связей и отношений, свойств и состояний, признаков и действий, выполняемых в окружающем мире. «Для события релевантен признак выделенности из потока происходящего» [4, с. 36]. Внутри данной категории, вслед за В.З. Демьянковым [5, с. 201], имеет смысл различать событие-идею, референтное событие и текстовое событие. События-идеи соотносятся в художественном дискурсе не с реальными объектами действительности, а с их «теньями». Так воспринимается событие-идея в стихотворении Николая Рубцова «Воробей»:

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

Вот почему понимание, казалось бы, такого простого стихотворения предполагает не только понимание каждого из составляющих его слов в их обычном значении — необходимо понимание всего образа жизни (события-идеи), отраженного в словах и раскрывающегося в оттенках их значений [6, с. 131]. Не замерзающий голодный воробей — реалья обыденной действительности, а её «тень» — превратности человеческой судьбы — волнуют отзывчивую душу поэта. Прав Глеб Горбовский: «стихи Рубцова лишь для тех, кто, живя, страдал неподдельно, для сердец серьёзных, зрячих к своей и чужой боли» [7].

Событие как идея находится вне пространственно-временного измерения. Так, за дискурсивно обусловленным знаком, возникшим на базе библейской притчи или, скажем, басни И. А. Крылова, необходимо «увидеть» весь дискурс одновременно как повествование и поучение; ср.: петушка хвалит петуха..., правая рука кого. Событие-идея, в результате интерпретации реального или виртуального события, лежит в основе интенционала предметно-понятийного ядра образного слова. Собственно событие — это конкретный объект действительности, представленный дискурсом в пространственно-временном измерении как праобраз события-идеи. В семантической структуре дискурсивно обусловленного слова собственно событие образует её экстенционал, т.е. то денотативное пространство, с которым соотносится данное слово, или те образы культуры, которые закодированы в его значении. Это позволяет один и тот же реальный объект подвергать разным интерпретациям. Ср.: иметь голову на плечах — 'быть умным, рассудительным, сообразительным'; голова (котелок) варит у кого — 'кто-л. умен, сообразителен, догадлив, понятлив'; семи пядей во лбу — 'очень умный, мудрый, выдающийся'. Вербализуемое таким образом событие дает возможность референтное событие представлять в разных денотативных вариациях текста. Текстовое событие — это «плавное течение» референтных в пространстве и времени или «течение» событий-идей во времени. В этом смысле оно представляет собой линейную интерпретацию события в рамках соответствующего дискурса или его интерпретацию в ряду других фрагментов дискурса. В семантической структуре дискурсивно обусловленного

знака текстовое событие представлено коннотативными и прагматическими смыслами. Следовательно, лингвокогнитивный анализ дискурсивно интерпретируемых знаков должен опираться на экспликацию референтного события, события-идеи и текстового события, закодированных соответственно в экстенционале, интенционале и импликационале того или иного знакового образования.

Как особый тип культурно-семиотического контекста, событие характеризуется референтностью, общественно значимой кульминативностью, динамизмом и «сценарностью». Ср.: родиться в сорочке / в рубашке – ‘быть удачливым, счастливым, везучим во всем’; перейти Рубикон – ‘сделать решительный шаг, определяющий дальнейшие события, совершить решительный поступок, имеющий поворотное значение в жизни’. Значимость события для формирования концептуальной структуры знаков косвенно-производной номинации очевидна. «Событие после сущности» – основной конструктивный элемент языковой картины мира. Поскольку «на оси жизни событие занимает особое, выделенное место», «это – веха, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути», «это – зарубка на шкале жизненных уровней, отмечающая высоту взлета и глубину падения», «событие нельзя не заметить» [2, с. 509]. Поэтому под синергетическим воздействием дискурсивного пространства оно способно преобразовываться в концепт – когнитивную структуру [1, с. 231], мыслительный субстрат образной единицы языка художественного текста.

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать две важнейшие для когнитивной лингвопоэтики закономерности: (1) формы репрезентации действительности (образно-пространственные, вербальные, семантические и т. д.) обуславливаются главным образом типом дискурсивного мышления и (2) между этими формами отсутствует строгая когнитивно-семиологическая детерминация, обеспечивающая практически неограниченные возможности наносмысловому взаимодействию языка, познания и культуры. Выявленные закономерности опровергают ранее доминировавшее положение о линейной, последовательной обработке информации. Это, в свою очередь, обусловило само возникновение когнитивной лингвопоэтики, ведущей поиск синергетических (нелинейных) способов словесно-художественной обработки информации. Для достижения этой цели в когнитивно-лингвопоэтической адаптации нуждаются такие понятия, как «когнитивная карта» текста, «схема» и «фрейм». Они вполне соотносимы с идеями когнитивной лингвопоэтики, поскольку ориентированы на функциональную связь текста со средой: они имплицитно содержат указание на решающую роль «рамки», «контекста», «значения» в дискурсивной активности лингвокреативного мышления автора и читателя. В некотором роде появление этих понятий перекликается с учением А. А. Потемкина о механизме апперцепции, лежащем в основе перекодирования предметно-чувственной информации в семантическую структуру слова. Ученый доказывал, что в процессе вербализации мысли полученное впечатление подвергается новым изменениям, то есть воспринимается вторично. И это восприятие нелинейно. Именно вторичное восприятие мира, закодированное в слове, А. А. Потемкин и называл апперцепцией. Её результаты составляют когнитивную базу языкового значения. Подобные суждения получают подтверждение и в современной когнитивной науке. Всё познаваемое нами воспринимается в определенном смысловом поле лексического значения, подвергается своего рода «априорному означиванию». С точки зрения современной когнитивной лингвопоэтики, восприятие мира и его моделирование в художественном тексте, как правило, осуществляется в рамках некоторой ранее созданной схемы, позволяющей обрабатывать информацию тем или иным способом. Следуя концепции Р. Л. Солсо [см. 9], можно говорить о том, что в художественной обработке информации принимают участие такие системы человеческой психики, как восприятие, распознавание образов, внимание, память, воображение, мышление, человеческий интеллект и языковые функции. Как видим, в сфере внимания когнитивной лингвопоэтики находится язык в особой его функции. Язык предстает здесь как система интериоризации знаний благодаря таким речемысли-

тельным качествам человека, как языковая способность, языковые умения и навыки, что образует область сопряжения интересов лингвопоэтики и когнитивной лингвистики, в частности лингвистики дискурса. Синергетическое единство когнитивно-прагматической и дискурсивной деятельности автора и читателя – важнейшая сфера интересов когнитивной лингвопоэтики, интегрирующей знания о (1) порождении словесно-художественного мышления и сведения о (2) восприятии и (3) понимании языковых знаков, реперезентирующих в художественном тексте соответствующие когнитивные структуры, под которыми понимаются содержательные формы имплицитного кодирования и хранения информации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
4. Langacker, Ronald W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar [M]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 365 p.
5. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58 – 67.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2003. – 656 с.
7. Горбовский Г. День поэзии 1979. М.: – «Советский писатель», 1979. – 224 с.
8. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.
9. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – СПб.: «Питер», 2011. – 589 с.
10. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7-12.
11. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. – Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 490 с.

IMPLICITNESS OF THE FEATURE TEXT AS A COGNITIVE AND DISCURSIVE CATEGORY

N. F. Alefirenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Implicitness is one of the base category of cognitive poetics at literary text. It is formed by interaction of multi-channel cognitive-synergetic origins of figurative discourse.

Key words: implicitness, text, discourse, linguo-synergy, linguo-poetics, communicative event.

УДК 811.161.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «DIE NIXEN»)¹

**Н. А. Борченко
С. А. Кошарная**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kosharnaja@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются теоретические аспекты литературного перевода поэтического текста и выявляются основные причины, обуславливающие трансформацию образной системы текста-оригинала в процессе его перевода. При этом выдвигается гипотеза о том, что трансформация образной картины оригинала происходит уже на этапе создания подстрочника, что детерминируется разницей семантического объёма слов, различиями в грамматических значениях, а также неконгруэнтностью культурного фона, стоящего за разноязыковыми единицами. В качестве иллюстративного материала в работе используется оригинальный текст и перевод стихотворения Г. Гейне «Русалка».

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, образ, концепт, переводческая интерпретация.

Введение

Ментальность каждого народа находит в определённой степени своё выражение и в языке, который «...всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...дух народа» [1, с. 349]. В трудах многих исследователей (Ф. И. Буслаева, Й. Л. Вайсгербера, В. В. Виноградова и др.) нашли продолжение идеи В. Гумбольдта, который понимал словарный состав языка как единое целое, порожденное единой силой и пребывающее непрерывно в этом процессе порождения, из чего следует, что укорененность родного слова в системных связях словарного состава языка является стабилизирующим фактором в жизни языка и обеспечивает цельность и единство его лексической системы. При этом «межъязыковое сопоставление позволяет дать типологическую характеристику строя неродственных языков (универсалии), а на их фоне – специфические для больших языковых групп черты, объединяющие языки в различные типы». «Сопоставление для родственных языков (напр., славянских или германских) ведет также к установлению исторической языковой общности, проявляющейся не только в структурной и семантической, но и в материальной близости сопоставляемых единиц (сравнительно-историческая лингвистика – компаративистика)» [2, с. 7]. Основные направления межъязыковых сопоставлений определяются теорией перевода и контрастивной лингвистикой. «Теория перевода (в том числе машинная), занимающаяся установлением регулярных закономерных функционально-семантических тождеств между отдельными единицами двух языков; контрастивная лингвистика, которая выявляет существенные для методики обучения иностранному языку отличия последнего от родного языка» [2, с. 7].

Исходя из данных положений, современное лингвистическое исследование языковых систем немислимо без сопоставления изучаемых объектов. «Основной элемент лингвистического сопоставления – выявление тождественных (интегративных) и различающихся (дифференциальных) признаков сравниваемых фактов языка» [2, с. 6].

Теоретическое обоснование исследования. В свете такого рода воззрений необходимым представляется дальнейшая разработка теоретических аспектов переводоведения, связанных с описанием поэтического текста, где анализу подвергаются оязыковленные системы образов двух взаимосвязанных текстов: текста-оригинала и его переводного варианта. Подобные работы известны, однако они немногочислен-

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

ны в то время, как *актуальность* таких исследований не вызывает сомнения, поскольку она представляют как теоретический интерес для лингвокультурологии, так и практическую значимость для переводоведения. Ещё в середине XX в. академик Л. В. Щерба произвёл лингвоэстетический сопоставительный анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сосна» и его немецкого прототипа и обнаружил явные сюжетные несоответствия исходного текста и переводного «варианта», назвав последний «самостоятельной пьесой». При этом стихотворение М. Ю. Лермонтова в языковом плане, казалось бы, представляло собой поэтически обработанный «подстрочник» стихотворения Г. Гейне. И тем не менее буквальный перевод ключевых лексем вне учета их грамматических показателей в двух разных языках привёл к тому, что переводной текст «оторвался» от оригинального по самой своей сути. Используя современную терминологию поэтических сайтов, можно сказать, что изменилась «рубрика» стихотворения: вместо любовной лирики (а стихотворение Г. Гейне было именно таковым) мы обнаруживаем поэтические рассуждения о женской дружбе.

Известно, что неотъемлемым признаком художественного текста и художественного перевода является субъективная обусловленность. Согласно теории несоответствий [3], текст оригинала и переводной текст, как правило, не совпадают по количеству и качеству содержащейся в них информации. Исходя из этого, можно говорить об особенностях процесса понимания русскими переводчиками текста-оригинала, особенно если несовпадения повторяются. Отсутствие повторения таких несовпадений с оригиналом указывает на соответствующие индивидуальные особенности переводчика как читателя / реципиента. Таким образом, исследование интерпретации поэтического текста также вносит свой вклад в разрешение проблемы понимания текста оригинала как аспекта процесса перевода.

Теоретические и практические аспекты проблемы трансформации индивидуально-авторской картины мира в процессе перевода. Перевод поэзии, будучи одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности, требует особых, отличных от перевода прозы принципов и критериев. Согласно А. В. Федорову, «требования передачи ритма, рифмы, строфики и т. д., с одной стороны, и слова – с другой, приходят порой в более резкое столкновение, чем требования точности буквальной и точности смысловой в переводе прозаическом» [4, с. 108]. Иными словами, при переводе поэтических произведений особенно заметно столкновение формы и содержания, и, поскольку воспроизвести в переводе и содержание и форму удается редко, перевод не обходится без «потерь». Как утверждает Ю. Найда, обычно ради содержания жертвуют формой [5, с. 116]. Однако этот же автор отмечает, что, с другой стороны, лирическое стихотворение, переведенное прозой, не является адекватным эквивалентом оригинала. Хотя такой перевод и передает понятийное содержание, в нем не воспроизводится эмоциональная насыщенность и аромат оригинала, а переводчику ставится задача не только передать информацию, но и создать у читателя перевода приблизительно такое же настроение, как и у читателя оригинала, а потому в переводе необходимо по возможности точно воссоздать ритмическую структуру, поскольку она «образует «скелет» поэтического смысла» [6, с. 22].

Не вызывает сомнения, что в поэзии формальным элементам уделяется больше внимания, чем обычно в прозе, поэтому при переводе поэзии переводчик должен «воспроизвести метрическую форму и сочетать с ней (!) нужные слова, распределить слова и фразы по стихам и строфам в более или менее близком соответствии с оригиналом, сохранить (или видоизменить) деление и связи, заданные подлинником» [4, с. 107 – 108]. Попова И. Ю., признавая, что при передаче на другой язык поэзии невозможно сохранить все, отмечает, что полное сохранение всех смысловых элементов «повлекло бы за собой изменения в форме, а формальные элементы в поэтическом произведении обладают как содержательной, так и эстетической ценностью» [7, с. 50]. Следовательно, нельзя утверждать, что при переводе стихотворения содержание обязательно приносится в жертву форме, но это содержание втискивается

в определенные формальные рамки. Воспроизвести в переводе и содержание, и форму удается очень редко. Как пишет Л. С. Бархударов, при замене текста на исходном языке текстом на языке перевода должен сохраняться определенный инвариант; мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника [8, с. 39]. С этим нельзя не согласиться, так как уделение особого внимания «букве» может привести к убеждению в «непереводимости» поэтического текста. О полном семантико-функциональном и композиционно-структурном тождестве оригинала и перевода говорить не приходится. Трудности, связанные с языковыми расхождениями, зачастую вынуждают переводчика жертвовать передачей дифференциальных значений, чтобы сохранить несравнимо более значимую для данного типа текстов информацию, заключенную в выражаемых в нем прагматических значениях. Переводчик всегда должен искать так называемую золотую середину в выборе между формой и содержанием, так как адекватным можно считать тот перевод, который наиболее полно воссоздал и содержательную, и формальную стороны подлинника. И форма, и содержание в тексте перевода должны в равной степени соответствовать форме и содержанию текста оригинала.

Гончаренко С. Ф. в своей работе «Поэтический перевод и перевод поэзии» отметил: «Поэтический перевод обязан стать живым близнецом оригинала и активно включиться в полнокровный литературный процесс на языке перевода. Естественно, что во имя этой цели – сохранения того главного, ради чего и существует поэзия, то есть сохранения и воспроизведения самостоятельной поэтической ценности – переводчик обязан жертвовать близостью в деталях второстепенных».

Изначально следует отметить, что, ни один перевод никогда не передаст всей полноты оригинала. С одной стороны, литературный перевод – это во многом интерпретация связей между намерением и действием. С другой стороны, переводчик литературных произведений зачастую заинтересован не столько в буквальной передаче, «транслитерации», текста, сколько в том, чтобы передать соответствующее настроение, тон, голос, звук, реакцию и так далее. Художественный перевод допускает множество различных, с точки зрения художественной ценности, вариантов. Одна из причин множественности переводов кроется в различном понимании переводчиками текста-оригинала в силу того, что они (переводчики) обладают разными «информационными запасами» (термин Р. К. Миньяра-Белоручева). Переводчик привносит в текст художественного перевода элементы собственного восприятия текста-оригинала. Как каждая отдельная языковая личность, переводчик по-разному интерпретирует текстовую информацию, по-разному репрезентирует себя в общем поле информационного пространства. Он использует свою переводческую стратегию, использует специфические, представляющиеся ему единственно верными, способы преобразования информации. Отсюда следует, что перевод художественного текста вообще, а поэтического в особенности, есть не перевод как таковой, а переводческая интерпретация.

Под *переводческой интерпретацией* мы, вслед за другими исследователями, понимаем процесс творческого переосмысления текста-оригинала и результат этого процесса – переводной текст. Многие критики отмечают, что в процессе такой интерпретации поэтические произведения много теряют при переводе и что стихи «непереводимы» в принципе. Другие ученые придерживаются противоположной точки зрения, согласно которой поэзию можно сохранить, расцветить красками и осветить по-новому, ибо переводчик обретает заново и заново раскрашивает «художественное полотно». Безусловно, многие из присущих оригиналу поэтических оттенков не могут быть переданы, и их следует воссоздавать заново; однако их новый облик может быть даже более блистательным, чем прежний. Можно сказать, что хороший перевод раскрывает «динамику» поэзии, даже если ему не всегда удастся передать его «механику». Здесь следует отметить, что литературный перевод – это тот вид перевода, при котором профессионализм переводчика в наибольшей степени подвергается испытанию.

В этой связи можно выделить несколько основных видов перевода художественного стихотворения:

- буквальный (подстрочник, в некоторой степени подогнанный под стихотворную форму);
- стилизованный (при приблизительном сохранении внешнего смысла намеренно изменяется стиль перевода) – художественный (цель такого перевода – сохранение красоты и образности оригинала);
- формалистический (строгое следование ритмике, системе рифмовки и строфике оригинала);
- функциональный (поиск культурных и языковых эквивалентов и аналогов).

На наш взгляд, все указанные разновидности перевода должны представлять собой этапы работы переводчика над текстом. И первым этапом, несомненно, является создание подстрочника. Данный тип перевода широко используется и как инструмент лингвистического описания, например, в работах по лексической и синтаксической типологии. Перевод поэзии – это прикладная область применения подстрочника. В подстрочнике текст предстает как последовательность слов, каждое из которых имеет самостоятельную ценность. Слова в переводе сохраняются, таким образом, в той же последовательности и в тех же формах, что и в оригинале. То, что на выходе получаются некорректные, а часто и совершенно непонятные высказывания, не рассматривается в этом случае как недостаток. Сохранение его воздействующего эффекта, адаптация метафор и какой бы то ни было учет особенностей употребления языка – все это задачи подстрочного перевода. Однако совершенный перевод должен пройти путь от подстрочника до функционального перевода, то есть от перевода слов к трансляции оригинальных образов.

Практическое исследование интерпретации индивидуально-авторской картины мира в процессе перевода. Исходя из значимости перевода не слов, но авторских образов, мы предпринимаем в нашей работе попытку сопоставительного анализа элементов текстов, формирующих заложенную в нём авторскую идею. Безусловно, всякий перевод текста начинается с создания подстрочника. В результате мы имеем перед собой не два, а три варианта текста: оригинальный текст, подстрочник и переводной текст. По-видимому, трансформация образной картины оригинала происходит уже на этапе создания подстрочника, потому что даже эквивалентные лексические единицы разных языков на деле оказываются неэквивалентными. Это и разница семантического объёма слов, и различия в грамматических значениях, и неконгруэнтность культурного фона, стоящего за разноязыковыми единицами, откуда их различия в ассоциациях, а значит, и на уровне образов. В результате переводный вариант становится уже некоей итоговой образной трансформацией исходного текста. Для проверки нашей гипотезы мы используем подстрочный перевод текста-оригинала стихотворения Г. Гейге «Die Nixen» и на основе сравнительно-сопоставительного анализа выявляем показатель вольности и точности переводного стихотворения, представленного известным переводчиком стихотворений Г. Гейне В. Левиком.

Объектом нашего исследования являются оригинальный текст стихотворения Г. Гейне «Die Nixen» в сравнении с известным переводом. *Предметом* исследования выступают лексические средства, участвующие в создании образа.

Целью работы стало выявление общего и различного в языковом решении образа в преломлении к картинам мира немецкого поэта и русскоязычного переводчика.

Известно, что при сопоставлении единиц языка в речи может осуществляться перекодирование, которое устанавливается при переводе текстов с одного языка на другой, поскольку в литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, в которую автор привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные включения. Анализ литературы в области теории и практики перевода показал, что вопросы стихотворного перевода представляют собой мак-

симальную сложность, так как поэтическое произведение в большей степени зависит от языка, нежели проза, к тому же в силу специфики жанра необходимо передать в переводе не только содержание, но и ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника.

Более того, как отмечает В. Я. Задорнова, «поэты, переводчики, ученые в разные времена и в разных странах считали, что перевод поэзии невозможен», однако поэтические переводы, по словам того же автора «продолжали появляться» [9, с. 20]. В конечном счете, как утверждает И. Ю. Попова, практика перевода доказывает возможность перевода «непереводимого» [7, с. 48]. «Говорить о "непереводимости" поэзии, – пишет Л. С. Бархударов, – можно только имея в виду невозможность (или ненужность) передачи средствами иного языка в рамках данного текста тех или иных отдельных элементов данного текста. Однако в любом тексте, в том числе и в поэтическом, элементы подчинены целому и невозможность найти иноязычный эквивалент какому-либо из элементов исходного текста не означает невозможности воссоздания всего текста как определенного структурно-семантического единства средствами другого языка» [8, с. 41].

Следовательно, создание эквивалентного оригиналу поэтического текста возможно. Однако принцип поэтического перевода должен быть основан на функциональном подходе к оценке как перевода в целом, так и отдельных его аспектов; и теория перевода вбирает именно эту концепцию и исходит из нее при решении конкретных переводческих проблем.

В нашей работе мы делаем упор на особенностях «перевода» образной системы посредством лексического наполнения поэтических текстов, поэтому анализу подвергаются метафорические наименования, художественные символы, в целом – образная лексика.

Следует заметить, что мотив русалок – один из постоянных мотивов народных песен, и в этом смысле его можно считать культурной универсалией. Г. Гейне использовал сюжет датской народной песни, переведенной на немецкий язык И.Г. Гердером и представленной в сборнике «Volklieder». Стихотворение Г. Гейне «Die Nixen» входит в цикл его произведений под названием Romanzen.

В целом концепт «Русалка» характерен и для славянских, и для германских концептосфер. В толковом словаре С. И. Ожегова слово *русалка* имеет следующее определение: «В славянской мифологии, а также в народных поверьях, сказках: существо в образе обнаженной женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом, живущее в воде // уменьш.-ласк. *русалочка*» [10, с. 688]. Однако обращение к восточнославянским народно-поэтическим источникам выявляет иные составляющие образа, в частности они прослеживаются в так называемых «мифах» о русалках, представленных в известном труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В главе «Облачные жены и девы» автор указывает на происхождение и последующую трансформацию водяных дев: обитая в дождевых тучах и в других водных источниках, облачные нимфы позже стали называться водяными или морскими девами. Так явились в Греции наяды, nereиды, в Германии никсы, у нас и чехов русалки [11, с. 979].

Тем не менее, при сравнении образа русалки в картинах мира разных народов выявляются как универсальные (прежде всего, мифоконцепт «Русалка» репрезентируется дескриптивным фреймом «молодая девушка» и акциональным «живет в воде»), так и дифференцирующие признаки, характеризующие мифологему, отсюда и разница в осмыслении образа и имени персонажа. По мнению ряда исследователей, родственные с этим именем слова предполагают в них общий древний корень, который служил для обозначения воды. «В санскрите *rasa* – жидкость, влага, вода, кельт. *rus, ros* – озеро, пруд, лат. *ros=rosa* (*орошать, росинец* – дождь); <...> нем. *ries-eln* – струиться, журчать, наше русло – середина речного русла» [11, с. 979]. «Как владельницы источников живой воды, все вызывающей к бытию, всему дарующей красоте,

молодость и силы, русалки вечно юны и так же прелестны собой, как эльфы, с которыми у них много общего, близкого, родственного, ибо в сказаниях о тех и других лежат одни мифические основы. Лицо русалки исполнено несказанной, пленительной красоты, всегда распущенные русые, черные или зеленые косы ниспадают по спине и плечам ниже колен, стан – стройный, глаза – голубые или черные, с длинными пушистыми ресницами; но вместе с этим, как в существе стихийном, во всем ее теле замечается что-то воздушно-прозрачное, бескровное, бледное... С человеческими формами русалок соединяются и те особенные признаки, какие присвоены водным нимфам у всех индоевропейских народов; так, в некоторых уездах рассказывают об их гусиных ногах или вместо ног дают им раздвоенный рыбий хвост, напоминающий греческих сирен. Как те очаровывали пением пловцов и увлекали их в глубину вод, так, по русским поверьям, всякий, кто увидит русалку и услышит манящие звуки ее голоса, поддается неодолимому обаянию ее красоты, кидается в волны и тонет – при злобном хохоте водяных дев» [11, с. 981].

Что касается восточнославянской русалки, то здесь важно учитывать и метафоризацию образа, поскольку известно, что метафоры зачастую являются трансформированным продолжением древних мифологизаций. Так, в русском языке метафора *русалка* употребляется по отношению к молодым, красивым, стройным девушкам (= невестам) с длинными распущенными волосами. В то же время отношение к пространству является важнейшим условием идентификации разных элементов повествования в персонаж как единую парадигму (ср.: *русалка – берегиня, нимфа, вила*). Персонажи, пространство которых совпадает в пределах определенных уровней, выступают как *варианты* инвариантного на более высоком уровне персонажа [12, с. 468]. Думается, из данных суждений правомерно сделать вывод о том, что персонажные варианты являются респондентами одной инвариантной мифологизированной сущности, что имеет принципиальное значение не только для реконструкции праформы и исходной семантики мифологических имен, но и для поэтического прочтения образа. Согласно данным РДС [13, с. 88 – 94, с. 479 – 490], в сказочном и песенно-эпическом фольклоре восточных славян *русалки (водяные девы)* – олицетворения рек, жены, дочери или наложницы водяного царя (что согласуется с ритуалом жертвования девушки водяному божееству). Образ русалки включает, помимо прочего, такую характеристику, как «воздушно-прозрачная, бескровная, бледная» (> «мертвая»), ср. дублетное название русалки *облачная дева* и типологически сходный польский мифологический персонаж – *богинка*, появляющийся в виде *пара* над водой и исчезающий с окончанием грозы, с появлением солнца. То есть основу мифоконцепта «Русалка» составляют компоненты «бледная, светлая» [14, с. 465], «неясная», «легкая», «неживая» (ср.: *бледный как смерть*). Все перечисленные фольклорные особенности образа находят отражение в русской поэтической традиции. Так, в стихотворении А. С. Пушкина «Русалка» читаем:

*И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.
Глядит на старого Монаха
И чешет влажные власы.<...>
Глядит, кивает головою,
Целует из дали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет Монаха, нежно стонет...
«Монах, Монах! Ко мне, ко мне!...»
И вдруг в волнах прозрачных тонет...*

Схожий образ присутствует в одноименном стихотворении Л. Мея:

*Плещутся русалки, мчатся вперегонку,
Да одна отстала, отплыла в сторонку...
К берегу доплыла, на берег выходит,
Бледными руками ивняки разводит...*

Таким образом, русская поэтическая традиция транслирует образ восточнославянской русалки как водяной девы (не женщины-рыбы), утопленницы, живущей в воде, способной выходить на берег и вступать в коммуникацию с живыми людьми. То есть это сугубо антропоморфный мифологический персонаж.

И в этом ключе не возникает культурных противоречий между восточнославянским образом русалки и поэтическим концептом «Nixe», присутствующим в стихотворении Г. Гейне. В картине мира немецкого народа Nixe – это антропоморфный образ водяного духа, женский мифологический персонаж (аналог греческой нимфы). Никсы могут принимать и облик обычной девушки. У них бледная или зеленоватая кожа и зеленые (или с зеленым отливом) волосы. В некоторых местностях никсы считаются вполне безобидными и даже дружелюбными. Однако известно и множество преданий о том, как они заманивают и топят людей, похищают детей и соблазняют мужчин. Таким образом, в отношении ключевого концепта этнокультурные расхождения отсутствуют.

Однако далее в тексте проявляются отличия оригинала от его *переводческой интерпретации*, обусловленные мастерством, этнокультурной спецификой переводчика. Так, в оригинальном тексте две начальные строки переводятся буквально как «*На одиноком берегу плещется прилив, Луна взошла*». В переводе В. Левика акцент сделан на образном выражении: *на берег волна за волною бежит, взошла луна золотая*. Прежде всего, здесь имеется характерный и понятный для русского человека зачин, некий элемент сказочности, что поддерживается употреблением эпитета *золотая*.

Когда речь заходит о герое повествования, автор оригинала сообщает, что герой отдыхает и видит сны: «*На белых дюнах рыцарь отдыхал (die Ruhe – спокойствие), смущенный яркими снами*». Иную картину рисует переводчик: «*На белой дюне рыцарь лежит и смотрит в небо, мечтая*». Таким образом, то, что в оригинальном тексте может быть воспринято как сон рыцаря, в переводе обретает признаки фантастического рассказа. При этом при передаче поэтических образов используются переводческие замены и «расширения» в виде эпитетов, сравнений, метафор и т. п. В частности, во второй строфе буквальный перевод содержит следующую информацию: «*Красивые русалки в платьях из вуали Выходят из морской глубины. Они подошли тихо к юному фату, Они подумали, действительно, он уснул*». Литературный перевод выглядит так:

*Всплывают русалки из глубы морской,
Глядят на гостя тревожно
И видят – уснул, и одна за другой
Подходят к нему осторожно.*

При кажущемся сходстве, здесь имеются различия в культурной коннотации текстообразующих элементов. Так, определение «глубь морская» соотносится с русской фольклорной картиной мира, с жанром сказки прежде всего, в то время как в оригинальном тексте присутствует лексика иной культурной маркированности. В частности, Г. Гейне дает следующее оценочное определение рыцарю: *фат (хлыщ)*. В русском языке слово *фат* означает – (устар.) ‘пустой щеголь, франт’ [10: 849], и В. Левик уходит от этого именованья, называя героя «гостем», то есть «снимаемая» авторскую оценку.

В тексте-оригинале русалки *тихо подходят* к герою, в переводном тексте вновь обнаруживаются отличия: *они подходят к нему осторожно и глядят на гостя тре-*

можно. То есть характер повествования является здесь более напряженным. Переводчик усиливает таинственность и тревожность общей атмосферы: (*ходит*) в смятение и вздыхая (*говорит*).

По мере развития сюжета различия нарастают. Буквальный перевод гласит: «Четвертая танцует рядом с ним (рыцарем) и шепчет из глубины нрава: «о, я **стану твоей возлюбленной, ты, милый человеческий цветок**»», в переводном тексте герой получает другое предложение от русалки:

*Четвертая ходит в смятение кругом
И говорит, вздыхая:
«Возьми женой меня в свой дом,
Цветок нездешнего края!»*

Таким образом, здесь имеется несоответствие: *возлюбленная – жена*. В словаре Ожегова находим: *жена* – 1. женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке (к своему мужу). *Брать в жены* (жениться; устар.). 2. То же, что женщина (в 1 знач.) (устар.высок.) [10, с. 192]. В то же время «быть чьим-н. возлюбленным» значит: «*возлюбленный, -ая, -ое*. 1. горячо любимый (устар.). В. сын. 2. Любимый человек, любовник. // ж. *возлюбленная* [10, с. 92].

Степень достижения интерпретатором лексико-семантической эквивалентности также различна. Сравним сочетания «*милый человеческий цветок*» (Г. Гейне), где содержится отвлеченное указание русалками на родовую принадлежность лирического героя (он – человек), и «*цветок нездешнего края*» (В. Левик). Такой перевод допускает разночтения: под «*цветком нездешнего края*» можно подразумевать и чужеземца. Таким образом, если автор текста-оригинала дает точное указание на принадлежность лирического героя к людскому роду и противопоставляет его фантастическим существам, то перевод В. Левика лишен однозначности. Здесь на лексико-семантическом уровне ярко проявилось индивидуальное видение и понимание поэтического образа переводчиком-интерпретатором, благодаря включению образных эпитетов и сравнений, отсутствующих в стихотворении Г. Гейне.

Выводы. В целом, исследуемый поэтический текст отличается от оригинала эмоциональностью, проявляемой на семантическом уровне. Речь идет о выражении тревоги (*глядят тревожно, вся трепещет, коснулась робко, ходит в смятение*), переживания (*и молит, и шепчет, в страстной тоске целует*) и прочих чувств, передаваемых нередко эмфатическими высказываниями. Этот факт можно трактовать как свойство русского менталитета. В этом ключе эквивалентными переводу В. Левика на семантическом уровне оказываются и поэтические переводы С. Маршака и других русских переводчиков немецкого поэта.

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что индивидуально-авторская картина мира получила в переводном тексте отраженный характер, она в большей степени субъективна и несет на себе черты языковой – этнокультурной – личности ее создателя, а потому продуктивным способом ее описания является концептуальный анализ трансформаций, которые возникают (одновременно и подсознательно, и сознательно) при переводе текста с одного языка на другой.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
2. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. – 208 с.
3. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
4. Федоров А. В. О художественном переводе. – Л.: ОГИЗ гос. изд-во художественной литературы, 1991. – 257 с.
5. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114 – 137.

6. Алякринский О. А. Поэтический текст и поэтический смысл. // Тетради переводчика. – М.: Высшая Школа, 1982. – Вып. 19. – С. 20 – 32.
7. Попова И. Ю. «Свинцовое эхо» Дж. М. Хопкинса. К проблеме перевода «сложной» поэзии // Тетради переводчика. – М.: Высшая школа, 1984. – Вып. 21. – С. 48 – 56.
8. Бархударов Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык. // Тетради переводчика. – М.: Высшая Школа, 1984. – Вып. 21. – С. 38 – 48.
9. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. – М.: Высшая Школа, 1994. – 152 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
13. РДС – Русский демонологический словарь. – СПб: Пб. писатель, 1995. – 640 с.
14. Левкиевская Е. Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. – М.: Индрик, 2001. – С. 432-476.

Источники

1. Гейне Г. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. – М.: Худ. литература, 1980. – 518 с. – С. 284.
2. Heine H. Das Glück auf Erden/ Ausgewählte Gedichte. – Moskau: Verlag Progress, 1980. – 634 s. – S. 187.

TRANSFORMATION OF IMAGES IN TRANSLATION PROCESS (ON THE CASE OF TRANSLATION OF THE POEM OF G.GEJNE «DIE NIXEN»)

N. A. Borchenko
S. A. Kosharnaya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
kosharnaja@bsu.edu.ru*

The article examines the theoretical aspects of literary translation of the poetic text and identifies the main reasons for the transformation of the image system of the text of the original in his translation. In this case, a hypothesis that the transformation of the shaped paintings of the original is at the stage of a pony that is determined by the semantic differences of words, grammatical differences in values, as well as the incongruence of cultural background, which is behind *raznoyazykovymi* units. As illustrative material used in the original text and translation of a poem by H. Heine «Mermaid».

Key words: individual and original paintings of the world, image, concept, translation interpretation.

УДК 811.161.1

ДИКТУМНО-МОДУСНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ²

Е. И. Дубовик
И. А. Нагорный

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
duboviko5@yandex.ru
nagorny@bsu.edu.ru*

В статье анализируется диктумно-модусная организация предложений с модальным значением целесообразности в современном русском языке. Представлен пропозитивный анализ семантической структуры данных предложений, а также их специфическая предикатная организация, включающая оригинальный набор предикатов, применяемых говорящим для выражения модального значения целесообразности в языковой и речевой сферах.

Ключевые слова: целесообразность, диктум, модус, пропозиция, предикат, предложение, синтаксис.

Начиная с 1970-х гг. XX-го в., смысловая сторона предложения привлекала внимание лингвистов. Интерес к семантике центральной коммуникативной единицы обусловлен тем, что именно в предложении заключается объект, раскрытием природы которого заняты в настоящее время многие науки, связанные с изучением коммуникационных процессов. Данным объектом является мысль, содержащаяся в предложении и обычно рассматриваемая как его смысл [1, с. 3]. В отличие от других наук, языковую семантику интересует главным образом способ организации предложенческого смысла и процесс его созидания в языковой сфере. Установлено, что смысл предложения имеет сложную организацию [1; 2; 3; 4], а для обозначения его используются такие термины, как «семантическая структура», «внутренняя структура», «глубинная структура» [1, с. 3].

Семантическая структура предложения понимается в лингвистике по-разному. В узком понимании это абстрактное языковое значение предложения, то есть семантика типизированных схем [4; 5], пропозиция и модальная рамка [6], субъектно-предикатная структура [7; 8]. При этом из семантики предложения исключаются те или иные значения, например, общеграмматические (предикативность) либо конкретно информативные (содержание предложения). Более продуктивным является широкое понимание семантической структуры предложения, берущее свое начало из работ Ш. Балли и получившее дальнейшее развитие в работах многих лингвистов [9; 10]. Данный подход позволил объединить два глобальных уровня смысла, присущих каждому предложению в языке: объективный, являющийся отражением внеязыковой действительности, и субъективный, являющийся рефлексией отношения мыслящего субъекта к данной действительности.

Логически обусловленным представляется подход, согласно которому в понятие «семантическая структура предложения» включаются такие компоненты, как «диктум» и «модус», представляющие собой обозначение объективного и субъективного слоев смысла предложения [2; 10; 11; 12]. Преимущество такого подхода позволяет наиболее адекватно описать семантическую структуру предложения, в частности являющихся предметом нашего рассмотрения предложений с модальным значением целесообразности.

Заметим, что комплексное функциональное описание семантической организации предложений с модальным значением целесообразности в современном русском

² Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

языке, исследование диктумно-модусного аспекта целесообразности ранее не проводилось, что оправдывает, на наш взгляд, выбор темы и актуальность данной статьи.

Диктум как объективная часть смысла предложения противопоставлен модусу как субъективной части предложенческого смысла. Диктум охватывает объективное содержание предложения, в то время как модус сфокусирован на выражении собственно субъективных смыслов [13, с. 292 – 295]. Модус, таким образом, – это одна из двух смысловых составляющих в семантической структуре предложения. Модус является компонентом, отражающим коммуникативные намерения говорящего, выражающим различные сферы отношения мыслящего субъекта к объективной действительности [11, с. 43 – 48].

Диктум и модус противопоставлены в семантической структуре предложения друг другу, но в то же время оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Противопоставленность их обусловлена противоположностью внешнего мира и человека, субъекта речи, а взаимосвязь – тем, что субъективная часть смысла всегда базируется на объективной его части, поэтому возможны ситуации, когда модус сам становится диктумом для другого модуса в предложении. В этом случае диктумная часть смысла предложения при помощи модального квалификатора притягивается к модусу, в результате чего границы объективного и субъективного начал в семантической структуре предложения сливаются. Данный процесс оказывается показательным для предложений с модальным значением целесообразности.

Под целесообразностью понимаются мотивы действий или сами действия, которые можно рассматривать с точки зрения логичности, практичности, полезности, выгоды говорящему (прагматическая оценка). Субъект, имея определённую цель, должен руководствоваться соображениями разумности, практичности и полезности для достижения прагматически выгодного ему результата. Например, в предложениях типа *У Андрея был и ещё один возможный вариант, но его надо было обдумывать днём, на свежую голову* (И. Грекова) диктумная часть предложенческого смысла при помощи модального квалификатора (предиката *обдумывать*, который используется субъектом, акцентирующим свое внимание на объекте мысли, размышления) приближается к модусу, в результате чего объективный и субъективный компоненты смысловой структуры предложения фактически сливаются. Из данного примера видно, что субъект думает основательно, тщательно, рассматривая и оценивая ситуацию всесторонне, что и является для субъекта целесообразным при принятии какого-либо решения.

Диктум предложения продуктивно описывать через понятие пропозиции. Данное понятие также применимо к предложениям с модальным значением целесообразности, поскольку целесообразность способна реализоваться в событийной и логической пропозиции предложения.

По определению Т. В. Шмелевой, «событийные пропозиции «портретируют» действительность – происходящие события с их участниками» [10]. В число событийных пропозиций предложений с модальным значением целесообразности входят пропозиции существования (бытийные), состояния, движения, восприятия и действия. Данные пропозиции характерны для основных сфер, в которых протекает жизнь человека – физической, психической, интеллектуальной и социальной [10, с. 12]. Например: *И все, кроме неподвижного прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который махнул рукою арестованному, показывая, что тот должен **следовать** за ним* (М. Булгаков) (целесообразность физического действия); *Я вижу в этих волнениях руку Промысла, который, кажется, задаёт человеку нескончаемую задачу – **стремиться** вперед, достигать свыше предназначенной цели, при ежесекундной борьбе с обманчивыми надеждами, с мучительными преградами* (И. Гончаров) (целесообразность психического и интеллектуального действия); *Она очень любила мыслить и **добиваться** истины, но была до того не педант, до того с ребяческими, детскими выходками, что вы с первого взгляда начинали любить в ней все ее*

оригинальности и мириться с ними (Ф. Достоевский) (целесообразность социального действия).

Логические пропозиции в предложениях с модальным значением целесообразности представляют собой результаты умственных операций [10, с. 12] и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях. Среди логических пропозиций в предложениях с модальным значением целесообразности выделяются основные пропозиции характеристики, идентификации, а также релятивные пропозиции: *Ничего не поделаешь, теперь приходилось **думать** прежде всего об этом* (В. Распутин); – *Это уже слишком!* – воскликнул Волынцев и затрясся от гнева, – *я нисколько не напрашивался на ваше доверие, а потому **рассчитывать** на мою скромность вы не имеете никакого права!* (И. Тургенев).

Модальное значение целесообразности способно реализоваться в предложении в событийных и логических пропозициях при помощи соответствующих предикатов. К последним могут быть отнесены:

1. Ментальные предикаты, то есть предикаты, мышления, знания, понимания, принятия решения: *обдумывать, продумывать, рассчитывать, мыслить, анализировать* и др. Данные предикаты формируют логические пропозиции как результаты умственных операций субъекта. К данной группе относятся предикаты рационального мышления, с помощью которых субъект акцентирует внимание на каком-либо акте или процессе со значением «быть занятым какими-либо мыслями» [14, с. 4], например: *Мне вообще везло на учителей. Ляпунов научил меня **мыслить** математически. Последнее время я об этом размышлял, потому что мне надо определить стратегию моих работ* (Д. Гранин). В данном контексте предикат *мыслить* формирует логическую пропозицию анкетной характеристики, так как в предложении наличествует сообщение анкетных данных – фамилия *Ляпунов*. Субъект акцентирует внимание на процессах мыслительной деятельности, правильно понимает и оценивает окружающее. Модальное значение целесообразности здесь проявляется как способность субъекта к рациональному осмыслению окружающей действительности.

В некоторых ситуациях субъект размышляет, взвешивая и оценивая действия для достижения определенной цели. В этом случае в предложении применяются предикаты *анализировать, рассматривать, подвергать (анализу)*: *Бухгалтерам это даёт возможность одновременно получать доступ к нескольким вариантам бюджета, **анализировать** и сравнивать данные* («Бухгалтерский учет»). В данном предложении логическая пропозиция таксономической характеристики представлена предикатом *анализировать* и предполагает указание на то, к какой профессиональной группе относится субъект (группа *бухгалтеров*). Субъект удерживает цель, строит план исполнения действия, контролирует выполнение плана, фиксирует ошибки и подвергает анализу выполненные действия. В процессе выполнения действий субъектом анализируется ситуация, оценивается и выбирается один из возможных вариантов действия, что и является для субъекта целесообразным.

2. Предикаты движения, то есть предикаты, обозначающие целенаправленное движение: *направиться, отправиться, следовать* и т.п. Данные предикаты обозначают целенаправленное перемещение в пространстве и формируют в предложении событийную пропозицию движения: – *Вам ведь под Калугу надлежит **следовать**, – горестно произнес военпред. – Здесь и представитель артиллерийской бригады – на приемку приехал, сопроводить вас вознамерился... Товарищ майор! – кликнул заводской чин* (В. Астафьев); *Решили немедленно **отправиться** в путь. Чтобы избежать встречи с судами белых и сократить путь, поплыли протокой Шанталой – она выходила в Каму против Рыбной Слободы (в тот год по Шантале еще плавали; сейчас она обмелела и местами пересохла)* (М. Бубеннов).

3. Предикаты речи, то есть предикаты сообщения, обещания, объяснения, аргументирования: *сообщать, консультировать, информировать, передавать* и др. Такого рода предикаты формируют в предложении событийную пропозицию слухово-

го восприятия интеллектуальной и социальной сферы: *Положение о банковской тайне не позволяет **передавать сведения** о клиентах в другие инстанции без разрешения на то самого заёмщика («Чужие деньги»)*. В данном предложении предикат речи *передавать* формирует событийную пропозицию слухового восприятия, а языковое сочетание *сведения о клиентах* указывают на социальную сферу жизни людей.

Для выражения модального значения целесообразности в русском языке активно используются также предикаты совета со значением «сообщить о своем мнении с целью помочь кому-либо или побудить кого-либо к какому-либо действию» [14, с. 32]: *советовать, консультировать, рекомендовать, наставлять*. Например: *Отец и теперь **советуется** со мной, куда выгоднее вкладывать деньги* (В. Кожевников). Субъект может или желает давать полезные или квалифицированные советы, стараясь помочь кому-либо в чем-либо: *Заклучив договор на абонентское обслуживание с нами, Вас будут **консультировать** юристы арбитражного, корпоративного отделов, отдела правового и налогового консалтинга («Бухгалтерский учет»)*. В данном предложении предикат речи *консультировать* формирует событийную пропозицию слухового восприятия.

Даваемые автором высказывания разумные советы включаются в сферу целесообразности, так как могут помочь адресату найти какое-либо правильное решение. Последнее служит указанием на интеллектуальную сферу разворачиваемой в предложении событийной пропозиции. Для выражения целесообразности в этом случае применяются предикаты *вразумлять, подавать идею (мысль): Задумается-задумается, потом спохватится – и опять **вразумлять** людей, опять раскрывать им глаза на новое, небывалое* (В. Шукшин).

Предикаты объяснения *инструктировать, делать (ясным), вносить (ясность)* и им подобные в определенном контексте способны актуализировать модальное значение целесообразности: *Вскоре группы летчиков-испытателей стали **инструктировать** летные части по всем фронтам Отечественной войны* (С. Вишенков). В данном предложении субъект, стараясь сделать сообщение ясным и понятным для слушателей, инструктирует последних с целью добиться адекватного понимания.

Значение целесообразности может быть актуализировано в предложении посредством аргументационных предикатов, таких как *аргументировать, обосновывать, доказывать, мотивировать, подкреплять (доказательствами): Это легко **доказывается** тем, что одно из наказаний для строптивых монахов заключалось как раз в том, что их переводили на сухой хлеб и воду*. В данном случае субъект общается в определенной логической последовательности доводы или факты, подтверждающие ситуацию жизни монахов.

4. Предикаты волевых усилий и переживаний *стремиться, добиваться, (упорно) стоять, держаться* и им подобные формируют в предложении событийную пропозицию действия, проявляющуюся в интеллектуальной и социальной сферах: *А вообще-то надо мне подальше от неё **держаться**. Надо остороженько поговорить с ней, чтобы не обиделась, и – подальше», – с невольным вздохом решил Давыдов* (М. Шолохов); *После многих таких разговоров мальчик стал реже, не так **упорно смотреть** вдаль вопрошающим взглядом черных глаз...* (М. Горький).

При помощи предикатов целепостижения автором сообщения делается акцент на проявлении целенаправленных волевых усилий, на волевой устремленности со значением «делать в соответствии со своими желаниями все необходимое для достижения поставленной цели» [15, с. 52]. Значение целесообразности актуализируется в данном случае в предложении посредством предикатов со значением стремления субъекта к достижению цели: *стремиться (к власти, к миру, к счастью, к добру и т. д.)*. Например, в предложении *Чтобы сознательно **стремиться** к добру, надо понимать, в чем оно, и сознательно **представлять** его требования; другими словами, нравственная деятельность предполагает прежде всего нормальные отправления мысли* (Л. Андреев) предикат волевых усилий *стремиться* формирует со-

бытийную пропозицию действия, где событие имеет внешний характер проявления. Сочетание *сознательно стремиться* оформляет отнесенность действия к интеллектуальной сфере.

Значение целесообразности выражается и посредством предиката *добиваться* (*славы, успехов, признания; упорно, настойчиво*): *Такая энерговооруженность, интеллектовооруженность помогает американцам добиваться успехов* («Левбедь»). В такого рода контекстах субъект делает акцент на параметре волевой устремленности.

Для выражения целесообразности продуктивно используются также предикаты противостояния со значением «противостоять кому, чему-либо, чтобы защитить кого, что-либо» [15, с. 57], такие как *защитить* (*дом, права, честь, достоинство*), *упорствовать* (*в правоте*), *(стойко) держаться, сопротивляться, сражаться, (упорно) стоять (на своем)*. Например: *Но артиллерийский комитет продолжал стойко держаться прежней позиции, считая, что ракеты против летательных аппаратов малоэффективны* (И. Ефремов); *Германия готова только упорно стоять на своем – что, в принципе, тоже заслуживает уважения* (Ю. Никулин); *Нужна уверенность в способности настойчиво добиваться поставленных целей, хорошая тактика и стратегия для преодоления трудностей* («Дипломатический Вестник»). В данных предложениях предикаты *держаться, стоять, добиваться* формируют бытийную пропозицию действия. Структурный комплекс «наречие + инфинитив» (*стойко держаться, упорно стоять, настойчиво добиваться*) со значением противостояния актуализирует целесообразность достижения субъектом определенной цели.

Таким образом, очевидно, что предикаты выделенных групп способны продуктивно реализовать модальное значение целесообразности на диктумно-пропозитивном уровне предложения.

Наряду с диктумным уровнем смысла в предложении наличествует смысловой модусный уровень. При описании модусного слоя смысла в предложениях с модальным значением целесообразности необходимо учитывать ряд обязательных понятийных компонентов [2; 3; 10], к которым относятся следующие: сознательный субъект (именно субъект является модусно-организующим центром любой прагматической ситуации общения, в том числе ситуации целесообразности); адресат (лицо, к которому обращено речевое высказывание в целом и с которым должно согласовываться коммуникативное намерение автора речи как целесообразное); объект применения целесообразной квалификации; мотивация целесообразности (основополагающий фактор – целеполагание, прагматичность, то есть внутреннее состояние субъекта, сориентированное на обоснование замысла цели, достижение цели, осознание параметра выгоды); собственно цель как желаемый или представляемый результат целесообразной деятельности или события; отношение цели к какой-либо сфере – прагматической, этической, рациональной, эмоциональной.

В предложениях с модальным значением целесообразности представленными оказываются вышеназванные ситуативные компоненты. Например, в предложении *Однако, если рассмотреть поведение Украины более глубоко, за этим можно увидеть хорошую черту украинца – делать все **рассудительно** и основательно* («Эксперт») проявляются следующие ситуативные компоненты: сознательный субъект, являющийся модусно-организующим центром рациональной ситуации, стремящийся выразить свою позицию; адресат (*украинец*) – конкретное лицо, являющееся объектом квалификации; объект – событие реальной действительности. Выполнение предполагаемых действий в данном предложении имеет рациональную смысловую составляющую. Собственно же цель выражена в предложении как представляемый результат деятельности адресата (*делать все рассудительно и основательно*).

В целом коммуникативно-прагматическая ситуация, разворачиваемая в предложении с модальным значением целесообразности, может быть охарактеризована

как диктумно-модусная. Диктумный и модусный компоненты смысла взаимодействуют здесь настолько тесно, что информация о совершении некоего события в действительности обязательно сопровождается модусной квалификацией этого события говорящим.

Конкретные диктумно-модусные отношения на уровне предложения выявляются посредством анализа семантической структуры данного предложения. Рассмотрим этот момент более детально.

Например, в предложении **Обменять квартиру выгодно** – *этот процесс один из самых сложных операций на рынке недвижимости* («Недвижимость») на уровне диктума представлена событийная пропозиция действия социально-экономической сферы жизни человека, которая зафиксирована предикатом действия *обменять*. Данный предикат употребляется в значении «отдать своё и получить вместо него другое, обычно равноценное». Указанный предикат в сочетании с наречием *выгодно* актуализирует смысловую прагматическую сферу. Пропозиция представлена в предложении как факт реальной действительности. В содержательном модусном аспекте данное значение базируется на субъективной квалификации события говорящим, который преследует выгоду для себя, основанную на собственном мнении и знаниях. Сознательный субъект, являющийся модусно-организующим центром прагматической ситуации целесообразности, стремится выразить свою позицию. Адресат же формально не представлен. Объектом целесообразной квалификации является событие реальной действительности. В актуализированной ситуации так или иначе указывается на «присутствие» авторской точки зрения на событие. Выполнение предполагаемых действий в данном предложении имеет прагматическую значимость. Собственно цель выражена как представляемый результат деятельности. В данном случае, если субъект *обменяет квартиру выгодно*, это ему принесет материальный доход. Субъект считает, что *данный процесс – одна из самых сложных операций на рынке недвижимости*, тем самым констатируя целесообразность своей точки зрения. В диктумную часть предложенческого смысла, таким образом, вливается модусный смысл, становясь неотъемлемой частью общего смысла предложения.

В предложении с модальным значением целесообразности *Было ясно, что Лена на всё это пошла сознательно и держалась очень стойко и хладнокровно* (Ю. Трифонов) на уровне диктума представлена событийная пропозиция состояния интеллектуальной сферы жизни человека, которая зафиксирована предикатом волевых усилий *держалась*. Предикат употребляется в значении «находиться в определенном состоянии, сохраняя его тем или иным образом». Данный предикат в сочетании с наречием *сознательно* актуализирует смысл рациональной сферы. Модусная часть предложенческого смысла отражает волевое состояние субъекта и опирается на семантику предиката. Хотя в конструктивном плане данное предложение – сложное, в семантическом плане в первой его части представлен лишь факт констатации чьей-то точки зрения. В качестве контактного слова здесь используется компонент *ясно*. Как правило, данный компонент выражает твердое, уже сложившееся убеждение субъекта относительно чего-либо. Вторая часть предложения представляет собой собственно информативную, диктумную составляющую сообщения. «Пограничный» союз *что* в семантической структуре данного предложения фиксируется между диктумной и модусной частями смысла, выполняя объединяющую функцию и присоединяя пропозицию, представленную в предложении как факт реальной действительности, к модусной смысловой части.

Таким образом, на примере анализа предложений с модальным значением целесообразности мы предприняли попытку выявления вариантов событийных пропозиций, характерных для предложений сферы целесообразности. Указанные пропозиции типичны для основных сфер, в которых протекает жизнь человека, – физической, интеллектуальной и социальной. Диктумный и модусный компоненты смысла в такого

рода предложениях взаимодействуют очень тесно, взаимопересекаясь и соприкасаясь друг с другом.

Логические пропозиции также способны формировать семантическую структуру предложений с модальным значением целесообразности. Известно, что логические пропозиции представляют собой результат осмысления логических отношений. Ментальные предикаты мышления, знания, понимания, принятия решения способны в современном русском языке репрезентировать модальное значение целесообразности, формируя логические пропозиции. Сознательный субъект в ходе своих рассуждений использует ментальные предикаты с целью привлечения внимания адресата к важной особенности описываемого явления или факта.

В предложении *Россияне намеренно отказались от западных продуктов, потому что не нашли ни одного предприятия, где бы они успешно работали* («Эксперт») на уровне диктума представлена логическая пропозиция таксономической характеристики с указанием на социальный признак людей. Актуализатор мнения *намеренно* в соответствии с поставленной целью выражает значение целесообразности. Сама же цель субъектов увязана со здравым смыслом. Ситуация принятия решения опирается на осмысление субъектами речи перспектив реализации действия и связана с выражением активного поиска, выбором наиболее оптимального варианта поведения из всех возможных. Вообще, принятие решения можно рассматривать и как результат, и как процесс. В описываемой ситуации *Россияне*, отказываясь от западных продуктов, приходят к решению *намеренно*. Субъект аргументирует принятие решения *Россиян*. В диктумную часть, таким образом, вливается модусный смысл, становясь неотъемлемой частью общего смысла предложения.

Подведем некоторые итоги. Представленный пропозитивный анализ предложений с модальным значением целесообразности показывает, что важной особенностью пропозитивной структуры данных предложений является специфическая предикатная организация, включающая оригинальный набор предикатов, предназначенных для актуализации семантики целесообразности. Предикаты со значением целесообразности способны формировать как событийные, так и логические пропозиции в предложениях с рассматриваемым модальным значением. В русском языке в качестве предикатов – актуализаторов модального значения целесообразности – наиболее часто выступают глаголы движения, речемыслительной деятельности, целедостижения. Непременным участником коммуникативно-прагматической ситуации целесообразности, представленной вышеназванными предикатами, является сознательный субъект, с позиции которого и осуществляется квалификация описываемого события. Предложения с модальным значением целесообразности представляет интерес также в аспекте их диктумно-модусной организации. Диктумный слой смысла используется здесь в качестве информативно-содержательной базы, на основе которой и реализуется собственно модальная квалификация события субъектом в плане целесообразности, что делает в результате возможным сближение диктума и модуса на уровне одного предложения. Заявленные проблемы имеют широкие перспективы исследования, в частности при описании типов пропозиций и классификации модусных категорий.

Список литературы

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: ЛГУ, 1977. – 247 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 384 с.
3. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (материалы трансформационной грамматике русского языка). – М.: Наука, 1974. – 291 с.
4. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). // Русский язык грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – 235 с.

5. Белошাপкова В.А. Синтаксис: современный русский язык. – М.: Просвещение, 1981. – 481 с.
6. Храковский В. С. От пропозиции к семантике предложения. Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – 232 с.
7. Гак В. Г. О грамматическом значении и его объяснении // Иностранный язык в школе. – 1974. – №6. – С. 3 – 12.
8. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 200 с.
9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Прогресс, 1998. – 544 с.
10. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. – Красноярск: КГУ, 1988. – 88 с.
11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
12. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1981. – 208 с.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Эдитуриал УРСС, 1974. – 447 с.
14. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка: Предикаты движения. – Уфа: Изд-во Башкирского университета, 2002. – Вып.3. – 88 с.
15. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка: Предикаты свойства поведения и звучания. – Уфа: Изд-во Башкирского университета, 2000. – Вып.2. – 146 с.

DICTUM AND MODUS STRUCTURE THE OF A SENTENCE WITH THE MEANING OF EXPEDIENCY IN MODERN RUSSIAN

H. I. Dubovik
I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
duboviko5@yandex.ru
nagorny@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the analysis of dictum and modus structure of a sentence with the meaning of expediency in modern Russian. We have displayed the propositional analysis of the semantic structure of the given sentences and the specific predicate structure that includes the original set of predicates expressing the meaning of expediency in language and speech.

Key words: dictum, modus, proposition, predicate, sentence, syntax.

УДК 168.552.811.161

БУКВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ АЛФАВИТЕ

А. Э. Колотилова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
awodemasa@yandex.ru*

В статье даётся исторический обзор изменений, которые произошли в русском алфавите с XVII по XX в., рассматриваются последствия реформ алфавита и правописания, обозначаются новые явления и тенденции в развитии русского письма.

Ключевые слова: алфавит, кириллица, буква, графема, русское письмо, реформы правописания.

Графика, и в частности такая важная её часть как алфавит, редко привлекает внимание исследователей. Между тем в этой сфере достаточно много «белых пятен», спорных вопросов и, следовательно, актуальных для исследования проблем. Даже такая стабильная, на первый взгляд, система, как графика (и буквенно-алфавитная часть её), претерпела и претерпевает количественные и качественные изменения.

Предлагаемая статья посвящена анализу процессов и явлений, свидетельствующих об изменениях русского алфавита и – в качестве конкретного проявления этих изменений – осмыслению положения буквы «ё» в русском алфавите. Обращаясь к проблеме, не столь часто становящейся предметом обсуждения лингвистов и даже кажущейся некоторым из них не вполне научной, мы поставили целью доказать, насколько эта проблема серьёзна и важна с точки зрения сохранения языка.

В первую очередь мы хотели обратить внимание на актуальные исследования, связанные с установлением статуса буквы «ё». Если обратиться к историческим фактам, то можно увидеть, что интерес к букве «ё» был всегда высок – ввиду того, что она привлекала к себе внимание своим «беспризорным» положением. Научное обоснование необходимости этой графемы в системе русского языка делалось выдающимися деятелями культуры, крупными лингвистами: Н. М. Карамзиным, К. Д. Ушинским, Д. Н. Ушаковым, Л. В. Щербой, С. И. Ожеговым, А. А. Реформатским, М. В. Пановым и другими учёными. Среди защитников буквы были писатели: Г. Р. Державин, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др. В наше время дело защиты буквы продолжили А. И. Солженицын, В. Г. Распутин, Ю. М. Поляков. Одним из наиболее полных, содержательных изданий, посвящённых «ё», является книга Е. В. Пчелова и В. Т. Чумакова «Два века русской буквы Ё» [1]: здесь, помимо достаточно подробной истории возникновения и утверждения этой буквы русского алфавита, помещён максимально полный словарь слов с буквой «ё», даны списки имён собственных, включающих «ё» и иногда с помощью этого «сигнала» отграничиваемых от других имён. Проблема положения и употребления «ё» постоянно обсуждается в Интернет-сообществе [См.: <http://www.yomaker.narod.ru>].

Обратимся к основным сведениям из истории реформирования русского алфавита. В отличие от западноевропейского русское письмо почти непрерывно развивалось в соответствии с развитием русского языка как системы. При этом до начала XVIII в. развитие русского письма происходило преимущественно стихийно, а с начала XVIII в. – в порядке государственных реформ. Важнейшие из этих реформ осуществлялись в периоды революционной перестройки всего русского общества. Такими важнейшими реформами русского письма были Петровская реформа 1707 – 1710 гг. и советская реформа 1917 – 1918 гг. Кроме того, в промежутке между этими важнейшими реформами – в 1735, 1738 и 1758 гг. – Российская Академия наук провела три другие, менее значительные реформы русского письма, тем не менее оказавших значительное влияние на становление русской графики. Исторические изменения русского письма

лингвист В. А. Истрин разделяет на три категории: изменения алфавитно-буквенного состава; изменения графики письма; изменения орфографии и пунктуации [2]. В данном тексте мы предполагаем сосредоточиться на описании изменений алфавитно-буквенного состава русского письма и в особенности – на истории и современном статусе буквы «ё».

К началу XVIII в., ко времени петровских реформ, в русском алфавите оказалось девять якобы «ненужных для передачи славянской речи» букв [2, с. 160]: «омега», «фита», «кси», «пси», «ижица», одно из двух кириллических «и» («и» и «иже»), одно из двух «з» («зело» и «земля»), «ять» и «юс малый», иногда применявшийся вместо «я» (остальные три «юса», как известно, перестали применяться в русском письме ещё раньше).

Пётр I провёл реформу русской графики, сыгравшую важную роль в демократизации русского письма, в приближении его к письменной речи. При изготовлении в 1707 – 1708 г. первого комплекта разработанного по его указанию нового русского т. н. «гражданского» шрифта он исключил из русского алфавита восемь из девяти вышеназванных букв: «омега», «кси», «пси», «ижица», «юс», а также «землю» (оставив «зело»), «иже» (оставив «и») и «ферт» (оставив «фиту»). (Отметим, что впоследствии часть этих букв было восстановлена). Также было отменено написание под титулом и использование букв в числовом значении. В результате этого с 1711 по 1735 г. русские гражданские книги набирались различно – то одним, то другим составом азбуки.

Несмотря на некоторую непродуманность и незавершённость Петровской реформы, она имела в истории русского письма большое значение и повлекла за собой ряд последующих реформ, осуществлённых Российской Академией наук. Так, в 1735 г. Академией наук, кроме исключённых Петром «юсов», «пси» и «омеги», были дополнительно упразднены буквы «кси», «ижица», «зело». В 1738 г. Академией наук было унифицировано написание «и-десятеричного» (і) и упорядочено применение этой буквы перед гласными звуками, перед «й» и в слове «мір» в значении «Вселенная». Наконец реформой Академии наук 1758 г. была восстановлена «ижица», в принципе уже почти не применяемая в естественной практике письма.

К 1917 г., ко времени Октябрьской революции, из букв начального русского алфавита всё ещё оставалось четыре буквы: «и-десятеричное», «фита», «ижица» и «ять», которая, как известно из художественной литературы, особенно осложняла обучение грамоте. Эти буквы были упразднены советской реформой 1917 – 1918 гг.

Другой ряд реформ коснулся группы букв, звуки которых изменилась в процессе истории. Наиболее важны изменения в значении и применении букв «ер» (ѣ) и «ерь» (ѣ). Эти буквы ещё в XIII в. утратили своё звуковое значение и стали применяться главным образом для обозначения твёрдости (ѣ) или мягкости (ѣ) предыдущей согласной, а также для указания на йотацию последующей гласной. В конце слова применение буквы «ер» было излишним, так как на твёрдость конечной согласной в достаточной мере указывало отсутствие буквы «ерь». Однако вплоть до 1917 – 1918 гг. букву «ер» в конце слов продолжали ставить.

Реформа 1917 – 1918 гг., в особенности исключение «ять» и «ер» в конце слов, вызвало ожесточённое сопротивление со стороны старой русской интеллигенции. Во-первых, книги и газеты, напечатанные без «ять» и «ер», вызывали неприятие уже потому, что новая орфография была введена сразу же после революции и ассоциировалась с новым режимом; во-вторых, новая орфография образованным людям казалась грубым нарушением традиционных законов грамотности. Поэтому ещё сохранявшиеся тогда частные издательства и типографии упорно продолжали печатать свои издания в соответствии со старой орфографией. Представителям новой власти, чтобы преодолеть это сопротивление, приходилось даже «насильственно изымать» из ряда типографий все наборные литеры с «ять» и «ер». Это привело к тому, что в течение нескольких лет после революции внутри слов вместо буквы «ер» применялся апостроф (отсюда и сегодняшние написания типа «б'ют»).

Многие, по тогдашней терминологии, «враги советской власти» не признавали новой орфографии вплоть до настоящего времени. Так, почти все издания, выпускавшиеся русскими эмигрантами за рубежом, печатались по прежней орфографии. Попытки возрождения старой орфографии предпринимались также и на оккупированных территориях. С «отвращением», по его собственному определению, всегда писал о новой орфографии А. И. Солженицын, при малейшей возможности в целях уточнения смысла того или иного слова, в стилизаторских целях используя старую орфографию.

Среди противников реформы были многие известные люди: Иван Бунин, Марина Цветаева, Иван Ильин, Александр Блок, Михаил Пришвин, Вячеслав Иванов, Марк Алданов, Иван Шмелёв, будущий академик Дмитрий Лихачёв и многие другие. Например, Марина Цветаева до конца жизни не могла смириться с реформой письма, с трудом выносила печатание своих стихов в новом орфографическом «формате». Собственно, почти все представители первой волны русской эмиграции сохранили верность прежнему правописанию. Некоторые издательства русского зарубежья и по сей день пользуются исключительно старой орфографией. «Кажущиеся упрощения, касающиеся отмены реформой букв ъ (ять), Ѡ (фита), і (и-десятеричное) и ѣ (ер), а также изменения, касающиеся прилагательных, причастий и местоимений, больно ударили по тонкому, органичному, создаваемому веками организму русской грамматики» – утверждал В. Невярович в статье «Трагедия русского правописания» [3, с. 21].

С введением нового правописания превращаются в бессмыслицу выражения, поговорки, пословицы, крылатые фразы. Даже всем известные лозунг «*Міру – мир!*» и поговорка «*Одним мвром мазаны*» в своём современном написании стали выглядеть полным абсурдом, однако, по мнению В. Невяровича, «это нисколько не смущает ревнителей новой культуры, ратующих за то, чтобы сбросить с пьедестала истории даже Пушкина и прочих отживших писак...» [3, с. 22]. Из-за отмены букв искажается смысл многих слов, пословиц, поговорок. Русская классика здесь особенно пострадала. Бессмысленными стали все стихотворения, поднимающие «вечные вопросы» о мире и мироздании. Приведём несколько примеров: *И мощная рука к нему с дарами мира – Не простирается из-за пределов міра* (А. С. Пушкин); *Но я без страха жду довременный конец – Давно пора мне мір увидеть новый* (М. Ю. Лермонтов); *Есть некий часъ всемірнаго молчанья* (Ф. И. Тютчев) и т. п.

Вокруг того же «*ятя*» (ѣ) ведётся борьба уже более 300 лет, и мы тоже выступаем в защиту этой важной буквы. Единственная буква (в данном случае – ѣ) может изменить смысл слова. Поэтому с такой группой слов, как омонимы, нужно быть предельно осторожными, ведь с их написанием может возникнуть масса недоразумений. Ранее эти пары по преимуществу писались отлично, в новом же «формате» письма такие слова совпали в написании и, значит, утратили смысловые различия. Ниже мы хотим привести ряд примеров, показывающих разность (а иногда и оппозиции) смыслов современных омонимов при условии употребления отменённой буквы ѣ:

ѣли (употребление пищи) – *ели* (деревья)

лѣчу (больного) – *лечу* (лететь)

ѣсть (принимать пищу) – *есть* (быть)

вѣдѣние (знание) – *ведение* (водить)

лѣса (роща) – *леса* (леска)

горѣ (вверх) – *горе* (несчастье)

прѣние (гниение) – *прение* (спор)

желѣза (металл) – *железа* (гланды)

село – *сѣло* (солнце село за село) и т.п.

Как видим, язык, который прежде без труда справлялся с задачей различения в письменной речи слов одинакового звучания, теперь был обречён на бессмысленную путаницу. Мы считаем, что в таких случаях необходимо как-то комментировать, объяснять (даже хотя бы в целях совершенствования орфографических навыков) утраченное дифференцированное начертание и значение слов. И. А. Ильин в статье «О русском правописании» писал: «При старой орфографии русский язык победоносно сражался со своими омонимами, вырабатывая для них различные начертания. Но революционное кривописание погубило эту драгоценную вековую работу целых поколений: оно сделало всё возможное, чтобы напустить в русский язык как можно больше бессмыслицы и недоразумений. И русский народ не может и не должен мириться со вторжением этого варварского упрощения» [4, с. 38]. Вся ткань русского языка чрезвычайно впечатлительна и имеет огромное смысловое значение¹.

Мы много говорим о необходимости бережно и аккуратно относиться к родному языку. Но изменение буквенного состава бьёт по основам, подрывает корни родного языка, здесь реформаторам нужно быть особенно осторожными, применяя принцип: «Не навреди!» Например, в результате описанных изменений правописания осталось смысловое и грамматическое различие падежей и родов, однако орфографическое выражение этих различий было практически утрачено, и, следовательно, были утрачены и размыты нюансы и детали текстовых смыслов. «Так сеются недоразумения, недоумения, бессмыслицы; умножается и сгущается смута в умах. Зачем все эти искажения? Кому нужна эта смута в мысли? И в языковом творчестве? Ответ один: врагам национальной России. Им, именно им и только им...» – взволнованно писал по этому поводу великий русский философ А. И. Ильин [4, с. 39].

Реформой 1917 – 1918 годов была отменена также и буква «і». Отсюда различие между *миром* (тишиной, покоем) и *міром* (вселенною) исчезло. Тогда же «погибла» и *ѵ* («ижица»). Теперь православные люди стали принимать «миропомазание», что, конечно же, совершенно неосуществимо, ибо их не помазывают ни *міром* – Вселенной, ни *миром* – покоем. Их помазывают *мѵром* (*миром*, иногда пишется с удвоенным *р*: *мирром*), т. е. маслянистым ароматическим веществом, используемым в церковных обрядах. Вполне объяснимо, почему абсолютное большинство современных молодых людей не понимают истинного значения и смысла вышеприведенного распространенного выражения «*Все мы одним миром мазаны*», в то время как когда-то это выражение было понятно даже гимназистам приготовительного класса: «*Все мы одним мѵром мазаны*».

Последняя русская реформа правописания отменила букву также «ѣ» («ер»), и «бессмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературе опустошающим смерчем» – отмечал И. А. Ильин [4, с. 38]. Множественные омонимы стали неразличимы в своём написании. Каждый, кто увидит результат исчезновения всех этих букв, убедится в их важности, поймёт, к каким тяжёлым последствиям привела реформа «кривописания». Тем не менее, мы с вами являемся свидетелями того, как уже в новой России – России XXI в. – предпринимаются попытки использования старой орфографии в тех или иных целях, что свидетельствует о возникшей тенденции возврата к «старине» на первых порах хотя бы на уровне буквы. Дореволюционная орфография всё чаще находит своё место в знаковой системе современной массовой культуры, появляясь в названиях и в рекламе. Несомненно, за этим кроются чисто коммерческие уловки, работающие над созданием имиджа товара или производства. Такие названия, как «Коммерсантъ», «Трактиръ», призваны подчеркнуть добротность предприятия, эксплуатируя устойчивое представление: «дореволюционное» – значит «хорошее». Однако есть и серьёзные проекты, например, издание собраний сочинений Фёдора Михайловича Достоевского, проводимое Петрозаводским университетом. Оно выпол-

¹ Подобную смысловозначительную функцию играет и ударение. См. пример: *Ты дорогá мне, больша́я доро́га*.

нено в старой орфографии (что логично для произведений XIX в.), с первоначальным написанием всех названий и имён, и даже пунктуационно в соответствии с авторской волей писателя. Думается, именно в таком качестве старая орфография не только возможна, но иногда даже необходима. Перспективы возврата к дореволюционному письму в аспектах текстологии, культурологии, анализа художественного текста очевидны и неоспоримы.

И, наконец, к третьей группе алфавитных реформ относилось введение недостающих новых букв, и эта часть изменений особенно важна при исследовании новаций в области алфавита и русской графики в целом.

Несмотря на всё фонетическое богатство русского алфавита, в нём всё же отсутствовали буквы для передачи полугласного «й» и йотированного «о» («ё»), характерных для русской речи. Однако, по мнению В. А. Истрина, в старославянском кириллическом алфавите имелись буквы как для нейотированных, так и для йотированных «а» и «э», хотя форма их была иной и применялись они несколько отлично от современных букв «а»/«я», «э»/«е». К числу новых букв иногда относят также букву «я», графически возникшую из «юса малого», и букву «э», введённую в русский алфавит в её современной форме Петром I. Буква «й» была введена реформой 1735 года.

Идея же создания буквы «ё» созрела гораздо позже, в 1783 г. Авторство принадлежит русскому литературному и общественному деятелю Е. Р. Дашковой, много внимания уделявшей изучению русского языка.

Статусу, истории включения в алфавит, современному положению седьмой буквы русского алфавита – буквы «ё» как маркёру изменений и трансформаций русской графики и русского алфавита в частности – мы собираемся, как сказано выше, уделить особое внимание.

Буква «ё» – самая «молодая» буква нашего алфавита. Как уже было указано, она была «изобретена» после реформирования Петром I славянской азбуки. Это буква «демократическая», поскольку она отражает на письме явление, возникшее в русской разговорной речи: переход *e* в *o* под ударением после мягких согласных перед твёрдыми: *несла* – *нёс*, *сестра* – *сёстры* и т.п. Церковнославянский язык русской редакции, много столетий служивший на Руси литературным языком, так и не принял буквы, отражающей «ёкающее» произношение (кстати, сегодня нередко возникают проблемы в связи с произношением имени причисленного к лику святых Андрея Рублёва. Одни священнослужители называют его на «екающий» манер, а другие избегают произношения «*Рублёв*», заменяя его на «*Андрей Иконописец*»). Широкое распространение ёканья потребовало какого-то знака для обозначения этого явления на письме. В связи с этим появилась новая форма: лигатура *io*. Подобным образом отображать произношение [’o] предложил в первой половине XVIII в. в «Грамматике русского языка» языковед В.Е. Адодуров. Однако написание самого диграфа, соответствовавшего возникшей позже букве «ё», хотя и было подтверждено в 1758 г. Академией наук, было неустойчиво и в конце концов так и не установилось.

На одном из первых заседаний созданной Российской Академии 18 ноября 1783 г. при обсуждении проекта полного Толкового Славяно-русского Словаря Е. Р. Дашковой был поднят вопрос о необходимости создания новой буквы («ё»). Вскоре её предложение было утверждено общим собранием Академии. «Так 18 (29) ноября 1783 г. стало днём рождения новой русской буквы. И как всё истинно замечательное в XVIII веке, это было сделано с лёгкой изящной улыбкой» [1, с. 15]. Однако изобретённая княгиней буква, хотя и должна была найти своё место на страницах создаваемого Словаря, тем не менее отсутствует в нём. Во всех словах, где сейчас «ё», в «Словаре Академии российской» или «е», или комбинация букв *io*. Например: *сліозы* (слёзы), *раіок* (раёк), *семіорка* (семёрка). Приходится сделать неутешительный вывод, что Е. Р. Дашковой так и не удалось внедрить свой проект в типографский обиход, предположительно, по причине экономической: мастерить литеры буквы «ё» было недёшево.

Буква «ё» в печатных изданиях конца XVIII в. использовалась вместо диграфа *io*, который внедрялся в печать В. Е. Адодуровым, В. Н. Татищевым, В. К. Третьяковским «не как буквосочетание, а как буква русского алфавита», считают исследователи Е. В. Пчелов и В. Т. Чумаков [1, с. 23], хотя сразу необходимо отметить неудобство диграфа, а точнее, «триграфа», т.к. состоял он из трёх элементов: *i* с точкой, *O* и апострофа. Поиски графемы для обозначения факта звучащей речи продолжались. К делу появления в русском алфавите новой буквы, её становлению и упрочнению в русском языке имели отношение многие выдающиеся личности: Н. М. Карамзин, Е. Р. Дашкова, Великий князь Константин Константинович (Романов), выдающиеся лингвисты Ф. Ф. Фортунатов, Д. Н. Ушаков, Я. К. Грот и др. Традиционно считается, что решающую роль сыграл Н. М. Карамзин, впервые употребив букву «ё» в издании своих стихов. Однако благодаря разысканиям историков было уточнено не только имя автора, который употребил «ё», но и время введения новой буквы: в 1795 г. она впервые напечатана в сказке И.И. Дмитриева «Причудница» в словах *всё* (два раза), *огонёк*, *за пеньёк* [1, с. 46]. Объяснить же, почему по сей день «отцом» буквы «ё» считается Н. М. Карамзин, можно лишь авторитетом лучшего русского историографа, магией его имени. Также следует признать, что именно благодаря благосклонному отношению Н. М. Карамзина к новому знаку, активное использование его в изданиях произведений привело к официальному признанию и включению буквы «ё» в алфавит.

Предложенный Е. Р. Дашковой знак «ё», в отличие от лигатур («*io*») и буквосочетаний, соответствовал русской графической традиции и адекватно передавал естественное устное произношение. Несомненно, новый знак должен был внести определённую ясность в написание исконных и заимствованных слов со звуком [ʲo]. Однако не всё оказалось так легко и просто, как может показаться, если судить о процессе вхождения «ё» в русский алфавит только на основании общеизвестных фактов. Так случилось, что с буквой «ё» постоянно происходит, по выражению Л. В. Успенского, «странная пульсация»: она «то допускается в нашу печать, то изгоняется из неё, то заслуживает признания, то объявляется вовсе ненужной» [5, с. 60]. И хотя литера «ё» была предложена ещё в 1783 г., а в печати употреблена в 1795 году, отдельной буквой она долгое время не считалась и в азбуку официально не входила [6, с. 51]. На протяжении многих десятилетий буква «ё» никак не могла окончательно найти своего места в печати. Её изредка ставили в тех случаях, когда таким образом прояснялся смысл слова или предложения, при написании иностранных имён и названий. Выпал пункт о применении буквы «ё» и из редакции советского декрета о реформе правописания от 17 октября 1918 г. Поэтому вплоть до утверждения Академией наук СССР в 1956 г. новых «Правил русской орфографии и пунктуации» вопрос о букве «ё» оставался неясным и спорным. Но, отметим, что и данными правилами было закреплено факультативное употребление многострадальной буквы.

Однако бывали случаи, когда буква «ё» снова выходила «на авансцену». Так, существует версия, что на популяризацию буквы «ё» оказал влияние... И. В. Сталин. В декабре 1942 г. её пришлось снова вводить. Почему? Дело в том, что в это тяжёлое время наши военные столкнулись с неприятным сюрпризом: оказалось, что немецкие оперативные карты нашей территории были не только топографически точнее наших, но были безупречны и топонимически. Уж если *Орёл*, то *Орёл*, а если *Берёзówka*, то *Берёзówka*, а не *Берёзовка*. Советским военным пришлось всё это отлаживать в ходе отступления. Поэтому полным вздором является утверждение, будто введение «ё» было сумасбродством тирана. «Нет и ещё раз нет. Это был диктат и абсолютная необходимость жестоких реалий войны» [1, с. 87]. Мы же решили проверить, как выглядят современные карты. Оказалось, что в большинстве своём всё осталось так же, как в 1941 г.: *Орел*, *Псел*, *Бехово*, *Кишенев*, *Озеры* и т.п. [См. www.mirkart.ru, maps.mail.ru и др.] Однако иногда можно встретить букву «ё» в именах собственных на интерактивных картах местности. Очевидно, создатели таких карт стараются как можно точ-

нее передать не только топографию, но и топонимику представляемых географических объектов.

За права буквы «ё» в русской графике вступались А. А. Реформатский, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба и другие. Все они добивались того, чтобы она законодательно была закреплена в алфавите. Это совершенно необходимо ещё и потому, что в принципе в истории нашей азбуки существует определённая юридическая неопределённость. Горячим сторонником этой буквы, как мы указывали во введении к статье, являлся А. И. Солженицын. В своей работе «ЯТЬ и Ё» он утверждал: «На наших глазах происходит уничтожение «ё» [7, с. 38 – 39]; выражал свои чувства по этому поводу: «Я больно ощущаю эту последнюю потерю нашего языка, даже и не подневольную, но от небрежности и от потери интереса. Пренебрежение буквой «ё» неизбежно затянет нас и в дальнейшую энтропию языка. На наших глазах происходит уничтожение «ё»... Эта буква не отменялась специально (как «ять»), но с годами была покинута и стёрта в потоке всеобщей нивелировки и безразличия к языку. Не признавать её – значит содействовать расхождению написания и прочтения...» [7, с. 27]. Обязательное «ё» у писателя – не орфографический консерватизм, а «стремление к сбережению языка». А. И. Солженицын настаивал на написании «ё» во всех случаях, когда в речи это не звук «е», он не допускает «е», если возможны два варианта: *заснеженный-заснежённый*.

Хотим заметить, что пренебрежение буквой «ё» ведёт также к появлению устойчивых ошибок на радио и телевидении, где многие говорят: *манёвры* вместо правильного *манёвры*, *новорождённый* вместо *новорождённый*, *осуждённый* вместо *осуждённый*, *свекла* вместо *свёкла*, *афёра* вместо правильного *афера*, *мертворождённый* вместо *мёртворождённый*. Дикторы часто путаются, произнося *все*, а не *всё*, как надо бы, и потом иногда поправляются. Наличие и неуклонный рост таких ошибок – последствия небрежного, легкомысленного отношения к написанию слов с «ё».

Таким образом, подведем итоги. В результате изложенных изменений в современном русском алфавите «удержались» 33 буквы; они признаются необходимыми и достаточными для правильной передачи русской речи.

Но надо признать и другое: графическая система, в частности система букв, не в полной мере соотносится со звуковой стороной языка: звуки речи намного разнообразнее, чем состав букв, принятых в алфавите, и поэтому между буквами и звуками существуют сложные и неоднозначные отношения. Всего 33-мя буквами русского алфавита приходится передавать 39 разных фонем современного русского языка. Если бы для каждой из фонем была особая буква, понадобилось бы 39 букв. В. А. Белошапкова пишет по этому поводу: «Если бы для всех мягких фонем были у нас особые буквы, то их понадобилось бы 14. Но для одной мягкой [ш'] есть особая буква «щ». Значит, 13 мягких обошлись без особых букв. Вместо них для мягкости согласных введены «ъ» и «я» «е», «ё», «ю», «и». 6 букв. Экономия: 13-6=7. Да ещё есть буква «ъ»; она делает то же, что «ъ» – означает [j] перед гласными после согласных. Эта буква – не экономия, а расточительство; из сэкономленных 7 букв надо вычесть одну; итого – 6 букв чистой экономии» [8, с. 120].

А может быть, к «чистой экономии», и не стоит стремиться? Мы, отказавшиеся от нескольких «природных» букв («ять», «и-десятеричное»), готовые отказаться от «ъ» и «ё», открываем двери знакам-иностранцам. Поэтому в дополнение к вышесказанному об изменениях звуко-буквенной системы языка хотели бы указать также на процессы, проходящие в этой системе в XXI веке. Современные процессы в графике, связанные с функционированием звуко-буквенной системы, на наш взгляд, таковы:

1) несистематическое использование (вплоть до полного отказа от использования) буквы «ё»;

2) возвращение в практику использования (СМИ, реклама) ряда ранее упразднённых, выведенных из оборота, букв: **і** («и-десятеричное»), **ѣ** («ять»), **ѵ** («ижица»), **Ѡ** («фита»), а также **ѣ** – в качестве «ер» на конце существительных мужского рода;

3) всё более частотное использование международных графических знаков (например, & («апшерсанд»), @ («собака») и др.), а также букв латиницы (например, в названиях магазинов, торговых офисов, рекламных агентств и др., типа «СкаZка», «Джени», «ДивиZион», «Лапti» и т.п.);

4) замена букв и целых звуко-буквенных комплексов пиктограммами, смайликами, небуквенными знаками (j, ♥, :-)) и др.).

Разумеется, каждый из названных процессов, кроме п.1, не имеет прямого отношения к русскому алфавиту (хотя, как нам представляется, имеют несомненное отношение к трансформациям звуко-буквенной системы) и должен рассматриваться в специальных исследованиях. Здесь мы ограничимся лишь указанием на их существование и на необходимость защиты кириллицы от экспансии латиницы.

Общий вывод по изложенному представляет собой утверждение, что графическая, в частности, звуко-буквенная система, несмотря на кажущуюся (по сравнению с другими подсистемами языка) консервативность также зависима от внешних факторов и претерпевает изменения, и не все из этих изменений могут быть охарактеризованы как положительные, прогрессивные.

Перспективы дальнейших исследований мы связываем с методической интерпретацией сведений и фактов из истории русского письма, обработкой и предложением интересной лингвистической информации для включения в школьные учебники и пособия.

Список литературы

1. Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь. – М.: Народное образование, 2000. – 248 с.
2. Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
3. Невярович В. Трагедия русского правописания // Сборник статей о русском национальном правописании. – М., 2006. – С. 20 – 24.
4. Ильин И. А. О русском правописании // Сборник статей о русском национальном правописании. – М.: Издательство ЛКИ, 2006. – С. 36 – 39.
5. Успенский Л. В. По закону буквы. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 240 с.
6. Шапиро А. Б. Русское правописание. – М.: Академия наук СССР, 1951. – 150 с.
7. Солженицын А. И. Ять и Ё // Русский миръ. – 2001. – №4. – С. 27-28.
8. Современный русский язык: учебник / Белошাপкова В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г. и др. – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.

ALPHABETIC CHANGES IN THE RUSSIAN ALPHABET

A. E. Kolotilova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
awodemas@yandex.ru*

In the article it is told about the historical review of changes which have occurred in the Russian alphabet with 17 for 20 centuries, considered consequences of reforms of the alphabet and spelling, the new phenomena and tendencies in development of the Russian letter are designated.

Key words: the alphabet, Cyrillics, the letter, a grapheme, the Russian letter, spelling reforms.

УДК 811.161.1 (038)

ОСНОВНЫЕ ЛАТИНСКИЕ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТЫ И ТЕРМИНЫ МЕТАЯЗЫКА ЛИНГВИСТИКИ¹

С. В. Лесников

*Сыктывкарский
государственный
университет*

*e-mail:
serg@lsw.ru*

В настоящей статье собран перечень латинских терминологических элементов и терминов, которые используются в процессе конструирования гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики. Часть терминов приводится с дефиницией (иллюстрацией) из-за невозможности на данном этапе исследования однозначно выделить соответствующие терминологические элементы.

Ключевые слова: термин, терминологический элемент, метаязык, словарь, тезаурус, гизаурус, латынь, русский язык, этимология.

"Терминъ = богъ границъ у древн. римлянъ" [1, с. 732].

Настоящий перечень латинских терминологических элементов и терминов собран и используется в процессе конструирования гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по инициативному проекту № 11-07-00733 «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус "Метаязык науки" (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С. В. Лесников).

Предполагается, что словарная статья тезауруса метаязыка лингвистики будет давать исчерпывающую информацию о термине с принятой в данном словаре степенью детализации (смысл термина) и о его понятийных связях с другими терминами (лексическими единицами и, по возможности, точнее и детальнее с их лексико-семантическими вариантами).

В словарную статью входят как обязательные (присутствующие во всех статьях) элементы, так и необязательные, факультативные, дающиеся только к некоторым терминам – в зависимости от их семантики или парадигматики. Некоторые факультативные элементы встречаются чаще, чем другие (являясь "почти обязательными" – напр., английский эквивалент), а некоторые – весьма редки (напр., автор и время ввода в научный оборот термина).

Ниже приводится полный перечень элементов (зон, полей) словарной статьи тезауруса. Элементы в перечне расположены в том порядке, в котором они, как правило, располагаются в статье. В скобках приведен латинский и английский эквиваленты для данного типа элементов словарной статьи.

- 1. ВОКАБУЛА** (vocabulum, vocables). (Обязательно!).
- 2. ЭКВИВАЛЕНТ** (equivalent, equivalent).
- 3. ЭТИМОЛОГИЯ** (etymologia, etymologiya).
- 4. ДЕФИНИЦИЯ** (definition, definition). (Обязательно!).
- 5. ИСТОЧНИК** (source, source).
- 6. КОНТЕКСТ** (context, context).
- 7. ГИПЕРОНИМ и ХОЛОНИМ** (общее, целое, вышестоящее, родовое понятие).
- 8. ГИПОНИМ и МЕРОНИМ** (подвид, подмножество, составная часть, видовой термин).

¹ Набота выполнена при поддержке 2011-2013: Исследовательский грант Российского фонда фундаментальных исследований по инициативному проекту N 11-07-00733 «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С. В. Лесников).

9. АССОЦИАЦИЯ (association, association) и/или **КОРРЕЛЯТ** (dependentia, correlate).

10. БИБЛИОГРАФИЯ (bibliographia, bibliography).

11. ДАТА (dies, date) моделирования и составитель (scriptor, compiler) словарной статьи.

12. РАЗДЕЛ (pars, section). (Обязательно!).

Именно для адекватного отражения этимологии соответствующей вокабулы тезауруса метаязыка лингвистики и сформирован данный перечень латинских терминоэлементов.

Основы терминоведения и классификация макро- и микрокомпозиционных параметров терминологических толковых справочников представлена в работах таких ученых, как Авербух К. Я., Ахманова О. С., Бергер М. Г., Блинова О. И., Васильева Н. В., Гак В. Г., Гвишиани Н. Б., Герд А. С., Гринев С. В., Даниленко В. П., Иванов А. В., Канделаки Т. Л., Комарова З. И., Котелова Н. З., Крыжановская А. В., Кутина Л. Л., Лейчик В. М., Маткина И. В., Марчук Ю. Н., Моисеев А. И., Подольская Н. В., Полторацкий А. И., Реформатский А. А., Суперанская А. В., Табанакова В. Д., Циткина Ф. А., Шелов С. Д., Шкагова Л. А.

ТеРМИН (лат. terminus – «предел, граница», англ. term, фр. terme, нем. der Terminus, Fachausdruck, Fachbegriff, Begriff, Fachwort, исп. termine, tecnicismo). Слово или словосочетание специального, научного и/или технического языка, создаваемое (принимаемое и/или заимствуемое) для точного, как правило, однозначного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов. "Термин – это выраженная посредством слова или словосочетания языковая единица, которая представляет собой системно организованный, функционально значимый, семантически целостный, конвенционально воспроизводимый в рамках конкретной научной или производственной сферы и потенциально стандартизируемый элемент лексической системы языка" [2, с. 162].

В результате изучения различных областей специальной лексики было установлено, что наряду с терминами существуют и другие специальные лексические единицы, которые были выделены и описаны: номены (наименования единичных понятий, а также конкретной массовой продукции, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз) [3], арготизмы [4], жаргонизмы (не способны приобретать нормативный характер, и их условность ясно ощущается говорящими) [5], квазитермины [6], предтермины (специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину) [6], прототермины [7], профессионализмы [8], терминоиды (используются для называния недостаточно устоявшихся, формирующихся и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих чётких границ и дефиниций) [9], терминоэлементы [10].

ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТ = а) компонент, выделяемый в структуре термина; б) интернациональные морфемы, входящие в состав многих лингвистических терминов; в) значащая часть производного слова (аффикс, интерфиксы, морфема, формант, форматив), регулярно воспроизводимая в готовом виде при использовании уже существующих или создании новых терминов, обусловленная признаками выражаемого термином понятия [11]. Ещё в 1976 году С. Г. Бархударов сожалел, что у нас нет словаря международных терминоэлементов [12, с. 12].

Отдельно необходимо остановиться на понятии «формант» = *formans, formantis* – образующий – аффикс, выступающий в словообразовательной или словоизменяющей функции. Формантами могут быть приставки, суффиксы, постфиксы, окончания. Формантом также называют сложный оформитель слова, образованный в результате слияния окончания и суффикса (*крестьянство, наследство, увлечение, учение*). При этом термин формант в акустической фонетике употребляется в значении «форманта» = *formans, formantis* – образующий – акустический элемент гласного

звука, тон, придающий голосу и звукам речи характерный для них тембр. Форманта получает наибольшее усиление благодаря движениям органов речи (языка, губ, мягкого нёба, язычка), способствующих изменению формы и объёма резонатора (а это в итоге и приводит к появлению различных резонаторных тонов). Форматив – грамматический аффикс, не обладающий собственным значением и выступающий в чисто грамматической функции. Формативом считается «остаток» слова после выделения в нем всех значимых частей (морфем). К числу формативов относятся интерфиксы (соединительные гласные), напр., буква *-й-*, прибавляемая к иноязычным словам на гласный (жалюзи-й-ный, кофе-й-ный, купе-й-ный, чили-й-ский, шоссе-й-ный). Термин форматив часто употребляется как синоним к слову аффикс.

В интернациональном словарном фонде многих языков мира (в частности, европейских), значительное место занимают латинизмы. «Заемствованные терминологические элементы – морфемы, пришедшие в русский язык из других языков и употребляемые в составе терминов. Такие словообразовательные международные элементы расширили возможности развития и совершенствования различных терминологических систем. Этимологически почти все они восходят к греческому и латинскому языкам» [13].

Большинство терминов, возникшие естественным путем в латинском языке или созданные искусственно из морфем и производящих основ этого языка, являются полностью членимыми (слова, хотя бы одна часть которых повторяется в каких-либо других словах, соотносимых с данными по значению), что означает – они являются и полностью мотивированными.

Членение термина на терминологические элементы не всегда совпадает с членением его на морфемы (аффиксы, формативы), т.к. некоторые терминологические элементы представляют собой объединение нескольких морфем: приставка + корень, корень + суффикс, приставка + корень + суффикс. В такой регулярной формальной и смысловой слитности эти кортежи морфем выделяются в ряде однотипно образованных производных.

Латинские и греческие терминологические элементы, имеющие абсолютно одинаковое значение, называются греко-латинскими дублетами. В данной статье такие дублеты отдельно не рассматриваются.

Терминологические метаязыка лингвистики, как правило, однозначны, при этом имеются несколько терминологических элементов, которые имеют два и более значений.

Обычно место мотивирующей однокоренной основы в структуре слов не влияет на её значение. Одни терминологические элементы могут выступать и первыми, и конечными, другие могут занимать только одно постоянное место, некоторые могут быть только первыми компонентами.

Основные латинские терминологические элементы, применяемые в метаязыке лингвистики:

1) префиксы: *a-, ab-, abs-, ad-, ac-, aequ-, all-, allo-, am-, amb-, ambi-, ambe-, amphi-, an-, ant-, ante-, anti-, ap-, as-, at-, bi-, bis-, de-, dif-, dis-, co-, col-, com-, cor-, cum-, ex-, extra-, flex-, in-, inter-, intra-, ir-, ob-, op, pari-, phi-, prae-, pro-, post-; re-, retro-, quasi-, sub-, super-, trans-, ultra-*;

2) суффиксы: *-fix, -is, -iv, -ivus, -oid*;

3) основы (и квазиосновы): *akt-, fin-, form-, -glott-, -ling-, liter-, -loc-, medi-, melio-, mod-, nasal-, object-, palat-, punct-, pict-, radix-, -sign-, soci-, son-, styl-, -strat, structur, supra-, temp-, text-, termin-, tres (tri-), uni-, urba-, varia-, -verb-, -vox-*.

Источниками настоящего исследования послужили: 1) авторские издания (научные монографии, сборники, обзоры, диссертации, научные статьи в периодических изданиях, полные и избранные сочинения классиков филологии, учебные материалы из открытых источников); 2) специализированные веб-сайты; 3) наиболее популярные русскоязычные поисковые системы (www.altervista.ru; www.aport.ru; www.bing.com; www.eprst.ru; www.findme.ru; www.google.ru; www.gogo.ru; www.mail.ru; www.metabot.ru; www.nigma.ru; www.rambler.ru; www.susanin.com; www.type.ru; ulitka.ru; weblit.ru; www.yandex.ru; www.zabor.com); 4) компьютерный корпус словарей, справочников и энциклопедий (св. 20 тыс. файлов общим объёмом 374 гигабайта;

св. 22 тыс. терминов лингвистики), и, прежде всего, более 100 словарей лингвистических терминов [14], а также латинско-русские словари и грамматики [15].

Часть терминов приводится с краткой дефиницией из-за невозможности на данном этапе исследования однозначно выделить соответствующие терминологические элементы.

А-= лат.² префикс *a-*, *ab-*, *abs-* (*om*, *c*) со смыслом: 1) отделения, отсечения (*ab-rumpo*); 2) снятия (*abs-tergo*); 3) удаления (*ab-sum*, *ab-sisto*); 4) отклонения, отказа (*ab-judi-co*); 5) превышения, преувеличения (*ab-undo*), иногда с отриц. оттенком (*ab-utor*); 6) отрицания (*ab-simi-lis*).

АБ-= *ab=> a-*: *аббревиатор*, *аббревиатура*, *аббревиация*, *аблатив*, *аблаут*, *абракадабра*, *абрупция*, *абсолют*, *абсорбция*.

АБС-= *abs- => a-*: *абстракт*, *абстракция*, *абсурд*.

АД-= *ad-* – к, при, у, до, для – со значением присоединения, внесения: *адаптация*, *адвербиализация*, *адверсатив*, *адгезия*, *адгерент*, *адекватив*, *адлатив*, *адмиратив*, *аднекс*, *адстрат*. *адхортатив*, *адъюнктивация*, *адъюнктив*, *адъюнкция*.

АК-= *ac- => ad-* перед начальными *s* или *qu* основного слова: *акквизит*, *аккомодация*, *аккредитив*, *аккузатив*, *аккузация*, *аккумуляция*, *акут*, *акцент*, *акцентология*, *акцентор*, *акцидент*.

АКТ-= *akt-* – действие: *акт*, *актант*, *активность*, *актор*, *актуализатор*.

Аллегация= выдержка из произведений писателя, ссылка на него. **Аллигат**= привязываю – перевертыш.

АЛЛО-= *allo-*, *all-* – префикс со значением «разновидность или вариант, данная конкретная манифестация, или речевое проявление, эмы» – т.е. фонемы, морфемы, лексемы и т.п. как структурных единиц языка. Соответствует понятию «член» в противопоставлении -тип/-член; ср. слово-тип, слово-член: *аллигат*, *аллитерация*, *аллограмма*, *аллограф*, *аллокация*, *аллокин*, *аллокуция*, *аллолекс*, *аллог*, *алломорф*, *алломорфизм*, *аллоним*, *аллосема*, *аллофон*, *аллофраза*, *аллюзия*.

АМБ-= префикс *am-*, *amb-*, *ambi-*, *ambe-* – кругом, вокруг, около.

АМБИ-= *ambi* – обоюдность, двойственность: *амбивалентность*, *амбиология*.

АМФИ-= *amphi-*: *амфиболия*, *амфибрахий => амби-*.

АНТЕ-= префикс *ante-*, *anti-* – перед, до, за, прежде, особенно, сперва – предшествование: *антевокальный*, *антецедент*, *антиципация*, *антициркумфлекс*.

АП-= *ap-*: *апикальный*, *аппендикс*, *апперцепция*, *аппликатив*, *апликация*, *аппозиция*, *аппроксимант*, *аппроксимация*, *апраксия*.

АР-= префикс *ar-* => *ad-* перед начальным *r* основного слова, напр., *аг-геро*.

АС-= *as-* – к-, со-: *аспект*, *аспектология*, *аспират*, *аспирация*, *ассимиляция*, *ассистент*. *ассонанс*, *ассоциация*.

АТ-= префикс *at-* => *ad-* перед начальным *t* основного слова: *атрибут*, *атрибутив*, *аттракция*.

АФФ-= *affix* – прикрепленный: *аффикс*, *аффиксация*, *аффилиация*, *аффриката*.

БИ-= *bi-*, *bis-* – дважды, двухсоставность, совмещенность двух сущностей: *биквадрат*, *билабиальные*, *билатеральные*, *биллингв*, *биллингвизм*, *бинарная*, *бирема*, *бифокальный*.

ВАРИА-= *varia-* – вариант= изменяющийся: *вариантность*, *вариативность*, *вариация*.

-ВЕРБ-= *verbum* – 1) слово – связанность со словом, словесным изложением: *вербализация*, *вербализм*, *невербальные*, *реверберация*, *универб*, *универбация*; 2) глагол – связанность с глаголом: *вербализм*, *вербоиды*, *девербатив*, *постверб*, *преверб*, *превербация*.

-ВОК-= *vox*, *vocis* – голос = связанность с гласным: *вокабула*, *вокализм*, *вокатив*, *вокоид*, *унивокальный*.

-ГЛОТТ-= *glottis* – голосовая щель – связь с гортанью: *глоттализация*, *эпиглоттальный*.

ДЕ-= префикс *de-* – от, из, с, в течение, по, после, о, относительно – выражающий преимущественно: 1) отделение (*decedere*): *декорреляция*; *делимитация*, *депрефиксация*; 2) устранение, лишение (*deartare*), утрата качества, свойства (*de... изация*): *деадвербиализация*, *деактуализация*, *декреолизация*, *делабиализация*, *деморализация*, *десемантизация*; *детерминологизация*, *дефонологизация*, *деэтимологизация*; 3) движение вниз (*decidere*); 4) недостаток, отсутствие (*deesse*, *dementia*): *девиация*, *дескриптор*; 5) завершение действия (*debellare*): *дебитивность*, *депрекация*; 6) производность (*de... ив*): *деадъектив*, *десубстантив*, *десигнат*. *детериоративность* (*deterior*).

ДИФ-= префикс *dif-*, *dis-* перед начальным *f* основного слова: *дифференциация*, *диффузия*, *диффузность*.

ДИС-= префикс *dis-*, означающий разделение, разъединение, расчленение – не изменяется перед *s*, *p*, *t*, *j*, перед *s* с последующей гласной; *s* между двумя гласными переходит в *r*, напр., *dirimo*; перед *f* – ассимилируется, напр, *differo*: *дезакцентуация*, *дезаффиксация*, *дезидеративы*, *дескриптор*, *дескрипция*, *дизартрия*, *дискретность*, *дискурс*, *дискуссия*, *дисперсия*, *диссимилиация*, *дистанция*, *дистинкция*, *дистрибуция*.

-ИВ-= суффикс *-iv*, *-ivus* – представитель, носитель, признак или вариант некоторой грамматической, фонетической, языковой категории: *аблатив*, *аблятив*, *абруптив*, *абсолютив*, *агентив*, *адверсив*, *адекватив*, *адлатив*, *адмиратив*, *адхортатив*, *адъюнктив*, *аккузатив*, *актив*, *аллатив*, *амплифика-*

² Далее помету «лат.» («латинский язык») опускаем для компактности, предполагая её по умолчанию после знака «⇒», который, в свою очередь, в словарной статье отделяет вокабулу (заголовочное слово) от дефиниции.

тив, апеллятив, аппликатив, атрибутив, бенефактив, бехабигив, вердиктив, ветатив, вокатив, во-литив, волюнтатив, генитив, герундив, деминутив, демонстративы, детерминатив, иллатив, императив, имперфектив, имперцептив, индефинитив, индикатив, инессив, инклюзив, интеррогатив, инхоатив, инфинитив, каритив, каузативы, комитатив, компаратив, континуатив, конъюнктив, креатив, латив, номинатив, оптатив, партитив, пермансив, пермиссив, перфектив, перформатив, предикатив, регламентатив, сингулятивы, статив, сублатив, субстантив, суггестив, суперсив, суперлатив, форматив, экватив, эксклюзив, эксцессив, элатив, элятив, эрратив, эссив, юссив.

-ИЗМ= *-is* – заимствования из какого-либо языка, речи: *архаизм, вульгаризм, галлицизм, диалектизм, латинизм, локализм, славянизм, урбанизм.*

ИН= *in-* – в, на, до, при, по отношению к – привативный префикс соотв. русс. *в-*: *infigere* вонзать; *на-*, *воз-*, *при-*: *imponere* налагать, возлагать, прикладывать. 1) отрицание: *инактивность*; 2) *in-* – в, на, при – нахождение внутри, включение в свой состав: *инвариант, инвектива, инверсия, индигнация, индикатив, инконгруэнтность, инкорпорация, инновация, интонация, интенция, инфект, инфикс, инфинитив, инфлексия, информант, инъюнктив.* Интеграция= соединение в целое. Интерим= временные предписания.

ИНТЕР= префикс *inter-* – *между, среди, в течение*: 1) между (*intercedere*): *интерпозиция, интерпункция, интертекст, интерфейс, интерференция, интерфикс, интерфиксация, интеръязык*; 2) временами, от времени до времени (*intermittere*): *интерлюдия, интермедия, интерполяция, интерпретация*; 3) гибель, уничтожение (*interire*); 3) интернациональный, международный: *интерлингва, интернационализмы, интероним, интеррогатив* (запрос информации), *интерцесия, интеръективация.*

ИНТРА= *intra-* – внутри, в пределах, не позднее – нахождение внутри, направленность внутрь: *интралингвистика, интранзитивные, интрафиксация.*

ИНТРО= *intro-* – внутрь – нахождение внутри, направленность внутрь: *интродукция, интроспекция.*

ИНФРА= *infra-* – под, ниже, позднее: *инфразвук.*

ИР= иррадиация= *irradiare* – сиять, испускать лучи. Ирреальность.

КВАЗИ= *quasi* – как будто, будто бы, почти – мнимость: *квасислово, квазиалфавит, квазисинонимы, квазицитация.*

КО= префикс *co-, sit-* – в, вместе: 1) – указание на совместность, параллелизм – перед начальным гласным или *h* основного слова (напр., *coactus, coerceo, cohaereo*): *коактив, коартикуляция, коаффикс, когезия, когипонимы, кодериват, конит, координация, кореферентность, кореференция, корреляция.* 2) перед начальным *p* основного слова (напр., *copesto, copubium, conitor*).

КОЛ= префикс *col-, sit-* перед начальным *l* основного слова: *коллаборатор* (сотрудник), *коллега, коллегия, колледж, коллективный, коллекция, коллизия, коллоквиум, коллокуция.*

КОМ= префикс *com-* перед начальными *b, t* и *p* основного слова (напр., *comburo, committo, compro*): *комбинаторные, комици, комиссив, коммемората, коммуникация, коммутация* (*commutatio* – изменение, перемена), *компактный, компарат, компаратор* (*comparatio* – сравнение, сопоставление), *компаратив, компаративистика, компарация, компендиум, компиляция, комплексия, комплетивный* (*completus* – полный), *комплементарность, композит, композита, компонент, компрессия.*

КОН= префикс *con-, sit-* – в, вместе, начало, межа, предел – указание на совместность, расположение в порядке, параллелизм: *конативная, конвенциональность, конвергенция, конверсивы, конверсия, конгресс, конгруэнтность, конденсация, кондиция, конкатенация, конкорданс, конкуренция, коннотация, консеквентность, консерватор, конситуация, консольция, консонант, консонантизм, конспирация, констатив, констатация, конструктивно, консубстанциональность, контакт, контаминация, контекст, континуальность, континуатив, континуум, контрадикция, контракт, контракция, контрапункт, контрапность, контраст, контрафакция, конференция, конфикс, конфиксация, конфликт, конфронтативная, концепт, концентрация, концепция, концессив, конъюнктив.*

КОР= префикс *cor-, sit-* перед начальным *r* основного слова: *корреляты, корреляция.*

-ЛИНГВ= *lingua* – язык, отношение к языку, лингвистике: *билингвизм, лингвограмма, лингвоним, лингводидактика, лингвокультурема, лингвонимы, лингвопоэтика, лингвославистика, лингвостатистика, лингвострановедение, лингвоэтнография, линкос, монолингвизм, билингвизм.*

ЛИТЕР= *littera* – буква: *литера, литералист, литератор, литература, облитерация.*

-ЛОК= *locus* – место – отношение к местоположению: *локализация* (*localis* – местный), *локализм, локатив, локутивны.*

МЕДИ= *medialis* – средний: *медиаль медиопассив, медиум, медитация.*

МЕЛИО= *melioratio* – улучшение: *мелиоративность, мелиорация.*

МОД= модальность= *modus* – способ. Модель= *modulus* – образец, мера. Модератор= возглавляющий группу. Модификатор= *modificare* – измерять. Модус= *modus* – мера, способ, установленный порядок.

НАЗАЛ= *nasalis* – носовой: *назализация, назализированный, назализованный, назальные.*

-НОМ= *nomem* (*опута* – имя): *номенклатура номены, номинализация, номинатив, прономинализация, прономинация.*

НОРМ= *norma* – правило, образец, мерило: *норма, нормализация.*

НОТ= *not-*: *нота, нотариий, нотариус, нотация, нотификация.*

ОБ= *ob-* – против, перед, вследствие, по причине: *обценная лексика= obscenus* – неприличный, зазорный.

ОБЪЕКТ= *objectum* – предмет: *объективизация, объективная модальность, объектные отношения, объектные словосочетания.*

-ОИД= *-oid* – подобный: *радикаloid, унирадикаloid.*

ОП= *оппозиция (oppositio – противопоставление), оппонент (opponens, opponens – возражающий), оптатив (optatio – желание, воля; оптация (optatio – желание, воля), оптиматы, оптимизм, опус.*

ПАЛАТ= *palatum* – твёрдое нёбо, свод нёба: *палатализация, палатограмма.*

ПЕР= префикс *per-* – *через, сквозь, по, в течение, посредством, ради:* 1) усиление (*peraltus*); 2) завершение (*perficio*); 3) действие, направленное через (сквозь) что-л., по чему-л. и т.д. (*peregrinus*): *персонификация (persona – маска, лицо, facere – делать), перклюзия (perclusio – защита) – сообщение, в котором содержится предупреждение о возможной опасности, угрозе, перкурсия (percursio – пробежка), перлокуция (perlocutio) – выражение отношения (удивления, досады, обиды, огорчения, оскорбления и др.) к результату речевого акта, пермеация= взаимное вытиснение двух тел, пермиссив (*permissivus* – позволение), пермутация (*permutatio* – перемена, изменение), персона, пертинентность, перфект (*perfectum* – законченное, завершённое), перфектив (*perfectum* – законченное, завершённое), перфективация, перформатив (*performato* – действую), перцептивная функция языковых знаков (*perceptio* – понимание, познавание, восприятие). перцептивные глаголы.*

ПИКТ= *pictus* – нарисованный, живописный: *пиктограмма, пиктографическое, пиктография.*

ПОСТ= *post-* – *за, после, через:* 1) местоположение за чем-либо, следование: *постиллия, постскриптум, постпозиция, постфикс, постредактирование,* 2) производность: *поствербальный (отглагольный).*

ПРЕ= *prae-* – *впереди, перед – нахождение впереди, предшествование: преверб, превербация, предикат, предикатив, предикативность, предикация, предикцирование, презенс, презумпция, препозиция, пресуппозиция, претерит, претериция, префикс.*

ПРО= *pro-* – *вместо, перед, сообразно – замещение: проверб, проадверб, провинциализмы, прозиопезис, прозономазия, проксемика, пролепса, пролеписис, прономинализация, прономинация, пропозиция, проспект, протестадия, протест, процедура, процессуальность.*

ПУНКТ= *punctum* – *точка – в договорах и др. актах, отдельная статья: пунктограмма, пунктуация.*

РЕ= префикс *re-* – *обратное действие, повторность, противодействие – структурная перестройка: реалионимы, реверберация, регламентатив, редеривация, редиция, редукция, редупликация, резонанс, резюме, реклама, рекомпенсация, рекомпозиция, реконструкция, рекурсия, релаксация, релевантность, релексификация, реликт, релятивема, релятивность, релятор, рема, реминисценция, реплика, репрезентатив, репрезентация, реприза, репродукция, ресемантизация, ресиллабация, ретардация, ретерминологизация, ретиценция, реферат, референт, референция, реферирование, рефлексия, рефлекторные, рефонологизация, реформы, рефрейминг, рефрен, рецептивный, рецептор, реценция, рецессия, реципиент.*

РЕТРО= *retro-* – *за, позади, обратно – обращенность вспять: ретроспекция, ретрофлексный.*

СЕН= *sen-*. *Sensus= разум, ощущение: сенсация, сенситивный, сенсуализм, сентенция.*

-СИГН= *signum* – *знак – значимость: десигнат, сигнарий, сигнатура, сигнифика, сигнификант, сигнификат, сигнификативный, сигнификация*

СОН= *sonans* – *звук, звучащий: сонант, сонограмма, сонорные.*

СОЦИ= *societas* – *общество – соотнесенность с обществом, социальной группой: социолингвистика, социолексика, социолект, социология.*

СТИЛ= *stylus* – *стержень для письма: стилистика, стилус, стиль.*

-СТРАТ= *stratum* – *настил, слой – совокупность определенных черт языковой системы, образующих особый слой в ее структуре: адстрат, суперстрат, субстрат.*

СТРУКТУР= *structure* – *строение, взаиморасположение: структура, структурализм.*

-СУБ= *sub – под, почти, около, во время – нахождение внутри или под чем-либо, скрытость – 1) нахождение под: сублатив, субстантив, субстантивация, субстрат; субъект, субъюнкция, консубстанциональность; 2) подчиненный уровень; вариативность: сублимация, субморф, субморфемный, субститут, субституция, субфонемный.*

СУПЕР= *super-* – *над, на, выше, свыше, после, за, о, относительно – превышение, нахождение на чем-либо, над чем-либо: 1) нахождение над: суперсисс, суперстрат; 2) иерархически более высокая ступень: суперлатив, суперсегментные, супертекст.*

СУПРА= *supra-* – *на, сверху, больше – нахождение над: супрадентальный, супрасегментный.*

ТЕКСТ= *textum* – *ткань, связь, сплетение, соединение: текст, текстология, текстуализация, текстуальный.*

ТЕРМИН= *terminus* – *предел, граница: термин, терминоведение, терминативный, терминологизация, терминология.*

ТЕМП= *tempus, temper is* – *время: темп, темпоральные метафоры, темпоральные отношения, темпоратор.*

ТРАНС= префикс *trans* – *через, насквозь, за пределами: 1) передача: транскрибирование, транскрипция, транслитерация, транслятор. 2) переход в другое состояние, разряд и т.п.: транслатив, трансмутация, трансонимизация, трансплантация, транспозиция, транссемантизация,*

трансфонологизация, трансформация, трансформы; транзитивность (transitivus), з) прохождение сквозь: трансфикс.

ТРИ= *tres* – три: *триграф, триколон, трипликация, трисиллаб, трифтонг.*

УЗУС= *usus* – пользование, употребление, обычай, правило, применение.

УЛЬТРА= префикс *ultra* – за, за пределами, далее, более, сверх, свыше, после: *ультразвук, ультрамгновенные слова.*

УНИ= *uni-, unius* – один – одномерность, единичность: *универб, универбация, универсалия, уникалии, унилатеральный, унирадикал, унификс, унциал.*

УРБА= *urbanius* – городской: *урбанизм, урбанистика, урбонимы.*

-ФИКС= *-fixus, figo* – вбивать, заколачивать – отношение к морфологической структуре слова: *аффикс, интерфикс, инфикс, конфикс, постфикс, префикс, суффикс.*

ФИН= *finalis* – конечный: *финаль, финитивный, финиш.*

ФЛЕК= *flex-* – сгибание: *флексия, флексграфия, флективность, флектирующий.*

ФОРМ= *form-* – образующий: *формант, форманта, форматив, формообразование, формообразовательная приставка, формообразовательный суффикс, формообразующие частицы, формоупотребление, формы называния, формы представления, формы субъективной оценки.*

ЭКВИ= *aequus* – равный – равенство, близость: *эквивалент, эквивок, эквивокация, эквиолентивный, эквиолентная оппозиция, эквифинальный, эквисемантический.*

ЭКС= *ex* – от, из, с, после, из-за, вследствие: *экслюзив, экскурс, экскурсия, экспебиент, экспектация, экспериенцер, эксплеция, экспозиция, экспрессивная лексика, экспрессивное отрицание, экспрессивность, экспрессия, экпромт, экстенционал, экстерн, эксцерпция, эксцессив.*

ЭКСТРА= *extra-* – вне, за пределами, кроме, сверх, сверх меры, чересчур – расположенность за пределами: *экстралингвистический, экстраполяция, экстраполирование.*

В статье не приводятся все термины метаязыка лингвистики, о которых можно определенно сказать, что они восходят к латыни. Часть терминов, в которых нам пока не удалось выделить терминологические элементы (напр., агглютинация, агглютинины, аггравация, агрегат (*aggregatus*), фрактал, фрактата, фрактура) требуют дальнейшего исследования.

Одно из преимуществ в использовании терминологических элементов в том, что их словообразовательные возможности практически структурно не ограничены. Комбинируя префиксы, интерфиксы, инфиксы, конфиксы, суффиксы, основы и квазиосновы, относительно просто можно создать составные термины во многих отраслевых терминологиях [16; 17].

В заключение необходимо отметить ряд перспективных направлений настоящего исследования.

- 1) Создание аналогичного перечня древнегреческих терминологических элементов.
- 2) Выявление дублетов, учитывая тот факт, что терминологические элементы метаязыка лингвистики, как правило однозначны, при этом имеются несколько терминологических элементов, которые имеют два и более значений.
- 3) Классификация русских словообразовательных терминологических элементов.
- 4) Систематизация русских, латинских и древнегреческих терминологических элементов в процессе моделирования тезауруса метаязыка лингвистики.

Список литературы

1. Смирнов В. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с общедоступным толкованием их значения и употребления, и со включением отдельных слов и фраз, употребляющихся в устной и письменной речи в их оригинальной иностранной форме. – М.: Издание торгового дома В.Коновалова и К, 1908. – 800 с.
2. Иванов А. В. Метаязык фонетики и метрики. Дис. докт. филол. наук. – Северодвинск, 2005. – 635 с.
3. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению. – М.: Труды Моск. ин-та истории, философии и лит. – 1939. – Т. V. – С. 3 – 54.
4. Скворцов Л. И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. – 1972. – № 1. – С. 48 – 59.
5. Гладкая Н. М. Лингвистическая природа и стилистические функции профессиональных жаргонизмов прессы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 18 с.

6. Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 63 – 73.
7. Гринев С. В. Введение в терминологическую лексикографию. – М.: МГУ, 1986. – 98 с.
8. Кузьмин Н. П. Нормативная и ненормативная специальная лексика // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 68 – 81.
9. Хаютин А. Д. Термин, терминология, номенклатура. – Самарканд: Самарканд. гос. ун-т, 1972. – 129 с.
10. Лотте Д. С. Изменение значений слов как средство образования научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1961. – 157 с.; Лотте Д. С. Краткие формы научно-технических терминов. – М.: Наука, 1971. – 84 с.; Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 150 с.; Даниленко В. П. Как создаются термины? // Русская речь. – 1967. – № 2. – С. 57 – 64; Даниленко В. П. О месте назывной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4. – С. 64 – 74; Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.; Дрезен Э. К. Интернационализация научно-технической терминологии. История, современное положение и перспективы. – М.-Л.: Стандартгиз, 1936. – С. 86 – 96; Канделаки Т. Л. Об одном типе словаря международных терминологических элементов // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 37 – 49; Канделаки Т. Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 3 – 39; Канделаки Т. Л. Терминологическая работа в системе научных учреждений АН СССР // Вопросы языкознания. – 1979. – № 4. – С. 123 – 132.
11. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Русский язык, 1995. – 176 с.
12. Проблематика определений терминов в словарях различных типов. – Л.: Наука, 1976. – 226 с.
13. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 812 с.
14. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.; Брусенская Л. А., Гаврилова Г. Ф., Малышева Н. В. Учебный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.; Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. – М.: Прогресс, 1964. – 359 с.; Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). – М.-Пг.: Изд. Л.Д.Френкель, 1924. – 154 с.; Жирков Л. И. Лингвистический словарь. – М.: Моск. ин-т востоковедения, 1945. – 47 с.; Кулин В. Соображения педагогического совета Минской гимназии об установлении общей грамматической терминологии и единства в грамматических определениях при преподавании языков: отечественного, древних и новых / Неофициальная часть. Русская грамматическая терминология // Циркуляр Виленск. уч. окр. – 1871. – № 11. – Отд. II. – С. 221 – 240; Лемов А. В. Школьный лингвистический словарь: термины, понятия, комментарии. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 383 с.; Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.; Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во ин. лит., 1960. – 436 с.; Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.; Нечаев Г. А. Краткий лингвистический словарь. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1976. – 184 с.; Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике: Автоматическая обработка текста. – М.: Наука, 1978. – 374 с.; Поливанов Е. Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов. – М.: УРСС, 2010. – 160 с.; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.; Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.; Тихонов А. Н., Хашимов и др. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. – М.: Флинта; Наука, 2008. – Т. 1. – 840 с.; Т. 2. – 816 с.; Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. – М.: Прогресс, 1964. – 264 с.
15. Асланова Л. А. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. – М.: Дом Славянской книги, 2010. – 927 с.; Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.; Иванов А. В. Словарь фонетико-метрической терминологии (латинский, древнегреческий, русский, английский, немецкий, французский языки). – М.: Academia, 2005. – 1184 с.; Купряева В. Н., Умнова Н. И. Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений. – М.: Терра, 1996. – 96 с.; Лукашевич П. Корнеслов латинского языка. – Киев: В типо-

графии М. П. Фрица, 1871. – 922 с.; Махлин П. Я. Латинский язык в таблицах. Справочник по грамматике. – М.: Астрель; Аст, 2008. – 111 с.; Мусселиус В. Русско-латинский словарь. – СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1891. – 424 с.; Петрученко О. Латинско-русский словарь. – М.: Издание Товарищества «В. В. Дутновъ, Наследники Бр. Салаевых», 1914. – 814 с.; Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А. Латинско-русский и русско-латинский словарь. – М.: Флинта, 2009. – 740 с.; Покровский М. М. Материалы для исторической грамматики латинского языка. – М.: КомКнига, 2006. – 216 с.; Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1947. – 432 с.; Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. – Ч. 2. – Синтаксис. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1947. – 592 с.

16. Даниленко В. П. О терминологическом словообразовании // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С.76 – 85.

17. Васильева Н. В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминоэлементов в лингвистической терминологии // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 71 – 79.

KEY TERMS AND LATIN TERM ELEMENTS OF LINGUISTICS METALANGUAGE

S. V. Lesnikov

*Syktvykar
State
University*

*e-mail:
serg@lsw.ru*

In this paper, compiled a list of Latin terminoelements and terms used in the process of constructing a hypertext information retrieval thesaurus metalanguage of linguistics. Part of the terms provided with the definitions of (illustration) because it is impossible at this stage of the study clearly identify the relevant terminoelements.

Key words: term terminoelements metalanguage, dictionary, thesaurus, gizaorus, Latin, Russian language, etymology.

УДК 372.881.161.1

КОМПЬЮТЕРНЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ В РАБОТЕ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Г. И. Пашкова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
Pashkova@bsu.edu.ru

В статье рассматривается специфика работы современного учителя при обучении орфографии с помощью компьютерных средств. Описываются различные формы уроков с применением компьютера. Представлена новая форма урока – занятие открытого типа. Подчеркивается, что компьютерные средства обучения могут и должны использоваться наряду с традиционными. Автор предлагает тематику занятий спецкурса по опережающей информационно-технологической подготовке будущих учителей русского языка.

Ключевые слова: русская орфография, компьютерные средства обучения, открытые формы занятий, электронное учебное пособие, современный учитель, опережающая информационно-технологическая подготовка.

Филологическая деятельность, связанная с использованием компьютеров в образовании, потребовала более четкого определения роли учителя в условиях компьютеризации филологического обучения, то есть строгого выявления характера распределения функций между учителем-филологом и компьютером.

В современном информационно-образовательном пространстве, с его новыми технологическими средствами педагогической деятельности, важное место занимают компьютерные программные средства как профессионально ориентированные инструментальные среды. С их помощью можно решить целый ряд задач: поиск и обработку информации в электронных банках; моделирование рассуждений – изучение и формализация различных схем человеческих умозаключений, используемых в процессе решения задач; осуществление электронной навигации в образовательных текстах как новой стратегии когнитивной деятельности; телекоммуникационное сотрудничество и т. д. Для этого необходим поиск методов, приемов и форм работы с опорой на современные электронно-коммуникативные средства.

В информационном обществе предполагается использовать учителем и учениками все необходимые информационные и методические ресурсы: соответствующие текстовые, графические, аудио- и видеоматериалы, обучающие программы, компьютерные классы и лаборатории; методические разработки, планы занятий и т. п. Это новые инструменты и средства для работы учителя и учащихся.

Возможны две педагогические модели построения образовательных ресурсов: модель учебного пособия и модель учебного занятия. В построении первой модели используется метафора учебного пособия – учебника, сборника упражнений. Ведущим в построении является организация предметного содержания, структурирования по темам, разделам, параграфам и т. п. В построении второй педагогической модели используется метафора учебного занятия – урока, практического занятия и т. п. В таком построении четко определяются цели занятия, организуется управление деятельностью субъекта по их достижению. Обязательным является организация контроля и самоконтроля усвоения материала, овладение способами действий учениками. Обе модели представлены в нашем электронном пособии «Русский язык. 5 класс» [1].

Мультимедийное пособие предназначено для самостоятельной работы учащихся как на уроке, так и во внеурочное время. Пособие может быть использовано также для повторения материала в VI – IX классах. Подчеркнем, что электронное пособие ни в коей мере не заменяет учителя и может применяться при изучении русского языка по любому из действующих учебников.

Электронные подразделы мультимедийного пособия: изучение материала в интерактивной форме, интерактивные упражнения по каждой теме, контрольные работы в конце каждого раздела, возможности составления индивидуального плана занятий, отчеты о выполнении заданий, подробная информация о допущенных ошибках, работа над ошибками, толковый словарь русского языка, контекстная помощь, методические указания для учителей.

Теоретический и практический материал по орфографии расположен с учетом опознавательных признаков орфограммы. Четко структурированный в зависимости от целей и этапов обучения материал объединен в два модуля: «Теория. Практика» и «Контроль».

Первый модуль включает четыре части: I часть – подготовка к изучению орфографического правила, II часть – работа над орфографическим правилом, III часть – способ применения правила, IV часть – закрепление правила. Контрольный модуль (вставка пропущенных букв с указанием номера правила, словарный зрительно-слуховой диктант) – контроль за уровнем сформированности знаний и умений по теме, контроль за сформированностью умения дифференцировать орфографические правила с одним и тем же опознавательным признаком орфограммы.

Ориентировочная система действия (уяснение логики опорных действий по применению орфографического правила представлена в модуле «Теория. Практика»). Образец действия размечен, то есть разделен «на такие части, из которых он составляется в процессе его воспроизведения» (П. Я. Гальперин). Для ориентирования используются опоры, содержащие текст; опоры, содержащие текст и таблицы; опоры, содержащие схемы.

В результате работы на компьютере ученики должны осознать и запомнить формулировку орфографического правила; научиться обозначать изученную орфограмму, чтобы осознать и запомнить порядок орфографического разбора, то есть способ применения правила; уметь дифференцировать орфографические правила с одним и тем же опознавательным признаком орфограммы.

Принципиальным отличием электронного учебного пособия по сравнению с печатным пособием и / или работой в классе под руководством учителя является активная роль ученика в диалоге с компьютером. Интерактивный диалог соединяет процессы изучения, закрепления и контроля усвоения учебного материала, которые при традиционном обучении оказываются искусственно разорванными.

Применение данного пособия на уроке, как и других компьютерных средств обучения, приводит к качественным изменениям в методике преподавания русского языка. Урок по орфографии с использованием компьютерных средств обучения – новый тип урока. Изменяется структура урока, методика его проведения. На таком уроке сочетаются нетрадиционные и классические методы и приемы обучения орфографии.

Проведение урока с применением компьютера требует от учителя информационных, аналитических, прогностических и проективных умений на этапе подготовки к уроку, а также организационных умений на этапе ее реализации.

Этапы конструирования урока:

– концептуальный (определяется цель урока с ориентацией на достижение результата), выбираются необходимые образовательные электронные ресурсы конкретного методического назначения (обучающие, информационно-поисковые, моделирующие, контролирующие и т. п.);

– технологический (выбирается форма урока, проектируются основные виды деятельности);

– операционный этап (выделяются основные структурные элементы урока, определяются конкретные задания для индивидуальной работы или в малых группах, осуществляется поэтапное планирование урока, определяется цель каждого этапа, форма деятельности школьников, функции преподавания, формы промежуточного контроля).

Формы уроков с использованием компьютерных учебных материалов разнообразны: урок-презентация, урок-исследование, урок-практикум, урок – лабораторная работа, урок-виртуальная экскурсия, тематический проект и другие.

Так, например, на уроке-презентации могут быть представлены в мультимедийной форме информационные материалы по орфографии, сопровождающие рассказ учителя. Мультимедийная презентация на уроке помогает структурировать материал, активизировать внимание. Технология проведения занятия сложная, так как учитель должен излагать материал, одновременно управлять мультимедийной установкой, следить за изображением на экране и чутко реагировать на эмоциональное состояние школьников для установления устойчивой обратной связи. Мультимедийные презентации могут быть подготовлены не только учителем, но и учениками (например, в профильном классе).

На лабораторном занятии могут использоваться как виртуальные словари (электронные версии «бумажных» изданий на CD), так и сочетание электронных словарей с печатными словарями и справочными материалами. Обширный список словарей с удобной поисковой системой представлен в справочно-информационном портале Грамота.ру (<http://www.gramota.ru>). Кроме того, это может быть поиск нужных сведений по орфографии в Интернете, например, подбор примеров, контекстов из такого Интернет-ресурса, как Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>). Корпус можно использовать и для прояснения любых спорных случаев современной русской орфографии.

Самостоятельной активной познавательной деятельности каждого ученика способствуют «открытые» формы занятий в сочетании с компьютерными технологиями.

Открытая форма занятий – это работа по учебному плану (недельному, дневному), работа индивидуальная, в паре, в группе, «свободная работа», работа над проектом, игра, где знания «добываются» самостоятельно. Кроме того, занятия открытого типа включают в себя начальный и заключительный круг, свободную организацию перемен, занятия в часовых блоках, разделенных по педагогической необходимости, свободный доступ к полкам с дидактическим материалом и играми, передвижную мебель, открытую классную дверь [2]. Учебное помещение проектируется для использования в разных целях: для работы в малых группах, для мультимедийного обучения, для других видов деятельности. Условие рациональной и эффективной работы – соответствующее оборудование и учителя, которые умеют и хотят его использовать.

В качестве примера приведем один из вариантов проведения занятия открытого типа в компьютерной лаборатории.

Школа: МОУ СОШ № 30 г. Старый Оскол Белгородской области. Класс 7.

Тема урока: Безударные чередующиеся гласные о-а в корне -рос- – -раст- (-ращ-).

Цель урока: повторить и запомнить формулировку орфографического правила; научиться обозначать изученную орфограмму, запомнить порядок орфографического разбора (схему применения правила).

Тип урока: интегрированный урок открытого типа, с применением персонального компьютера.

Необходимые аппаратные средства: 12 компьютеров.

Используемое программное средство: электронное учебное пособие «Русский язык. 5 класс».

Дополнительное методическое обеспечение: пособия для учащихся «Дидактические материалы с компьютерной поддержкой» [3], «Орфография» в качестве печатных аналогов фрагментов компьютерной программы; учебник «Русский язык. 5 класс»; учебный план занятия; плакат «Правила работы на открытых формах занятий» [4].

Ход урока:

I. Подготовка к повторению орфографического правила (с помощью учителя):

1. Определение опознавательного признака орфограммы, типа орфограммы, повторение орфографических правил с опознавательным признаком «безударный гласный». 2. Лексико-орфографическая работа. 3. Постановка целей работы. 4. Зна-

комство учеников с учебным планом урока: обязательным блоком и дополнительным (План записывается на доске, а отпечатанные экземпляры отдаются школьникам).

II. Инструктирование по работе с программой: структура программы, общие требования; специфические требования: обратить внимание на соотношение последовательности необходимых и достаточных признаков орфограммы; запомнить формулировку орфографического правила, чтобы правило стало руководством к действию.

III. Выполнение индивидуальных заданий обязательного блока:

1. Изучение и первичное изучение правила по компьютерной программе;
2. «Закрепление нового материала: выполнение упражнения по учебнику; повторение изученных правил с опознавательным признаком «безударный гласный» в корне слова;

3. Контроль. Проверочная работа по компьютерной программе;

4. Работа над ошибками, допущенными при выполнении контрольного задания.

IV. Выполнение заданий дополнительного блока:

1. Составление папки-накопителя по теме «Природа нашего края» (работа для четырех учащихся);

2. Упражнение занимательного характера «Словарный ящик» (работа в парах);

3. Свободная работа (Ученик самостоятельно выбирает вид деятельности, связанный с темой урока).

V. Итог урока с фиксацией уровня выполненных заданий.

VI. Дифференцированное домашнее задание: тем, кто получил «5» и «4» – проблемного характера, тем, кто получил «3» – тренировочного.

Задания на дом, помимо выполнения упражнений по школьному учебнику, включают работу с электронными материалами. Ученики могут сравнивать материал параграфа учебника с материалом компьютерной программы; работать со справочными материалами электронных ресурсов (словарями, энциклопедиями, справочно-информационным порталом); делать работу над ошибками, допущенными при выполнении контрольного задания на компьютере. В домашние задания могут входить и гипертекстовые ссылки на электронные источники, что позволит школьникам создавать собственные гиперсвязи.

В условиях компьютерного обучения ошибочное решение приобретает иной психологический смысл, так как в компьютерной программе обеспечивается исправление ошибки и доведение задачи до конца. Компьютер позволяет ученику преодолеть психологический барьер при обучении, одним из проявлений которого является «ошибкобоязнь». Ошибка не повлечет за собой наказания; наоборот, она заставит компьютер помочь ученику восполнить пробел в какой-то теме. В то же время «Если ученик получит возможность проконтролировать себя в тот момент, когда у него в этом большая потребность, то эффект от этого контроля огромен: ученик запомнит правильное написание затруднительного слова: действует принцип психологической «ловушки» [5, с. 144].

По окончании работы по электронному пособию «Русский язык. 5 класс» семиклассники отмечали, что они не чувствовали неловкости, допуская ошибки, потому что компьютер указывал, что ответ неверен; давал время на возможность подумать, в чем ошибка; в случае двух неверных попыток показывал правильный ответ; «заставлял» исправить ошибку, предложив справку или четкую инструкцию.

При подготовке к данному уроку и после него нами были сделаны контрольные срезы с целью предварительного и итогового выявления уровня сформированности знаний, умений и навыков семиклассников по теме. Результаты констатирующего среза: точно формулируют правило – 10 % учащихся, грамотно выполняют орфографический разбор – 15 %, не допускают ошибок в словарном диктанте – 40 %. Итоги контрольного среза: верно сформулировали правило – 70 % учеников, правильно выполнили орфографический разбор – 80 %, написали диктант без ошибок – 90 %. Таким образом, опыт показал, что использование электронного пособия на занятии открытого типа достаточно эффективно.

Можно отметить следующие технологические и методические преимущества, предоставляемые компьютером: индивидуализация обучения, оперирование большими объемами информации, комплексное мультисенсорное воздействие на различные каналы восприятия, неограниченное количество обращений к заданиям, немедленное предоставление обратной связи, контроль за деятельностью ученика, интерактивность, активная роль ученика в диалоге с компьютером, устранение отрицательных последствий деятельности ученика. Компьютер способен формировать у школьников рефлексию своей деятельности. Традиционно выделяют два вида рефлексии: интеллектуальную и личностную. Первая направлена на осмысление своей деятельности, вторая – на осознание своего «я», осмысление свойств и качеств своего характера. Иногда выделяют межличностную рефлексию. Она совпадает по своему содержанию с интеллектуальной или личностной, но отличается направленностью на другого человека. Формирование рефлексии – одна из важнейших целей.

При этом заметим, что компьютерным средствам обучения нельзя передать ту часть работы, которая требует большой аналитической, творческой деятельности учащихся.

Так, при обучении орфографии учитель использует на занятии такие виды работы, которые не подвергаются формализации:

- подбирает дидактический материал по орфографии с учетом типичных затруднений учащихся (с учетом вариантов орфограмм);
- анализирует причины орфографических ошибок учеников (небрежность, непонимание материала, желание поэкспериментировать и др.);
- предлагает ученикам решать проблемные задачи с объяснительной функцией, типа: «Докажите...», «Объясните, почему...», «Объясните причины» и т. п.;
- формирует правильные ассоциации при изучении орфографических правил;
- проводит неспециальные орфографические упражнения: изложения, сочинения, подбор учащимися «своих» примеров;
- создает ситуации, в которых бы у детей появилось желание писать «свободные тексты» (стихотворения, рассказы, истории);
- проводит диктанты с устным комментированием, диктанты с элементами сочинения, с элементами изложения;
- организует работу учеников по пересказу учебно-научных текстов, связанных с обучением орфографии;
- подбирает материал по орфографии для индивидуальной работы, для работы в парах, в группах.

Кроме этого, учитель оперативно вносит изменения в обучающую программу и методику проведения занятия, прогнозирует сочетание компьютерных программ с традиционными средствами (учебник, раздаточные материалы, таблицы и пр.), составляет дневной (недельный) план открытого занятия, т. е. занятия «открытой архитектуры», сочетающей индивидуальную и групповую работу учащихся.

Учитель формирует также исследовательские навыки, проводит дискуссии. Например, полезна дискуссия на тему «Чем отличается изучение орфографии с помощью компьютера от изучения с помощью учебника?». При этом учитель предлагает несколько коммуникативных установок, которые определяют последовательность действий школьника. Например: подготовьтесь к дискуссии. Обдумайте свой ответ на вопрос, найдите аргументы в защиту вашей точки зрения. Постарайтесь отыскать доказательства, подтверждающие отличительные характеристики компьютерных средств обучения. Попробуйте возразить воображаемому оппоненту, показывая ошибочность его взглядов.

Под руководством учителя ученик совместно размышляет, решает учебные задачи, аргументирует свое мнение. Учитель создает условия для речевого общения и учит общению.

Более того, компьютер не может заменить того, что дает живое человеческое общение ученика с учителем. Живое участие – присутствие человека, сотрудничество эмоционального характера, – все это остается за учителем.

Учитель реализует на занятиях не просто коммуникативный подход, а сознательно- коммуникативный: работа по усвоению орфографического и грамматического материала сопрягается с решением коммуникативных задач. Лингводидактические принципы сознательности и коммуникативности – главные принципы методики преподавания языков в условиях современного сознательно-коммуникативного обучения, обеспечивающего реализацию личностно-ориентированного, деятельностного подходов к обучению школьников родному языку.

«В основе воспитательного процесса должна быть личность ученика, и все искусство воспитателя должно сводиться к тому, чтобы направлять и регулировать эту деятельность» [6, с. 82].

Таким образом, в работе современного учителя, наряду с компьютерными средствами обучения, должны использоваться и традиционные. Максимально тесная интеграция компьютерного и традиционного обучения является характерной особенностью современного этапа развития компьютерной лингводидактики.

Компьютерные технологии, помогая совершенствованию стиля работы, превращают учителя в консультантов и экспертов. Наблюдение, консультация и дидактически-методическая сдержанность (оказывать помощь только в случае необходимости: не вмешиваться слишком рано или слишком много в учебный процесс учеников) – центральные задачи современного учителя.

Конструирование урока с использованием компьютерных технологий и образовательных электронных ресурсов требует от учителя высокой степени профессиональной компетенции [7]. Для того, чтобы учитель мог в полной мере использовать развивающие методы компьютерного образования, он должен обладать теоретическими знаниями в области русистики, методики преподавания русского языка, психологии, психолингвистики, педагогики, педагогической информатики.

Умение компьютеризировать учебно-воспитательный процесс становится одним из профессионально необходимых качеств учителя, поэтому владение методологией, принципами и методикой компьютерного обучения должно стать современным требованием квалификационной характеристики и инвариантным разделом профессиограммы учителя. В аспекте информатизации образования главной задачей является создание условий для опережающей информационно-технологической подготовки будущих учителей, способных к эффективному использованию новых технологий в обучении.

Совершенствование опережающей информационно-технологической подготовки будущих учителей возможно не только через традиционную модель обучения, но и в режиме использования автономной модели, реализующейся с опорой на электронные средства и новые поколения учебно-методических комплексов (Т. Н. Носкова) [8]. Ведущим началом автономной модели выступает уже не обучающая деятельность преподавателя, а учебная деятельность субъекта по освоению образовательной программы во внеучебное время. Так, например, автономную модель можно использовать при дистанционной форме обучения («виртуальном университете») на заочном отделении: информационный поток фиксируется на носителях информации (традиционных печатных, дисках) и хранится в распределенной сетевой форме.

В настоящее время идет становление дистанционной формы обучения и дистанционного сопровождения очной формы обучения с использованием интернет-технологий. Система дистанционного обучения естественным образом интегрируется и в систему школьного обучения.

Новые возможности компьютерных средств обучения для активизации познавательной деятельности школьников и опережающей подготовки будущих учителей стали основой при разработке специального курса по методике преподавания русского

языка «Информационные технологии и образовательные электронные ресурсы в обучении орфографии (5 – 7 классы) [9]. Основной курс орфографии изучается в 5 – 7 классах.

Успех работы в рамках данного спецкурса во многом зависит как от выбора средств информационно-коммуникационных технологий, ориентированных на обучение орфографии (компакт-диски: электронные учебники, репетиторы и тренажеры; интернет-ресурсы), их педагогического и технического качества, так и от организации занятий, которые проводятся в разных формах (лекции, лабораторные занятия, ситуативные упражнения, дискуссии).

Представим тематику лекционных курсов и лабораторных практикумов.

Лекционный курс:

1. Динамика развития и перспективы создания интеллектуальных систем обучения;
2. Новые информационные технологии и проблемы изучения орфографии;
3. Историко-логический анализ проблемы самостоятельной мыслительно-познавательной деятельности учащихся в области орфографии;
4. Компьютерный метадиалог в обучении орфографии;
5. Основные характеристики метода «гипертекст»;
6. Особенности управления учебно-познавательной деятельностью субъекта при использовании обучающих текстов по орфографии;
7. Методы и приемы компьютерного обучения орфографии;
8. Упражнения по орфографии, используемые при компьютерном обучении;
9. Организационные формы самостоятельной работы учащихся по орфографии с применением компьютера;
10. Конструирование урока по орфографии с использованием средств информационных технологий и образовательных электронных ресурсов.

Лабораторный практикум.

1. Диалог как средство активизации познавательной деятельности учащихся в области орфографии;
2. Информативная обратная связь. Контроль. Самоконтроль;
3. Особенности управления учебно-познавательной деятельностью субъекта при использовании обучающих текстов по орфографии;
4. Работа над орфографическими ошибками;
5. Организационные формы самостоятельной работы учащихся по орфографии с применением компьютера;
6. Диктанты на занятиях открытого типа с использованием компьютерных технологий;
7. Конструирование урока по орфографии с применением средств информационных технологий и образовательных электронных ресурсов.

Наряду с классическим лекционным обучением внедряются мультимедийные курсы лекций. Они совмещают технические возможности компьютера, аудио- и видеотехники в представлении учебного материала (наглядно-образное представление информации) и общение преподавателя с аудиторией (вербально-логическое представление информации).

Непременным компонентом лабораторного практикума становится посещение уроков с использованием компьютера в экспериментальной школе, просмотр видеозаписей занятий с применением персонального компьютера. Обязательными составляющими методического обеспечения занятий являются печатные пособия для учащихся, выступающие в качестве аналогов компьютерных программ.

Работа в рамках спецкурса направлена прежде всего на совершенствование профессиональной деятельности и формирование следующих умений:

- извлекать необходимую информацию из различных источников, выделяя главное, первостепенное, системообразующее;
- сравнивать преимущества и недостатки различных источников информации;

- определять необходимое аппаратное и программное обеспечение (локальная сеть, выход в Интернет, мультимедийный компьютер, программные средства);
- использовать интернет-ресурсы (поиск в Интернете информации о методических нововведениях, текстовых базах данных по орфографии, записей уроков и мастер-классов);
- составлять краткий терминологический словарь;
- разрабатывать технологическую карту конструирования урока с использованием персонального компьютера;
- составлять индивидуальный план- график для учащегося;
- проводить в компьютерной лаборатории фрагменты урока по орфографии (урок-презентация, урок-практикум, урок-исследование и т. п.);
- составлять тексты диктантов с самоконтролем, подбирать творческие задания для обучения орфографии на открытых формах обучения.

Основной формой контроля знаний и умений будущих специалистов является творческая зачетная работа, предполагающая разработку урока с вариативным использованием информационных технологий обучения (раздел «Орфография»).

Система реализации опережающей профессиональной подготовки будущих учителей базируется на следующих основополагающих принципах: принципе взаимодополнения, принципе информационной широты, принципе интерактивности.

Сущность принципа взаимодополнения заключается в органическом соединении компьютерных и традиционных технологий в образовательном процессе. Степень применения компьютерных технологий должна определяться преподавателем в зависимости от цели, метода, формы проведения занятия и уровня подготовленности аудитории.

Принцип информационной широты предполагает комплексное, взаимодополняющее использование традиционных и электронных средств, что создает множественность каналов поступления информации. Информационная широта достигается также с помощью систем удаленного доступа к электронным банкам образовательной информации, Интернету, гипер-, мульти-, и медиатекстам обучающих программ.

Принцип интерактивности подразумевает использование не только диалогических форм непосредственного взаимодействия студентов с преподавателем и между собой, но и другие формы. Это, во-первых, диалог субъекта с обучающимися материалами на носителях любого вида. Через интерактивный учебный диалог реализуется автоматизированное управление процессом обучения. Во-вторых, это внутренний диалог ученика с самим собой, что представляет рефлексивность школьника в процессе обучения, достижения результатов, самореализации и т. п. В-третьих, это общий доступ к различным средствам телекоммуникации.

Методические эксперименты позволяют сделать вывод о том, что предлагаемая модель опережающей подготовки будущего учителя-филолога к использованию информационных технологий и образовательных электронных ресурсов при обучении орфографии в целом эффективна. Однако она носит в определенной степени локальный характер. Для того, чтобы компьютер стал для студентов инструментом их деятельности, целесообразно применять компьютерные средства обучения в преподавании всех разделов школьного курса русского языка, шире использовать при выполнении студентами самостоятельной учебно-познавательной и научно-исследовательской работы.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что эффективность применения компьютерных средств при обучении орфографии в школе в одинаковой степени зависит и от качества и дидактических возможностей программного обеспечения обучения и от компетентности и мастерства учителя.

Список литературы

1. Алгазина Н. Н., Пашкова Г. И., Стрыгина Т. В. и др. Русский язык. 5 класс [Электронный ресурс]: Электронное учеб. пособие. – М.: Просвещение-МЕДИА, 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM 750 Мб).
2. Пашкова Г. И. Открытые формы занятий в сочетании с компьютерными технологиями при обучении орфографии // Русский язык в школе. – 2004. – № 5. – С. 13 – 17.
3. Алгазина Н. Н., Ларских З. П., Пашкова Г. И., Фитковская Е. И. Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой: Пособие для учащихся 5 – 7 классов. – М.: Просвещение, 1996. – 175 с.
4. Пашкова Г.И. Обучаем орфографии с использованием электронного пособия «Русский язык. 5 класс» // Русский язык в школе. – 2005. – № 6. – С. 23 – 26.
5. Талызина Н. Ф. Педагогическая психология: учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2003. – 288 с.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 479 с.
7. Брыксина О. Ф. Конструирование урока с использованием средств информационных технологий и образовательных электронных ресурсов // Информатика и образование. – 2004. – № 5. – С. 34 – 38.
8. Носкова Т. Н. Новые аспекты технологий профессиональной подготовки в современном информационно-образовательном пространстве // Вестник СЗО РАО. – 2003.– Вып. 8. – С. 143 – 151.
9. Пашкова Г. И. Работа по опережающей информационно-технологической подготовке будущих учителей русского языка // Среднее специальное образование.- 2008. – № 7. – С. 25 –29.

COMPUTER TECHNIQUES OF ORTHOGRAPHY TEACHING IN MODERN TEACHER'S PRACTICE

G. I. Pashkova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Pashkova@bsu.edu.ru*

The article deals with peculiarity of modern teacher's work when teaching orthography with help of computer techniques. Different types of lessons with usage of PC are described. The new type of lesson – the demonstration lesson is represented. It is emphasized that computer teaching techniques can be used and should be used alongside the traditional ones. The author suggests the themes of special course lessons based on advanced informational and technological training of future Russian language teachers.

Key words: Russian orthography, computer teaching techniques, demonstration type of lesson, electronic teaching aids, modern teacher, advanced informational and technological training.

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Н. А. Туранина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
turanina@mail.ru*

В статье поднимается проблема реализации сравнения в художественных текстах современных писателей – женщин. Спецификой рассмотренного образного средства в женской прозе является изменение семантики и функциональной направленности тропа в составе контекста.

Ключевые слова: контекст, женская проза, сравнения, образ сравнения, предмет сравнения.

Сравнение – это феномен человеческого сознания, проявляющийся в том, что одно явление или понятие постигается путем сопоставления его с другим явлением или понятием. Эти сопоставления позволяют наглядно представить сравниваемые предметы и явления, глубже понять и познать их. Как один из видов мыслительной деятельности сравнение является предметом логики и заключается в сопоставлении предметов и явлений на основании сходства, предполагающего наличие общего признака или комплекса признаков. Сравнение как одно из древнейших средств художественной выразительности встречается в самых ранних памятниках художественной речи. Лингвистические исследования сравнения в художественном идиостиле писателя позволяют выявить стереотипы мышления художника слова, его устойчивые представления о каком-либо явлении, свойстве, объекте, сложившиеся под влиянием социальных условий и жизненного опыта. В существующих работах, посвященных исследованию сравнения, ряд исследователей придерживаются традиционной мысли о том, что сравнение является литературным приемом, важнейшей формой языкового образа, основной функцией которого является эмоционально-экспрессивная характеристика описываемого предмета, создание пластически зримых и акустически достоверных образов. Несмотря на то, что исследование сравнения как системного явления в языке получило широкое освещение в науке, однако вопрос о его статусе до сих пор остается полемичным. Так, исследование велось на разных лингвистических уровнях: выявлялись его грамматические и функционально-стилистические особенности как на языковом материале, так и в художественном тексте, определялись условия разграничения сравнения и метафоры, описывались устойчивые сравнения как предмет фразеологии.

В настоящее время внимание не только литературоведов, но и ученых-лингвистов вновь сосредоточено на изучении художественных текстов, и поэтому анализ сравнений в прозе современных авторов-женщин представляется весьма актуальным. Исследования феномена сравнения, его грамматических форм в составе простого и сложного предложений, функционально-стилистических особенностей в различных видах текстов нашли свое отражение в работах Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, Р. А. Будагова, В. П. Вомперского, Н. М. Голевой, А. И. Ефимова Л. А. Киселевой, А. Н. и М. Н. Кожиных, Е. Н. Некрасовой, А. Ф. Прияткина, Д. Э. Розенталя, Н. А. Тураниной, М. И. Черемисиной, В. К. Харченко, Н. А. Широковой и др.

Сравнение, в отличие от других тропов, сосредоточено в выраженной аналитической структуре, что подтверждает его гносеологическую основу: через сравнение познаются единичное, особенное и всеобщее, как связанные отношениями сходства и различия; изменчивость, развитие вещей и явлений познается посредством сравнения; никакое движение не может быть обнаружено и познано без сравнения; сравнение служит познанию причин явлений; при помощи сравнения производится систе-

матизация предметов и явлений; всякая классификация пользуется сравнением; при участии сравнения совершается опосредованное познание объективной действительности путем умозаключения, сравнение используется в качестве одного из наиболее необходимых средств доказательства. Сравнению и неразрывно связанной с ним аналогии посвящены работы представителей философской мысли (Аристотель, Декарт, Лейбниц, Дидро, Юм, Герцен). Разум человека способен ориентировано выявлять идентичное, то есть он предрасположен к установлению аналогий посредством сравнения, что помогает познать мир.

Как лингвистическая категория, отражающая один из способов познания мира, сравнение представляет собой сложно организованную систему. Место единицы в этой системе определяется совокупностью определенным образом организованных признаков: характером соотношения предмета сравнения и образа сравнения, модальным значением конструкции, ее особыми текстовыми функциями. Отнесение сравнения к тропам вызывает полемику среди лингвистов. Одни считают, что в сравнениях значения слов не претерпевают изменений; другие утверждают, что и этом случае происходит «приращение смысла» и образное сравнение является самостоятельной семантической единицей. Такое понимание средства художественной изобразительности позволяет отнести сравнение к тропам в точном значении термина. Традиционная точка зрения состоит в том, что сравнение является литературным приемом, художественным тропом, важнейшей формой языкового образа, основной функцией которого является эмоционально-экспрессивная характеристика описываемого предмета, создание пластически зримых акустически достоверных образов.

Существует множество классификаций сравнения, которые варьируются в зависимости от признаков ее основы.

1. По авторству: индивидуально-авторские и традиционные (общенародные). Последние придают речи большую эмоциональную выразительность, исходящую со стороны автора. В отличие от сравнений индивидуальных, традиционные / общенародные сравнения входят как устойчивые словосочетания в словарный состав языка и активно функционируют в разговорной речи народа. Традиционные сравнения – сравнения, образ которых не создается заново, а только воспроизводится и в этом конкретном смысле употребляется всем языковым коллективом. Специфика индивидуально-авторских сравнений сосредоточена в контекстуально ограниченном фрагменте произведения, что обеспечивается наличием автора и его характерных стилистических особенностей. Но, стоит отметить, что грань между индивидуально-авторским и традиционным (народным) сравнением достаточно условно, поскольку нередко сравнения в контексте художественного произведения автора имеют глубокие корни происхождения из народных;

2. По объему: краткие, расширенные и развернутые. Они определяются объемом компонентов модуля и эталона;

3. По логическим отношениям между сопоставляемыми в сравнении понятиями выделяются настоящие и мнимые сравнения;

4. По основной функции различаются объективные и субъективные сравнения;

5. По наличию или отсутствию базы сравнения – положительные и отрицательные сравнения.

Сравнение принадлежит к числу важнейших операционных приемов познания мира, поскольку оно направлено на определение сходных и различных свойств действительности, что прогнозирует наличие новых данных о предмете описания. Сравнение, являясь одним из самых продуктивных видов тропов, часто встречается в художественном тексте с целью более точной передачи информации, правдивости изложения и изображения, образной ощутимости реалий – конкретизации черт субъекта сравнения через сопоставление его с объектом сравнения. Позиционно обозначенные объединения слов как субъекты и объекты сравнения в семантические группы позволяет определить и провести анализ сфер окружающей действительности, встречающихся в

тексте произведений современных писателей. Наибольший интерес вызывает вопрос о специфике выбора именно женщин-авторов того или иного объекта в качестве структурного элемента в операции сравнения, что позволит определить семантическую модель сравнения и отметить индивидуально-авторский почерк каждого из художников слова (Н. Горлановой, Л. Петрушевской, О. Славниковой, В. Токаревой, Т. Толстой, Д. Рубиной, Г. Улицкой, Е. Чижовой).

Сравнение – это ведущий троп в современной женской прозе, за исключением произведений Т. Толстой, у которой это образное средство чаще выступает в контексте вместе с метафорой, а не в чистом виде. Семантика сравнения в современной прозе претерпевает значительные изменения в плане выражения предмета и образа сравнения, а также функциональной направленности тропа. Предмет и образ сравнения расширяет свою предметную соотнесенность, наряду с традиционными тематическими группами и лексемами их наполняющими, появляются совершенно неожиданные группы наименований в составе сравнения, в произведениях В. Токаревой, О. Славниковой, Л. Улицкой, О. Кучкиной и многих других.

Особый интерес представляет образ сравнения, который является отражением модели мира художником слова. Лексемы, репрезентирующие образ сравнения, объединены в 41 тематическую группу, среди которых наиболее частотными являются имена собственные, фитонимы и зоонимы.

Антропонимы в художественной прозе названных авторов чаще представлены именами и фамилиями известных лиц. Необходимо отметить, что подобная группа довольно редко встречалась в поэзии и прозе начала XX века, но особенно активна в современной женской прозе. Наиболее частотными являются следующие антропонимы и топонимы: *Хэмингуэй, Софокл, граф Нулин, Аллочка, Большой театр, Гребенщиков, принц Чарльз, Наташа Ростова, Ихтиандр, Штирлиц, Шехерезада, Нина Заречная, Пржевальский, Коктебель, Башкирия, Знаменская площадь, Самуил, Мара, Саша, Иов, Каин, Тимошенко, Немезида, Пьер Безухов, Байрон, Вернадский, Сэм, Пигмалион, Галатея, Шапокляк, Эккерман, Гете, Денисов, Эдгар По, Изольда, Гобсек, Доронина, Мэдисон-парк.*

Приведем примеры функционирования имен собственных в составе художественного контекста: Я, как чеховская *Нина Заречная*, бредила о славе (В. Токарева); Крылов, сидя, как *Ихтиандр*, в бочке (О. Славникова); Лиина Павловна готовилась, как *Наташа Ростова* на бал (Г. Щербакова); от нее исходил свет, как от *Наташи Ростовой* (Н. Горланова); Сергей Иванович ненавидел жильцов своего подъезда, как *Каин Авеля* (Г. Щербакова); имя его – громоздкое, как трагедия *Сафокла* (Д. Рубина); волосы, как у *Самуила* (Л. Улицкая); для нее он стал Мастер Бо, как у *Гребенщикова* (М. Кетро); она обнаружила косу, уложенную вокруг головы, наподобие *Тимошенко* (О. Кучкина); слушая недозволенные речи, как в сказках *Шехерезады* (О. Кучкина); откуда берутся такие, как *Пьер Безухов* (Н. Горланова); натворила Марика, как *Пигмалион Галатею* (Т. Янковская); он облажался, как *граф Нулин* (Т. Янковская); (Оркыя апа) и в молодости была, как *Шапокляк* (Л. Газизова); я за ним ходила, как *Эккерман* за *Иоганном Вольфгангом Гете* (М. Москвина); элита опускается... как в рассказе *Эдгара По* (Е. Долгопят); из того захолустья, как *Башкирия* (К. Титова); фаллические символы, как на *Знаменской площади* (Е. Михайлова); с такой, как у *Изольды*, внешностью (Л. Коль); пусть карьеру делают такие, как *Доронина* (Н. Муратова); и каждый, как и *Гобсек*, тянул себе свое (Л. Коль); нежный, протертый, как в *Мэдисон-парке* (И. Муравьева).

Фитонимы в широком смысле слова – это нарицательные существительные, обозначающие наименования всех объектов, принадлежащих к растительному миру, что подразумевает включение наименований как самых растений, так и их части, а также совокупности растений: *ветка, плод, плакучая ива, жасминовая ветка, банан, кактус, помидор, цветок, роза*. Например: (Катя) благоухающая, как *жасминовая ветка* (В. Токарева); на мягкой головке, что лежала на согретой отцовской ладони,

будто *тяжелый плод* (О. Славникова); девушка свешивала волосы, как *плакучая ива* (Л. Петрушевская); цветет, как *роза*, ваша Риммочка (М. Хемлин).

В лингвистике нет единого толкования термина «зооним», в широком смысле термин понимается, как лексема, обозначающая наименования всех представителей животного мира, включая названия общие для любого животного или для некоторых классов. Понятие включает собственно зоонимы (наименование млекопитающих), а также орнитонимы (наименования птиц), ихтионимы (наименование рыб), названия насекомых, членистоногих, земноводных и пресмыкающихся. В состав зоонимической лексики включают номинации, общие для животных или для их классов; названия совокупностей, слова, номинирующие части тела, места обитания животных. В художественном дискурсе современной женской прозы это лексемы: *зверь, собака, бизон, лошадь, медведь, цапля, зайчик, сова, бык, муха, паук, рыба, бабочка, волчата, стадо, стая, муравей, птица*. Приведем примеры употреблений перечисленных номинаций в контексте произведений: лицо становилось тупым, как у *бизона* (В. Токарева); на корточках сидел человек, странно менявшийся в щелях, будто *рыба*, плывущая в аквариуме (О. Славникова); невеста восседала, как *муха* в сметане (Л. Улицкая); голова, как у *лошади Пржевальского* (Т. Толстая); стая женщин наверху, будто *цапля* щелкала (Д. Рубина); он стоял оскаленный, как *собака* (Л. Петрушевская); их (ребят) догнали и пристрелили, как *волчат* (Г. Щербакова); девочка, как *зайчик*, замирает (М. Кетро); дамы эти уже издали громко звякали, как звякает неторопливо бредущее, неторопливо жующее *стадо* (М. Палей); люди, как *муравьи*, населили их (Е. Долгопят).

Продуктивной в составе сравнения является группа наименований лиц по возрасту, профессии, статусу и другим признакам: *ребенок, старуха, грузчик, слуга, балерина, младенец, девочка, прачка, киноартист, модель, мушкетер, пианист, скульптор, люди, матрос, колдун, дети, вампир*: (Дениска) отрытый настезь, как большой *ребенок* (В. Токарева); неуверенный в себе и боязливый, как *девочка*, первенец (Л. Улицкая); у ребенка кудри до плеч и кисти, как у *пианиста* (М. Кетро); распаренная любовью, как *прачка* паром (Д. Рубина); бились, как *мушкетеры*, две мысли (Г. Щербакова); и тут в комнату вошел Глюк. Красивый как *киноартист*, одет, как *модель* (Л. Петрушевская); она веяла мир, как *скульптор* (И. Василькова); чудестные местности, как *люди*, жаждущие одиночества (Е. Шварц); сильно, как *матрос*, притянет ветви сирени (Т. Толстая); Лизавета, как *африканский колдун* (Т. Толстая); я, как *восточная женщина* (Е. Михайлова); (делают) действительно, как *дети* (В. Капустина); у Алекса вид был, как у *уличного бродяги* (Н. Муратова); он (водолаз), как *настоящий вампир*, это почувствовал (Н. Ключарева).

Менее частотными тематическими группами, лексемы которых функционируют в составе сравнения в женской прозе являются:

а) наименования продуктов питания, напитков: *хлеб, селедка, сахар, шампанское, суп, леденец, семечки, витамины, тыквенные семечки, горох, соль, студень*: глаза мелкие, как *семечки* (В. Токарева); крупным, как *тыквенные семечки*, почерком (Т. Толстая); бородавки, как *сухой горох* (Т. Толстая); переехали на окраину, называемую, как *соль* на свежую рану – Веселым поселком (Е. Чижова);

б) наименования предмета быта, одежды, ткани: *табуретка, люстра, телефонная трубка, сундук, бревно, вешалка, ведро, тулуп, мешок, мясорубка, отбойный молоток, труба, прожектор, фарфор, стиральная доска, рычаг, картина, колыбель, галоши, мельничные колеса, серебряная парча*: (моя жизнь) стояла устойчиво, как добротная *табуретка* на четырех ножках (В. Токарева); подруга, одетая криво, будто *вешалка* в шкафу (О. Славникова); пальто, сидевшее на ней (девushке), как *тулуп* на ямщике (Д. Рубина); вдовство, которое она несла, как *знамя* (Г. Щербакова); батон и консервы она умяла, как *мясорубка* (Л. Петрушевская); я спала, как *бревно* (М. Палей); в тяжелых, как *отбойный молоток*, руках (О. Кучкина); кто-то вел свою партию низким, как *трубы*, голосом (Л. Газизова); он (фонарь) горел сильно, как

прожектор (Е. Долгопят); (кожа) побелела и стала, как *фарфор* (Е. Долгопят); (коряга) поедет по жердям, как *по стиральной доске* (Е. Холопова); улыбнулась, как на *картинке* (М. Хемлин); и спит (моряк) там (в каюте), как в *колыбели* (Е. Шварц); глазами огромными, как *мельничные колеса* (Т. Толстая); вода отблескивала, как *серебряная парча* на изломах (Е. Добрава).

Предмет сравнения представлен в текстах исследуемых авторов 18 тематическими группами, среди которых наиболее частотными являются традиционные группы: а)наименование лиц по различным признакам: *эфиопка, ровесник, человек, подруга, старичок, ребенок, писатель, теща, девушка*; б)наименование психических и физических состояний, чувств: *чувство, жалость, любовь, страсть, жажда, ненависть*; в)соматизмы: *лицо, глаза, головка, усы, тело, борода, рот*; г)наименования растительного мира: *клумба, дерево, ветвь*; а также малочисленная у других авторов группа имен собственных в качестве предмета сравнения – *Дениска, Костя, Катя, Олег и другие*.

С точки зрения гендерного аспекта построения сравнительных конструкций, необходимо рассматривать данный вид тропа, учитывая качества женщин, которыми их одарила природа (чувство материнства, опеки, нежности, ласки, любви и т.п.) или воспитал социум (карьеризм, инфантилизм, отказ от семейных ценностей и т.п.). Динамика и трансформация смысловых субстанций художественного произведения проектируют в нем определенную функциональную направленность и в этой связи в современной прозе авторов-женщин операция сравнения проводится по семантическим моделям:

– «Личность – Личность» (Горбачев, больше похожий на *Берию* (Т. Толстая); профессор чувствовал себя *Наполеоном Бонапартом* [О. Славникова]);

– «Личность – зооним» ([невеста] восседала, как *муха* в сметане [Л. Улицкая]; (Алексей Петрович) забьется, завизжит *зайчиком* [Т. Толстая]; (Климов) весь в перьях, будто *хорь* в курятнике [О. Славникова]; наверху (машинистка), будто *цапля* щелкала [Рубина]; Была там одна такая... волнистая такая фея... как *собачка*... [Т. Толстая]);

– «Вещь – Личность» (иногда (зимнее пальто) обогащалось, как *Гобсек* [Славникова]; (сумка из кусочков) узором напоминала *тетерку*, даже было видно, как закругляется крыло [О. Славникова]);

– «Вещь – зооним» (запаханный звоночек, грустной *кукушкой* отвечающий из глубины квартиры [О. Славникова]; гармошка нищего была нема, как *рыбья жабра* [О. Славникова]; прицепившиеся *комарами* дешевенькие серьги [О. Славникова]);

– «Внешность человека – продукты питания» (бородавки, как сухой *горох* [Т. Толстая]; (организм племянника) был абсурден, как *суп* [Славникова]; глаза мелкие, как *семечки* [В. Токарева]);

– «Внешность человека – зоонимы» (лицо становилось тупым, как у *бизона* [Т. Токарева]; голова, как у *Лошади Преживальского* [Т. Толстая]; псевдо-Вика, похожая в меховом жакете на *ёжика* [О. Славникова]; встопорщенные брови, всегда похожие на двух *петухов* [О. Славникова]; *петушиным гребешком* нарисованный ротик [О. Славникова]; болела похожая в бинтах на *зайца* правая рука [О. Славникова]; участковый врач, старенькая, похожая на мудрую *крысу* Евгения Марковна [О. Славникова]; женщина в мужском пиджаке с лацканами, будто акульки *плавники*, была то, что надо [О. Славникова]; (ведущая) в прическе как золотое воронье *гнездо* [О. Славникова]; разлетаются, будто помойные *голуби*, серые и черные кроссовки [О. Славникова]; ее (Клумбы) перчатки, красные, как леденцовые *петушки*, смешно торчали на заголившихся руках [О. Славникова]);

– «Окружающая действительность – зооним» (Опрокинутый ночник... выпустил из угла косые подвижные тени, прозрачные, будто *крылья* гигантского насекомого [О. Славникова]; темнота припала к земле, доставая тенью, будто *кошка* лапой, покотившуюся банку из-под колы [О. Славникова]; выскочивший корень (истощенного

растения), похожий на крысиный *хвост* [О. Славникова]; (в сизой полосе) угадывался легкий и слюденистый, будто стрекозиное *крылышко*, железнодорожный мост [О. Славникова];

– «Окружающая действительность – продукты питания» (*плавлеными сырками* казался город) [Т.Толстая]; провинциальные круглые, будто *шаньги*, цветочные клумбы [О. Славникова].

Список литературы

1. Современная проза. – М.: АСТ. – 225 с.
2. Туралина Н.А. Современная женская проза: взгляд лингвиста. – Белгород: БелГУ, 2009. – 175 с.

REPRESENTATIONS OF COMPARISONS IN MODERN FEMALE PROSE

N. A. Turanina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
turanina@mail.ru*

In article the problem of realization of comparison in art texts of modern writer – women rises. Specificity of figurative means in female prose is change of semantics and a functional orientation a track as a part of a context.

Key words: the context, the female prose, the comparisons, the object of comparison.

«ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА» ДЕТСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА¹

В. К. Харченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

Kharchenko@bsu.edu.ru

Исследуются словообразовательные предпочтения и удельный вес словотворчества в детской речи на материале двух годовых срезов (2009 и 2010 гг.) по собранным фактам сплошной фиксации всех отступлений от норм языка в речи одних и тех же детей.

Ключевые слова: детская речь, словотворчество, способы словообразования, суффиксация, контаминация.

Детское словотворчество традиционно, то есть устойчиво, регулярно, интенсивно, изучается как единый совокупный континуум фактов, «точек», примеров на всевозможные способы словообразования. Делается это, конечно же, с обязательной фиксацией возраста ребенка в момент «изобретения» им того или иного «индивидуально-авторского» слова. Другой, тоже традиционный путь анализа, – детально описывать тот или иной конкретный способ словопроизводства, представленный в речи детей [1].

И в том, и в другом случае, разумеется, берутся разные информанты, что делает выводы и убедительными, и во многом «универсальными». Такие исследования можно и нужно продолжать, тем более что динамика современной жизни вносит свою лепту, в том числе, и в процесс детского словосозидания, словотворения. И речь идёт не только о компьютерной тематике словотворческого процесса и не только о персонифицированной сфере новых мультфильмов (чаще – мультсериалов!). Так, ещё лет 15 – 20 тому назад невозможно было представить, какой отклик в речи детей и в их играх найдёт тема динозавров, поддерживаемая промышленностью игрушек, игр, производством книг и научно-популярных фильмов. *У трицератопса два больших рога, а один маленький. Вот такой как папина флешка! (4,10). Мама мне тыкву принесла понюхать. Такая не тыква, можно сказать, а какая-то вообще вкуснозавр, вкуснотыква (4,1). Раскрашивает: Пластины у стегозавра красные, как будто он их кровью набрал! (5,0). – Гадюки такие ловкие! – А что, динозавры еще ловче! (5,5). Танцует со «страшной» гримасой: Я по-целилозаврему танцую.(4,11).*

Новый материал всегда обогащает и по-своему, по-новому освещает даже традиционные пути теоретического его прочтения, анализа, в том числе и материал по словотворчеству: *вкуснозавр, по-целилозаврему.*

В своем исследовании, однако, мы попытались рассмотреть феномен детского словотворчества с несколько иных позиций, а именно: взять одних и тех же испытуемых и на общей карте непопаданий их слов, словоформ, высказываний в норму и заведомой игры в слова (такие «карты непопаданий», точнее ковровые записи всех отклонений у нас составлены!) пронаблюдать феномен словотворчества.

Итак, ещё не планируя данного исследования, на протяжении нескольких лет мы фиксировали «методом сплошной выборки» все самые различные «ошибки» детской речи, наблюдая над речью двух братьев Льва и Евгения, разница в возрасте которых составляет 3 г. 1 м.

Сразу оговорим два момента. Первое: применительно к языку детей термин «ошибка» звучит не вполне корректно в силу пейоративной коннотации самого слова. Об условности термина «ошибка» применительно к онтогенезу, онтолингвистике не-

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

однократно писала известный исследователь детской речи С. Н. Цейтлин, подчёркивая, что детское слово нередко более системно, нежели взрослое слово-исключение [2]. Второе – это ограниченность материала. «Все» непопадания в норму, «все» шероховатости зафиксировать мы, естественно, никак не могли по следующим причинам.

Во-первых, потому, что наблюдали детей от трёх до пяти часов в день, но никак не 24 часа в сутки, то есть оказывались в позиции «приходящего наблюдателя». И в течение месяца отнюдь не каждый день велись наблюдения. Так, личное общение с детьми в течение месяца покрывало из 30-31 дня в среднем лишь 17, максимум 20 дней.

Во-вторых, действовал «человеческий фактор»: своевременно, по горячим следам, не записанное детское слово, или реплику в диалоге, или, тем более, целое высказывание подчас невозможно было восстановить. И, тем не менее, в итоге даже таких, с перфорациями, наблюдений был собран значительный и «говорящий» материал, способный дать ответы, в частности на поставленные далее вопросы по аспектам детского словотворчества.

Пожалуй, целесообразно привести без купюр хотя бы два фрагмента таких записей.

2 января 2009 г.

Женя папе: Ты баловник! – А мама кто? – Никто? Фу, я уже язык перепутал (сломал).

Лев: Паучок очень огромный! <...> Отряд пауковых (паукообразных).

Женя: Смотри, динозаврик (ест) яица (яйца).

Я: Клади второе яйцо. Женя: Это я буду кладить.

Лев Жене: НевЕрщик ты!

Левчик спокойно читает. Женя сердится: Это меня уже обалдело! – Что? – Ну Лёвчик мне обалдел. – Как? Он мне мешает.

Женя: Машины поЕдят (поедут).

Женя выпаливает одним залпом: Качай меня сильно-сильно-сильно-сильнее!

Женя о динозавре, окуная его в банку с пластмассовыми буквами: Он попал в краску! Я: Да как же это так получилось? – Да никак это не так получилось (никак не получилось).

Женя говорит за динозавра: Не надо меня плесть Мне больно будет. Этого заплёли (заплели) в паутину.

Играем: Я: Сейчас я тебе дам креветку! Женя: Я сам дАю (возьму).

3 января 2009 г.

Женя о мозаике: Ещё не подавай (больше не подавай)! <...> Я это собирал, когда (пока) ты не пришла (когда тебя не было).

Женя о том, что много посуды с едой на столе: Сколько обеда!

Лев говорит за динозавра: Что? Это стегозавр. Он нам вреда не даст (не принесёт)!

4 января 2009 г.

Женя красит красками: Это еда (что-то фиолетовое). Это едУт (едят).

Женя: Ещё песокчек!

Женя прыгает на мягком большом стуле-Пифе, поставленном на папин диван: Какой я летучий! <...> Какой я летучий сегодня!

Женя берёт толстый том «В. Высоцкий»: Я почитаю! Потом достаёт с той же полки обычную тетрадь, ставит на место: Это не научная!

Женя о шапке, которую мы часто как мяч кидаем в коридоре: Погоди, я кидУ(кину)! Больше хватит! <...> Больше хватит, но не хватит.

На качелях Женя: Не пихай (не качай) меня сильно-сильно.

5 января 2009 г.

Лев: Марсианец (марсианин). <...> Очень сильный метеорит упал на нашу планету.

Лев за игрой: Это древнее семенО растения (семя древнего растения)!

Лев: Надо сварить (приготовить) лекарство.

Лев: Можно сказать про острова, что они мигрируют?

Женя спал. Лев сбросил с дивана мелкие игрушки: А планета тоже рушится. Тут всё в другое место пересёПалось.

1 января 2010 г.

Я: Елка моя (сосновая ветка) не пахнет. Лев: Или нюх сорвался (испарился).

О Лялиной кошке Лошадке. Я: Женечка с Лошадкой познакомился. Женя: Но она убежала. Так нечестно!

Я: Попить дать? Хочешь компотику? Женя: Хочу! Компотику! Отличная идея! Баб, спасибо, что дашь. Хорошая идея, я хочу компотику.

Женя: Я сплю одновременно с открытыми глазами.

Женя: А компот и варенье чем отличаются, баб, я забыл?

Лев смотрит книгу: Смотри, какую газель растрепал.

Лев: Я её на вид могу узнать (по виду).

2 января 2010 г.

Лев: Прилетит дракон, он на него – пых огнём!

Женя: Он сам хороший. Он сам думал перевоспитОтся (перевоспитаться)!

Женя о конструкторе: Он собирает машинам, поездам (?) это всё. Он отвезёт на стройку.

Я Льву: Здесь надо тоненькое растение нарисовать. Лёвчик: Тоже такое завих-риИстое?

6 января 2010 г.

Женя: Я не хочу ездить на Ерик: там не так смело (не так страшно, не так опасно лазить по деревьям).

Я: Дай 10 рублей: я подую вентилятором. Женя: Пять тысяч тысяч я тебе дал.

Женя: На каком ты свете живёшь? – Что ты имеешь в виду? – Ничего я не имел в виду! Я просто спросил, на каком ты свете живёшь.

Лев: Можешь опять мне конём угрозиТЬ. Я побью его всё равно.

Я повторно: Жень, подари мне эту картину! Женя тоже повторно: Хорошо! Да сколько раз говорить: хорошо да хорошо!

Женя: Всё разрушилось от динозавров (из-за динозавров).

Как видим, такие, собранные по принципу «Остановись, мгновение!» «хрестоматии» включают в себя и фразеологизмы в устах ребенка, и формотворчество, которое подчас трудно отграничить от словотворчества, и детские вопросы, и повторы слов, и отзеркаливание взрослых реплик, и цитаты из песен, и междометия, когда в процессе игры ребёнок становится еще и звукорежиссером, и... и...

На материале составленных сводных высказываний детей мы пытались исследовать в отношении детского словотворчества четыре следующих феномена:

а) предпочтение, отдаваемое ребенком тем или иным способам словотворчества в разные возрастные периоды;

б) соотнесение со способами словопроизводства, с одной стороны, непреднамеренного, «вынужденного» словотворчества [О Маше из м/ф «Маша и медведь»]: А чего она всегда обдразнивает [дразнит медведя по каждому поводу]? (4 г. 8 м.), а с другой – феномена языковой игры: [Сделал сложную игрушку из петуха, цыпленка и куклы, принес показать]: ЧелпетухоцЫп! (7 л. 10 м.);

в) повторяемость словотворчества: ср. в приведенных только что примерах: челпетухоцЫп – сказано единожды и более не фиксировалось, тогда как обдразнивает было несколько раз повторено при упоминании о героине мультсериала «Маша и медведь» – девочке, постоянно дразнившей медведя;

г) удельный вес словотворчества, тоже в динамике возрастных различий и изменений, в общем конгломерате всевозможных непопаданий в норму, отступлений от языковых нормативов.

Еще одно предварение. Выписывая из компендиума, континуума живой речи слово, отвечающее параметру словотворчества, мы сохраняли его контекстуальный, точнее ситуативный лик: не образовывали начальную форму. Во-первых, потому, что экспликация начальной формы не было и приписывать ребенку то, чего он не говорил, по меньшей мере, некорректно. Во-вторых, словоформа легче восстанавливает в памяти ситуацию употребления, что иногда существенно при определении способа словообразования.

Итак, первый вопрос – это возможное, гипотетическое предпочтение, отдаваемое ребенком тем или иным способам словотворчества в разные возрастные периоды.

По записям за календарный год 2010-й зафиксировано в речи ребенка в возрастном интервале: 3 г. 9 м. – 4 г. 9 м. 172 факта словотворчества, в речи же ребёнка в возрастном интервале: 6 л. 10 м. – 7 л. 10 м. – 84 факта. За три года количество примеров на словотворчество снижается наполовину. При этом интересно следующее: сохраняется процентное соотношение ведущих способов словообразования.

У четырехлетнего число «своих» слов, образованных суффиксальным способом, составляет 68 (40 %) от общего числа детских окказионализмов, у семилетнего – 40 (48 %).

Второе место с большим отрывом от первого занимает приставочный способ словообразования. Третье, с ещё большим отрывом – приставочно-суффиксальный, четвертое – префиксально-суффиксально-постфиксальный.

Слова, образованные остальными способами, и в речи четырехлетнего, и в речи семилетнего в нашем «сквозном» материале единичны, но дети этими способами словотворчества владеют. Это такие способы, как основосложение, безаффиксный способ (*пах*), постфиксация, редеривация (*чаянно*). Отдельно отметим контаминацию: *Якурск* = *Якутск*+*Курск*, *завалины* = *развалины*+*завалы*) и гендиадис: *ученый-мочёный*.

Проверим сказанное на других датах, цифрах и, соответственно, иллюстрациях.

По записям за календарный год 2009-й в речи ребенка (2 г. 9 м. – 3 г. 9 м.) зафиксировано 193 факта словотворчества, в речи ребёнка (5 л. 10 м. – 6 л. 10 м.) – 179 фактов. Количество примеров на словотворчество снизилось незначительно. При этом интересно следующее: сохраняется процентное соотношение ведущих способов словообразования.

У трёхлетнего число «своих» слов, образованных суффиксальным способом, составляет 97 (50,2 %) от общего числа детских окказионализмов, у шестилетнего – 91 (50,8 %). Приведём, соответственно, примеры.

Мозаичка, Неандерталовна («отчество»), прогретор, грушный, машиновый, массажирка, пассажистка, игратели, самолётник, шахматинка, чаюшку, пожарочки, вынунуть, рулитель и др.

Машинцы, желтянка (желтуха), квачонок, одинокость, воришский, разнообразность, скользота, вставитель, акулистый, сцапанье, папьемашевские, мультишно, омарёнок, щекотник, глупосничать, ловление и др.

Второе место разделили приставочный: *напил, пересобирать* (21 – 25) и суффиксально-префиксальный: *умедлил, перетачиваю* (28 – 24 факта) способы словообразования.

На долю всех остальных способов без явного «лидерства» у трёхлетнего приходится 47 (%), у шестилетнего – 39 (%). Это такие способы, как префиксально-суффиксально-постфиксальный способ (*смокнется, исфильтровалась, отшипится*), основосложение (*трактореферат, трусошорты*), безаффиксный способ (*застрив, напад*), постфиксация (*смешились, пожалелся*), редеривация (*смелится*), флектив-

ный способ (*джунглии, тигрый*) Отдельно отметим контаминацию: *динопах* (динозавр + черепах), *скорпидил* (скорпион + крокодил).

Обобщим полученные данные по суффиксальному способу словотворчества:

три года – 193 – 97 – 50,2 %;
четыре года – 172 – 68 – 40 %;
шесть лет – 179 – 91 – 50,8 %;
семь лет – 84 – 40 – 48 %.

Таким образом, на первую половину вопроса мы ответили: дети всех четырех исследованных возрастных групп явное и устойчивое предпочтение отдавали суффиксальному способу словотворчества. Получается, что суффиксальный способ у ребёнка всегда «под рукой», этот способ хорошо освоен при мощной поддержке языковой иерархии способов, где суффиксация также лидирует.

На долю всех остальных способов в речи ребенка, сколько бы лет ему ни было, приходится в среднем 49 %. Вторая половина попыток создать своё слово, что при удивительном количественном, но не ярком на повтор примеров разнообразии способов словообразования создаёт палитру попыток ребёнка усвоить «сразу и всё».

В течение марта 2009 г. в речи мальчика (2 г. 11 м.), помимо суффиксации, префиксации, циркумфиксации, были зафиксированы такие «разовые» способы словотворчества, как безаффиксный (*Мача Ганя* от «мальчик грязный», по мотивам «Мойдодыра» К. Чуковского), постфиксация (*вспотелся, поехали*), редеривация (*смелился, баловниц*), контаминация (*стреконожка*). В течение сентября 2009 г. в речи мальчика 6 л. 7 м., помимо суффиксации, префиксации, циркумфиксации, были отмечены такие разовые способы словопроизводства, как безаффиксный (*дубил* от дубильные вещества), постфиксальный (*спилиться, заснялась*), префиксально-суффиксально-постфиксальный (*сплылись*), основосложение (*головаглав*), основосложение с нулевой суффиксацией (*огромнокрылый*).

Принцип аналогии при словотворчестве становится доминирующим. Ср.: вытер – вытерся / вспотел – *вспотелся**, доярка – дояр / баловница – *баловниц**. Не исключена процедура гаплогонии (вставки слога) при образовании как словоформ, так и новых слов: вм. порвана – *порорвана*, *головаглав* – скорее всего, от «голый», голая голова).

Иногда, отстаивая своё слово, ребёнок объявляет забастовку. Так, мальчик (возраст 4 л. 11 м.) упорно говорит «*по-менЮ*» в значении «по-моему», хотя старший брат и родители неоднократно пытались его поправить, после чего смирились.

Пишет свои буквы: Я тоже делаю диктант. Теперь я буду по-менЮ учить. Только буквы не прописные. <...> Теперь делаю диктант. – «По-моему» надо говорить. – Нет, по-менЮ. По-менЮ! Смотри, по-менЮ какая «О»! (5 марта 2011 г.)

Второй вопрос – соотношение со способами словопроизводства, с одной стороны, непреднамеренного, вынужденного словотворчества, а с другой – феномена языковой игры, что можно пронаблюдать, в частности, в приведённых выше фрагментах записи. Ср.: *Лев Жене: НевЕрцик ты! // Женя прыгает на мягком большом стуле-Пифе, поставленном на папин диван: Какой я летучий! <...> Какой я летучий сегодня! // Я Льву: Здесь надо тоненькое растение нарисовать. Лев: Также такое завихрИстое?* (высказывания вполне серьёзные!) и... (правда, здесь нет фактов словотворчества, но намеренное обыгрывание взрослой речи через избыточный повтор слова присутствует): *Я: Попить дать? Хочешь компотику? Женя: Хочу! Компотику! Отличная идея! Баб, спасибо, что дашь. Хорошая идея, я хочу компотику.*

Границы здесь подчас нечётки, а если иметь в виду игровую ситуацию, то слишком большое число детских слов попадёт в «преднамеренное» словотворчество. Однако исследовательская задача не столь и трудна: приходящему наблюдателю (точнее, присутствующему) всегда видно (и по детской интонации хорошо слышно!), когда ребёнок «шутит», то есть употребляет «детское слово» с пониманием, что оно детское.

В исследованном материале это касается, прежде всего, большого блока диминутивов: *не надушки, бабахушки, скушатюшки; бетоночка-мешалочка, папушка,*

клеюшек и мн. др. По нашим данным пик употребления диминутивных форм приходится на возраст 3 г. 4 м. – 3 г. 8 м.

Что же касается непреднамеренного, «серьёзного, неигрового словотворчества (хотя термин «непреднамеренное» здесь весьма условен), то в первую очередь это касается словотворчества отглагольных имен существительных: *ловление, посветление, порчение, сцапанье, намывание, защищение, здорovanje*.

Детская игра может протекать весьма серьёзно, тогда как «не-игра» может включать в себя слова для юмора, игровые вставки. Здесь интересна оценка сиблингового влияния, то есть влияния брата (или сестры). С одной стороны, старший брат, во-первых, становится образцом более правильной речи, например в навыке употребления синонимов: *Лев: У царя тут много слуг, и защитников у него немало*. Во-вторых, старший брат иногда, время от времени, «под настроение» корректирует ошибки младшего. *Женя (4 г. 10 м.): А принц ему не надавает? Не надавает подзатыльников, потому что он любит его*. *Лев (7 л. 11 м.): «Не надаёт» надо говорить!* В-третьих, старший брат берёт на себя функцию «ответчика» на многочисленные вопросы младшего. *Пересказывает к уроку «Приключение Буратино». Женя (4 г. 10 м.) рассматривает иллюстрации: А почему Пьеро так плакал? Лев (7 л. 11 м.): Потому что он по созданию был грустной куклой (3 марта 2011 г.)*.

С другой стороны, сиблинги поддерживают «игровой тонус» общения, помогая друг другу в придумывании игр и соответственно игровых, новых слов, поддерживая языкотворческое начало своего собеседника. *Лепят из пластилина. Женя (4 г. 10 м.) сделал страшную голову с большими ушами: Это Чебурашка! Лев (7 л. 11 м.): Это не Чебурашка, а ЧебурЫндя какой-то! <...> Лев лепит мегаланю: У неё надо вот эти надглазники сделать. (26 февраля 2011 г.)*. И, наконец, в противовес первому и второму пунктам об образце, идеале речи и потенциальном корректоре-логопеду, младший брат легко повторяет за старшим не всегда правильное словоупотребление, увлекшись игровой ситуацией, например по мотивам телесериала «Один дома». *Лев: Всё! Враги кончились. Женя: Враги кончились! А завтра ещё будут? (5 марта 2011 г.)*.

Третий вопрос по исследованию феномена детского словотворчества в динамике изменений касается повторяемости фактов детского словотворчества. Героев телесериала «Ледниковый период» нужно было как-то назвать, обозначить для пересказа, игры, тем более появились соответствующие игрушки. Слово было придумано: *ледникОвцы*. Естественно, оно повторялось в игровой коммуникации. Некоторые диминутивы отзеркаливались в семейном общении: старший брат сказал *нетушки, не хочущеньки* – младший эти слова радостно подхватил. И наоборот: младший любит забираться к папе *на шеечку*, и это слово повторяется в устах старшего брата. Какие другие слова «устойчиво» повторяются, будучи однажды образованными или, точнее, какие слова воспроизводятся не единожды?

В речи мальчика в возрастном интервале 2 г. 9 м. – 3 л. 9 м. это *что-то-нибудь, надурить*.

В речи мальчика в возрастном интервале: 3 г. 9 м. – 4 г. 9 м. это *перелюбил, насержусь, летанье, кенгурушка, бандитик, проночуеть, гадятинна («личное» ругательство), прокатался, проколил, надурили, держание*.

В речи мальчика в возрастном интервале 4 г. 10 м. – 5 л. 10 м. это *ловление, очищивает, крупность* и др.

В речи мальчика в возрастном интервале 6 л. 10 м. – 7 л. 10 м. это *перехочется, становление, убирание*.

Повторяемость факта словотворчества есть сигнал, во-первых, что данное слово, скорее, не окказионализм, а потенциальное слово (*людь, ловление, насержусь, одуван*), то есть приближается к потенциальным словам по частоте использования в детской речи; во-вторых, это сигнал сохранения «авторства».

Наконец, четвертый вопрос касается удельного веса словотворчества, тоже в динамике возрастных различий и изменений, в общем конгломерате всевозможных непопаданий в норму, отступлений от языковых нормативов. Для исследования этого вопроса мы выбрали произвольно три месяца фиксации «всех» непопаданий (май, сентябрь, декабрь) и просчитали процент словотворчества. Указываем процент словотворчества у младшего и старшего (разница в возрасте, напомним, составляет 3 г. 1 м.).

Май 2009 – 3 г. 1 м. – 27 (172), т. е. 15,7 %; 6 л. 2 м. – 30 (113), т. е. 26,5 %.

Май 2010 – 4 г. 1 м. – 16 (59), т. е. 27,1 %; 7 л. 2 м. – 14 (30), т. е. 46,6 %.

Сентябрь 2009 – 3 г. 5 м. – 27 (111), т. е. 24,3 %; 6 л. 6 м. – 25 (57) т.е. 43,8 %.

Сентябрь 2010 – 4 г. 5 м. – 8 (37), т. е. 21,6 %; 7 л. 6 м. – 12 (25), т. е. 48 %.

Декабрь 2009 – 3 г. 8 м. – т. е. 18 (182), т. е. 9,9 %; 6 л. 9 м. – 14 (33), т. е. 42,4 %.

Декабрь 2010 – 4 г. 8 м. – 29 (163), т. е. 17,8 %; 7 л. 9 м. – 12 (35), т. е. 34,3 %.

На двенадцать фиксированных возрастных отрезков речи двух детей в общем потоке неправильностей амплитуда процента словотворчества колеблется от 48 % до 9,9 % (соответственно 7 л. 6 м. – 3 г. 8 м.).

Трёхлетка осваивает все пласты языка, тогда как семилетний намеренно обращается к словотворчеству, сохраняя «всё остальное» как почти усвоенное.

Рассмотрим срединные показатели удельного веса словотворчества в общей стихии детской речевой оригинальности: 15,7 – 17,8 – 21,6 – 24,3 – 26,5 – 27,1 – 34,3 – 42,4 – 43,8 – 46,6.

Отбросив крайние точки (9,9 и 48,0), выведем, таким образом, среднее арифметическое для словотворчества в общем потоке. Оно составило почти треть часть: 30%.

Теперь рассмотрим приведенные процентные соотношения по вертикалям взросления с интервалом (май – сентябрь – декабрь 2009 – май – сентябрь – декабрь 2010).

Для трехлетки это: 15,7 – 24,3 – 9,9 – 27,1 – 21,6 – 17,8. Среднее: 19,4.

Для шестилетнего ребёнка цепочка показателей такова: 26,5 – 43,8 – 42,4 – 46,6 – 48,0 – 34,3. Среднее: 40,3.

Таким образом, удельный вес словотворчества в общем потоке «интересного», нетривиального, «детского» в детской речи», будь то искажение фразеологизма, нарушение формы слова, неверное ударение и т. д., обнаруживает увеличение своей доли в два раза.

Список литературы

1. Харченко В. К., Озерова Е. Г. Сложные слова в детской речи. Монография. – Белгород: БелГУ, 1999. – 158 с.
2. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.

«THE GROWTH RINGS» OF THE CHILDREN'S SPEECH

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the preferences and share of children's creativity in word-formation based on the analysis of all the cases of the deviation from the norm revealed in speech samples of the same children conducted during 2009 – 2010.

Key words: children's speech, creativity in word-formation, means of word-formation, suffixation, contamination.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'367.7

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМЫ ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИА)

О. Н. Антонова

*Тульский
государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

*e-mail:
olgant@inbox.ru*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о способах синтаксических трансформаций паремий в дискурсе масс-медиа. Анализируется роль паремий-трансформов в реализации прагматических задач.

Ключевые слова: синтаксический трансформ, паремия, англоязычные масс-медиа, окказиональное употребление, узуальный вариант.

Как известно, язык самым непосредственным образом участвует в процессах человеческого мышления и культуры. Речемыслительная деятельность человека, по сути, всегда является лингвокреативной. Это и предполагает присутствие творческого начала в речи [3]. Традиция, стереотипность, узус – с одной стороны, и нетрадиционность, новизна, преобразование – с другой, – таковы различные, но тесно связанные друг с другом направления «движения» языка и речи. Чтобы понять, каким образом при наличии этих отличающихся тенденций сохраняется системная целостность языка, необходимо исследовать, какое преломление эти процессы получают в речи говорящего на данном языке человека.

Именно человек и его речемыслительная деятельность ставятся в центр исследования тех или иных языковых явлений. В ряду средств, наиболее ярко отражающих связь языка и миропонимания человека, особое место занимают паремии. Исследуя паремии, необходимо отметить, что на протяжении многих веков пословица рассматривалась как мудрое изречение, в основе которого лежит опыт целого народа. Неудивительно, что большинство пословиц использовалось в речи в своей узуальной форме. Народная речь – живая и диффузная стихия, где пословицы и поговорки многих поколений активно воспроизводятся, заново перерабатываются и переосмысляются.

С течением времени нормативное употребление пословицы стало уступать место использованию преобразованных вариантов, и в связи с этим многие исследователи (в том числе, например, Л. А. Чиненова) считают, что использование пословицы в узуальном виде уже может расцениваться как подобие канцеляризма [5].

Очевидно, использование приема трансформирования паремий вызвано стремлением каким-либо способом «оживить» стереотипный образ, придать речи личностный характер. Паремии могут подвергаться в потоке речи различным изменениям. Причина этого кроется в том, что иногда «недостаточно ни слова, ни свободного сочетания, ни фразеологической единицы в узуальной форме, чтобы обозначить то или иное явление или отношение к нему,... так как познание безгранично, а ресурсы

языка ограничены» [4]. Оказиональное использование паремий является значимым отступлением от языковой нормы, однако все трансформы паремий создаются при помощи приемов, принадлежащих языку.

Одним из основных и часто используемых приемов трансформации является прием, связанный с синтаксическими изменениями структуры паремии.

В настоящем исследовании под термином «синтаксический трансформ» подразумеваются те виды трансформаций, которые образованы путем удлинения, укорачивания и/ или иного изменения синтаксической структуры паремии.

Рассмотрим некоторые из них:

1. Замена отрицательной формы на утвердительную.

Don't count your chickens before they are hatched* → *Count her chickens before hatching them

Supreme Court nominee Elena Kagan had revealed at least one passion: She loves this staff... She talked of needing to have "a little play in the joints" when comparing legal principles, offering up an "oh, thanks but no thanks" in explaining another and refusing to "count her chickens" before hatching when Sen. Arlen Specter (D-Pa.) tried, without success, to have her speculate on how she might examine something as a Supreme Court justice. When she needed to play for time in constructing an answer, instead of fidgeting or fumbling, Kagan frequently said "gosh." When she needed to deflect, she made quick jokes (WP, 2010).

Анализируемая статья повествует о назначении Елены Каган, генерального юрисконсульта США, на пост главы Верховного Суда США. Елена Каган входит в круг единомышленников нынешнего президента США Барака Обамы. Однако автор статьи не уделяет этому факту должного внимания, отмечая, напротив, как деловые, дипломатические, так и личные качества кандидата. Для описания ее качеств и, далее, действий автор статьи использует глаголы *fidget* («доставлять мучения», «беспокоить») и *fumble* («невнятно говорить»). Употребление данных глаголов в *отрицательной* форме указывает на тот факт, что Елена Каган не теряет на публике, обладает решительностью и настойчивостью характера.

О способности делать прогнозы прежде, чем совершать действие, свидетельствует уместно употребленный в тексте статьи окказиональный вариант пословицы "count her chickens before hatching them". Смысл узуального варианта паремии заключается в том, что не стоит считать еще невылупившихся цыплят, то есть не стоит делать преждевременные прогнозы; также его можно рассматривать как призыв к осторожности в действиях. Прекрасно сознавая это, Елена Каган открыто заявляет, что не собирается следовать советам, данным ей со стороны. Поэтому включение притяжательного местоимения (*her chickens*) подчеркивает, что эта дама сосредоточена именно на собственных задачах и намерена добиваться именно собственных целей.

2. Замена утвердительной формы на отрицательную.

***Either rhyme or reason* → *Neither rhyme nor reason*.**

Before addressing some of her loftier ambitions, Otunbayeva will need to deal with the aftermath of ethnic clashes between majorities – ethnic Kyrgyz – and the Uzbek minority last month, which left much of the southern city of Osh, Kyrgyzstan's second-largest, a smoldering ruin. "Today there is neither rhyme nor reason in the actions of government, but I promise that before the onset of cold weather, the Kyrgyz government will provide housing for all who lost the roofs over their head," she said (WP, 2010).

Речь идет о реформировании общества в Киргизии, где на выборах президента одержала победу Роза Отунбаева. В своем интервью президент говорит о том, что после ее избрания в Кыргызстане начинается новая фаза правления. Она также обращает внимание на проблемы, которыми буквально наполнены все структуры власти. Обозначая сложность ситуации, автор статьи использует окказионально употребленную пословицу «*neither rhyme nor reason*», образованную путем перехода утвердительной формы в отрицательную и характеризующую действия правительства как «не

в лад, невпопад», когда нет ни договоренности, ни решительности. Двойное отрицание – синтаксический компонент – позволяет усилить прагматический эффект – осуждение нерадивости высокопоставленных чиновников, мешающей решать острые проблемы республики.

3. Изменение коммуникативного типа предложения.

Наиболее характерный тип данной трансформации – это переход повествовательных форм в вопросительные, среди которых можно выделить два популярных в прессе вида вопросов – общий и разделительный:

а) общий вопрос

The cock won't fight → Will the cock fight?

Maradona said "I may leave tomorrow" at a news conference after Saturday's match. "We will see what happens," he added. "I haven't thought about leaving. I have to check that with my family and the players and there are things I have to consider. But as coach and player, the type of football people like is this one. Will the cock fight then? Touch the ball, rotate, run, Argentina can't play a different style" (The Times, 2010).

Статья рассказывает о поражении сборной команды Аргентины в матче против сборной Германии. Огорченный тренер аргентинцев, выдающийся футболист Диего Марадона, едва услышав финальный свисток судьи, начал подумывать об уходе с тренерской должности. Однако модальный глагол «may» свидетельствует о сомнениях тренера. На конференции Марадона предполагает, что его тренерская методика устарела, и задается вопросом «Нужна ли именно эта методика Аргентине?» Далее Диего объяснит, что поспешил с выводами и попросит время для обсуждения своей отставки с семьей и с командой. Для выражения значимости такого решения тренер прибегает к окказиональному варианту пословицы – «Will the cock fight then?». Этот вариант был образован при помощи перехода утвердительной формы в общий вопрос. Трактовать данный вопрос можно следующим образом: «Пойдет ли на пользу команде изменение стиля игры? Поддержит ли команда решение тренера?» Сама синтаксическая форма – вопросительная – также вносит прагматику сомнения в целесообразности таких перемен;

б) разделительный вопрос

History repeats itself → History repeats itself, doesn't it?

Three months ago, a famously impoverished Russian mathematician named Grigori Perelman was awarded the prestigious \$1 million Clay Mathematics Institute Millennium Prize for his groundbreaking work – having solved a problem of three-dimensional geometry that had resisted scores of brilliant mathematicians since 1904. Perelman had already turned down several of the world's top awards in mathematics. And when he solved the Poincaré conjecture, he ignored the peer-review process and simply posted his three-part solution online. That was in 2003... History repeats itself, doesn't it? (WP, 2010).

Анализируемая статья рассказывает о великом российском математике Григории Перельмане, который, доказав теорему трехмерной геометрии, был удостоен премии в 1 миллион долларов. Как отмечает автор, данная сумма вовсе не нужна гению, поэтому он полностью игнорирует любые попытки прессы пообщаться с ним, а также вручение денег. Об этом свидетельствует заголовок статьи: “Russian mathematician wins \$ 1 million prize, but he appears to be happy with \$ 0”. Как ни удивительно, но этот случай уже не первый в жизни Перельмана: за 3 года до этого, в 2003 г., он уже становился лауреатом престижного конкурса среди математиков, после которого проигнорировал церемонию награждения, да и получение самого выигрыша. “History repeats itself, doesn't it?” – комментирует действия Перельмана автор статьи. По поводу данной окказиональной паремии необходимо отметить, что этот вариант образован путем перехода утвердительного предложения в разделительный вопрос. Рассматривая функции разделительного вопроса, следует упомянуть о том, что в подобном случае употребления основными являются как проверка предположения о том, что Перель-

ман откажется получать эту сумму, так и выражение доли иронии по поводу того, что человеку для счастья нужны лишь его открытия, а не материальные блага.

Как видно из приведенных примеров, окказиональное использование паремий в вопросительной форме в монологической речи, по существу, преобразует их в риторический вопрос. И в первом, и во втором случае такая синтаксическая трансформация определенно привела к прагматическим модификациям. В этом плане важно отметить, что функция окказиональной поговорки, употребляемой в форме риторического вопроса, заключается не только в том, чтобы сообщить собственное мнение, но и в том, чтобы усилить впечатление от сказанного (написанного).

4. Дистантное расположение компонентов (разрыв). Результатом данной трансформации является речевое разъединение паремии словом, словосочетанием или графическими средствами для создания определенного стилистического эффекта (смысловое выделение или обособление того или иного элемента паремии) при неизменном компонентном составе. При этом разъединяющие элементы не включаются в структуру паремии и не вписываются в образ, лежащий в ее основе [1].

Fools rush in where angels fear to tread.

“Business has been slow”, said Wallis. “Everyone in this town has at least two guns”. Wallis spent most of his time standing around the store, chewing great wads of bubble gum. When he was blowing a large bubble, his little son shoot into his bubble. Luckily the mouth of the blower was not damaged. But things got crazy; nowadays it’s kind of fun for buyers and an advertising company for the owner. The police officer comments on the situation “An advertising company is good, but not the crazy way. Fools rush in the shop, they don’t understand what to do, it’s fun for them, but their own angels fear to tread and there can be a fail” (Sunday Mirror, 2009).

В рассматриваемой статье повествуется о новом способе заработка в условиях мирового финансового кризиса. Для того, чтобы привлечь внимание к продаваемому товару, хозяин магазина решил устроить забаву – стрельбу на попадание в надутый из жевательной резинки пузырь. Как сообщается, эта забава имеет огромный успех, несмотря на грозящую хозяину опасность. Выражая свое неодобрение, представитель полиции использует окказионально трансформированный вариант паремии с дистантным расположением компонентов. Содержание паремии можно трактовать как «Дураки лезут туда, куда боятся ступить даже ангелы». Следовательно, нельзя радоваться, считая себя первооткрывателем столь опасной игры, так как всегда существует опасность смертельного промаха. Структурный разрыв в этой фразе несколько нейтрализует ее паремические характеристики, так как из-за нарушения цельнооформленности она оказывается естественным образом «вплетенной» в речевую цепь как компонент высказывания, логически развивающий суждение в целом.

В заключение хотелось бы отметить, что в процессе использования синтаксических трансформов паремий всегда реализуется конкретная прагматическая задача автора. Прагматическая значимость синтаксических трансформов состоит в том, что из-за своей необычной формы они служат средством привлечения внимания читательской аудитории, а также акцентуации или экспликации определенных смысловых компонентов.

Список литературы

1. Бунеева К. Л. Прагматические аспекты поговорок английского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук / К. Л. Бунеева. – М., 2001.
2. Клюкина Т. П., Клюкина-Витюк М. Ю. Пословицы и поговорки. Фразеологический русско-английский словарь. – М.: Билингва, 1996.
3. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 1995. – № 1. – С. 1 – 65.

4. Халатникова Э. И. Сложные преобразования фразеологических единиц (на материале английской и американской драматургии XX в.): Автореф. дис... канд. филол. наук / Э. И. Халатникова. – М., 1982.
5. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи / Л. А. Чиненова. – М.: МГУ, 1986.
6. Cowie A. P., Mackin R., and McCaig I. R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – In 2 Vol. – Oxford: Oxford University Press, 1984.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. <http://www.washingtonpost.com>
2. <http://www.mirror.co.uk>
3. <http://www.thetimes.co.uk>

SYNTACTICAL TRANSFORMS OF PAREMIAS IN THE ENGLISH LANGUAGE MASS MEDIA

O. N. Antonova

*Tula
State
Pedagogical
University*

*e-mail:
olgant@inbox.ru*

The article is devoted to the problem of syntactical transforms of paremia usage in the English mass-media discourse. The role of paremia-transforms in the formation of pragmatic purposes is analysed.

Key words: syntactical transform, paremia, English language mass media, usual variant, occasional usage.

УДК 811.161.11

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ ЖЕНСКОЙ КОСМЕТИКИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Ж. Багана
Е. Н. Таранова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
taranova@yandex.ru*

Статья посвящена описанию структурных и словообразовательных особенностей терминов женской косметики в русском и немецком языках.

Ключевые слова: термин, терминология, структурные и словообразовательные особенности терминов, способы терминообразования.

Введение

Исследование терминологии относится к числу наиболее важных проблем современной лингвистики. В связи с этим большой научный интерес представляет изучение терминосистем типологически различных языков.

Терминологическая лексика как часть словарного состава языка обладает рядом свойств. Она является наиболее развивающейся частью словарного состава по сравнению с его другими частями.

Изучение терминологии предполагает не только рассмотрение собственно терминов и их функций, но и анализ источников и способов их образования. Именно на материале терминологической лексики наиболее проявляется действие законов языка, главным образом словообразовательных.

В основу анализа способов терминообразования положено грамматическое учение о слове академика В. В. Виноградова с учетом результатов некоторых дальнейших исследований в области словообразования (Н. М. Шанского, Е. А. Земской и др.). Изучению собственно терминологической лексики посвящены труды В. П. Даниленко «О терминологическом словообразовании», «Исследования по русской терминологии», «Терминология и норма» и др., послужившие в числе других в нашей работе базой для анализа терминологической лексики.

Изучение особенностей словообразования в языке науки и техники представляет собой несомненный интерес, так как правильное понимание закономерностей современного терминологического словообразования помогает осуществлению практического терминотворчества.

В настоящее время словообразование в терминологии является источником большого количества лингвистических исследований, посвященных различным терминосистемам на базе многочисленных языков. Настоящая статья посвящена словообразовательному анализу терминов женской косметики в русском и немецком языках, до сегодняшнего момента не являвшимся объектом исследования отечественных и зарубежных лингвистов.

Однако, несмотря на большое количество работ, проблема терминологического словообразования является недостаточно разработанной, в основном способы словообразования терминов соотносятся со способами образования общелитературной лексики. В данной статье мы попытаемся проанализировать систему словообразования в области терминологии женской косметики.

Для начала предварительно остановимся на некоторых принципиальных для данного исследования вопросах терминоведения и уточним такие понятия как «термин», «терминология» и «терминосистема».

Мы предлагаем считать термином слово или словосочетание, выражающее определенное профессиональное или научное понятие соответствующей сферы деятельности, ограниченное дефиницией и находящееся в системных отношениях с другими наименованиями данной сферы деятельности. В качестве термина в языке используются не произвольные звуковые комплексы, а значащие. Поэтому слово или словосочетание, которое выступает в роли термина, выражает специальное понятие. Термин имеет свой смысл только как член определенной терминосистемы.

Термин выполняет две функции: номинативную и смысловую. Он должен условно отражать необходимые и достаточные признаки понятия, создающие: а) общность понятий, б) специфичность понятий. Становясь термином, единица избавляется от лишних, фоновых значений, приобретает значение либо оттенки значений, присущие той области, в которой функционирует.

Основное понятие термина «терминология» следующее: совокупность терминов какой-либо области знания, области деятельности.

Термин «терминосистема» служит для обозначения системы терминов какой-либо отдельной науки, области знания и т. д.

Для новых объектов номинации используются все существующие в данном языке способы словообразования, любые собственно лексические ресурсы национального языка, ресурсы международного словарного фонда, лексика других национальных языков. При этом терминологическое словообразование не повторяет механически приемы общелитературного образования слов. Происходит своеобразный «естественный отбор» тех способов и конкретных средств словообразования, которые бы отвечали требованиям, предъявляемым к специальным наименованиям и функциям их в языке науки. А это сводится в конечном итоге к отбору и формированию специализированных на выражении отдельных значений деривационных морфем и целых моделей.

Теоретический анализ

Важное значение в исследовании терминов женской косметики имеет моделирование словообразовательной структуры, т. к. практический интерес представляет выделение таких структур, которые отражают общие закономерности словообразовательной системы. Словообразовательное моделирование может учитывать свойства и особенности не только отдельных единиц, но и системы словообразования в целом.

В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении формальных критериев терминообразования, поскольку структурные особенности терминов и деривационные процессы играют важную роль для понимания терминов, для взаимопонимания специалистов в области косметической индустрии.

Для характеристики лексической системы важно не только выявление способов, посредством которых возникает терминологическая номинация, но и установление продуктивности этих способов в сопоставляемых языках, определение основных источников пополнения словарного состава и выявление отношений между компонентами. Важно отметить, что исследуемая терминосистема средств женской косметики остается в рамках общей грамматики и, в частности, словообразования.

Терминология женской косметики относится к различным по структуре лексическим единицам. Термины-слова представлены простыми (корневыми), производными и сложными словами, терминологические сочетания – словосочетаниями.

Следует отметить, что в лингвистической литературе для названия слов, состоящих из одной морфемы, используется два термина – «простое слово» и «корневое слово». Корень (корневая морфема) характеризуется как «носитель вещественного лексического значения слова, центральная его часть, остающаяся неизменной в про-

цессах морфологической деривации; ... простая, или непроемодная основа слова, остающаяся после устранения всех словообразовательных и/ или словоизменительных элементов» [2, с. 242].

Под простыми (корневыми) словами мы понимаем слова, которые не образованы от какого-либо другого однокоренного слова, существующего в языке, т.е. слова с непроемодной основой.

Среди **простых корневых слов** в терминосистемах русского и немецкого языков мы выделяем термины-существительные и термины-прилагательные. В современном русском и немецком языках нами зафиксировано примерно равное число **терминов-существительных** (7 лексических единиц в русском и 8 лексических единиц в немецком языках): русс. *вода, мыло, основа, пена*; нем. *Farbe, Seife, Schaum, Stift, Wachs*. Количество **простых терминов-прилагательных** в русском языке значительно меньше, чем в немецком языке (3 лексические единицы против 12): русс. *белый корректор, сухое масло*; *sanftes Deo, zarte Creme, mildes Peeling, leichtes Gel, klarer Basislack, loser Puder, feines Puderrouge*.

Наряду с простыми терминами-словами в терминосистемах сравниваемых языков встречаются производные термины-слова. Следует отметить, что производное слово является специфической единицей словообразовательной системы. Создание каждого нового производного слова есть прежде всего овеществление определенного семантического намерения говорящего, его попытки отразить в новой форме новое значение [12]. Специфика семантики производных слов обусловлена характером сочетаемости значений компонентов нового слова. Общее значение нового слова выводится из значений его компонентов: основ и словообразовательных аффиксов.

Процессы присоединения аффиксов, именуемые аффиксацией, составляют важную часть морфологии и словообразования большинства языков мира, различающихся в типологическом плане преимущественно использованием одной из таких разновидностей аффиксации, как суффиксация или префиксация, и использованием этих последних в деривационной или же флективной морфологии [ЛЭС, 2002, с. 59].

По определению О.С. Ахмановой, «Аффиксация – это морфологический процесс (соотв. явление), заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам» [1, с. 61]. Аффиксация является одним из наиболее продуктивных способов словообразования.

Префиксы и суффиксы представляют собой служебные лексические морфемы, не совпадающие с основами самостоятельно функционирующих в языке лексических единиц (префиксы предшествуют производящей основе, суффиксы следуют за ней).

Производные слова в корпусе нашего исследования представлены **терминами-существительными, терминами-прилагательными и глаголами (в форме причастий).**

Число производных терминов-существительных в русском языке превалирует в отличие от немецкого языка (26 лексических единиц в русском против 7 в немецком). В словообразовании терминов-существительных в русском языке участвуют суффиксальный, префиксальный и префиксально-суффиксальный способы, в немецком – суффиксальный и префиксальный способы.

Важно отметить, что **суффиксальный способ** является ведущим способом терминообразования существительных как в русском языке (18 единиц), так и в немецком (5 единиц). Наибольшая активность в русском языке отмечена у суффиксов: **-к** (9 единиц) – *блестки, пенка, сушка, подводка*; **-ел** (4 единицы) – *ополаскиватель, осветлитель* и др. В немецком языке в словообразовании продуктивны суффиксы: **-er** (2 единицы) – *Festiger, Töner*; **-ung** (3 единицы) – *Grundierung, Spülung, Tönung*.

Кроме вышеперечисленных суффиксов в словообразовании участвуют и другие суффиксы, однако у этих суффиксов отмечается наименьшая активность. Так, например, в русском языке это суффиксы: **-н** – *обертывание*; **-ост** – *жидкость*; **-ств** – *средство*. При этом важно подчеркнуть, что в русском и в немецком языках большинство существительных образуются с помощью суффиксов от корней или основ глагола.

Исследование показало, что *префиксальный способ* словообразования является менее распространенным в сравниваемых языках (в русском языке 2, а в немецком языке 4 единицы): русс. *мини-блеск, супертушь*, нем. (*der*) *Überlack, Unterlack*. В состав префиксальных слов в русском и немецком языках мы включаем указанные выше термины, основываясь на том, что границы между сложными словами с первым частотным компонентом и префиксами размыты. Лишь степень обобщения значения слова, используемого в качестве словообразовательного компонента, играет роль при определении его статуса в словообразовательной модели. Меньшая степень обобщения семантики характеризует данное словообразовательное средство как частотный компонент сложного слова, в то время как высокая степень десемантизации слова позволяет отнести его к полусуффиксам.

Нами было установлено, что *префиксально-суффиксальным способом* образованы термины только в русском языке (4 терминологические единицы): *суперзакрепитель, био-молочко*), в немецком языке примеры с данным способом словообразования нами не зафиксированы.

Подводя итог проведенному анализу **производных терминов-существительных**, можно констатировать, что ведущим способом терминообразования в русском и немецком языках является *суффиксальный*. Производные термины-существительные образованы по следующим моделям:

- *рус. основа + суффикс + флексия – блестки, пенка, сушка*;
- *нем. основа + суффикс – (der) Festiger, (der) Töner*.

Меньшая продуктивность в сравниваемых языках отмечена у *префиксального способа* и следующих моделей:

- *русс. префикс + основа – супертушь*;
- *нем. префикс + основа – (der) Überlack, (der) Unterlack*;
- *русс. префикс + основа + суффикс – суперзакрепитель*.

К сказанному добавим, что отличие в словообразовании терминов-существительных двух языков заключается в участии префиксально-суффиксального способа в русском языке: русс. префикс + основа + суффикс – суперзакрепитель и отсутствие этого способа в немецком языке.

Производные термины-прилагательные в русском языке составляют 123 лексические единицы, в немецком языке – 30 единиц. В словообразовании терминов-прилагательных в русском и немецком языках участвуют *суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы*. Отметим, что согласно количественным показателям наиболее продуктивными в обоих языках является *суффиксальный способ* (в русском языке – 95 терминологических единиц, в немецком языке – 30). К сказанному добавим, что в русском языке суффиксальным способом образовано подавляющее большинство производных терминов-прилагательных, в то время как в немецком языке при помощи этого способа образованы все зафиксированные нами термины.

Остановимся на суффиксах, которые проявляют наибольшую словообразовательную активность. Так, в русском языке это суффиксы: **-н** (50 единиц): *активный тоник, точечный гель, рассыпная пудра*; **-ов/-ев** (19 единиц): *бронзовая пудра, шариковый дезодорант, грязевой пилинг, гелевые тени, тканевые салфетки, пленочная маска*, а в немецком языке: **-ig** (6 единиц): *samtiger Lippenbalsam, flüssige Wasch-Emulsion, seidiger Puder*.

При этом нельзя оставить без внимания и тот факт, что в немецком языке в словообразовании терминов активно участвуют *полусуффиксы* (17 единиц). В связи с

этим следует пояснить, что в современном немецком языке полусуффиксы – это такие единицы, которые находятся в промежуточном положении: представляя собой словообразовательные средства с определенным лексико-категориальным содержанием. Они в не утратили формальной, но в той или иной мере ослабили семантическую связь с самостоятельными лексемами.

Остановимся на примерах полусуффиксов в немецком языке: **-frei** (7 единиц) – *fettfreies/ seifenfreies Reinigungsgel, alkoholfreies Gesichtswasser, parfümfreies Spezialpapier, ölfreies matteirendes Flüssig-Make-up*, **-fest** (2 единицы) – *wasserfeste Wimperntusche, wasser- und wischfeste Grundierung*, – **weich** (2 единицы) – *samtweiches Make-up*, **-reich** (2 единицы) – *wirkstoffreiche Creme*, **-los** – *schwerloses Shampoo*.

Что касается суффиксов, то наименьшая активность в словообразовании производных терминов-прилагательных в сравниваемых языках отмечается у следующих суффиксов: русс. **-ист** (5 единиц): *шелковистая пудра, бархатистый тон*; **-к** (4 единицы): *мягкие сливки*, **-ич**, **-ск**: *ароматический пилинг*, **-р**, **-н**: *плацентарная маска*. Суффиксы **-ян** (*масляная ванна*), **-енн** (*утренний крем*), **-ист** (*душистое мыло*), **-ок** (*глубокий пилинг*), **-ск** (*городской крем*), **-енн/яни** (*деревянный карандаш, оттеночный шампунь, обезжиренный гель*) и др.; нем. **-isch** (2 единицы) – *ätherisches Körperöl*; **-lich** – *tägliches Waschpeeling, natürliches Peeling*; **-bar** – *abziehbarer Weißmacher, korrigierbarer Mascara*.

Анализ производных терминов-прилагательных позволяет утверждать, что по префиксально-суффиксальному способу образованы 27 лексических единиц в русском языке, в то время как в немецком языке примеров, свидетельствующих об этом способе словообразования, нами не зафиксировано. При этом было установлено, что наиболее активно в словообразовании терминов участвуют интернациональные префиксы и полупрефиксы, такие как: **anti-** (9 единиц) – *антибактериальный очищающий флюид, антикуперозный крем, антивозрастной крем для глаз*; **multi-** (2 единицы) – *крем мультивитаминный, питательный мультиактивный крем*; **thermo-** (2 единицы) – *термозащитный спрей для волос*; **hypo-** – *гипоаллергенный тоник*; **bio-** – *биоактивный дневной крем*; **phito-** – *фитоароматическое масло*, **extra-** – *экстрамягкий пилинг для кожи лица*; **ultra-** – *ультрамягкий крем-пилинг*. Отметим, что наряду с интернациональными префиксами участвуют также префиксы общелитературного языка, например: **бес-** (2 единицы) – *бесщелочное мыло*, **проти-** (1 единица) – *противовоспалительный крем*, однако примеры с их участием единичны.

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод о том, что наибольшая активность в словообразовании производных терминов-прилагательных наблюдается у следующих моделей:

– **русс. основа + суффикс + флексия** – *глубокий пилинг, шариковый дезодорант*;

– **нем. основа + суффикс** – *flüssige Wasch-Emulsion, ätherisches Körperöl*.

Наименьшая активность отмечена у модели:

– **русс. префикс + основа + суффикс + флексия** – *антипигментационный крем*.

Важно подчеркнуть, что отличие в словообразовании производных терминов-прилагательных в обоих языках заключается в участии префиксального способа в русском языке, например: русс. префикс + основа + флексия – *бесспиртовой тоник* и отсутствие данного способа в немецком языке.

Как показал языковой материал **глаголы (в форме причастий)** составили в 102 лексические единицы в русском языке и 50 единиц в немецком языке. В немецком языке 46 единиц – это *Partizip I* и 4 единицы *Partizip II*. Ведущим способом словообразования в обоих языках является **суффиксальный способ**. Так, в русском языке

этим способом образовано 92 терминологические единицы, в немецком языке – *Partizip I* представлен 45 лексическими единицами.

Отметим, что наибольшая продуктивность в словообразовании адъективированных причастий в русском языке отмечена у суффикса **-юш** (87 единиц): *обновляющая эссенция, освежающий тоник, очищающий бальзам, увлажняющий концентрат, успокаивающий крем, смягчающий лосьон, восстанавливающая сыворотка и др.*

Суффиксы **-яш** (3 единицы) – *бодрящий* гель для душа, *пенящаяся* фитоароматическая паста и **-енн** (4 единицы) – *насыщенный* увлажняющий и смягчающий крем, *обогащенный* супер-увлажняющий крем отмечены в единичных примерах.

Как выяснилось в результате анализа, в немецком языке все зафиксированные примеры *Partizip I*, образованы с помощью суффикса **-end**, например: *straffende Augencreme, nährende Augenmaske, klärende Kräuter-Maske, kühlende Gelcreme, schützende Tagescreme и др.* Формы *Partizip II* образованы с помощью суффикса **-t**: *hydralisierter Stift, konzentrierte Emulsion.*

Рассмотренный материал показал, что *префиксально-суффиксальный* способ в русском языке (10 единиц) реализуется в словообразовании производных причастий с участием префикса общелитературного языка **-не** (*невидимый* консилер для век, *непенящийся* гель для очищения кожи) и интернациональных префиксов: **bio-** (*биовосстанавливающая* маска для лица), **super-** (*суперукрепляющая* ночная маска), **extra-** (*экстраобогащенный* крем); **multi-** (*мультирегенерирующий* крем для век), **ultra-** (*ультра-матирующая* увлажняющая эмульсия).

В немецком языке *префиксально-суффиксальный* способ образования производных причастий представлен единичными примерами (3 единицы): *express-glättende Maske; unparfümierte Körperlotion; getönte Gesichtscreme.*

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы можем утверждать, что наиболее продуктивными моделями являются следующие:

– *русс. основа + суффикс + флексия – реструктурирующий концентрат, матирующий тоник, перфектирующий лосьон;*

– *нем. основа + суффикс – belebende Augenlidercreme, aktivierende Vitamin-Maske;*

Наименьшая активность образования производных причастий отмечена у моделей:

– *русс. префикс + основа + суффикс + флексия – непенящийся гель; экстраувлажняющий ночной крем;*

– *нем. префикс + основа + суффикс – express-glättende Maske; unparfümierte Körperlotion.*

К продуктивным способам терминологической номинации относится создание и использование в различных терминосистемах *сложных слов*. В нашем случае, под сложными словами мы понимаем слова, которые представляют собой сочетание двух или более основ, совпадающих с формами, приводимыми в словарях. Остановимся на некоторых моментах, касающихся сложных слов.

С. В. Гринев (1993) правомерно относит словосложение к морфологическому способу словообразования, что соответствует также позиции В. А. Виноградова (1975), который считает, что словосложение занимает промежуточное положение между морфологическим и другими синтаксическими способами соединения единиц языка, т.к. имеет черты того и другого.

При образовании сложных слов достигается необходимая точность термина, «поскольку такой термин одновременно включает название родового или видового понятия, признак или несколько признаков, уточняющих содержание основных терминов» [7, с. 89]. Преимуществом сложных терминов является способность концентрировать в одной единице большое количество информации. Благодаря экономной и

семантически емкой структуре подобных терминов создается оптимальная номинация специального понятия, мотивируемого необходимым количеством соответствующих признаков. Причиной употребления сложных слов является то, что иногда простого слова бывает недостаточно, чтобы четко охарактеризовать предмет, поэтому в этом случае употребляется сложное слово.

Важно отметить, что основная масса сложных терминов в русском и немецком языках образуется посредством расширения производящих терминов распространителями, которые присоединяются к ним справа или слева, что ведет не просто к дифференциации этих терминов, а к сужению, детализации первоначальных понятий, обнаружению в них новых отличительных черт, обозначению новых сущностей. Характерной особенностью для исследуемых языков является их стремление к созданию сложных терминов на интернациональной основе.

Главная особенность немецкого языка заключается в том, что словосложение является первым по значению способом образования слов. Это справедливо и по отношению к терминообразованию в немецком языке, так как термин является не особым словом, а словом с особой функцией.

Так, в связи с вышесказанным, К. А. Левковская объясняет причину распространенности сложного слова в немецком языке тем, что «сложное слово всегда короче словосочетания ... оно цельнооформленно, и в таком слове отпадает забота о грамматическом оформлении первого компонента, что играет важную роль, особенно в письменной речи» [8, с. 34].

Результаты исследования показали, что способом словосложения в немецком языке образовано подавляющее количество терминов, а именно 575 единиц, в русском языке всего 77 единиц. Количественные показатели позволяют нам утверждать, что этот способ является ведущим по продуктивности в терминообразовании немецкого языка.

Отметим, что *термины-сложные слова* в обоих языках представлены именами существительными, прилагательными и глаголами (в форме причастий). Однако в каждом из исследуемых языков реализуется свой набор словообразовательных моделей.

Анализ показал, что большую часть лексики в сравниваемых языках составляют *сложные термины-существительные*. При этом в немецком языке их количественные показатели значительно превышают аналогичные в русском языке (517 против 66).

В русском языке все *сложные термины-существительные* образованы путем чистого словосложения с сочинительным отношением компонентов по модели: $S+S \rightarrow S$ – шампунь-ополаскиватель, спрей-блеск, тушь-объем и др.

В немецком языке термины образованы по модели определительного словосложения. Остановимся на словообразовательных моделях:

– $S+S \rightarrow S$ (423 терминологические единицы) – (der) Korrekturstift, (die) Kurpflege, (die) Schaummaske, (das) Zuckerpeeling, (die) Glyzerinseife;

– $A+S \rightarrow S$ (27 терминологических единиц) – (das) Thermalwasser, (das) Spezialpapier, (die) Komplettpflege;

– $V+S \rightarrow S$ (61 терминологическая единица) – (die) Aufbaucreme, (das) Waschgel, (der) Abdeckstift, (das) Abschmink-Gelee, (die) Pflegemaske;

– $Ad+S \rightarrow S$ (7 терминологических единиц) – (der) Dreifach-Komplex, (das) Sofort-Make-up.

Принимая во внимание количество терминов, образованных по каждой их выделенных моделей, можно сделать вывод, что большинство *сложных терминов-существительных* в немецком языке образовано по модели $S+S \rightarrow S$, следующей по продуктивности является модель $V+S \rightarrow S$. Меньше всего сложных терминов-существительных образованы по модели $Ad+S \rightarrow S$.

Сложные термины-существительные в немецком языке представляют собой сочетание двух компонентов, которые могут иметь разную словообразовательную структуру, но членение каждого слова бинарно, например: *(das) Reinigungs/stück*, *(das) Feuchtigkeits/konzentrat*. При этом первый элемент определяет второй, а второй дает общую морфологическую и семантико-категориальную характеристику всего соединения.

Анализ показал, что в качестве компонентов *сложных терминов-существительных* выступают производные или сложные слова:

– с соединительной морфемой *-s*: *(das) Reinigungstonic*, *(die) Feuchtigkeitsmilch*, *(das) Gurken-Gesichtswasser*, *(die) Nacht-Regerationspflege* и др.;

– без соединительной морфемы: *(die) Vitamin-Nachtcreme*, *(die) Peeling-Waschcreme*, *(der) Mimikfalten-Füller* и др.

Базовый компонент в таких терминах может состоять как из одной части – *(der) Lippenpflege/stift*, *(die) Vitamin-Creme*, *(die) Feuchtigkeits/maske*, так и из двух частей: *(die) Vitamin-Zellschutz/creme*, *(das) Lift-Augenlider/gel*, *(die) Ganzkörper//reinigungslotion* и др.

Было установлено, что для отдельных *сложных терминов существительных* характерна вариантивность написания, например: *(die) Reinigungsmousse – Reinigungs-Mousse*; *(die) Nachtpflege – Nacht-Pflege* и др.

Важно отметить, что определяющий компонент в составе *сложного термина-существительного* часто выражается производным словом, образованным с помощью аффиксации. В связи с этим следует указать на активность первых компонентов словосложений с интернациональным префиксом **anti-** (23 единицы): *(das) Anti-Age-Tagesfluid*, *(die) Anti-Pickelcreme*, *(die) Antifältchen-Crème*, *Anti-Pickel-Feuchtigkeitsfluid* и др., активное участие таких суффиксов, как: **-er** (14 единиц) – *(der) Pigment-Aufheller*, *(der) Mimikfalten-Füller*, *(der) Wachstumsverstärker* и **-ung** (12 единиц) – *(die) Vitalisierungsdusche*, *(die) Bräunungspferlen*, *(die) Glättungsmilch* и др.

Целесообразно обратить внимание на то, что эквивалентом *сложных терминов-существительных* в немецком языке служат более характерные для русского языка терминологические словосочетания: нем. *(die) Reinigungsmilch* – русс. *очищающее молочко*, нем. *(das) Feuchtigkeitsserum* – русс. *увлажняющая сыворотка*, нем. *(die) Erfrischungslotion* – русс. *освежающий лосьон*.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что сложные термины-существительные представляют собой семантически мотивированные единицы, значение основ которых может быть абсолютно различным, так как при соединении они формируют новое семантическое целое. Данные термины образуются при соединении двух или более корневых морфем при помощи слитного или дефисного способа написания.

Наиболее продуктивными словообразовательными моделями являются:

– русс. $S + S \rightarrow S$ – *тушь-объем*, *крем-тени*;

– нем. $S + S \rightarrow S$ – *(das) Reinigungstonic*, *(das) Feuchtigkeitskonzentrat*.

Наименьшая активность отмечена в немецком языке у моделей:

– $V+S \rightarrow S$ – *(die) Aufbaucreme*, *(das) Waschgel*;

– $A+S \rightarrow S$ – *(das) Thermalwasser*;

– $Ad+S \rightarrow S$ – *(der) Dreifach-Komplex*, *(das) Sofort-Make-up*.

Сложные термины-прилагательные составили в исследуемых языках примерно равное количество лексических единиц – 14 в русском языке и 12 в немецком

языке. В русском языке *сложные термины-прилагательные* образованы по следующим моделям:

– $S+A \rightarrow A$ (5 единиц) – *водостойкая тушь, кремообразные тени*;

– $Num+A \rightarrow A$ (8 единиц) – *одноразовые очищающие салфетки, двухфазное средство для снятия макияжа с глаз, трехцветные тени, высокоэффективный омолаживающий крем для лица*.

Как видно из модели $S+A \rightarrow A$, *сложные термины-прилагательные* образованы с помощью интерфиксов **-е-**, **-о-**: *солнцезащитный крем, водостойкая тушь*.

Сложные термины-прилагательные в немецком языке образуются по двум моделям: $S+A \rightarrow A$ (2 единицы) – *nachtaktive Gesichtscreme, volumenaktives Shampoo* и $A+A \rightarrow A$ (10 единиц) – *hochwirksames Feuchtigkeitskonzentrat*.

В структурном отношении *сложные прилагательные* в немецком языке представляют в своем абсолютном большинстве полносложные соединения: *geschmeidig-zarte Commage-Creme, goldbraune Gesichtspuder*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивными являются такие модели, как:

– русс. $S+A \rightarrow A$ – *водостойкая тушь, кремообразные тени*;

– русс. $Num+A \rightarrow A$ – *одноразовые очищающие салфетки, двухфазное средство для снятия макияжа с глаз*;

– нем. $A+A \rightarrow A$ – *hochwirksames Feuchtigkeitskonzentrat*.

Наименьшая продуктивность отмечена в немецком языке у модели $S+A \rightarrow A$ – *nachtaktive Gesichtscreme*.

В русском языке *сложные глаголы (в форме причастий)* представлены 9 терминологическими единицами, в немецком языке – 46 (45 единиц Partizip I и 1 единица Partizip II). В русском языке они образованы по двум моделям:

– $Ad+P \rightarrow P$ (7 единиц) – *мягко-очищающий тоник, интенсивно-увлажняющая крем-маска, самонагревающаяся маска-сауна*;

– $S+P \rightarrow P$ (2 единицы) – *энерго-насыщающий гель*.

В модели $Ad+P \rightarrow P$ в словообразовании участвуют наречия *быстро, интенсивно, мягко, высоко*. Словообразовательная модель $S+P \rightarrow P$ реализуется с помощью интерфикса **-о-**: *поросуживающий гель для лица*.

В немецком языке были обнаружены такие словообразовательные модели причастий:

– $S+P \rightarrow P$ (38 единиц) – *teintverbessernde Feuchtigkeitscreme, faltenreduzierende Pflege, hautverfeinernde Fruchtsäure-Kur, porenverfeinernde Reinigungslotion u др.*;

– $A+P \rightarrow P$ (4 единицы) – *tiefreinigendes Gesichtswasser*,

– $Ad+P$ (3 единицы) – *zweifachwirkende Körper-Lotion*.

Наиболее продуктивными словообразовательными моделями *сложных причастий* являются:

– русс. $Ad+P \rightarrow P$ – *мягко-очищающий тоник, интенсивно-увлажняющая крем-маска*;

– нем. $S+P \rightarrow P$ – *porenverfeinernde Reinigungslotion, hautentspannende Maske*.

Менее продуктивны модели:

– русс. $S+P \rightarrow P$ – *энерго-насыщающий гель*;

– нем. $A+P \rightarrow P$ – *tiefreinigendes Gesichtswasser*;

– нем. $Ad+P \rightarrow P$ – *zweifachwirkende Körper-Lotion*.

Однако средства обозначения языка не сводятся только к лексической номинации, т.е. называнию посредством слов; немаловажную роль играет синтагматическая номинация, или, по-другому, называние посредством словосочетаний.

Синтаксический способ образования номинации является наиболее продуктивным средством пополнения терминологической лексики. Объяснить продуктивность данного терминообразовательного приема, на наш взгляд, можно следующими факторами. Во-первых, он дает возможность наиболее детально представить то или иное

понятие. Во-вторых, с его помощью отражаются различные видовые характеристики этих понятий. Так, Т. А. Булановская отмечает, что «многословные термины в большинстве европейских языков составляют 60 – 80 % от общего количества терминов» [3, с. 15].

В каждой науке существуют свои видовые понятия, существенные признаки которых отражаются в структуре словосочетания. Образование терминологического словосочетания происходит следующим образом: к термину-названию широкого понятия добавляется определение, сужающее значение термина. Появление разновидностей какого-либо понятия обуславливает образование словосочетаний, ограничивающих широкое понятие. Базисное слово в словосочетаниях чаще выражает родовое понятие, а зависимое – видовое, т. е. родовое понятие конкретизируется через видовое понятие. Важнейшим дифференциальным признаком многокомпонентного термина является функция выражения видового специального, научного или профессионального понятий.

Многокомпонентный термин обладает качеством повышенной информативности, которое приобретает за счет различных определителей и детализаторов, конкретизаторов локализованности, причинности, следствия и условия при главном слове в базисном термине, общее значение которого уточняется, детализируется, конкретизируется. При этом понятийное содержание термина передается всем комплексом компонентов.

В модели таких многокомпонентных терминов включаются своего рода «определители» (имена прилагательные, причастия, числительные) и «конкретизаторы» (отдельные формы имен существительных). Таким образом, в семантическом отношении с учетом логико-понятийного принципа выделяются двухкомпонентные и многокомпонентные терминологические словосочетания. В структурном отношении такое словосочетание представлено в первом случае (в двухкомпонентном словосочетании) – простым словосочетанием, зависимое слово которого также слово-термин, во втором (в многокомпонентном словосочетании) – сложным, или комбинированным словосочетанием, построенным на базе простого.

Значительный пласт в терминосистеме женской косметики исследуемых языков составляют терминологические словосочетания. Проведенное исследование показало высокую продуктивность в обоих языках терминологических словосочетаний: 3141 терминологический словосочетаний на 1032 термина-слова, что свидетельствует о сформированности косметических терминосистем в обоих языках. Однако в русском языке число терминологических словосочетаний (2041 единицы) превышает одноименные словосочетания в немецком языке (1100 единиц).

Для сравнительного описания *терминологические словосочетания* в русском и немецком языках были проанализированы в зависимости от количества составляющих компонентов и характера отношений между ними. Терминологические словосочетания в исследуемых языках могут быть **двух-** и **многокомпонентными**.

В русском языке ведущее положение занимают *многокомпонентные терминологические сочетания* (1599 единиц), тогда как в немецком языке – *двухкомпонентные терминоточетания* (700 единиц).

Двухкомпонентные терминологические словосочетания представляют собой термины, у которых одна часть является общей с другими терминами, а другая служит его отличительной характеристикой в ряду смежных понятий. Именно двухкомпонентный термин позволяет определить характер словосочетания. В русском языке двухкомпонентные словосочетания составляют 442 единицы, в немецком языке – 700 единиц.

Ведущей моделью образования двухкомпонентных терминологических словосочетаний в русском языке является (адъективно-субстантивная) модель $A+S$ – 255 единиц. Данная модель состоит из определителя и термина. В качестве определителя выступают имя прилагательное или адъективированное причастие, выражающее признак родового понятия. Термин выражен именем существительным, номинирующим

обобщающее (родовое) понятие, например: *жидкий крем; косметический крем; молочко увлажняющее; очищающий гоммаж и др.* Следует указать на то, что детерминативный компонент словосочетания стоит, как правило, в препозиции, но может находиться и в постпозиции.

Второй по продуктивности в терминосистеме русского языка является модель *S+S präp* (субстантивно-субстантивная с предложной связью) – 187 единиц: *крем после загара; пена для купания; блеск для губ и др.* Эта модель включает конкретизатор и термин. Конкретизатором выступает имя существительное в любом из косвенных падежей. Сочетание существительного с существительным реализуется как с предложной, так и с беспредложной связью. Наибольшая активность в таких словосочетаниях отмечена нами у предлогов ДЛЯ, ОТ, ПРОТИВ, С, ЗА, ПОСЛЕ.

Как видно из приведенных примеров, демонстрирующих выделенные модели, конкретизаторы и определители играют в них роль уточнений, обозначают форму, назначение и способ функционирования предмета. Видовые признаки базового понятия выражают прилагательные или причастия в функции согласованного определения.

В немецком языке в словообразовании терминологических словосочетаний участвуют такие модели, как: *A+S* (адъективно-субстантивная), *P+S* (сочетание причастия и существительного) и *S+S präp* (субстантивно-субстантивная с предложной связью).

Ведущими моделями в немецком языке являются:

Модель A+S – 289 единиц: *flüssiger Wachsspray; feuchte Reinigungstücher; leichte Augencreme; sanfte Reinigungscreme и др.* В качестве определителя здесь выступает имя прилагательное, термин выражен именем существительным.

Модель S+S präp – 270 единиц: *Feuchtigkeitsschme gegen Rötungen; Korrekturstift bei Rötungen; Reinigungs-Gelee gegen Hautunreinheiten.* В роли конкретизатора в данной модели выступает имя существительное, стоящее в Dativ или Akkusativ. Существительное сочетается с существительным при помощи предложной связи. Наибольшая активность наблюдается у предлогов GEGEN, FÜR, BEI.

Менее представлена в словообразовании немецких терминологических словосочетаний модель *P+S* – 143 единицы: *energiespendende Creme; vitalisierende Tagescreme; aufbauende Nachtcreme и др.* Определителем в этой модели выступают причастия (Partizip I, Partizip II), а термин выражен именем существительным.

Следует указать на то, что с помощью моделей *A + S* и *P + S* выражается признак, функция, способ применения номинируемых средств женской косметики в немецком языке. Модель *S+S* отражает за счет конкретизаторов назначение, область применения средства, обозначаемого термином.

Проведенный анализ моделей в двух языках позволяет сделать вывод, что двухкомпонентные терминологические словосочетания представляют соединение двух компонентов, одним из которых является базовый термин, а вторым компонентом выступают слова-определители или слова-конкретизаторы, уточняющие смысл базового термина и определяющие его терминологическое значение.

Многокомпонентные терминологические словосочетания являются сложными словосочетаниями, которые образуются путем распространения двухкомпонентного терминологического словосочетания определителями или конкретизаторами, как в пре-, так и в постпозиции к определяемому слову. В русском языке амплитуда таких словосочетаний содержит от трех до девяти компонентов, а в немецком языке от трех до шести компонентов.

Трехкомпонентные терминологические словосочетания в русском языке представлены 755 терминологическими словосочетаниями. В немецком языке их количество значительно меньше – 289 терминологических словосочетания, например: русс. *жидкий спрей-воск для волос; очищающий тоник для лица*, нем. *Maske für empfindliche Haut.* Преобладание *трехкомпонентных терминологических словосочета-*

ний в русском языке, в отличие от немецкого языка, продиктовала необходимость проанализировать их структуру.

Модель A+S präp+S (сочетание прилагательного или адъективированного причастия с двумя существительными с предложной связью) – 325 терминологических словосочетания: *антибактериальный скраб для умывания; активизирующая маска с витаминами*. Эта модель самая продуктивная среди словообразовательных моделей трехкомпонентных терминологических словосочетаний. Как видно из примеров, терминологические словосочетания содержат в своей структуре наряду с определяющим компонентом также конкретизатор и указывают одновременно на функциональное действие, назначение, область применения номинируемого термина.

Модель A+A+S (сочетание двух прилагательных с существительным) – 153 терминологических словосочетания: *омолаживающий дневной крем; антибактериальный очищающий флюид; успокаивающий ночной крем*. В ходе анализа нами было установлено, что для номинации косметических средств используются нескольких определяющих компонентов, которые дополнительно характеризуют базовый термин. Исследование материала показало, что определяющими компонентами могут выступать два прилагательных, прилагательное в сочетании с адъективированным причастием, либо два адъективированных причастия, например: *защитный дневной крем; успокаивающий ночной крем; оживляющий дневной крем; расслабляющее очищающее молочко и др.*

Модель S+S+S (сочетание трех существительных, одно или два из которых имеют предложную связь) – 151 терминологическое словосочетание: *крем-скульптор для овала лица; крем для тела после ванны; бальзам для ухода за кутикулой*. В номинации средств этой модели для образования терминологических словосочетаний используется дополнительный конкретизатор или уточнитель, который указывает на область применения или функциональное назначение термина, номинирующего косметическое средство.

Модель S präp+A+S (сочетание существительного с прилагательным или адъективированным причастием и существительным с предложной связью) – 105 терминологических словосочетаний: *гель от угревой сыпи, крем для искусственного загара*. Включение определителей, выраженных именем прилагательным или адъективированным причастием, указывает на специальные признаки денотата.

В немецком языке *модель S präp+A+S* (сочетание существительного с прилагательным и существительным с предложной и беспредложной связью) включает 76 терминологических единиц: *Shampoo für dünnes Haar; Dusch-Öl für trockene Haut; Puderquaste mit goldenem Glitterpuder; Grundierung mittlerer Kraft; Pup-Haarspray mittlerer Halt* и др. Определители в данной модели указывают на область применения, состав номинируемого средства. Наибольшая активность наблюдается у предлогов GEGEN, FÜR, BEI, MIT.

Модель S+S+S (сочетание трех существительных, одно или два из которых имеют предложную связь) – 76 единиц: *Essence gegen Pigmentstörungen und Altersflecken; Pads für die Augen mit Gurken-Extrakt, Duschgel für Körper und Haar* и др. Дополнительный конкретизатор или уточнитель в структуре терминологического сочетания указывает на область применения или функциональное назначение термина, номинирующего косметическое средство.

Модель P+S+S (сочетание причастия и двух существительных с предложной связью) – 54 единицы: *kühlendes Komplex für Füße; mattierende Gel-Creme für Mischhaut; regenerierendes Peeling und Duschgel* и др. Определяющий компонент выражен Partizip I и указывает на функциональное действие термина, обозначающего косметическое средство. Конкретизатором в терминологических словосочетаниях является имя существительное.

Модель A+S präp+S в русском языке является наиболее продуктивной среди трехкомпонентных терминологических словосочетаний, в немецком языке среди

одноименных терминологических словосочетаний, наибольшая продуктивность отмечена у моделей *S präp+A+S* и *S+S+S*.

Четырехкомпонентные терминологические словосочетания составили в русском языке 488 терминологические единицы, например: *пудра для лица с охлаждающим эффектом; средство для коррекции мимических морщин и др.* В немецком языке одноименные терминологические словосочетания представлены 143 терминологическими единицами: *sanftes Peeling für sehr empfindliche Haut; hautglättende Pads gegen Pickel und Fettglanz; Regenerationspflege für normale bis trockene Haut* и др. Следует отметить, что такие словосочетания в русском и немецком языках построены по принципу распространения словосочетания словосочетанием. Правда в немецком языке базовый термин может быть выражен также сложным словом, например: *Reinigungs-Commage für trockene und reife Haut; Aktivgel gegen Pickel und unreine Haut* и др.

Многокомпонентные терминологические словосочетания, содержащие от пяти до девяти компонентов, можно рассматривать в сопоставляемых языках на основе вышеизложенных моделей образования двух- и трехкомпонентных терминологических словосочетаний. Приведем некоторые примеры.

Пятикомпонентные терминологические словосочетания представлены в русском языке 226 единицами, в немецком языке их значительно меньше (45 единиц), например: русс. *расслабляющий дневной крем для сухой кожи; мягкая очищающая маска для чувствительной кожи; корректор локального действия от прыщей и воспалений*, нем. *mattierendes Fluid zur Reduzierung überschüssiger Talgproduktion; erfrischendes Gesichtswasser für Misch- und fette Haut; Maske mit intensiv nährenden ätherischen Ölen* и др.

Шестикомпонентные терминологические словосочетания в составили 80 терминологических словосочетаний в русском языке и только 21 словосочетание в немецком: *разглаживающие кожу подушечки для проблемной и жирной кожи; отшелушивающий лосьон для лица для сухой чувствительной кожи; нежный пенящийся крем для мягкого очищения лица; feuchtigkeitsspendende, geschmeidigmachende Maske für trockene und empfindliche Haut; hocheffektive Pflege und Schutz für normale und trockene Haut; beruhigende alkohol-und parfümfreie Sprühlotion für empfindliche Haut; regulierende Tages- und Nachtpflege für die Mischhaut und fettige unreine Haut* и др.

Отличие в структуре многокомпонентных терминологических словосочетаний в исследуемых языках состоит в том, что в русском языке есть семи-, восьми- и девятикомпонентные терминологические словосочетания, в немецком такие словосочетания не обнаружены. Так, семикомпонентные терминологические словосочетания составили 32 единицы, например: *увлажняющая и смягчающая маска для лица для сухой и чувствительной кожи; регулирующее жирность кожи ежедневное средство для проблемной кожи; питательный реструктурирующий успокаивающий ночной крем для очень чувствительной кожи* и др.

Восьми- и девятикомпонентные терминологические словосочетания включают по 5 единиц: *укрепляющая сыворотка для кожи шеи и области декольте с оливковым маслом; спрей для придания блеска волосам с ухаживающим комплексом для сияния волос; биоактивная восстанавливающая сыворотка для лица с комплексом экстракта роз и 12 масел; максимально увлажняющий крем, повышающий упругость кожи для нормальной и сухой кожи; увлажняющий освежающий гель для нормальной и склонной к жирности кожи или жаркого климата.*

Проведенный анализ терминологических словосочетаний в двух языках, позволяет сделать вывод о том, что в русском языке преобладают трехкомпонентные терминологические словосочетания, образованные по моделям: *A+A+S; A+A+S; S+A+S präp*, а в немецком языке наиболее активны двухкомпонентные терминологические словосочетания с такими моделями: *A+S; P+S; S+S präp*. Среди многокомпонентных терминологических словообразований в русском языке зафиксированы примеры с семи-, восьми- и девятикомпонентными терминологическими словосо-

четаниями, а в немецком языке такие терминологические словосочетания не зафиксированы.

Заключение

В целом проведенный сопоставительный анализ позволяет утверждать, что способы формирования косметических терминов не отличаются от способов обычного словообразования. Хотя для образования терминов женской косметики в обоих языках используется суффиксация, префиксация и композитные образования, активность их различна.

Аффиксация является ведущим способом словообразования в русском языке. В немецком языке *аффиксация* вторая по продуктивности, первое место занимает словосложение.

В зависимости от словообразовательного аффикса, участвующего в создании термина, производные термины в двух языках образуются по *суффиксальным, префиксальным* и *префиксально-суффиксальным* моделям. *Суффиксация* в сравниваемых языках является более распространенным способом словообразования, чем *префиксация*. В словообразовании производных терминов немецкого языка активно участвуют полусуффиксы.

Типология *сложных слов* в сравниваемых языках неоднородна. Сложные слова в немецком языке значительно разнообразнее, чем в русском языке. В результате словосложения в обоих языках образовано большое количество существительных, прилагательных и причастий.

Преобладание терминологических словосочетаний над терминами-словами свидетельствует о сформированности терминосистемы женской косметики и продуктивности этого способа терминообразования в сравниваемых языках. С точки зрения структуры (по числу составляющих компонентов) терминологические словосочетания проявляют различную активность. В русском языке преобладают *трехкомпонентные терминологические словосочетания* $A+A+S$; $A+A+S$; $S+A+S$ *präp*, а в немецком языке доминируют двухкомпонентные терминологические словосочетания $A+S$; $P+S$; $S+S$ *präp*.

Терминологические словосочетания представляют собой описательный тип наименований, в которых номинируются такие признаки денотата, как назначение, действие, функция, состав, консистенция, цвет. Именно описательные наименования в большей степени способны отразить свойства и специальные признаки денотатов. Лексические свойства номинируемых предметов выражаются в сравниваемых языках прилагательными и глаголами (в форме причастий). Грамматическое оформление происходит с помощью суффиксов, предлогов, окончаний.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007.
2. Бричева М. М. Структурно-семантическая и этимологическая характеристика словообразовательного поля прилагательных в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2006.
3. Булановская Т. А. Формально-структурные особенности оттопонимической лексики (на материале русского и английского языков) // Научно-техническая терминология: науч.-тех. реф. сб. – 2000. – Вып. 2.
4. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
5. Гринев С. В. Введение в терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993.
6. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977.
7. Квитко И. С. Термин в научном документе. – Львов: Изд-во при Львовск. ун-те, 1976.
8. Левковская К. А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии и примыкающей к ней лексике. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

9. Лотте Д. С. Как работать над терминологией // Основы и методы изучения терминологии. – М., 1968.
10. Проблемы языка науки и техники. Аспекты терминологии. – М., 1970.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: 2005.
12. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.

DERIVATIONAL AND STRUCTURAL FEATURES OF THE TERMS OF COSMETICS FOR WOMEN IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

J. Baghana
E. N. Taranova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
taranova@yandex.ru*

The article describes the structural and derivational features of the terms of cosmetics for women in the Russian and German languages.

Key words: term, terminology, structural and features of terms, methods of formation of terms.

УДК 81-23

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ДИАТОПИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В СВЕТЕ АНГЛИЙСКОЙ СИЛЛАБИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

М. А. Береснева

*Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова*

*e-mail:
maria_beresneva@mail.ru*

В статье подчеркивается необходимость контрастного изучения двух основных (британского и американского) диатопических вариантов английского языка с учётом слоговой динамики и силлабических особенностей речи. Указывается на недостаточность принятого понятийного аппарата и подчёркивается необходимость расширения существующих представлений о фонетической дихотомии британского и американского вариантов в глобальном англоязычном пространстве.

Ключевые слова: силлабика, слог, слоговой стереотип, глобальный английский язык, «переключение кода», американский и британский диатопические варианты английского языка, артикуляционная база, фонетическое мирозерцание, фонетический стиль, образцовый вариант произношения.

Глобализация англоязычного общения на рубеже XX и XXI вв. и новый «глобальный» статус современного английского языка [1], предоставившие англофонам неограниченное право владеть и пользоваться английской речью в различных коммуникативных целях, повлекли за собой стремительные изменения на разных языковых уровнях и, главным образом, отразились на звучании. Отсутствие единого произносительного стандарта, тесное взаимодействие основных диатопических вариантов, а также все более осязаемое влияние американской фонации и распространение ее особенностей на наиболее значимые регистры английской речи (см., например, [2]) поставили перед фонетистами целый ряд непростых вопросов, связанных с оптимизацией речевого общения в глобальном англоязычном пространстве.

Прежде всего, появилась необходимость в значительном расширении существующих представлений о фонетической дихотомии британского и американского диатопических вариантов, поскольку стало очевидно, что для эффективного общения в современном англоговорящем мире знанием только одного из них ограничиться невозможно. Задача заключается в том, чтобы высветить основные «ключевые» моменты американской фонации, всячески подчеркнув ее отличие от характерного звучания британской речи, и таким образом преодолеть существующую диспропорцию между, с одной стороны, детально разработанным, системным представлением о фонетическом своеобразии британского варианта, а с другой, менее развитым и упорядоченным, а также не всегда в полной мере продуктивным (хотя и чрезвычайно востребованным) знанием о фонетике американской.

Кроме того, в условиях глобализации английского языка для того, чтобы проследить и адекватно интерпретировать многочисленные случаи британской и американской фонетической интерференции, требуется дальнейшее (углубленное) изучение и разъяснение принятого в английской фонетике понятийного аппарата, которого оказывается явно недостаточно, когда на первый план выходит сознательное использование говорящим «динамических составляющих» речи, его способность к так называемому «переключению (смещению) кода» (code-switching) [3] и смене привычных механизмов речепроизводства и речевосприятия.

Для решения поставленных задач целесообразно обратиться к сравнительно новому направлению в английской фонетике, получившей название когнитивной силлабики. В центре внимания оказывается особая «предрасположенность» английской речи к дополнительному, независимому от степени ударения, выделению слогов

в различных коммуникативных целях [4]. Принципиальным для силлабики является изучение особенностей слога как основной динамической единицы речи и того, что в классической психолингвистике называется «минимальным компонентом кодирования» [5, с. 20; 6, с. 258].

Особый интерес приобретает противопоставление внутренних и внешних кодов языка¹. Внутренний код, определяемый как совокупность дифференциальных признаков и фонем, существенно отличается от кода внешнего, который является слоговым и играет решающую роль в процессе функционирования языковых единиц. Внешний (слоговой) код представляет собой совокупность правил, на которых зиждется все слоговое деление в данном языке и по которой слоги сочетаются в слова, а слова в более протяженные последовательности (словосочетания и предложения). Эти правила составляют суть понятия «слоговой стереотип», которое имеет для настоящего исследования особое значение.

Дело в том, что английский язык в целом считается «слогоопорным», то есть слог является не только основной произносительной, но и непосредственно воспринимаемой и постоянно повторяющейся в процессе речевого общения перцептивной единицей (или «опорным речевым квантом»)². Однако, как показывает специальное инструментально-фонетическое исследование [9], в двух основных диалектических вариантах английского языка слоговой стереотип представлен по-разному, что подразумевает особое распределение артикуляторной энергии в слоге и «сильный» или «слабый тип примыкания» согласных звуков. Таким образом, в целях прояснить и освоить механизм такого сложнейшего явления, как «переключение кода», следует сосредоточить внимание на различиях в слоговом стереотипе двух основных диалектических вариантов английского языка.

Как свидетельствует обширная литература вопроса, для британского варианта характерным является сильный тип примыкания согласного к предшествующему гласному, то есть преобладание усеченных, или закрытых, слогов. Иначе говоря, слог в британском английском языке произносится с опорой на согласный и характеризуется сильным отступом (*off-glide*) и двумя пиками интенсивности (артикуляционной напряженности) как в начале, так и на конце [8].

Для американских слогов, напротив, характерным оказывается слабый (свободный) слоговой отступ (тип примыкания), т.е. основная произносительная тенденция заключается в использовании открытых (неусеченных) слогов. Иными словами, основное произносительное усилие в слоге приходится на гласный звук, в то время как согласный произносится довольно слабо (или даже заменяются гортанной смычкой (*glottal stop*) [10, с. 5]), и границы между слогами являются размытыми и неопределенными, в отличие от четко очерченных и более независимых от фонетического окружения контуров британских слогов.

Этим, однако, вопрос не исчерпывается, поскольку в реальном человеческом общении различия в слоговом стереотипе выражаются в особом использовании и распределении основных слоговых параметров – тона, интенсивности и длительности (или, в каждом конкретном случае слоговой выделенности, тонемы, стронемы и хронемы [11, с. 36]). Силлабика оказывается способной показать, что в отличие от британского варианта, где тонема и стронема, то есть резкое изменение мелодической кривой и интенсивное (громкое, с опорой на согласный) произношение слога, являются первостепенными в эффекте слоговой выделенности, в американской речи решающее значение имеет хронема, то есть долготные (или количественные) характеристики слога.

¹ При этом в отличие от традиционного понимания кода как системы правил, позволяющей сопоставлять с каждым сообщением определенную комбинацию различных сигналов, в данном случае под кодом понимаются правила перехода из одной семиотической системы в другую [7].

² Для русского языка опорной единицей речи является гласный [8, с. 82 – 83].

Этим объясняется то, что в отличие от ранее разработанного курса, ориентированного на особенности британской силлабики, когда на первом плане всегда оказывались согласные звуки³, при описании американского звучания внимание прежде всего сосредоточивается на системе гласных, с опорой на которые и осуществляется коммуникативно значимое выделение слогов.

Кроме того, в новых условиях функционирования языка требуется особо остановиться на имеющихся между британской и американской вокалическими системами всевозможных несоответствиях и расхождениях, поскольку именно благодаря им обеспечивается вариативность (или «полифония») глобального англоязычного общения. Конечная цель заключается в том, чтобы научиться использовать эти несоответствия в коммуникативных целях и включить их в арсенал тех языковых средств, которые позволяют придать языковому общению риторическую направленность и максимально эффективный характер.

Другими словами, за исходное принимается положение о том, что вариативность является одним из основных требований риторической фонетики [13]. Ничем не нарушаемое, монотонное произношение считается врагом риторики, поскольку, по свидетельству специальных исследований в области психологии речи [14], человеческое внимание крайне непостоянно и склонно снижаться и угасать, если отсутствуют факторы, будоражащие его активность. Одним из них является заложенная в самой фонетико-фонологической системе современного (глобального) английского языка вокалическая и консонантная вариативность⁴.

В этой связи обратимся к данным сопоставительного изучения гласных фонем в британском и американском диалектах и проанализируем их под иным углом зрения, «препарируя» то, что уже было достигнуто в этой области через призму английской силлабики и особенностей слогового стереотипа, играющих первостепенную роль в организации звучащей речи. Используем для этой цели уже имеющиеся в фонетической литературе и получившие широкое распространение в современной языковой практике классификации гласных фонем, принадлежащие наиболее известным и авторитетным английским и американским лингвистам [16; 17; 18]. Для большей наглядности представим их основные различия в нижеприведенной таблице.

Таблица 1

Система британских и американских гласных звуков

British English			American English				
			Classification I			Classification II	
№	Symbol	Example	№	Symbol	Example	Symbol	Example
1	[i:]	sea	1	[iʏ]	see	ē [ee]	eat
2	[ɪ]	kit	2	[ɪ]	it	i [ih]	it
3	[e]	bed	4	[ɛ]	yes	[eh]	get
4	[æ]	bad	5	[æ]	fat	æ [ä+ ε]	cat
5	[ɑ:]	start	7	[ɑ]	father	ä [ah]	art
6	[ɔ]	lot			stop		
7	[ɔ:]	thought	11	[ɔ]	law		
8	[ʊ]	foot	9	[u]	books	ü [ih+uh]	took
9	[u:]	goose	8	[uʷ]	two	ū [ooh]	smooth
10	[ʌ]	love	6	[ʌ]	bus	ə [uh]	some common

³ Имеется в виду принятый на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ курс английской фонетики, разработанный С. В. Дечевой и И. М. Магидовой [12].

⁴ О константности и вариативности фонологической системы современного английского языка см. работу Шахбаговой Д. А. [15].

Окончание табл. 1

12	[ə]	about	—	—	—			
11	[ɜ:]	nurse	12	[ɜ]	bird	semi-vowels	ər[er] ʔ[ul]	her dull
—	—	—	—	—	—			
d	[ei]	face	3	[e ⁱ]	say	ā [ɛi]	take	
i	[əʊ]	goat	10	[o ^u]	no	ō [ou]	hope	
p	[ai]	price	diphthongs	13	[ai]	ī [äi]	ice	
h	[aʊ]	mouth		14	[au]	æo[æ+o]	down	
t	[ɔi]	choice		15	[ɔi]	—	—	
h	[ɪə]	near	—	—	—	—	—	
o	[uə]	poor	—	—	—	—	—	
n	[ɛə]	fair	—	—	—	—	—	
g								
s								

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению данной таблицы, уместно будет сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, сразу же подчеркнем, что при изучении фонетического своеобразия британского и американского диалектных вариантов нам представляется важным обратиться к понятию «фонетического мирозерцания», подразумевающему глубоко заложенную в сознании каждого языкового коллектива привычную работу органов речеобразования и речевосприятия [19]. В этом смысле, артикуляционная база британского варианта английского языка в первую очередь характеризуется активностью гортани, растянутостью и неподвижностью губ, а также оттянутостью языка к задней части ротовой полости. Основную роль играет именно гортань, что выражается в основной оппозиции гласных на основе напряженности (tension) – ненапряженности (laxity) звучания⁵.

Что же касается артикуляционного уклада американского варианта, то здесь основная роль отводится активности языка, гортань относительно пассивна, а губы более подвижны, чем в британском варианте и могут быть слегка округлены (rotundity of the aperture), создавая особую тембральную окраску речи – бемольность [20]. Иными словами, по сравнению с британским вариантом наблюдается существенный сдвиг всей артикуляционной базы. Это приводит к тому, что нередко американская речь ассоциируется с особой «экономией артикуляционной напряженности» [21, с. 21] и выражается в тенденции к утрате второго пика интенсивности в слоге и общей «протянутости» (протяженности) гласных звуков. В результате, противопоставление гласных по признаку «напряженности-ненапряженности» произнесения, характерное для британского варианта, оказывается неправомерным для американского варианта.

С опорой на теорию «фонетического мирозерцания» нам важно с самого начала указать на то, что «напряжение для британца не есть напряжение для американца, у которого значительно более энергичный, а не такой вялый и рыхлый язык, как у британцев»⁶. Поэтому требуется с известными оговорками относиться к нередко используемому в фонетической литературе разделению американских гласных на напряженные (tense) и ненапряженные (lax).

То же самое, по-видимому, относится и к принятым в фонетической литературе понятиям дифтонгов и монофтонгов, которые с точки зрения силлабики (то есть того, каким образом слоги реально выделяются в речи для передачи различных интенций говорящего) не только не способствуют освоению особенности глобального английского языка, но и создают дополнительные сложности (см. ниже).

⁵ В системе британских гласных, которая представлена в таблице, напряженность, в отличие от ненапряженности, традиционно обозначается значком двоеточия (:).

⁶ Ср. с разъяснениями С. К. Боянуса [19, с. 11].

Это положение приобретает особое значение, когда на первый план выходит фонетическое своеобразие глобального английского языка, которое во многом складывается на фоне сложного взаимодействия и взаимовлияния двух основных диатопических вариантов английского языка, которым посвящается настоящее исследование. Более глубокое и подробное, чем прежде, последовательное их сопоставление и размежевание позволит придать существующей фонетической дихотомии английского языка действительно работающий характер и в конечном счете освоить механизм «переключения кода».

В этой связи необходимо отметить также, что избираемые нами для специального рассмотрения классификации американских гласных (в таблице представленные как Classification 1 и Classification 2)⁷ изначально ориентированы на изучающих американский вариант иностранцев и иммигрантов, стремящихся интегрироваться в американское общество и приобрести «американский акцент». Эти классификации оказываются наиболее подходящими для настоящего исследования, поскольку в них четко прослеживается тенденция к отдельному, отличному от британского варианта и выходящему за рамки прежних представлений обозначению фонетических особенностей американской речи с учетом реального звучания и произнесения слогов в двух основных стилях американского произношения.

Остановимся на них более подробно. В таблице убедительно показано, что между британским и американским диатопическими вариантами наблюдается явная фонемная асимметрия. Так, например, в корреляционном ряду британских гласных №5 [ɑ:], №6 [ɔ] и №7 [ɔ:] и американских гласных №7 [a] или ä [ah] и №11 [ɔ] или ä [ah] имеются очевидные лакуны и несоответствия, которые требуют специального комментария. Американский долгий гласный №7 [a] / ä [ah] недифференцированно употребляется там, где в британском варианте различают напряженный гласный №5 [ɑ:] и ненапряженный гласный №6 [ɔ] (см. С1). Кроме того, он может произноситься на месте британского гласного №7 [ɔ:], то есть в С2 трем британским гласным №5, №6 и №7 соответствует один долгий ненапряженный американский гласный ä [ah].

Сразу же обращает на себя внимание то, что основными различительными признаками между рассматриваемыми нами классификациями британских и американских гласных оказываются именно долгота и скольжение (неустойчивость или «дифтонгоидный» характер) целого ряда фонем в американском диатопическом варианте (например, №1 [iʏ] или ē [ee], №3 [eⁱ] или ē [ee], №8 [u^w] или ū [ooh] и №10 [o^u] или ō [ou]), в отличие от «чистого» (pure), устойчивого («неглайдового») и характеризующегося равной степенью артикуляционной напряженности на протяжении всего звучания произношения британских гласных (например, №1 [i:], №5 [ɑ:], №7 [ɔ:], №9 [u:] и №11 [z:]).

В этой связи необходимо отметить, что система дифтонгов, то есть «сложных гласных звуков, где один из элементов является слогаобразующим, а другой его скользким придатком» [22, с. 65], представлена в двух рассматриваемых нами диатопических вариантах совершенно по-разному и требует специального комментария в свете английской силлабики. Дело в том, что в британском варианте выделяется восемь дифтонгов, в то время как в С1 их только три, а в С2 дифтонги как таковые вообще не выделены и не представлены.

Иными словами, в американском варианте, ввиду общей «протянутости» произношения гласных и, соответственно, неусеченного характера слогов, не прослеживается четкого противопоставления между «классическими» монофтонгами и дифтонгами британского варианта. Таким образом, приходится констатировать невозможность однозначной трактовки таких принятых в фонетической науке терминов, как «дифтонги» и «монофтонги» в двух (американском и британском) диатопических вариантах без учета существующих различий в слоговом стереотипе.

⁷ Далее в работе С1 и С2.

Аналогами британских дифтонгов [eɪ] и [əʊ] в американском варианте являются долгие “глайдовые” гласные №3 [eɪ] или ā [ɛi] и №10 [oʊ] или ō [ou]. Британские дифтонги [aɪ], [aʊ] и [ɔɪ] имеют соответствующие графические эквиваленты в одной из классификации американских гласных (С1), в целом ориентированной на особенности риторически оформленной речи, а в С2 они либо трактуются как долгие гласные (ī [äi] и æo[æ+o]), либо представлены не полностью ([ɔi]).

Помимо этого, в американском варианте британские центрирующие дифтонги [ɪə], [uə] и [ɛə] вообще не представлены. В позиции перед [r] они трактуются как последовательность двух отдельных фонем [ɪ+r], [u+r] и [ɛ+r], что вызвано сохранением американского согласного [r] в тех случаях, где в британском варианте он “выпадает”. В других позициях, это, возможно, связано с особенностями американского гласного [ə] или [ʌ]. В отличие от практически произносимого вне своего фонетического окружения в составе полностью безударного слога британского гласного №12 [ə], американский звук [ə] (который также может обозначаться как [ʌ]) в артикуляционном плане оказывается гораздо более независимым и способным к более отчетливому произнесению в рамках полноударного слога (см. С2).

В двух рассматриваемых нами классификациях гласных этот звук обозначается различными транскрипционными знаками, что свидетельствует о том, что среди американских фонетистов нет единого мнения о его качественных характеристиках. В одном случае (С1) проводятся различия между гласным [ʌ] и его безударной формой – гласным [ə], так называемым “schwa”, который не выделяется в отдельную фонему и потому не представлен в классификации. В другом случае (С2) различий в их графическом обозначении не наблюдается, то есть гласный под ударением и безударный гласный обозначаются одним транскрипционным значком ə [uh].

Таким образом, сложность сопоставительного изучения американской и британской вокалической системы заключается в том, что принадлежащие американским фонетистам классификации гласных также характеризуются отсутствием единообразия. Причины для существующих расхождений могут быть разными. Нам представляется, что чаще всего суть их сводится к тому, что эти классификации изначально ориентированы на изучающих язык в разных целях, а также имеющих разную степень подготовленности.

Так, в таблице одна из них (С1) предназначена для более углубленного обучения языку и включает в себя как подробный анализ отдельных звуков, так и рекомендации по организации и “риторическому” оформлению более протяженных последовательностей в рамках развернутого произведения речи [23]. Другая классификация (С2) ориентирована на менее продвинутый этап (рассчитана на «среднестатистического» иммигранта), стремящегося ассимилироваться в американское сообщество и в кратчайший срок освоить характерные черты американского звучания [18, с. 14].

Первая является более традиционной и выдержанной в плане общепринятой фонетической транскрипции и расположения звуков в системе по способу образования. Во второй используется особая графика, позволяющая максимально прояснить произношение отдельных гласных в зависимости от их фонетического окружения, то есть в составе слогов как основных артикуляционных единиц речи. Первая складывается из классического представления об особенностях американской вокалической «микросистемы» в составе единой фонологической системы британского и американского диалектных вариантов. Во второй выделяются наиболее существенные моменты звучания, на которых в целом (не только по сравнению с британским вариантом, но и другими разновидностями английского языка в глобальном англоязычном пространстве) фонетическое своеобразие американской речи.

Изучение особенностей фонетической дихотомии британского и американского вариантов в глобальном англоязычном пространстве было бы неполным без рассмотрения тех несоответствий, которые (хотя и в меньшей степени) прослеживаются и в характерных для них системах консонантизма. Как и в случае с гласными звуками, не-

обходимо прежде всего последовательно разграничить британские и американские согласные как с учетом слоговой специфики двух диатопических вариантов, так и с точки зрения различий в их фонетическом мирозерцании.

Как известно, в британском варианте основной семиологически релевантной оппозицией является противопоставление согласных звуков по признаку силы (*fortis*) и слабости (*lenis*) произнесения [16, с. 150]. В американском национальном варианте, где (в зависимости от стиля произношения) согласный всегда будет в большей или меньшей степени ослабленным и где на первый план в процессе слоговой выделенности неизбежно выходят долготные (или количественные) характеристики, первостепенное значение приобретает оппозиция «мгновенных» (*stops*) и «длительных» (*continuants*) звуков [10, с. 4].

Представим указанные оппозиции согласных звуков в виде нижеследующей таблицы:

Таблица 2

Система британских и американских согласных звуков

	British English			American English		
	<i>fortis</i>		<i>lenis</i>	<i>stops</i>	<i>continuants</i>	<i>combination</i>
plosive	p		b	p	m	tʃ
	t		d	b	ŋ	dʒ
	k		g	k	n	(ks)
affricate	tʃ		dʒ	g	r	
fricative	f		v	t	l	
	θ		ð	d	f	
	s		z	ʔ	v	
	ʃ		ʒ	ʔ	h	
		←h			w	
nasal		←m			ʌ	
		←n			θ	
		←ŋ			ð	
		←l			s	
approximant		w			ʃ	
		r			z	
		j			ʒ	

Из таблицы видно, что помимо основных оппозиций «силы-слабости» в британском варианте и «мгновенности-длительности» в американском варианте, необходимо также отметить особенности произнесения отдельных британских и американских согласных, создающих их специфику на сегментном уровне.

Согласный [ɹ], который в британском варианте является какуминальным и подвержен строгим фонотактическим ограничениям (употребляется только перед гласными звуками), в американский вариант имеет ретрофлексный характер и используется во всех позициях в слове. Кроме того, он сопровождается энергичной лабиализацией и отличается скользящей артикуляцией (*glide*), в соответствии с особенностями артикуляционной базы американского варианта.

Звук [ɹ], который в британском варианте является полумягким или «светлым» (*light*) перед гласными переднего ряда и твердым (*dark*) на конце слов, перед согласными и гласными среднего и заднего ряда, в американском варианте произносится как твердый во всех позициях⁸.

⁸ Подчеркнем, что по сложившейся традиции звуки [ɹ] и [ɹ] рассматриваются в настоящем исследовании

Звук [t] в американском варианте ослаблен в интервокальной позиции, что позволяет включить в классификацию согласных особый значок [t̥]. Кроме того, наблюдается также частая замена его гортанной смычкой [ʔ], также отраженной в таблице, а в положении после [n] – так называемой “немой выдержкой”. Как уже указывалось выше, подобное нечеткое произношение согласного является частью американского слогового стереотипа. Любопытно, что использование в данной позиции типичного для британского варианта сильного согласного [t] воспринимается американцами как признак манерного, нарочито-искусственного произношения [15, с. 79].

Помимо этого, в американском варианте можно отметить тенденцию к выпадению [j], использование [ʃ] (вместо британского [ʒ]) в конечных безударных слогах некоторых существительных на -ion, -ia, употребление [ʌ] в контексте слов, начинающихся с диграфа wh, а также выпадение [h] перед гласным ударного слога.

Необходимо отметить в этой связи, что четкость произнесения согласных (и гласных) звуков как в американском, так и в британском диалектах в значительной степени зависит от стиля произношения, причем для образованных американцев соблюдение таких стилистических различий имеет особое значение. Для обозначения и описания существующих фонетических стилей в специальной литературе⁹ используются различные терминологические словосочетания, позволяющие подробно классифицировать их как в фонетическом и просодическом плане, так и в лексико-грамматическом и социолингвистическом отношении.

В американском варианте чаще всего выделяется пять фонетических стилей [25]. Так называемый «frozen style», предназначенный для публичных выступлений особой значимости, отличается наибольшей четкостью произнесения согласных звуков и дополнительной «протянутостью» гласных. «Formal style» описывается как «серьезный» стиль, для которого в целом характерно ясное и четкое произношение, причем особое внимание уделяется стыкам слов (word boundaries). То, что названо «consultative style», отражает стиль речи, используемый в ежедневном общении. Ему свойственны более размытые границы между слогами и ускоренный темп речи. Для «casual style», то есть «неформального» стиля, характерна расслабленная, нечеткая манера произношения и быстрый темп. Наконец, «intimate style», используемый только на бытовом уровне среди близких людей или родственников, отличается наибольшей степенью редукции звуков.

Понятно, однако, что в живом человеческом общении между этими стилями произношения не существует четких границ. Более уместным, поэтому, представляется объединить их в две основные стилистические разновидности по признаку формальности или «неформальности» общения. К первой из них относится стиль официального выступления (formal, frozen, platform style), который используется при обращении к большой аудитории, в особо торжественных случаях и в публичных выступлениях особой значимости. В фонетическом отношении это «полный» стиль произношения [26, с. 20 – 21; 27], который характеризуется особой отчетливостью и ясностью всех слогов в слове, а также медленным, неторопливым изложением, причем некоторые фонетисты называют его «медленным» стилем (slow style) [22, с. 260].

Вторая стилистическая разновидность свойственна «спокойной беседе людей» [26, с. 21]. Это так называемый «разговорный» (colloquial) стиль произношения, характеризующийся умеренным (moderate style) [22, с. 178] или достаточно быстрым темпом (rapid style) [22, с. 238] и различными явлениями фонетической редукции и ассимиляции, а также размытыми и нечеткими слоговыми стыками, обеспечивающими плавное соединение слов в потоке речи (liaisons). Здесь имеется в виду то, что в

довании как согласные, хотя выше указывалось также на возможность их отображения в системе американского вокализма, так как при их произнесении в определенных позициях в слове на первый план выходит длительность звучания.

⁹ См. об этом статью «Фонетический стиль речи» [24, с. 134 – 135].

психолингвистике называется процессом удержания уже произнесенных звуков и упреждения тех элементов звучания, которые еще предстоит произнести. В «разговорном стиле» американской речи он является сглаженным. Иначе говоря, слоги и слова «плавно перетекают» (float) друг в друга, причем на их стыках наблюдается ассимиляция звуков, обеспечивающая наименьшую артикуляционную напряженность.

Различия между этими стилями речи настолько прочно вошли в общую систему американского диалектического варианта, стали настолько очевидны и значимы для американцев, что были зафиксированы в двух наиболее авторитетных словарях американского произношения. «Полный» стиль представлен в словаре Webster's New International Dictionary, Second Edition, ориентированном на публичное выступление (formal platform speech) [28, с. xii], когда основным требованием становится максимальная разборчивость речи. На первый план здесь выходит ясность и четкость артикуляции или «дикция» (diction), которая является важнейшей составляющей американской культуры речи [29, с. 106]. Поэтому в классических учебниках по американскому красноречию наиболее грубыми ошибками произношения здесь являются редукция безударного гласного, пропуск слогов или их нечеткое произнесение [30, с. 15].

В другом словаре, «A Pronouncing Dictionary of American English» [31], за основу взят «разговорный» стиль, причем специально оговаривается, что под этим подразумевается тот фонетический стиль речи, который используется образованными (cultivated) [31, с. vi] американцами как в профессиональных целях, так и в повседневном общении. Для этого стиля характерна более расслабленная манера произнесения звуков. Слоги в речевой цепи плавно перетекают друг в друга, границы между слогами размыты, и складывается впечатление «экономии артикуляционной напряженности».

Это подводит нас к важнейшей проблеме выбора образца-цели (target). В условиях характерной для американцев жесткой регламентации стилей произношения, а также принимая во внимание отсутствие единого произносительного стандарта, каковым для британского варианта традиционно считается язык Би-Би-Си, необходимо каждый раз определять тот тип американской фонации, который способствовал бы наиболее эффективному общению в той или иной коммуникативной ситуации.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что изучение фонетического своеобразия британского и американского диалектических вариантов с точки зрения английской силлабики открывает перед пользующимися английским языком широкие перспективы, которые до сих пор считались практически недостижимыми. Становится возможным заострить внимание на ключевых моментах функционирования глобального английского языка и наметить пути для наиболее оптимального их использования и изучения.

Список литературы

1. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge. 2003.
2. Аниховская Т. В. Риторика интеллективного общения (на материале телевизионных программ новостей Би-Би-Си): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М. 2004.
3. Decheva S. British-American 'Code-Switching' as Part of Modern Rhetoric // Second Int. Conference of American Association for the Study of English. 2007. – P. 110 – 111.
4. Дечева С. В. Когнитивная силлабика. М. 1998.
5. Ахманова О. С. О психолингвистике. М. 1957.
6. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М. 1958.
7. Жинкин Н. И. Внутренние коды языка и внешние коды речи // To Honor Roman Jakobson. The Hague-Paris. 1967. – № 3. – С. 2355 – 2370.
8. Потапова Р. К. Слоговая фонетика германских языков. М. 1986.
9. Антонова Т. В. Слоговая структура британского и американского вариантов английского языка: (сопоставительное и экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М. 1994.
10. Childs C. Improve Your American English Accent. McGraw Hill. 2004.
11. Akhmanova O. Phonology, Morphology, Morphonology. The Hague-Prague. 1971.

12. Дечева С. В., Магидова И. М. Новая концепция практического учебника по английскому языку для филологов // Язык, сознание, коммуникация. 2003. – № 13. – С. 101 – 115.
13. Долецкая Е. С. Риторика лекторской речи: на материале английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М. 1982.
14. Turk S. *Effective Speaking: Communicating in English*. London, New York. 1985.
15. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии. М. 1992.
16. Gimson A. S. *An Introduction to the Pronunciation of English*. Cambridge. 1989.
17. Morley J. *Improving Spoken English: Intensive Personal Program in Perception, Pronunciation, Practice in Context*. Ann Arbor, University of Michigan Press. 1979.
18. Cook A. *American Accent Training*. Sd. Edition. USA. 2000.
19. Боянус С. К. Постановка английского произношения. Вып. I. Л. 1926.
20. Баранова Л. Л. Онтология английской письменной речи: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М. 1996.
21. Bronstein A., Jacoby B. *Your Speech and Voice*. New York. 1967.
22. Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М. 1962.
23. Morley J. *Extempore Speaking Practice*. Ann Arbor. 1992.
24. Бернштейн С. И. Словарь фонетических терминов. М. 1996.
25. Joos M. *The Five Clocks*. New York. 1967.
26. Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М. 1957.
27. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. *Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания*. 1974. – № 2. – С. 64 – 70.
28. *Webster's New International Dictionary, Second Edition*. Springfield. 1934.
29. Cohler D. *Broadcast Journalism: a Guide of Presentation of Radio and Television News*. Prentice Hall. 1985.
30. *McGuffey's Sixth Eclectic Reader*. Revised Edition. New-York. 1998.
31. Kenyon J. S., Knott T. *A Pronouncing Dictionary of American English*. Springfield. 1944.

CONCERNING THE PHONETIC PECULIARITY OF BRITISH AND AMERICAN DIATOPIC VARIANTS IN TERMS OF ENGLISH SYLLABICS (BASED ON MODERN ENGLISH)

M. A. Beresneva

*Moscow
State
Lomonosov
University*

*e-mail:
maria_beresneva@mail.ru*

The article deals with a confrontational study of the two major (British and American) diatopic variants of modern English with regards to the syllable dynamics and the syllabic peculiarities of speech. Special attention is given to the insufficiency of the existing terminological apparatus, and the problems of British and American English phonetic interference in the global English phonetic environment are explained and clarified.

Key words: syllabics, syllable, syllable stereotype, global English, code-switching, British and American diatopic variants of the English language, the articulation basis, the phonetic outlook, the style of pronunciation, the target.

УДК 811.133.1

РЕЛЬЕФ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

А. Л. ВЕЛИКАНОВА
С. А. МОИСЕЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
staciao8@bk.ru
moisseeva@bsu.edu.ru*

Статья посвящена анализу вербализации пространственно ориентированного концепта «Рельеф», исследованию признаков, позволяющих раскрыть специфические черты концептуализации исследуемого фрагмента реальности.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; концептуальное поле; лексическая репрезентация.

Язык этноса предстаёт как инструмент общения, а также как составная часть культуры, поскольку служит средством передачи культурно-значимой информации. В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется проблеме отражения в языке человеческих представлений об окружающей действительности. Язык непосредственно участвует в процессах, связанных с формированием картины мира, в нём отражается определённый способ восприятия мира.

Языковая картина мира формируется под влиянием природных, культурных факторов, а также познавательной деятельности людей и является одним из наиболее глубоких слоёв картины мира у человека. Внешние мыслительные образы происходят в зависимости от ощущений человека, обусловленных внешними, природными условиями. Окружающая человека природа способствует формированию ассоциативных представлений, на основе которых строится система вербальных обозначений объектов действительности. Актуальность исследования и описания языковой картины мира объясняется «пониманием необходимости изучения языковых и культурных категорий, с задачами межкультурной коммуникации, со стремлением постичь национальную ментальность...» [10, с. 400 – 401].

Важнейшей составляющей любой языковой картины мира является пространственная картина мира, которая представляет собой «совокупность пространственных представлений, отражённых сознанием этноса и зафиксированных в языке» [6, с. 23]. Пространство является одной из универсальных форм бытия, которая напрямую влияет на особенности формирования и функционирования единиц языка. В современных лингвистических исследованиях довольно распространённым является изучение проблемы отражения в языке представлений человека об окружающей действительности [10, с. 398].

Предметом нашего исследования является анализ вербализаций сложноорганизованного концепта *рельеф* во французской языковой картине мира, а также выявление его субстантивной составляющей.

Полевое структурирование позволяет раскрыть диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм и закономерности которых дают возможность обнаружить особенности языкового сознания, а также его национально-специфические черты [14, с. 7]. Концептуальное поле – это ментально и семиотически разработанная область этнокультурного пространства, представляющая собой системное целое, признаки которого формируются через взаимосвязь частей по принципу ядра и периферии [7, с. 90 – 91]. Концептуальное поле *рельеф* – *'relief'* (m) – включает в себя когнитивные структуры, отображающие представление

народа о пространственно-географическом компоненте системы организации объектов окружающего мира. При изучении пространственной лексической репрезентации концептов во внимание берутся признаки «горизонталь» и «вертикаль», которые формируют информационный компонент рассматриваемого макроконцепта и дополняют признаки *наличие выпуклых и вогнутых форм, принадлежность суше и дну океанов*.

Цель данной работы – смоделировать фрагмент французской языковой картины мира, репрезентированный вербализациями макроконцепта *рельеф*, которые выступают объектом исследования.

Материалом для исследования послужили данные словарей: «Le Petit Robert» [22], «Larousse» [24], «Lexis» [25], «Dictionnaire des synonymes de la langue française» [23] и «Новый французско-русский словарь» под редакцией В. Г. Гака и К. А. Ганшиной [19]. Произведённая нами сплошная выборка из этих лексикографических источников позволила обнаружить специфические национальные черты восприятия мира французами.

Актуальность темы, затронутой в настоящей статье, определяется недостаточным количеством исследований по рассматриваемой тематике, неразработанностью проблемы моделирования концептуального и номинативного поля *рельеф*. Привлекательность выбранного фрагмента языковой картины мира для лингвистического изучения подтверждается наличием широкого круга исследований, в которых получили освещение так называемые пространственно ориентированные концепты.

Когнитивный подход и теория номинации тесно связаны между собой, что выражено в выявлении концептов, вербализуемых в языке, и определением языковых форм, участвующих в этом процессе. Лексический уровень концепта предстаёт как наиболее информативный, поскольку с его помощью можно выявить группы признаков, формирующих структуру того или иного концепта [12, с. 9]. Номинативный потенциал слова заключается в способности репрезентировать и заменять в сознании человека определённый осмысленный фрагмент действительности, актуализировать связанные с ним как языковые, так и неязыковые знания и оперировать этим фрагментом действительности в процессе мыслительной деятельности [9, с. 153 – 154].

Образ мира, отражённый в языке, становится доступнее для изучения при анализе национальной специфики понятий, которая закрепляется за языковыми знаками [10, с. 398].

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют номинативное поле концепта, представляющее собой совокупность языковых средств, охватывающих концепт в определённый период развития общества. Номинативное поле не выступает в качестве структурной группировки в системе языка, но имеет комплексный характер, включая в себя традиционно выделяемые в лингвистике лексические группировки [13, с. 66]. Обширность номинативного поля зависит от степени коммуникативной релевантности концептов, т. е. от того, являются ли в обществе языковые средства, их обозначающие, предметом обсуждения, обмена информацией, высказывания отношения. Наличие в языке ряда одно- или разноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с релевантностью представляет собой его номинативную плотность [1; с. 4, 139]. Заметим, что под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения концептуального пространства [4, с. 112].

Номинативное поле *рельеф* обладает большим количеством системных средств обозначения концепта и его признаков вследствие коммуникативной релевантности, т. к. соответствующие номинации отражают ряд свойств, присущих земной поверхности, где происходит множество процессов, непосредственно связанных с жизнью человека.

Макроконцепт *рельеф* французском языке объединяет концепты, репрезентированные множеством номинаций, по частеречной принадлежности относящихся к именам существительным. Основное значение существительных как конкретной части речи определяется как «предметность», «субстанциональность» [2; 3; 8; 11; 17]. Суще-

ствительные входят в класс характеризующих слов, т. е. таких, которые одновременно выполняют основные функции словесного знака: сигнификативную, интегрирующую и формирующую понятия и номинации, дифференцирующую названия классов предметов по денотатам и сигнификатам [16, с. 37]. По этим функциям имена нарицательные интегрируют в один класс, вид денотата и сигнификата является разграничивающим их признаком. Характер соотношения денотативного и сигнификативного значений находит своё отражение в различии и объёме смысловой структуры лексем.

Таким образом, важное значение в исследовании различных признаков концепта имеет его языковая репрезентация. Слово помогает выразить содержание концепта, его коммуникативно релевантные признаки. Как отмечает Б. А. Серебренников, язык «означивает отдельные элементы концептуальной картины мира. Это означивание выражается обычно в создании слов, формативов и средств связи между словами и предложениями...» [15, с. 107]. Макроконцепт рельеф характеризуется наличием подструктур, представленных концептами *возвышенность*, *плоскость* и *углубление*. Общую структуру номинативного поля **рельеф** во французском языке можно схематично представить следующим образом:

Таблица 1

Номинативное поле «рельеф»

Рельеф		
возвышенность	плоскость	углубление
hauteur, élévation; monticule, tertre, colline, mamelon, butte, coteau, éminence, aspre, vallonement; gour, grève, dune, nebk(h)a; plateau, tassili, cause, mesa; montagne, mont, les monts, chaîne, crêt, djebel, puy, pic, piton, dorsal océanique, ride; récif, basse, chaussée, écueil, banc, poulier, lido, haut-fond, laisse, herbue, remblaiement, ensablement, envasement, alluvionnement; roc, roche, rocher, falaise, nunatak, brisant, étoc; volcan, salse; barrière, chaos, mole, serre, guyot, planèze, plissement, arête	surface plane; plaine, campagne, pèdiment, platière, désert, reg, erg, icefield, hamada, pénéplaine; lande	enfonçure, cavité, enfoncement, cuvette, excavation, anfractuosité, creux; bas-fond; val, vallée, valleeuse, vallon; caverne, grotte; ravin, abysse, abyssal, gouffre sous-marin; bassin, igue, champagne, doline, reculée, ombilic, val (vau), cran, auge, ruz, rift, puits, fossé tectonique, schorre, ensellement, replat, geosynclinal, horst, sotch, emposieu, ouvala, embut, doline, bétoire, aven

Мы полагаем, что основным когнитивным классификационным признаком рассматриваемого макроконцепта выступает свойство вертикали, поскольку *рельеф* представляет собой совокупность неровностей суши, а также дна океанов и морей в словаре Petit Robert он определяется как «*forme d'une surface qui comporte des saillies et des creux*» [22, с. 1653].

Рассмотрим языковую репрезентацию концептов, обладающих наиболее высокой номинативной плотностью.

Как видно из *табл. 1*, номинативное поле концепта *возвышенность* характеризуется высокими количественными показателями. Особенности вербализованной части концепта **возвышенность**, '*hauteur*'(f), '*élévation*'(f), во многом характеризуются экстралингвистическими факторами вследствие устойчивости соответствующих номинативных единиц, обусловленной связью с освоением человеком окружающей его

природы. Концепт **montagne** (f) является одним из наиболее коммуникативно релевантных. Лексикализации различных параметров и свойств этого элемента рельефа довольно многочисленны. К ним относятся:

– общее понятие о вершине, репрезентируемое словосочетанием *sommet* (m) *d'une montagne*, а также многозначным существительным *cime* (f), обозначающим заострённую оконечность,

– форма вершины, номинируемая лексемой *croupe* (f), обозначающей также понятие *гребень*, геологическими терминами *'dôme'* (m) – округлая куполовидная вершина [19, с. 338], *'dent'* (f) – пирамидальный пик [19, с. 300],

– ледник, который во французском языке именуется ЛЕ *névé* (m), обозначающей снежную массу, *glacier* (m), характеризуемой принадлежностью референта к вечной мерзлоте, географическим термином *inlandsis* (m), актуализирующий представление о так называемой ледниковой шапке,

– склон, наиболее общей номинацией которого является ЛЕ *penne* (f). Французское языковое сознание классифицирует склоны гор по когнитивному признаку освещённость и отражает его в таких вербализациях, как *talus* (m), *ubac* (m) – ‘теневого склон’ [19, с. 1092; 23], *adret* (m) – ‘солнечный склон’ [19, с. 20], а также в единицах, отражающих национальную специфику семантики – *soulane* (f), номинирующая склон Пиренеев, обращённый к солнцу [19, с. 996], *vire* (f), ‘узкий ступенчатый уступ в Альпах’,

– форма горы классифицируется, как правило, по углу уклона: *mur* (f) *de talus* – ‘откос’ [19, с. 695; 22], *escarpe* (f) – ‘скат’, *escarpement* (m) – ‘крутой откос’, *à pic* (m) – ‘обрыв’,

– понятие о подножии конкретизируется во французском языке как при помощи общих наименований, характеризующих любые горы, в частности, *'pied'* (f) – подошва, так и при помощи лексем, обозначающих элементы гор с особой структурой, например, *avant-pays* (m) – ‘предгорья’, т.е. возвышения у подножия гор, *bas* (m) *de penne* – подошва ската, *clapier* (m) – геологический термин, обозначающий нагромождение обломков у подножия склона.

Из представлений о небольшой горе у французов складывается ментальное образование холм – **'monticule'** (m). Когнитивным классификационным признаком *небольшая возвышенность со сглаженной вершиной* обладают микроконцепты *colline* (f), *tertre* (m) и *coteau* (m) [23; 25]. К вербализациям концепта холм также относится ЛЕ *tertre*, содержащая в себе семантический компонент *небольшой холм* [21]. Значение лексемы *éminence* конкретизируется семой *изолированное положение* [22, с. 626]. Особый вид холма, который конкретизируется семантическими компонентами *каменистое образование* и *расположение у подножия горы*, представлен в языке специфичной лексемой *aspre* (f), о внешнем понятии о географической реалии, свойственной Руссильону. Лексема *vallonement* (m) включает в своё значение ядерные семы перечисленных единиц, но отличается по признаку *обширность*, номинируя холмистую местность, т.е. конкретный тип ландшафта, а не отдельные его элементы. Развитая синонимия при номинации холма, как это видно из *табл. 1*, во французском языке может быть связана с прагматическим отношением человека к денотату, указывающим на возможность/невозможность использования территорий человеком, а также условиями его жизнедеятельности, обусловленными специфическими особенностями географической среды.

Количество лексем, репрезентирующих концепт **возвышенность**, во французском языке является достаточно большим, поскольку этот концепт является более разработанным и более значимым во французской лингвокультуре в сравнении с другими пространственно ориентированными концептами. Франция – страна средневысотных гор и низкогорий, что обуславливает доступность возвышенных элементов рельефа для человека, а значит и более сложную структуру соответствующего ментального образования.

Многочисленные территории Франции омываются водой, что связано с высокой представленностью различных лексических обозначений прибрежных и морских зон. К таким зонам относятся рифы – резкие надводные или подводные возвышения морского дна на мелководьях [20, с. 1129]. Наиболее общее, соответствующее данному определению, наименование рифа – **récif** (*m*) (см. табл. 1). Сочетания этой лексемы с эпитетами позволяют классифицировать этот объект: **récif corallienne (de corail)** – коралловый риф, **récif barrière** – барьерный риф, **récif frangeant** – береговой риф [19, с. 889]. Для обозначения подводного рифа используется номинация **basse** (*f*). Подводный риф, характеризующийся большой протяжённостью, номинируется лексической единицей **chaussée** (*f*). Понятие о рифе реализуется в языке также лексемой **écueil** (*f*), значение которой предполагает как наличие скалистой породы, так и песчаной отмели. Дифференциация этих признаков реализуется в номинациях рифа, образованных словосочетаниями с субстантивом **banc** (*m*): **banc de coraux** – ‘коралловый риф’, **banc de sable** – ‘песчаная мель, бар’ [19, с. 96]. Таким образом, довольно большая номинативная плотность концепта *rif*, так же указывает на высокую коммуникативную релевантность и разработанность концепта *возвышенность*.

Немалая часть территории Франции представлена равнинами, что позволяет говорить о значимости для французов горизонтально ориентированных концептов. К универсальным концептуальным признакам смысловой группы **плоскость**, ‘*surface (f) plane*’, мы относим *обширное пространство*. Наиболее полно признак *плоскость*, принадлежащий аспекту *горизонталь*, отражён в ЛЕ **plaine** (*f*) – ‘равнина’, которой по интегральной семе *ровная поверхность* близко значение единицы **champagne** (*f*), номинирующей также поле.

На юго-западе Франции расположен район, именуемый Landes. Эта область характеризуется особым типом ландшафта и представляет собой большую равнину с песчаной поверхностью. ЛЕ **lande** дифференцируется по семантическим признакам, связанным с наличием свойственной данному географическому региону растительности: утёсника, папоротника, вереска, дрока [18, с. 55]. К плоской поверхности относится также географическая реалья, номинируемая геологическим термином **répéplaine** (*f*), идентифицируемому по признаку возникновение при выравнивании почвы вследствие эрозии [18, с. 270].

Из понятийной области **углубление** во французском языковом сознании закрепились следующие синонимы абстрактного характера: **enfouçure** (*f*), **cavité** (*f*), **enfouçement** (*m*), **excavation** (*f*), **creux** (*m*) [23; 25]. Ряд вербализаций данной ментальной сферы, представленный географическими и геологическими терминами, актуализируется при использовании научной парадигмы знаний. К такого рода вербализациями относятся, например, **bassin** (*m*) – ‘впадина, депрессия’, **cuvette** (*f*) – ‘впадина, котловина’, **escarpement** (*m*) – ‘уступ’, **puits** (*m*) – ‘естественный колодец’, **guz** (*m*) – ‘небольшой овраг, долина’, **fossé (m) tectonique** – ‘тектоническая впадина’, **schorre** (*m*) – ‘шоры’, **ensellement** (*m*) – ‘впадина, прогиб’, **géosynclinal** (*m*) – ‘геосинклиналь’, **graben** (*m*) – грабен, опущенный участок земной коры [19; 24] и др. (см табл. 1).

К особенностям состава различных слоёв, образующих земную кору, имеют отношение карстовые явления, связанные с растворением природными водами горными породами [20]. К таким реальям относятся: **sotch** (*m*) – ‘карстовая впадина’, **aven** (*m*), **emprosieu** (*m*) – ‘карстовый провал’, **ouvala** (*f*) – ‘карстовая котловина’, **embut** (*m*) – ‘карстовая полость’, **doline** (*f*), **bétoire** (*f*) (обл.) – ‘карстовая воронка’, **gouffre** (*m*) – ‘карстовый колодец’ [19; 24]. К специальной лексике, объективирующей концепт **углубление**, также можно отнести терминологические обозначения долины в географии и геологии: **champagne** (*f*) – ‘меловая, известняковая долина’, **reculée** (*f*) – ‘слепая долина’, **ombilic** (*m*) – ‘корытообразная долина’, **auge** (*f*) – ‘ледниковая долина’, **crau** (*m*) – ‘висячая долина на побережье’, **val (vau)** (*m*) – ‘синклинальная долина’ и **val perché** – так называемая ‘приподнятая долина’. Столь высокая представленность терминологических единиц в номинативном поле концепта **углубление** по сравнению с долей

лексики общего характера может быть объяснена представлением о недоступности для человека и, как следствие, повышенным интересом к изучению свойств и характеристик тех или иных форм рельефа, а также возможностью их освоения.

Итак, номинативное поле **рельеф** насчитывает большое количество системных средств обозначения концепта и его признаков вследствие коммуникативной релевантности, т. к. соответствующие номинации отражают ряд свойств, присущих земной поверхности, где происходит множество процессов, непосредственно связанных с жизнью человека.

Проведённый анализ показал, что средства вербализации макроконцепта рельеф во французском языке представлены, главным образом, субстантивной парадигмой. Субстантивы занимают особое место среди средств объективации пространственных представлений, поскольку одна из основных их функций – назывная.

Большинство номинаций рельефа относятся к предметным именам, которые представляют собой словесные знаки, в семантике которых денотат и сигнификат находятся друг к другу в отношении содержания понятия к его объёму, и в связи с этим обладают денотативно-сигнификативным типом значения. Имена с таким значением относят к так называемой конкретной лексике.

В состав номинативного поля макроконцепта **рельеф** входит большое количество специальной лексики, основная масса которой представлена обозначениями углублений в земной коре. В целом номинативная плотность макроконцепта **рельеф** характеризуется неравномерностью, показатели которой выше у концептов *холм*, *риф*, *гора*, входящих в состав микроконцептуального поля *возвышенность*, что находит своё объяснение в особенностях рельефа и географического положения французских территорий.

Список литературы

1. Бабаева Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж, 2002. – С. 25 – 34.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. – Л., 1947. – 784 с.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. – 408 с.
4. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. – 334 с.
6. Корнева В. В. Наречия и параметры пространственной картины мира: монография / В. В. Корнева; Воронежский государственный университет: – Воронеж, 2008. – 301 с.
7. Кошарная С. А. К вопросу о языковом символизме // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы межвуз. конф., 8 – 9 декабря 1997 г.: – Белгород, 1998. – Вып. III. – С. 90 – 91.
8. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. – 490 с.
9. Лаенко Л. В. Когнитивная наука и теория номинации // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч. I/ – 320 с.
10. Левина В. Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив, моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев- М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – 460 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
12. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
13. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
14. Попова З. Д. Когнитивно-семантический анализ языка. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
15. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988 – 216 с.
16. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5 – 85.

17. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. «Русская речь». Новая серия, II. Л., 1928.
18. Labaste A. Géographie. France et pays d'expression française. – 13-e édition. Armand Colin, 1970. – 272 p.
19. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина, – 10-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1160 с.
20. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев и др. – изд. 4-е – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 1600 с.
21. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / de Paul Robet. – P.: Dictionnaire Le Robert. – 1980. VI v.
22. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. P.: Le Robert, 1992. – 2172 p.
23. Dictionnaire des synonymes de la langue française / par P. Ripert. – P.: Booking international, 1995. – 325 p.
24. Le petit Larousse. – P.: Ed. Larousse, 2004. – 1860 p.
25. Lexis – Dictionnaire de la langue française / par Jean Dubois. – P., 1978. – 1946 p.

RELIEF AS AN OBJECT OF LINGUISTIC DESCRIPTION (THE CASE OF THE FRENCH LANGUAGE)

**A. L. VELIKANOVA
S. A. MOISEEVA**

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
staciao8@bk.ru
moisseeva@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the analysis of verbalization of the space concept “Relief” and to the study of the indicators that reveal specific features of the sphere under consideration.

Key words: linguistic world-view; concept; conceptual field; lexical representation.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА И ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

Ю. Н. Власова

*Смоленский
государственный
университет*

*e-mail:
vlassovajulie@mail.ru*

В статье описывается стилистический потенциал категории рода при образовании различных типов грамматической метафоры. Грамматическая метафора при участии категории рода может служить основой каламбура, выполнять функцию сатирического осмеяния действительности, выступать в функции усиления экспрессии текста.

Ключевые слова: грамматическая стилистика, грамматическая метафора, категория рода.

Введение

Общеизвестно, что экспрессивный потенциал грамматики неизмеримо меньше, чем у лексики, однако, в определённом контексте именно грамматические формы способны создавать стилистический эффект, подменяя образность лексическую, на что указывал ещё Роман Якобсон в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» [18]. Проблем грамматической стилистики касались в своих трудах крупнейшие исследователи XX в.: И. В. Арнольд, Э. М. Береговская, К. А. Долинин, Р. Г. Пиотровская, А. П. Сковородников, Н. М. Фирсова, М. Крессо и др. [1; 2, с. 8 – 1; 12; 15; 16]. Термин «грамматическая метафора» предложила Э. Оксаар, в русской традиции он стал известен благодаря работам Е. И. Шендельс, определению которой мы следуем [17].

На сегодняшнем этапе грамматическая метафора представляется нам как перенос одной грамматической категории из одной сферы употребления в другую с целью создания стилистического эффекта. Перенос осуществляется на основе стилистических контрастов, классификацию которых предложила Е. И. Шендельс, а расширила Э.М. Береговская. В составе этой сложной фигуры выделяется 6 контрастов и соответствующих им типов грамматической метафоры: 1) темпоральный – контраст между основным значением морфологической формы и контекстом (например, употребление *praesens historicum*); 2) ситуативный – контраст между грамматической формой слова и ситуацией (французские *Imparfait du Subjonctif, passé simple* в прямой речи, в доверительном разговоре персонажей); 3) грамматико-лексический – контраст между грамматической формой и лексическим наполнением («Я стану еще одной», Е. Евтушенко); 4) аккумулятивный – контраст между гипертрофированной концентрацией грамматической формы в микроконтексте и ее средней, нормативной концентрацией (*Vivre – remplir ses poumons, remplir ses yeux, remplir son ventre, remplir son esprit, remplir ses désirs, remplir ses mains : être plein. J. Dor*); 5) парадигматический – контраст между отдельными частями одной грамматической парадигмы (глагольными формами, местоимениями и т. д.); 6) окказиональный – контраст между каноническим словом языка и окказионализмом [2, с. 17].

Грамматическая метафора находится в непосредственной связи с грамматической категорией рода, числа, одушевленности имени существительного, категориями времени, вида глагола и другими грамматическими категориями.

Вопрос о категории рода в лингвистике продолжает оставаться спорным и не до конца решённым. Общие и частные вопросы категории рода рассматривались В. Г. Гаком, А. Доза, А. М. Пешковским, А. А. Потебнёй [6; 11; 13; 20]. А. Мейе назвал категорию рода французских существительных одной из наименее логичных и наиболее неожиданных категорий [5].

Теоретический анализ

Мы обратимся к анализу примеров, которые свидетельствуют о проявлениях категории рода при образовании грамматической метафоры. Категория рода актуализирует свои выразительные возможности в нескольких типах грамматической метафоры.

Часто фундаментом грамматической метафоры является языковая асимметрия. Это асимметрия системы, которая проявляется в неполноте парадигм отдельных слов, и асимметрия структуры, которая выражается в том, что число элементов плана выражения не совпадает с числом элементов плана содержания [3]. Одно из проявлений такого заполнения языковых лакун наблюдается при обратном словообразовании, при образовании парадигматического контраста грамматической метафоры. Примеры подобных слов возможны в языках с подвижной флексией, с тенденцией к синтетическим способам выражения грамматических значений.

Кто жених у кукушки? – *Кукуш*.

У русалки? – *Русал*.

У подушки – *Подуш*.

У игрушки – *Игруш*.

У солонки – Солон <...>

(детская игра «Женихи и невесты»)

Зоопарк

Лена-ломака и Коля-кривляка

В воскресенье пошли в зоопарк.

В клетке, как Лена, ломалась *макака*,

А рядом, как Коля, кривлялся *макак*.

(Олег Григорьев)

Эти лжедериваты возникают с целью создания языковой игры, основная их функция – людическая.

Еще одной реализацией асимметрии языковой системы является каламбурен, основанный на паронимической аттракции дистантных паронимов, которые намеренно сопоставляются в контексте, образуя видовую пару [4].

Приведем пример из Жан-Люка Моро:

Il était

un vermicéau

qui pourtant

n'était point sot;

or,

voyant *une vermicelle*

il lui dit:

“Mademoiselle...”

Объединяя в одном поэтическом тексте «червяка» и «вермишелину», поэт достигает комического эффекта, усиленного не только сходством формы паронимов, но и сходством референтов.

Фигура каламбурена является порождающим механизмом языковой игры, где паронимазия сочетается с ложным частичным повтором, который усиливает подобие семантического родства, поэтому в одном микроконтексте, например, у Лор Хесбуа встречаются ворона (*le corbeau*) и мусорная корзина (*la corbeille*), справочник (*le bottin*) и ботинок (*la botinne*), капуста (*le chou*) и сова (*la chouette*), газ (*le gaze*) и газель (*la gazelle*).

При актуализации возможностей категории рода образуется и окказиональный тип грамматической метафоры:

“– Mlle Dreyfus ne travaille plus ici. Elle nous a quittés.

Je gardai la main sur le *poignon*. Le *mognon*. Enfin, la poignée, je veux dire.”

(R. Gary. Gros Câlin)

Волнение героя, который вдруг не находит любимую женщину на прежнем месте работы, настолько сильно, что это начинает проявляться в речи. Нужное слово в памяти никак не восстанавливается, память воспроизводит лишь части слов, отдельные слоги, из которых составляются слова окказиональные. В окказионализме “mog-pop” высвечивается “moignon” (культя), семантика которого выдаёт беспощность героя, ищущего опоры. В окказионализме роignon угадывается телескопное сложение двух слов “roignée” и “moignon”. Само слово “roignée”, которое герой никак не может вспомнить, очень символично. Ручка двери – это последняя и единственная опора для одинокого, теряющего смысл жизни мужчины, который озабочен совместным проживанием питона и маленькой мышки в своей квартире. В тот момент, когда герой, наконец, решает сделать первый шаг навстречу любви и новой жизни, неожиданное известие выбивает почву у него из под ног. Так, существование в одном микроконтексте слов мужского и женского рода, даже не составляющих видовую пару (роignon – роignée), позволяет увидеть символическую связь между мужчиной и женщиной, поиск опоры физической (роignée) и моральной, которую мужчина в этом случае ждёт от женщины.

Но окказионализмы обычно все-таки коррелируют друг с другом в плане противопоставления «мужской-женский род», и эти пары порождают яркий каламбур, создавая языковую шутку, как, например, у И. Виноградского: «Жители Кривого Рога и Санкт-Петербурга – криворожцы и криворожицы, Санкт-петербуржцы и Санкт-петербуржуйки».

Эти окказионализмы образованы путем телескопии – вместо существующих суффиксов женского рода вдвижутся слова “рожицы” и “буржуйки”, совершенно меняя стилистическую окраску канонических слов и придавая им шутивно-ироническое звучание. Категория рода при создании грамматической метафоры проявляется и в направлении литературной пародии. В пародийных стихах окказионализмы, как и в других случаях участия категории рода при образовании грамматической метафоры, создаются как члены видовой пары, даже если существительное женского рода уже существует в языке.

В жаркой бане вместе моются
С комсомольцем комсомолица,
Чтобы быть обоим чистыми
Молодыми коммунистами.

В божьем храме страстно молятся
С комсомольцем комсомолица,
Чтоб сбылось их желание –
Выйграть соцсоревнование.

Окказионализм «комсомолица» в «Смешных и неприличных стихах» Бориса Кузина маркирует ироничное отношение автора, а сатирический подтекст пародии усиливается от того, что окказиональное слово рифмуется с паронимами «моются», «молятся».

В языках с преобладанием синтетизма выражения грамматических значений, к которым относится русский, очень продуктивен грамматико-лексический тип грамматической метафоры, поскольку при изменении категории рода у существительного можно добиться определенных стилистических эффектов. В пародийном тексте подобные эффекты достигаются с целью создания гротеска или комического остранения.

Например, на стихотворение Николая Годенко, в котором есть строки «Не надо, хлопцы, ждать Шекспиров, / Шекспиры больше не придут...», Александр Иванов отреагировал так:

Да мы, уж коль такое дело,
Не хуже тех, что в старину...
И мы напишем, как *Отелло*
Зазря *прихлопнуло* жену. <...>

Вот как навалимся всем миром,
Нам одиночки не нужны!
И станем все одним шекспиром,
Не зря у нас все равны!

Разговорные элементы стихов Н. Годенко, как и панибратское отношение к классику, в пародии перерождаются в просторечные. Смысл конвергенции парадигматического и грамматико-лексического типов грамматической метафоры состоит в общем снижении оценки – сначала, употребляя во множественном числе имя общеиз-

вестного лица («шекспир» – «шекспиры»), автор пародии лишает его уникальности (по А. А. Потемне, «множественное несправедливого пристрастия»), затем благодаря ложному согласованию глагола по окончанию среднего рода имени собственного («Отелло прихлопнуло») снижение усиливается до презрительного пренебрежения.

Аккумулятивный тип грамматической метафоры, выступая ведущей фигурой различных стилистических конвергенций, выстраивает архитектуру целого текста.

Migration

Fès, mamie

mon imprécatrice chauve

aux talons gercés dans la boue de l'hiver

ma folle aux dix chats sataniques

aux douze tortues pieuses

mon irrésistible défunte

au suaire de basilic

taché du premier sang de la vierge

ma mendiante sous l'auvent

de la "Boutique du prophète"

ma lavandière

ma tamiseuse

ma savetière

ma rouleuse de semoule

ma brodeuse

ma distilleuse

ma sellière

ma marieuse

ma dinandière

ma passementière

ma tisserande

ma babouchière

ma youyouetière

ma liseuse de bonne aventure

ma masseuse

ma rebouteuse

ma tatoueuse

de harquous et de henné

ma musicienne

ma conteuse

ma datte fourrée

au cheveu de la possession

mon herboriste

ma vendeuse d'oeufs d'autruche

et de poils de souris orpheline

ma guérisseuse

ma gardienne de colombiers

et sanctuaires

ma planche coranique

et *mon calame* bris

ma flagellante

mon amour mystique

se brûlant la main pour s'éprouver

et ne pas s'avouer

toi *ma lointaine*

ma recouverte du voile écrit

et des grandes eaux

de la nouvelle barbarie <...>

(Abdellatif Laâbi)

Вся образность стихотворения А. Лааби построена на необычном вплетении форм существительных женского рода в ткань поэтического текста. Перед читателем предстает сложный персонифицированный образ арабского города Фез, который постепенно раскрывается – жизнь города представлена как жизнь женщины: то нищенки (*mendiante*), то сказочницы (*conteuse*), то целительницы (*rebouteuse*), то вышивальщицы (*brodeuse*) и т. д. Каждая новая форма женского рода дополняет портрет города новой чертой. Этому способствуют окказиональные слова "distilleuse" (от глагола *distiller*), "babouchière" (от *babouches* – кожаные мягкие тапочки), "youyouetière" (от *youyou* – радостный возглас арабской женщины, сопровождающийся характерной жестикующей). Телескопное слово "imprécatrice" (от *imprécation* – проклятие, в сочетании с прилагательным *chauve* – аллюзия на произведение Ежена Йонеско «*Santatrice chauve*» – «Лысая певица») подчеркивает загадочность описываемого образа, придавая ему некоторую абсурдность и зловещий оттенок.

Парадигматический контраст грамматической метафоры поддержан дериватами женского рода, незафиксированными в словарях, *savetière* (от *savetier* – холодный сапожник), *sellière* (от *sellier* – шорник), *dinandière* (от *dinandier* – литейщик, медник), *flagellante* (от *flagellant* – самобичующийся). Этот же тип грамматической метафоры реализуется в противопоставлении суффиксов женского рода (-euse, -ière, -trice). Так, актуализируется экстрапарадигматический контраст грамматической метафоры – контраст на уровне языковой системы [3].

25 членов аккумулятивного ряда существительных женского рода служат индивидуализации портретных черт древнего города с богатой историей. Аккумуляция притяжательных прилагательных (*mon, ma*) наряду с существительными – обращениями очень четко выстраивает отношения между лирическим героем и персонифицированным образом города.

Подобная итеративная сеть – конвергентное сочетание трёх типов грамматической метафоры, а также анафоры и синтаксического параллелизма, формально является подкладкой для развернутой метафорической персонификации. В целом с точки зрения конвергентных структур, этот фрагмент можно назвать гетерогенной конвергенцией по принципу аппликации, где формально-грамматические характеристики сплетаются с образными.

Заключение

Таким образом, категория рода имени существительного структурно охватывает четыре типа грамматической метафоры: парадигматический, грамматико-лексический, окказиональный и аккумулятивный (как потенциал для конвергентных сочетаний).

Аккумулятивный тип – основа архитектоники текста, усилитель его когезии и когерентности, а также составляющая синтаксических и смешанных конвергенций.

Парадигматические отношения грамматической метафоры могут реализовываться как на уровне микроконтекста, так и на уровне языка (при участии аккумулятивного типа).

Языки с ярко выраженным синтетизмом оформления грамматических значений имеют значительный стилистический потенциал при участии категории рода.

Грамматическая метафора способна быть строительным материалом (подкладкой) для персонификации (в случае аппликации парадигматического и аккумулятивного типов).

Формы мужского рода существительных чаще нейтральны, тогда как формы женского рода либо окказиональны, либо являются лжедериватами, образующими видовую пару.

Грамматическая метафора при участии категории рода может служить основой каламбура, выполнять функцию сатирического осмеяния действительности, выступать в функции усиления экспрессии текста.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2004.
2. Береговская Э. М. Стилистика в подробностях. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Береговская Э. М. Грамматическая метафора и парадигматические связи // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СФУ, 2009. – С. 43 – 60.
4. Береговская Э. М. По дороге от тропов к фигурам: реконсилия и каламбреден // Риторика ↔ лингвистика. Вып. 4. Сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С. 111 – 120.
5. Виноградов В. А. Классификативность и эхосемия // Res Philologica. – М., Л.: Наука, 1990. – С. 126 – 133.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004.
7. Гин Я. И. Грамматический род как категория поэтического языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985.
8. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978.
9. Зализняк А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1964, – № 4.
10. Ковалев В. П. Экспрессивное использование категории рода // Русская речь, 1975, – № 5.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
12. Пиотровский Р. Г. Очерки по грамматической стилистике французского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.

13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. В. 4 т. Т. III. – М., 1968.
14. Сковородников А. П. Аккумуляция // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 23 – 25.
15. Сковородников А. П. Грамматический троп // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 142 – 145.
16. Фирсова Н. М. Избранные труды. Том I. Актуальные проблемы грамматической стилистики и разговорной речи испанского языка. – М.: РУДН, 2009.
17. Шендельс Е. Н. Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. – № 3. – С. 51 – 56.
18. Якобсон Р. О. Грамматика поэзии и поэзия грамматики // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 462 – 482.
19. Cressot M. Le style et ses techniques. – P.: PUF, 1947.
20. Dauzat A. Les interversions de genre à valeur affective // le Français moderne, 1941. – P. 161 – 170.

STYLISTIC POTENTIAL OF GRAMMATICAL GENDER AND GRAMMATICAL METAPHOR

J. N. Vlasova

*Smolensk
State
University*

*e-mail:
vlassovajulie@mail.ru*

The article is devoted to the stylistic potential of grammatical gender while creating different types of grammatical metaphor. Grammatical metaphor with the help of grammatical gender can be the basis of forming pun, can perform a function of satirical mocking of reality, can perform a function of intensifying expressiveness of the text.

Key words: grammatical stylistics, grammatical metaphor, grammatical gender.

КОНЦЕПТОСФЕРА МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ РЕЧЕВЫХ ПАРТИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕКА КЕРУАКА)

А. А. Габец

*Самарский
государственный
университет*

*e-mail:
osipovaannette@rambler.ru*

В статье рассматривается концептосфера речевых партий мужских и женских персонажей произведений Джека Керуака, одного из самых известных представителей бит-движения в литературе модернизма, выделяются основные концепты, содержащиеся в концептосфере речевых характеристик персонажей, а также анализируется влияние гендерного фактора на лексическую репрезентацию концептосферы речевых партий героев.

Ключевые слова: бит-поколение, языковая личность, концептосфера, гендер.

Течению, получившему название «разбитого поколения» или битников, в настоящее время посвящено солидное количество работ как на его родине в США, так и в странах Европы. Интерес к битничеству в России обусловлен тем, что оно стало предвестником контркультуры, которая регулярно привлекает внимание российских литературоведов и критиков. Современная антропоцентрическая парадигма, пропагандирующая интерес к индивидуализму, снова делает тему индивидуального протеста обществу актуальной.

Американский писатель середины XX в. Джек Керуак (1922 – 1969) является идеологом и летописцем общественного и литературного движения битников, выразившего протест существующей системе, подавлению человеческой индивидуальности и духовному обнищанию. Новое течение в литературе обусловило изменения в языке и литературной традиции, что сопровождалось появлением неологизмов и новых смыслов лексических единиц. Джек Керуак по праву считается автором нескольких популярных понятий того времени [9, с. 239], что позволяет отнести его законодателям «языковой моды».

Джек Керуак является создателем собственного метода представления действительности, «спонтанной прозы». Именно благодаря этому методу в произведениях писателя обнаруживается описание комплекса самых разнообразных бытовых объектов и явлений, которые присутствуют в жизни героев его романов, характеризуя объективные условия жизни и деятельности персонажей и создавая достоверную картину бытия персонажей с учетом пространственных и временных параметров. Большинство персонажей в произведениях Джека Керуака – люди, которых автор знал и с которыми общался, в своих произведениях он создаёт языковые личности персонажей, раскрывая их образы и создавая индивидуальные речевые портреты. В связи с этим, представляется особенно интересным рассмотреть вербально выраженную концептосферу речевых партий героев произведений Джека Керуака как ярких представителей американского общества середины XX в., а также как репрезентаторов индивидуального авторского видения мира и носителей его идей. Актуальным также представляется сравнительный анализ концептосфер мужских и женских речевых характеристик в произведениях писателя и выявление отличий, обусловленных влиянием гендерного аспекта на речевые характеристики персонажей в произведениях Джека Керуака. Изучение концептосферы речевых партий в произведениях культуры бит-поколения необходимо для её адекватной трактовки, поскольку в данном случае концепты понимаются как «своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры и вероятно определяющие феноменологическую поверхность культуры, её фенотип» [5, с. 17].

Материалом исследования послужили 5000 примеров речевых характеристик персонажей, отобранных методом сплошной выборки из четырех произведений Джека Керуака, относящихся к началу, середине и завершающей части его творческого периода: «The Town and the City» (написан в 1950, опубликован в 1950), «On the Road» (годы написания 1948 – 1951, опубликован в 1957), «The Subterraneans» (написан в 1953, опубликован в 1958), «Vanity of Duluo» (написан в 1967, опубликован в 1968).

В процессе изучения речевого репертуара мужских и женских персонажей четырёх произведений Джека Керуака на основе анализа рекуррентных лексических единиц были обнаружены четыре концепта, которые занимают ключевые позиции и активно используются в речевых характеристиках персонажей. Так, концепты «men/women», «family», «home», «madness» присутствуют в концептосфере речевых партий практически всех героев Керуака, однако в границах анализируемых дискурсивных практик отличаются объёмом и способами лексического выражения.

Гендерно маркированные концепты «man» и «woman» играют ключевую роль в описании прагматического аспекта языковых личностей персонажей Джека Керуака, в концептосфере речевых партий героев упомянутые концепты являются очень насыщенными и в плане содержания. Интересно отметить, что в трёх из четырёх произведений автора концепт «man» является самым важным для женских персонажей и представлен наибольшим числом разнообразных лексических единиц. Для персонажей-мужчин концепт «woman» является важнейшим лишь в произведении «The Subterraneans», третьим по значимости в романе «On the Road» (хотя для главного «битнического» персонажа Дина женщины важнее, чем для остальных мужчин, и в его речевых характеристиках концепт актуализуется чаще), а в романах «The Town and the City» и «Vanity of Duluo» данный концепт даже не входит в первую десятку самых важных для персонажей романа понятий.

Низкий социальный статус персонажей Джека Керуака обуславливает присутствие в речевых партиях мужских персонажей большого количества разговорных, сленговых или табуированных единиц, которые используются для наименования женских персонажей: «chick», «doll», «knucklehead», «crummy-looking blonde», «whore», «slut», «floosy», «strumpet», «burlesque gal». Во всех произведениях писателя кроме «The Subterraneans» в концептосферу речевых партий включается понятие любви, но лексические единицы «to love», «love» встречаются довольно редко, большинство языковых единиц «любовной семантики» посвящено различным аспектам взаимоотношений представителей различных полов: «to flirt», «to break up», «to miss», «to be jealous», «to be serious about», «to get involved with a girl», «to get a kick out of this girl» и т. д. В речевых характеристиках персонажей-мужчин наблюдаются словосочетания, свидетельствующие о восхищении женщинами: «charming young ladies», «a very nice girl», «amazing doll», «gonest housewife», «bourgeois kitten», «belles» и т. д. В обращении к персонажам-женщинам мужчины часто употребляют разговорные, сленговые лексические единицы с гипокористической окраской: «sweetie-pie», «baby», «darling», «honey», зафиксировано и иноязычное выражение «ma petite».

В произведении «The Subterraneans» в речевых партиях мужских персонажей появляются также ноты расовой дискриминации:

«...if she should hear that you went out with a white girl to see if you could make it again...» [Adam, 3, с. 75].

Важной для персонажей-мужчин является интимная сторона любви, в их речи это проявляется в наличии сленгизмов, вульгаризмов и табуированной лексики, а также просторечий: «to make it», «to ball», «to sleep», «to bang», «whorehouse», также обнаруживается использование нейтральных в стилистическом отношении языковых единиц «sex», «sexual difficulties», «to fix up with a girl» и т. п.

Концепт «man» в речевых характеристиках женских персонажей в отличие от персонажей-мужчин чаще актуализируется лексическими единицами «to love» и «love», за исключением романа «The Subterraneans», где в речевых характеристиках

женщин практически не зафиксированы высказывания об интимной близости. При обращении к мужчине персонажи – женщины в произведениях Джека Керуака также стремятся проявить нежность: «darling», «honey», «dear», «baby» – все эти лексические единицы придают речевым характеристикам гипокористическую окраску. Мысли и взгляды героинь произведений на взаимоотношения с мужчинами реализуются в их речи, отражая различные аспекты этих отношений: «boyfriend», «kid», «date», «make love», «to miss», «to take care», «to treat», «to break up», «to leave», «kisses», «jealous» «to break smb's heart».

Поскольку мужские персонажи в произведениях писателя не отличаются постоянством, со стороны женских персонажей в романах «The Town and the City» и «On the Road» это приводит к номинации персонажей мужчин сленгизмами, вульгаризмами, табуированными просторечиями: «sonofabitch», «bastard», «damn fool», а также к использованию эмотивных высказываний с пейоративной окраской:

... When you come home, which ain't often, you no good rat! ... I have to wait here while you go drinkin' and whorin' all over the country». [Minnie 1, с. 90].

«You see what a bastard he is?» [Marylou, 2, с. 161].

Поведение мужчин по отношению к женщинам часто осуждается или воспринимается как глупое или ошибочное:

«Look at the silly men» [Little Doddie, 2, с. 147].

«Men are so crazy, they want the essence, the woman is the essence, there it is right in their hands, but they rush of ...» [Mardou, 3, с. 16].

В концептосфере речевых характеристик персонажей Джека Керуака концепт «family» является индивидуально-культурным, так как обладает разным содержанием, которое определяется положением персонажа в обществе, его личным социальным и профессиональным опытом и другими факторами. В произведениях писателя лишь немногие персонажи имеют идеальное традиционное представление о семье.

Семья как ценностная доминанта является значимым концептом в речевых характеристиках мужских и женских персонажей, что подтверждается примерами из всех четырех произведений автора, разница в лексическом выражении данного концепта персонажами-мужчинами и персонажами-женщинами незначительна.

Концепт актуализируется в речевых партиях персонажей посредством нейтральных лексических единиц в семантике которых присутствует компонент 'семья': «sister», «wife», «uncle», «parents», «father» и т.п., разговорных единиц: «sonny», «Pa», «Ma», «folks», «kid» и т. ип., неформальных словосочетаний: «old man», «old lady» или детских номинаций: «great-grandmamma», а также с помощью большого количества стилистически маркированной, разговорной лексики американского варианта современного английского языка: «sprout», «Pop», «old weasel», «Maw», «Paw», «Grandpaw». Динамика концепта «family» в речевых партиях персонажей-мужчин и персонажей-женщин также является примерно одинаковой: наиболее яркая актуализация концепта наблюдается в романе «The Town and the City», в романе «On the Road» – значимость концепта снижается, в произведении «The Subterraneans» концепт в речевых характеристиках персонажей-мужчин и в речи женских персонажей практически не представлен, в то время как последний роман «Vanity of Duluo» вновь обращает читателя к ценности семьи, однако, она уже не является доминантной для авторского замысла. Различие в концептосфере речевых партий персонажей заключается в том, в речи персонажей-женщин концепт «family» всегда актуализируется посредством лексических единиц, в семантике которых присутствует непосредственно вербальное обозначение семьи или семейных связей. Женских персонажей больше волнует будущее и судьба их детей, что в нижеприведенном примере передается эмоционально-оценочными прилагательными «poor», «little»:

«You can't go all over the country having babies like that. The poor little things'll grow up helpless» [Sal's aunt, 2, с. 239].

Концепт «home» в речевых партиях персонажей Джека Керуака обладает объемным аксиологическим потенциалом, причём, значимость его в большей степени проявляется в речевых партиях женских персонажей, где концепт вербализируется в основном посредством стилистически нейтральных лексических единиц *home, house, furniture* и т. д. Отсутствие при реализации данного концепта в речевых партиях персонажей-женщин маркеров их социального уровня, образования свидетельствует о том, что концепт «home» является для женщин в произведениях Дж. Керуака универсальным, базовым концептом культуры: представление о доме является одинаковым для всех персонажей-женщин. Большинство данных персонажей воспринимают дом как личное пространство, в которое не должны вторгаться чужие люди:

Man, you had no right to yell at him, really, its his pad, his right [Mardou, 3, с. 80].

В концептосфере речевых партий женских персонажей концепт «home» тесно связан с концептом «family», что отвечает традиционным представлениям о семье: семья связана с домом.

В речевых характеристиках мужчин концепт «home» реже обладает мелиоративной окраской, напротив, встречается негативное отношение к жилищу:

He's moved to a new apartment now, down on Henry Street, right under the Manhattan Bridge, a dirty old cold water flat with peeling disintegrating walls [Leon, 1, с. 372].

Большинство мужских персонажей в произведениях Джека Керуака не обладают постоянным собственным жильём, жилище матери, жены, девушки, кого-то из друзей или комната в отеле воспринимается ими как место, где можно остановиться и пожить, на лексическом уровне это отражено рекуррентным использованием лексических единиц и словосочетаний: «Mother's house», «place», «place to stay», «Camille's», «Adam's», «hotel room», «hotel, motel», «flop house». Лишь немногие персонажи романа «The Town and the City» обладают традиционным представлением о доме и его связи с семьей.

Таким образом, дом в концептосфере речевых партий персонажей-женщин представлен в виде традиционного, этнокультурного концепта, в то время как для персонажей-мужчин этот концепт в романах Дж. Керуака является индивидуально-культурным, поскольку существенно отличается от традиционного понимания.

Большой значимостью для речевых характеристик персонажей Джека Керуака обладает концепт «madness». Концепт «безумие» является одним из ключевых в культуре бит-поколения, битники провозглашают безумие новым кредо и формой жизни, тема безумия характерна для многих писателей этого литературного течения, у них она получает новое значение: «безумие очищает сознание субъекта, вводя его в некоторую маргинальную зону, на которую не распространяются правила, в соответствии с которыми протекает жизнь в нормальном обществе» [6, с. 86].

Анализируя прилагательные «безумный» и «сумасшедший», В. А. Рлунгян и Е. В. Рахилина приходят к выводу, что безумие, уводя человека из нормального мира, в некотором смысле возвышает его над этим миром, безумие бывает высоким, священным, поэтическим [7, с. 121]. Эта идея находит подтверждение в речевых характеристиках самого главного «битнического» персонажа Джека Керуака, Дина. Речевые акты восхищения в его высказываниях очень часто содержат единицы этого лексико-семантического поля:

He's so high on those women and that tea and that crazy out-of-this-world impossible-to-absorb mambo... [Dean, 2, с. 276].

What's your road, man? – holyboy road, madman road, rainbow road, guppy road, any road [Dean, 2, с. 237].

Восхищение, восторг, выраженные языковыми единицами с семантикой безумия в различной степени его проявления, обнаружены и в речевых характеристиках других персонажей, но лишь в речи Дина эти единицы всегда имеют мелиоративную окраску.

Единицы лексико-семантического поля «madness» используются в речевых характеристиках других персонажей, демонстрируя отличие «безумцев» от них самих, и часто содержат сему отрицательной оценки:

We can't let him drive any more, he's absolutely crazy, they must have left him out of an asylum or something [People, 2, с. 199].

Существуют также персонажи, не разделяющие точку зрения о безумности всего мира, в их речевых характеристиках безумие трактуется через призму прецедентного текста Библии:

Jesus warned against the sin of accusing any man of madness, Francis, he even said that no man was mad! [Peter, 1, с. 495].

Безумие в концептосфере речевых партий персонажей также воспринимается как болезнь:

They've got you down here as a dementia praecox case [Doctor Thompson, 1, с. 327].

Are you nuts? What'd you do? You walked away from the drill field, threw your gun down, told everybody where to get off, who the devil do you think you are? [Navy men, 4, с. 154].

Анализируя речевые характеристики женских персонажей в терминах концептов, мы приходим к выводу, что женщинами безумие обычно оценивается негативно:

What a crazy place New York is. Nobody ever does anything, all they do is talk, nobody ever plays anymore [Judie, 2, с. 381].

I'm sad about everything. Oh damn, I wish Dean wasn't so crazy now [Marylou, 2, с. 155].

Интересным представляется отметить, что безумие является неотъемлемой частью мужского мира, т.е. может выступать в произведениях Дж. Керуака в качестве гендерного маркера:

He is sure a crazy one. Sure reminds me of my husband that ran away... I sure hope my Mickey don't grow up that way, they all do now [Frankie, 2, с. 210].

...his whole family is crazy, his brothers are worse than he is, they're a bunch of crazy nuts... [Mother, 4, с. 110].

Таким образом, гендерный фактор несомненно оказывает влияние на концептосферу речевых партий в произведениях Джека Керуака и, как следствие, на их социальный статус и его оценку. В рамках рассмотренных концептов для персонажей-женщин главной ценностью является надёжный мужчина-партнёр, их чувства к мужчинам выражаются скорее на духовном, чем на физическом уровне, они больше думают о детях, о доме, причём дом в их понимании неразрывно связан с семьёй, а безумная, насыщенная событиями жизнь мужчин воспринимается персонажами-женщинами негативно.

Различия в концептосфере речевого поведения мужских и женских персонажей в произведениях Дж. Керуака прослеживаются и на уровне других концептов: персонажи-мужчины обладают более значительным жизненным опытом, что и обуславливает разнообразие их речевого поведения. Например, в речевых партиях персонажей-мужчин во всех произведениях автора высокой значимостью обладают концепты «literature», «drugs» наряду с концептами «music», «sport», «gambling», «law», «medicine», которые практически не находят отражения в речевых партиях женских героинь. Концептосфера женщин по сравнению с мужской гораздо более ограничена, что может свидетельствовать о гендерных стереотипах автора. Художественный мир Джека Керуака – мир мужских персонажей, и именно в их речевых партиях более разнообразными лексическими средствами актуализируется большее число концептов, чем в речи персонажей-женщин. Таким образом, мы можем говорить о том, что концептосферу речевых партий персонажей литературы бит-движения, как культурного феномена XX в., формируют персонажи-мужчины.

Список литературы

1. Kerouac J. The Town and the City. – Penguin Books, 2000 – 499 p.
2. Kerouac J. On the Road. – Penguin Books, 1957. – 291 p.
3. Kerouac J. The Subterraneans. – Grove Press, 1958. – 111 p.
4. Kerouac J. Vanity of Duluo. – Penguin Books, 1994 – 268 p.
5. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: Научные труды Центроконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1. – С. 11 – 35.
6. Мясникова А. С. Социально-философский анализ феномена контркультуры: дисс ... канд. филос. наук. Москва, 2008 – 161 с.
7. Рлунган В. А., Рахилина Е. В. Безумие как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных безумный и сумасшедший) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. Наука, 1993. – С. 120 – 127.
8. Beat Culture and the New America 1950 – 1965 / Lisa Phillips, with contributions by Maurice Berger. – New York, 1995. – 280 p.

SPHERE OF CONCEPTS OF MALE AND FEMALE SPEECH TURNS IN THE XX-th CENTURY LITERARY DISCOURSE (ON THE CASE OF SPEECH CHARACTERISTICS OF CHARACTERS OF JACK KEROUAC'S WORKS)

A. A. Gabets

*Samara
State
University*

*e-mail:
osipovaannette@rambler.ru*

The article deals with the sphere of concepts of speech characteristics of male and female characters of the works of Jack Kerouac – one of the most famous representative of beat generation within the literature of modernism. The main concepts of the characters' sphere of concepts are sorted out and the influence of gender on the linguistic representation of the sphere of concepts is analyzed.

Key words: beat generation, language personality, sphere of concepts, gender.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В РАМКАХ МОДЕЛИ PEOPLE ARE TREES (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

О. В. Дехнич

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
dekhnich@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы метафоризации в рамках модели PEOPLE ARE TREES. Концепт «дерево» является базовым, знания о котором опираются на опыт человека, что объясняет частотность растительных метафор в английском языке. Метафорические выражения, в основе которых лежат определенные характеристики отдельных пород деревьев (oak, willow, chestnut), свидетельствуют об их культурной маркированности.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, культурно-специфический, растение, дерево.

В настоящее время ученые вновь стремятся рассматривать языковые факты не обособленно, а в их связи с культурной спецификой, в преломлении с сознанием той нации, язык которой выступает объектом исследования (см. например, Н. Ф. Алефиренко, 2010 [1]; [2], А. Бирих, 2010 [3], и др.), т. к. «у каждого народа веками складывался опыт познания мира, который затем передавался из поколения в поколение. Язык как форма познания и хранилище национальной культуры закрепляет данный опыт в семантике и структуре различных языковых единиц...» [5].

Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, «специфика наименования, представления того или иного объекта, явления или процесса отдельным этноязыковым коллективом обусловлена его особым (стереотипным) видением мира, определяемым культурной моделью, существующей в национальной традиции, и ее языковой проекцией» [2, с. 11]. «Прежде всего, этнокультурной значимостью отмечены стереотипные языковые единицы: идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры» [2, с. 9]; [1, с. 8].

Современная когнитивная парадигма в лингвистике рассматривает метафору как данность сознания, как порождающую модель. Исследователи прибегают к метафорическому моделированию как средству постижения и понимания действительности, самого человека и его культуры. Концептуальная метафора представляет собой отношение области-источника и области-цели. Область-источник обычно более конкретная сущность, а область-цель – более абстрактная [9, р. 5]. Рассмотрим, например, концептуальную метафору PEOPLE ARE PLANTS, где область-источник PLANTS – более конкретный домен, область-цель PEOPLE – более сложная и абстрактная область.

На настоящий момент вопрос об универсальности или фриквентальности той или иной концептуальной метафоры остается дискуссионным. Однако можно предположить, что некоторые концептуальные метафоры действительно характерны для многих культур, другие же являются характерными только для данного культурного сообщества вследствие накопленного поколениями уникального опыта [см. 9]. На наш взгляд, концептуальная метафора PEOPLE ARE PLANTS и ее более частный случай PEOPLE ARE TREES является продуктивной метафорической моделью, хранящейся в сознании многих народов. Действительно, если процесс порождения метафор основывается на прошлом опыте, преломленном сквозь призму сознания индивида, то логично предположить, что контакт человека с природой, а именно флорой и фауной данной местности будет являться источником аналогий между миром живой и неживой природы, миром растений (в нашем случае) и миром человека. Как следствие, в

языке будут фиксироваться метафорические выражения, в которых человек будет уподобляться растению (деперсонификация/de-personification [7, с. 191]) и, наоборот, растение/дерево наделяется человеческими свойствами и качествами (персонификация). «В традиционной народной культуре растения играют чрезвычайно важную роль. Они выступают объектами различных обрядов и ритуалов, им приписываются различные мифологические и символические функции [...] магические и волшебные свойства. Для растений характерна постоянная соотнесенность с человеком, о чем свидетельствуют многочисленные сравнения человека с различными видами растений» [3, с. 139]; [см. также 4].

Словотворчество «растительной» метафоры продиктовано нашими знаниями процессов и стадий роста растения. Естественный цикл растения начинается с того, что семена, попадая в почву, прорастают, укореняются, дают побеги, ветви, листья, затем на них появляются бутоны, распускаются цветы, завязываются и созревают плоды. Наконец, приходит время собирать урожай, и все повторяется вновь. Со временем растение увядает и отмирает. Каждая из этих стадий является частью естественного процесса органического роста. Данный природный цикл является прототипической моделью физического и духовного рождения, развития, просвещения, зачатия и рождения новой жизни, старения, смерти человека. Таким образом, наблюдается изоморфизм между ростом растения и физическим/духовным развитием человека [7, с. 191].

Языковые метафоры, в основе которых лежат аналогии между органическим циклом роста растения и жизнью человека могут указывать на универсальный характер концептуальной метафоры PEOPLE ARE PLANTS, и как частного ее проявления PEOPLE ARE TREES. Тем не менее, биологические виды, составляющие флору той или иной местности, варьируются, что и отражает культурно специфическое метафоротворчество.

Ср., например, в британском варианте английского языка *hard as oak* (BrE) – твердый как дуб; *strong as oak* [*oak – Cum*] (графство Камберленд в Англии) – сильный как дуб [13, с. 1]; русск. могуч, силен, крепок как дуб (то же в чешском, польском) [3, с. 140]. И, например, в американском варианте английского языка: *bird's eye maple* (AmE) – *light-skinned attractive black woman* (from the colour and texture of the wood) – привлекательная мулатка (от цвета и свойств древесины клена) [13, с. 1]. В Америке, особенно в Канаде, обширные ареалы произрастания клена (*maple*). В Канаде клен – это национальный символ, запечатленный на государственном флаге, а для жителей Англии, как и многих других европейских стран, дуб – это могучее дерево с ценной древесиной, являющееся символом мужского начала.

В результате проведенного анализа литературных произведений современных английских авторов, словаря метафор, тезауруса метафор, Британского национального корпуса были выделены следующие виды не фруктовых деревьев, которые служат источником метафоризации в английском (BrE) языке: дуб (*oak*), ива (*willow*), каштан (*chestnut*).

Oak (дуб) одно из самых легендарных и почитаемых деревьев, создающий впечатление величия и стойкости. У кельтов Галлии друиды считали дуб священным, само слово «друиды» буквально означало «люди дуба». В своих гороскопах друиды утверждали, что, так же как и дерево, каждый человек, имеет свои определенные черты, достоинства и недостатки и что каждый требует определенных условий жизни [4].

В различных толковых словарях английского языка лексема **oak** имеет следующие дефиниции:

"**oak** *n.* 1. tree and shrub of genus *Quercus*, of which the best known species species in a forest tree yielding hard timber and acorns and having irregularly lobed leaves..." [8, p. 668];

"**oak** ... *n* ... a large tree that is common in northern countries, or the hard wood of this tree" [10, p. 971];

"**oak**, *n.* ... Any tree or shrub of the fagaceae genus *Quercus*, including many large forest trees with hard, durable wood ..." [11, p. 1022].

Анализ оценочных предикатов, дающих краткую характеристику этому слову, позволяет выделить такие основные качественные параметры этого дерева, как его большой размер (имплицитно проецирующий мощь и силу) и твердость древесины. Эти реальные качества дуба дают основание для образования следующих концептуальных проекций:

– *сила, здоровье человека – прочность дуба (health of a person – oak strength)*: Например: The ruler was tall with a physique of oak-like hardness and strength [Taylor, p. 224];

– *сила характера человека – прочность дуба (character strength of a person – oak strength)*: You are light as dreams and tough as oak [Taylor, p. 176];

– *крепкий, высокий, широкоплечий человек – могущество дуба (broad shouldered man – oak strength)*: One of my men, Tam, a great oak of a man, was Stephen's trainer in Scotland [Deveraux, p. 263].

Знаменитые люди, титаны политики также являются объектом метафоризации. Так, Рэндольф Черчилль пишет о своем отце, указывая на его величие, силу, авторитет: "It is very difficult for a sapling to grow up in the shadow of a giant oak" (The oak was Churchill's father Winston) [12, p. 128].

У. Шекспир, создавая образ надежного генерала, прибегает к метафоре, в основе которой лежат основные характеристики дуба, а именно, его прочность, надежность: Guard 2: [The general] he's the rock, the oak not to be wind-shaken [12, p. 429];

крепкий сон – прочность дуба (sound sleep – oak strength): I went to bed, slept like an oak, and woke up at around eight o'clock [6].

Таким образом, в основе образования данных метафор лежат такие качества дуба, как прочность, стабильность состояния, сила, а оттенки переносов позволяют нам говорить о нескольких концептуальных проекциях.

Willow (ива, плакучая ива), род этого дерева объединяет 600 видов, причем плакучая ива является одним из самых распространенных. При анализе словарных статей основных толковых словарей английского языка обращают на себя внимание не столько статьи, посвященные самому дереву, сколько производному от него прилагательному **willowy**, основу семантики которого явно составляет коннотативно-оценочная природа:

"**willowy** *a.* abounding in willows; bordered by willows; lithe and slender" [8, p. 1232];

"**willowy** ... *adj* tall, thin and graceful" [10, p. 1638];

"**willowy** ... *a.* Abounding with willows; resembling a willow; slender and graceful; pliant" [11, p. 1779].

Итак, к основным качественным характеристикам этого дерева следует отнести тонкость, гибкость, грациозность его ветвей. Гибкость, изящество этого дерева порождает ассоциации его с красивыми, стройными девушками. Особенность этого дерева – период обильного сокодвижения весной, «плакать» тоже является материалом для образования метафор. Таким образом, концептуальная метафорическая проекция *девушка (молодая женщина) – плакучая ива (young woman – willow)*, может быть разложена на две более мелкие проекции *стройность/гибкость женского тела – внешний вид дерева (slenderness – physical configuration of the tree)*: Например, Here she was confronted by a willowy lady dressed in a clinging robe of lavender silk, and heavily veiled hat [Heyer, p. 196];

и плачущая женщина – плакучая ива весной (crying woman – willow in spring).

Примечательно, что данная метафорическая проекция с позиций лингвоаксиологии может иметь противоположные оценочные интерпретации. С одной стороны, плачущая женщина вызывает естественное сочувствие, сострадание, и тем самым в данной метафорической проекции несомненно реализуется положительная коннотация, однако, с другой стороны, в большинстве случаев реализуются отрицательные коннотации типа русского «рева», «плакса», особенно если такая характеристика да-

ется плачущему мужчине, что отчетливо прослеживается в следующем примере: "That's better", he said approvingly. "Can't get along with weeping willows" [McGowan, p. 272].

Тем не менее, встречаются и субстантивные метафоры: "What will you say when I'm old and toothless, and bent like a willow tree?" [Cox, p.220].

Жена, обращаясь к мужу, сравнивает себя с ивой, ветви которой всегда наклонены, изогнуты, напоминая сгорбленную старуху. Данный пример представляет интерес не только с точки зрения присутствия субстантивной метафоры, но и показывает, что одно и то же свойство ивы (гибкость) может служить как мелиоративной (см. пример выше), так и пейоративной характеристикой метафорического переноса. Внешний признак дерева лежит в основе метафоризации.

Анализ данных языковых метафор указывает на гендерный фактор, закрепленный в сознании носителей языка при образовании концептуальных проекций, структурирующих концепт «дуба» и концепт «ивы». Можно сказать, что ива – это женское дерево, а дуб, в большинстве случаев, – мужское, за исключением метафор «характера» человека, где метафора «сила характера» относится, как к женщине, так и мужчине.

Chestnut (каштан) насчитывает всего 14 видов, его плоды, орехи, каштанового вида, используются в свежем и жареном виде. Анализ дефиниций данной лексемы в основных толковых словарях английского языка не дает каких-либо существенных данных для оснований метафоры признаков с дерева на человека. Тем не менее, обращает на себя внимание следующая разговорная интерпретация этого понятия: "**chestnut** ... *n.* ... *Colloq.* an old joke; something made stale by repetition ..." [11, p. 273]; "**chestnut** ... *n.* ...5. **an old chestnut** a joke or story that has been repeated many times" [10, p. 222].

Анализ фактического материала обнаружил существование концептуальной проекции: *человек – каштан (person – chestnut)*. Примечательно, что данная концептуальная проекция в свою очередь подразделяется на прямо противоположные проекции: *умудренный опытом человек (wise person – chestnut)* и *ребенок/потомок – каштан (child – chestnut)*. Последняя проекция достаточно отчетливо проявляется в следующем примере: "Dad, we are all from common stock," he said. "But sturdy as oak, and now we are growing new branches," he said. "We might find we've got some decent chestnuts," he said. (муж) – "Decent chestnuts?" (жена) – "That's me and Rosie and our cousins" (сын) – "I've never heard of growing girls and boys being called chestnuts before. Crickey, listen to you, funny old chestnut," said Emily (жена).

Цветообозначение плодов каштана также выступает источником метафоризации в английском языке, например, при описании оттенка волос: "... his hair, though was the same colour as hers – the shiny rich brown of ripe chestnuts." [Cox, p. 118].

Политический дискурс является отражением современного мировидения и миропонимания. Метафоры часто используются политическими деятелями и журналистами, с одной стороны, с целью создания яркого образа, а с другой – наглядно показать, упростить сложные политические явления. Например: Thurlow was a sturdy oak at Westminster, and a willow at St. Jame's. Турлоу – английский политик и юрист, был известен тем фактом, что в суде он был гибким, а в Палате Лордов – твердо отстаивал свои позиции [12, p. 407].

Особую, с точки зрения как стилистических, так и семантико-когнитивных теорий метафоры, сферу представляет реализация концептуальной метафоры PEOPLE ARE TREES в сакральных текстах, относящихся к различным верованиям и религиозным доктринам. Несомненно, они обусловлены менталитетом авторов этих текстов. Рассмотрим некоторые основные случаи реализации данной метафорической модели в Библии.

В Священном Писании человек уподобляется различным деревьям: и дубу, и пальме (palm), и кедру (cedar), и виноградной лозе (винограднику), и фиговому дереву (смоковнице), но со специфически характерной частной концептуальной проекцией: *истинный верующий – дерево (righteous believer – tree)*. *Истинный верующий – пальма/кедр (righteous believer – palm, cedar)*: The righteous flourish like the palm tree, and grow like a cedar in Lebanon [Psalms 94, c. 12]. *Истинный верующий – дуб (righteous believer – oak)*: дуб выступал в Библии символом прочности и могущества: “For you shall be like an oak tree whose leaf withers, and like a garden without water.” [Isaiah 1, c. 30].

Данный пример можно рассматривать как метафору «от противного», когда в основу ее ложатся общеизвестные признаки этого дерева, но выполняется этическая функция метафоры, (метафора взывает к душе верующего, если он станет на путь праведный, то будет такой же сильный как дуб).

Растительный мир, в частности ДЕРЕВО, выступает в качестве области-источника для области – мишени, не связанной с растительным миром. Перенос осуществляется на основании признаков, которыми обладают растения в целом и дерево в частности.

Концепт ДЕРЕВО, являясь сложной с объективной точки зрения структурой, может иметь разнообразные проявления в своих видовых репрезентациях. К таким видовым репрезентациям относятся и породы деревьев. Отдельные виды деревьев, в основном не плодовые деревья, являются продуктивным источником метафорических переносов.

Итак, центральной концептуальной проекцией манифестирующей в многочисленных метафорических выражениях, является человек – дерево (*person – tree*), что подтверждает антропоцентрический характер концептуальной метафоры PEOPLE ARE TREES (антропоцентризм, как известно, – это воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий). Различные народы ощущают мир по-своему, в этом-то и состоят культурные различия, которые находят отражения в языке, в частности в качестве языковых метафор, которые помогают нам восстановить наличие той или иной концептуальной метафоры в сознании носителя языка.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 5 – 11.
2. Алефиренко Н. Ф. Стереотипы семантического пространства лингвокультуры // Язык и культура: материалы международной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 6 – 11.
3. Бирих А. К культурной семантике растений в польском, чешском и русском языках // Язык и культура: материалы международной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 138 – 144.
4. Малоха М. Фразеологизмы с концептом «дерево» в зеркале народной культуры: на материале восточнославянских и польских языков. – Минск: Тэхналогія, 1998. – 142 с.
5. Хайруллина Р. Х. Фразеология как система миропонимания народа: стереотипы мышления // Фразеология, познание, культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 26 – 30.
6. BNC – British National Corpus, the. [Online]. Available: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
7. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. – Palgrave Macmillan, 2004. – 263 p.
8. COD – The Concise Oxford Dictionary of Current English. 7th ed. / ed. J.B. Sykes. – Bombay: Oxford University Press, 1987. – 1264 p.
9. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. – CUP, 2005. – 314 p.

10. LDoCE – Longman Dictionary of Contemporary English. 3d ed. – Suffolk: Longman Dictionaries, 1995. – 1668 p.
11. NWDoEL – New Webster’s Dictionary of the English Language. – Bombay: Surject Publications, 1988. – 1824 p.
12. Sommer E., Weiss D. Metaphors Dictionary. – Detroit: Visible Ink Press, 2001. – 612 p.
13. Wilkinson P. R. Thesaurus of Traditional English Metaphors. – L., N.Y.: Routledge, 2002. – 2009 p.

LANGUAGE CULTURAL SPECIFIC FEATURES OF METAPHORS REPRESENTING «PEOPLE ARE TREES» MODEL (ON THE BASIS OF ENGLISH)

O. V. Dekhnich

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
dekhnich@bsu.edu.ru*

In the article we say that tree is one of the basic-level concepts that are fast and firstly learned and arise from direct experience. This probably explains such easiness with which the English create tree metaphors as linguistic expressions by mapping trees’ properties and looks onto individuals and products of human activities. Metaphors based on certain tree species properties show cultural specificity.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, culturally specific, plant, tree.

УДК 81' 276.3

МОЛОДЁЖНЫЙ СОЦИОЛЕКТ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Н. Н. Копытина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
natali_kopytina@rambler.ru*

В статье раскрывается содержание понятия «молодёжный социолект», определяется статус социолектной речи молодёжи и её роль в современном французском языке, рассматриваются лингвистические особенности социолекта, характеризуются способы пополнения его лексического фонда.

Ключевые слова: молодежный социолект, молодёжная коммуникация, эмоционально-экспрессивная функция, метафора, редупликация, кодирование, усечённые единицы, арготизмы, аффиксы.

В современной отечественной и зарубежной социолингвистике изучаются разнообразнейшие варианты существования языка: его литературная форма, отдельные функционально-речевые разновидности, прежде всего разговорная речь, язык СМИ, а также профессиональные жаргоны, территориальные и социальные диалекты. Изучение социолектных форм предполагает исследование языка в тесной связи с личностью индивида, его мышлением, мировоззрением, духовной культурой и практической деятельностью. В этом контексте именно молодёжный язык представляет собой важную и перспективную область лингвокультурологического исследования и анализа.

В современной лингвистической литературе молодёжный вариант языка определяется по-разному: «молодежный жаргон», «молодежный сленг», «интержаргон».

В данной статье для определения молодёжного языка используется термин «молодежный социолект», а сам язык рассматривается как особая подсистема национального языка, которая функционирует в процессе коммуникации определенной возрастной категории носителей французского языка (молодежи), характеризуется преобладанием сниженной эмоционально-оценочной лексики и основывается на общей для всех стилей системе фонетических, грамматических и лексических средств. Социолект молодежи служит своеобразным унифицирующим звеном между ненормативными языковыми явлениями и литературной нормой французского языка.

Интерес к изучению французского молодёжного языка в настоящее время возрастает. Имеется ряд исследований, в которых подробно анализируются отдельные аспекты данного языкового явления: рассматриваются источники и средства формирования молодёжной лексики [Э. Ю. Понятин, 1992; Э. М. Береговская, 1996; Т. И. Ретинская, 2004]; молодёжный язык изучается с точки зрения структурного (французский в сопоставлении с английским) [Л. В. Аминова, 2004], функционального [Макурова, 2003] и социального аспектов [E. Girard, V. Kernel, 1996; P. Merle, 2000; J.-P. Goudaillier, 2001; P. Certà, 2001]. В данной статье уделяется внимание комплексному исследованию молодёжной лексики во французском языке. Благодаря тому, что молодёжный социолект становится все более престижным и модным, возрастает частотность употребления его элементов не только в повседневном общении разных поколений французов, но в последнее время и на официальном уровне, в языке государственных деятелей и политиков.

Социолингвистическими параметрами молодёжной речи являются: возрастной критерий (школьники, студенты и др.), социальная принадлежность (род деятельности), территориальный признак (город, пригород), гендерный критерий и степень образованности. Статья характеризует основные общие тенденции, свойственные французской молодёжной речи и молодёжь рассматривается как социологическая категория с нижней возрастной границей от 13 – 14 лет и верхней возрастной границей до

29-32 лет. При этом ключевыми критериями отбора являются возраст и определенный социальный статус, которым обладают молодые люди до принятия ими взрослых ролей в обществе. Процесс социологизации личности во Франции происходит позже, чем, например, в России. Это связано с ростом продолжительности сроков обучения и другими социальными факторами.

Важнейшими качествами молодежи, помимо возрастных, также являются: социальные качества (процесс социализации – становление личности и приобщение к материальной и духовной жизни общества), психологические особенности (потребность в друзьях и коллективных формах деятельности, стремление к самоутверждению), культурологические признаки (создание собственного социокультурного пространства, противопоставление своей культуры культуре взрослых) [4].

Характерными чертами молодежной коммуникации являются непринужденный, неформальный, шуточный тон общения, высокая степень эмоциональности, «стремление к нестандартному самовыражению, присущему этой возрастной группе» [11; 12]. «Необходимость постоянно демонстрировать свою принадлежность к данной субкультуре и одновременно непринадлежность к иным субкультурам, что в различной степени характерно для представителей любых социальных образований, приводит к выработке некоторого набора идентифицирующих признаков, подлежащих демонстрации» [1, с. 352]. Таковыми являются не только внешние знаки – аксессуары одежды, прическа, татуировка, но и язык данной субкультуры. Демонстрация языковой принадлежности, по образному выражению Е. Д. Поливанова, есть «предъявление языкового паспорта» [5, с. 48]. В молодежной сфере общения на первый план выступает не стремление засекретить язык, а прагматико-идеологическая идея противопоставить свою мораль, свои идеалы, свой образ мыслей и свое поведение миру взрослых, общепринятым социальным и поведенческим образцам. Французская молодежная речь пронизана экспрессивностью и оценочностью. Если в разговорной речи старшего поколения экспрессивная функция является не господствующей, а лишь сопутствующей, то в молодежной речи она доминирует.

Большое значение для характеристики молодежного языка имеет изучение специфических особенностей его лексического обогащения, определение продуктивности различных средств пополнения его словаря, выявление соотношения между различными способами словообразования.

Молодежный социолект является одной из сфер появления и наиболее активным каналом распространения языковых новообразований: лексических, фразеологических. Новое в лексике фиксирует динамику сегодняшней жизни, реальное состояние языка, которое нельзя не замечать или обходить стороной только потому, что это не норма. Оно проявляется не только в пополнении словарного состава языка, в появлении новых слов и новых значений, но и в изменении семантической структуры слова и его объема.

Носители молодежного социолекта используют для обозначения актуальных для них понятий, в первую очередь, лексические единицы из литературного языка без разрушения формы, но переосмысляя метафорически и метонимически их значения. Характер таких переосмыслений специфичен ввиду своеобразия психологии и мировосприятия носителей молодежного языка. Все молодежные лексемы, образованные в результате семантического переноса, обладают высокой экспрессивностью и эмоциональностью.

Рассматривая особенности речевого поведения человека в малых социальных общностях, Л. П. Крысин останавливается на двух основных тенденциях, действующих в малых группах при внутригрупповом общении: к свертыванию, элиминации таких средств, которые называют объект речи, и к детализации таких средств, которые характеризуют, оценивают [3, с. 85]. Он объясняет это тем, что общий опыт членов группы (в том числе молодежной) в процессе длительной совместной деятельности и взаимного общения служит надежной опорой для полного взаимопонимания и без «экс-

плицитного» названия предмета речи. Однако обмен характеристиками этого предмета речи, его оценками со стороны разных членов группы часто составляет самую суть внутригрупповой коммуникации [3].

На основе анализа фактического материала были выделены основные типы переноса наименования. Во-первых, это «форма предмета», который основывается на объективно существующем сходстве между двумя неодушевленными предметами или явлениями (внешний вид, цвет, размер предмета): *piton* ‘нос’ (крюк); *farine* ‘кокаин’ (белый цвет муки). Вторым типом переноса наименования, функционирующим в молодежном социолекте, является «качество предмета»: *éponge* ‘алкоголик’ (губка) (в данном случае общим признаком является способность впитывать жидкость, как губка), *clapet* ‘рот’ (технический термин – клапан). Следующий тип метафорического переосмысления основывается на одинаковых или сходных «функциях предметов»: *pince* ‘рука’ (клещи, клешня); *arbalète* (арбалет), *carabine* (карабин), *engine* (снаряд) ‘мужской половой орган’. В основе типа «человек-фауноним» чаще всего осуществляется перенос наименования представителей фауны на человека: – *rice* ‘коротышка’ (блошка – маленькое существо). Значение метафорических обозначений привлекает внимание, способствует лучшему запоминанию информации, что очень важно для молодых коммуникантов.

Исследование показало, что метафоризация оживляет молодежную речь, внося в семантическую структуру существующих слов новые значения и объединяя по какому-либо признаку разнородные предметы действительности. Так, например, наиболее частотными в молодежной речи являются метафоры, относящиеся к следующим ЛСГ: «характеристика человека»: *cloche* ‘дурак’ (колокол – без мозгов, пустая голова); *bête* ‘усердный ученик’ (зверь – признак силы, хватки, чутья); *cageot* ‘некрасивая девушка’ (ящик); *fax*, *disque* ‘худая плоскогрудая девушка’ (факс, диск); *gazelle* ‘красивая, стройная девушка’ (газель); *allumeuse* ‘соблазнительница’ (запал) и др., «предметы быта»: *capsule*, *crêpe*, *gaufre* ‘фуражка’ (колпачок, блин, котелок); *cagoule*, *caoutchouc*, *imperméable*, *passerport* ‘презерватив’ (шлем, резина, непроницаемый плащ, паспорт), слова со значением «соматизмов»: *ciboulot*, *bouillotte* ‘голова’ (лук, чайник); *blaire*, *tomate* ‘нос’ (паяльник, помидор); *quille*, *pilier* ‘нога’ (ходуля, столб); *louche* ‘рука’ (половник); *ananas*, *amortisseurs* ‘женские груди’ (ананасы, амортизаторы). Метонимия используется гораздо реже, чем метафора: *bleu* ‘полицейский’, *Sorbonne* ‘голова’, *tête* ‘хороший ученик’ и т. д.

Приведенный лингвистический материал показывает, что молодежь осознанно небрежно употребляет языковые варианты, отклоняющиеся от литературной нормы. При метафоризации такие слова оказываются мотивированными, что способствует их постоянной воспроизводимости с соответствующим значением в молодежном социолекте. Способность метафоры создавать комический эффект, подчеркивать ироническую тональность настроения молодых коммуникантов объясняет её широкое использование.

Результаты исследования дают основания утверждать, что молодежный язык взаимодействует с другими разновидностями языка, к которым, помимо просторечия, профессиональных и социальных жаргонов, относится и арго, из которого носители молодежного социолекта заимствуют лексемы для пополнения своего словаря. Это можно объяснить относительной устойчивостью арго и быстрой сменой лексики молодежного языка, часто зависящей от влияния моды.

Арготические единицы, характерные для молодежной речи и употребляемые в устных и письменных средствах массовой информации, входят в различные лексико-семантические группы: «сфера учебы» – *bizutage* ‘насмешки, розыгрыш над новичком’; *plancher* ‘отвечать на уроке, экзамене’; *compote* ‘сочинение’; слова со значением «соматизмов» – *cul*, *miches* ‘зад, задница’; *bite*, *radis* ‘пенис’; *les roberts*, *les tétons* ‘грудь’; «одежда» – *limace* ‘рубашка’; *bénard* ‘брюки’; «наркотики» – *dope* ‘наркотик’; *joint* ‘сигарета с гашишем’; «человек, характеристика его свойств и качеств» – *mec* ‘тип,

мужик'; *cul* 'олух, идиот'; *con* 'кретин'; *gigolo, gigolette* 'альфонс, потаскушка'. Большое распространение в молодежной среде имеют оценочные арготизмы. Оценочные слова в большей степени, чем любые другие лексико-семантические группы молодежного социолекта, подвержены речевой моде.

Таким образом, арготические лексические единицы обладают огромным эмоционально-оценочным потенциалом, благодаря которому они востребованы молодежью и пополняют молодежный социолект, а затем и лексико-грамматический фонд современной французской разговорной речи.

Анализ фактического материала позволяет также констатировать, что присутствие арготизмов в различных жанрах молодежных средств массовой информации распределяется неравномерно. Наиболее часто они встречаются в письмах читателей, при обсуждении фильмов или музыкальных клипов, в комиксах, рекламе и др. В этих случаях эмоционально окрашенные арготические элементы призваны создать непринужденную, доверительную тональность обращения к молодым людям.

Данные исследования показывают, что в пополнении словарного состава молодежного социолекта большую роль играют заимствования. Употребление иноязычной лексики во французском молодежном социолекте является престижным и поэтому целенаправленным. «Степень использования заимствований зависит от особенностей речевого поведения индивидуума, которое определяется коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, мировоззрением, особенностями биографии и другими параметрами личности» [2, с. 73].

Французские лингвисты Э. Жирар и Б. Кернель, исследовав молодежную речь во французских школах, лицеях и университетах, отметили, что одной из важнейших её характеристик является употребление заимствований: *«Le langage des jeunes s'enrichit de mots et d'expressions venus de différents horizons:...il emprunte énormément à certaines langues étrangères, principalement l'anglo-américain, l'arabe et le gitan»* [7, с. 10].

Так, например, во французском молодежном социолекте зарегистрированы заимствования, сохранившие исходную иноязычную форму без изменения как звукового, так и смыслового содержания: *coach* 'тренер'; *job* 'работа'; *fun* 'забавный'; *sexu* – 'волнующий (ая)'; *shopping* 'хождение по магазинам'; *look* 'внешний вид'; *cool* 'спокойный, раскованный'; усеченные заимствования, в которых смысл выражения сохраняется, а форма претерпевает изменения: *fan* – *fanate* 'фанат'; *self* – *self-service* 'самообслуживание; иноязычные вкрапления, представляющие собой иностранные слова, функционирующие в соответствии с законами французского языка и претерпевшие различные графические и морфологические изменения: *call* – *caller* 'звонить'; *look* – *looker* 'смотреть'; *job* – *jober* 'работать'; *cool* – *coolitude* 'спокойствие'; *kif* – *kiffer* 'любить'.

В ходе анализа фактического материала в молодежной речи также были выявлены заимствования из других языков (арабского, итальянского, испанского, цыганского): *payo, payotte* – (цыган.) 'парень, девушка', *raclo* – (цыган.) 'молодой человек', *macho* – (испано-америк.) 'мужчина', *sister* – (америк. сленг) 'девушка', *basta* – (итал.) 'довольно', *hach* – (араб.) 'стыд'; *kif* – (араб.) 'удовольствие'.

Во французском молодежном социолекте основными причинами заимствований являются экспрессивность данных единиц, новизна, дань моде, подражание речи героев из модных зарубежных фильмов или песен. Отметим, что иноязычные заимствования, употребляемые в молодежной среде, характеризуют говорящего в социальном плане в определенных сферах более высоко и подчеркивают уровень информированности какой-либо группы молодежи, использующей эту лексику. Часто в молодежной речи заимствованные слова выполняют функцию сокрытия информации от непосвященных людей. Закреплению иноязычных единиц в сознании французской моло-

дежи способствуют средства массовой информации, поп- и рок-музыка на английском языке, компьютерные игры и т. д.

По данным исследования, среди заимствований на первое место по продуктивности выходят англоязычные слова. Стремительный поток иностранных слов из арабских, африканских и цыганского языков – одна из отличительных черт французского молодежного социолекта. Анализ заимствований из традиционного и общего аргосвидетельствует об изменениях не только в фонетико-морфологическом облике арготизмов, но и в сфере их семантики.

В современном молодежном языке для образования новых лексем все чаще используется такой фономорфологический способ, как редупликация (полное или частичное повторение слога, корня, основы или слова). Это связано с желанием данной социальной группы обратить на себя внимание, со стремлением к реализации образных средств, быть оригинальными в обозначении обыденных предметов и явлений: *olé olé* ‘развязный’, ‘вольный’; *nunuche* ‘глуповатая’; *fute-fute* ‘умный’, ‘сообразительный’. В молодежном социолекте используются как абсолютные редупликации: *jojo* ‘красивый’, *tam-tam* ‘шум, гам’, так и частичные: *moumoute* ‘милочка’, *rififi* ‘драка’, *micmac* ‘махинация’. Широко также распространен такой вид редупликации, как усиленное повторение, когда удвоенное слово называет тот же предмет, признак или действие, что и простое, но используется как экспрессивное средство подчеркивания, усиления: *bisous bisous* ‘крепкий поцелуй’, *poil poil* ‘тютелька в тютельку’.

Редупликативные формы, пользующиеся у молодежи большой популярностью, характеризуются яркой эмоциональной окрашенностью и передают различные типы оценки: *chochette* ‘кривляка’, ‘женоподобный тип’, *foufou*, *fofolle* ‘тронутый (ая)’, *duduche* ‘балда’, *rourou* ‘красотка’, ‘душечка’, ‘лапочка’, *chouchou* ‘любимчик’.

Возникая нередко как ономотопеи или детские слова, иногда как искажения нормальных слов, редупликации приобретают вторичные переносные значения: *gnapgnap* ‘рохля’, *yo yo* ‘девушка’. В современной французской разговорной речи редупликативное слово *blabla* обозначает ‘разглагольствования, пустое многословие, болтовня’. В результате анализа фактического материала было выявлено смещение значения этого редупликативного образования, обозначающего в молодежном лексиконе ‘тапочки’, что свидетельствует о его семантической эволюции.

Исследованный фактический материал дает возможность констатировать, что одной из ведущих тенденций пополнения словарного фонда, наблюдаемых в языке молодежи, является использование специфического способа образования лексики – кодирования. Это процесс замены обычных лексических единиц сокращенными условными обозначениями, то есть кодирование формы слова путем его модификации: включение новых букв, слогов и цифр. Наблюдения свидетельствуют о том, что наиболее популярным и продуктивным способом кодирования и пополнения словарного состава французского молодежного языка является верлан, или «язык наоборот». Сам термин «*le verlan*» – это результат перестановки слогов лексической единицы *l'envers*. Употребление верлана связано с естественным, психологически объяснимым желанием молодых самоутвердиться, обособиться от мира взрослых своеобразной манерой речи или подчеркнуть свою принадлежность к определенной возрастной категории, какой-либо группе. Верлан выполняет в молодежной речи не только символическую, но также игровую и экспрессивную функции, что связано в значительной степени с возрастом его создателей-носителей: *vreuli* < *livre* ‘книга’, *leba* < *balle* ‘мяч’. Он употребляется в рекламе, средствах массовой информации, песнях, фильмах. Верлан называют «*langage des jeunes*» – это забавный код, предоставляющий безграничное языковое преимущество для молодежи отграничить себя от взрослого общества [6; 9; 10].

В настоящее время этот способ кодирования слов совершенствуется. Все чаще в молодежной речи встречаются случаи повторной верланизации с последующим сокращением. Иногда к верланизованному слову добавляют букву или буквосочетание: *femme* > *teuf* > *feuteu* ‘женщина’, *comme ça* > *comme aç* > *askeum* > *asmeuk* ‘так

себе', *rendez-vous* > *vourde* 'свидание', *jean* > *neuj* 'джинсы', *fête* > *teuf* 'праздник', *salut* > *lussa* > *lus!* 'привет!'.

Анализ фактического материала показывает, что наряду с другими способами кодирования слов молодежь широко использует шифрование, где большую роль играют буквы и цифры. Буквенный код заключается в том, что слово может заменяться каким-либо сочетанием букв или одной буквой (сохраняя, как правило, алфавитное звучание): *Ki a di koi?* – *qui a dit quoi?*, *C Co* – *ça* – *C'est comme ça*, *K's tête* – *casse-tête*, *K7* – *cassette*, *Koi 2 9?* – *quoi de neuf?*, *A2M1* – *à demain*, *4/0* – человек с очень худыми ногами (*4/0* – размер лески для ловли рыбы), *16K* – глупый, тупой (16 килобайт оперативной памяти). В данной форме молодежной коммуникации, помимо функции экономии, реализуется и игровая функция.

Решающую роль в развитии молодежной лексики играет стремление к языковой экономии, которая находит свое выражение в увеличении количества усеченных единиц. Они имеют обширную сферу распространения вследствие сохранения оценочного признака в своей семантической структуре. Например, при употреблении лексических единиц *directeur*, *dictionnaire*, *composition* идет констатация факта без какого-либо субъективного отношения к нему. При использовании же усеченных форм *dirlo*, *dico*, *compro* чувствуется показное равнодушие по отношению к предмету разговора.

Среди усечений в молодежной речевой практике доминирует апокопа: *récré* – *récréation* 'перемена, отдых', *exo* – *exercice* 'упражнение'; далее следует афереза: *plôme* (*n.m.*) – *diplôme* 'диплом'; *lastique* – *élastique* 'резинка'; и аббревиатуры: *RDV* – *rendez-vous* (*erdève*) 'свидание', *R.U.* – *restaurant universitaire* 'студенческая столовая', *BGV* – *Bouffe à Grande Vitesse* (по образцу *TGV*) 'быстрая еда', *VFML* – *Vite, Fort, Mal, Longtemps* (определение стиля плохого исполнителя у музыкантов). Краткость, компрессия относятся к форме аббревиатуры, а экспрессия связана с содержанием высказывания, его эмотивностью, оценкой [8]. Высокая функциональная активность этих форм объясняется тем, что это простой способ деформации слов, создающих разговорно-сниженный эффект и несущих в своей семантической структуре эмоционально-оценочный компонент.

Подобные образования достаточно быстро закрепляются не только в молодежном лексиконе. Их включают в свой словарь люди, не имеющие отношения к молодежному социолекту, в речи которых они функционируют наряду с литературными эквивалентами в зависимости от ситуации общения. В коммуникативной ситуации выбор ЛЕ, подвергаемых усечению, свидетельствует о близости между собеседниками. Газетные тексты, пытаясь имитировать эту близость, используют усеченные формы как в материалах для или о молодежи, так и в статьях, рассчитанных на массового читателя.

Существенную роль в системе основных способов номинации в молодежном социолекте играет создание формально новой номинативной единицы. Таким образом, словообразование в молодежной речи выполняет собственно номинативную и эмоционально-экспрессивную функции (порождение ярких, образных слов, многие из которых являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных и разговорных слов). Следовательно, экспрессивность – одно из самых важных отличительных свойств молодежной речи. Это неоднократно отмечалось исследователями (François-Geiger, 1995, Boyer, 1997, Sourdou, 1997, Merle, 2000, Земская, 1987, Зайковская, 1993 Береговская, 1996 и др.). В результате работы с фактическим материалом было выявлено, что в молодежном социолекте экспрессивность достигается чаще всего при помощи аффиксов. Наиболее продуктивными являются следующие суффиксы: -ard: *flemmard* 'ленивый ученик', *ringard* 'неудачник', *mouchard* 'ябеда, доносчик'; -age: *bidochage* 'списывание на контрольной работе', *recalage* 'провал на экзамене', -oche: *sacoché* 'портфель', *cantioché* 'столовая'; -o, -os: *débilos* 'глупый, дурацкий', *coolos*

‘крутой’. Помимо стандартных префиксов, используемых в общенациональном французском языке, в современной французской молодежной речи все большее распространение имеют префиксы интенсивности: *super-*, *ultra-*, *archi-*, *extra-*, выражающие превосходную степень чего-либо, и префикс *méga-*, который обозначает огромное значение, важность чего-либо: *superfête* ‘суперпраздник’, *supercool* ‘суперкрутой’, *superjacteur* ‘супертрепач’, *mégateuf* ‘огромный праздник’, *méganote* ‘наивысшая оценка’, *mégachîée* ‘огромное количество’.

Анализ лексических единиц, употребляемых французской молодежью, показал, что довольно часто в образовании отдельных лексем одновременно участвуют два или несколько способов словообразования. Такое сочетание разных словообразовательных моделей характерно именно для относительно замкнутых групп, и прежде всего, молодежи: *cité* > *téci* > *téc* (верлан и усечение), *indicateur* > *dicdic*, *music* > *ziczic* (усечение и редупликация), *savonette* > *nénette* ‘250 г. гашиша’ (усечение, метафорика, редупликация), *herbe* > *beuher* > *beu* > *beubeu* (арготизм, верлан, редупликация и усечение). Активнее всего в сочетании словообразовательных приемов выступают кодирование, заимствования, усечения, редупликация, что объясняется, главным образом, не криптолалической функцией, а репрезентативной и людической, которые на современном этапе функционирования французского молодежного социолекта выступают на передний план.

Проанализированные в статье основные способы пополнения словарного состава молодежного языка позволили определить и распределить лексические единицы по лексико-семантическим группам: «учеба», «характеристика человека» (психологический и физический портрет, национальность, название лиц), «соматизмы», «досуг» (секс, вечеринка, наркотики, компьютерная коммуникация), «мода и внешность», «деньги». Внутри каждой семантической группы выделяются синонимические ряды. Синонимы возникают в первую очередь у слов, которые наиболее важны и значимы для молодежи и которые обладают наибольшей выразительностью. Малочисленность семантических групп восполняется их высокой насыщенностью за счет синонимических рядов.

Систематизация словообразовательных моделей, по которым образуются молодежные лексемы, имеющие в своей структуре эмоционально-оценочный компонент, позволяет сделать вывод о том, что данные способы являются достаточно эффективным и распространенным средством выражения субъективного отношения к окружающей действительности. В основе словообразования молодежной лексики лежит творческий подход к использованию общезыковых ресурсов, в основном она использует традиционный инвентарь языковых средств, характерных для общенационального французского языка.

Изучение лексического состава современного французского молодежного социолекта представляется целесообразным и весьма перспективным для прогнозирования процесса обогащения французского письменно-литературного языка, так как в этом процессе происходит постоянный взаимопереход элементов различных социальных вариантов языка.

Список литературы

1. Бойко Б. Л. Молодежный жаргон как отражение взаимодействующих субкультур / Б. Л. Бойко // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): Научный совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – 487 с. – С. 352 – 361.
2. Еренков А. С. Функционирование иноязычных вкраплений в устной речи молодежи / А. С. Еренков // Современные прагмалингвистические исследования романских, германских и русских языков: Сб. науч. тр. – Воронеж, 1996. – С. 72 – 76.

3. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях: Постановка вопроса / Л. П. Крысин // *Язык и Личность*. – М.: Наука, 1989. – С. 78 – 86.
4. Кузьмина С. Г. Средства выражения межличностных отношений в текстах молодежной сферы общения (грамматический аспект): Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Кузьмина Светлана Геннадьевна. – М., 2000. – 23 с.
5. Поливанов Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции «За марксистское языкознание» // *Сборник популярных лингвистических статей «Федерация»* – М., 1931. – 181 с.
6. Calvet L-J. *Les voix de la ville : Introd. à la sociolinguistique urbaine*. – Paris : Payot, 1994. – 308 p.
7. Girard E., Kernel B. *Le vrai langage des jeunes expliqué aux parents qui n'entravent plus rien*. – Paris : Albin Michel, 1996. – 269 p.
8. Maisier V. *Abréger en français: Abr., Abrév., Abréviat ? / Le Français moderne : Revue de linguistique française*. – Paris : Larousse, 2004. – № 2. – P. 190 – 199.
9. Méla V. *Verlan 2000 / Langue française*. – Paris : Larousse, 1997. – № 114. – P. 16 – 34.
10. Merle P. *Argot, verlan et tchatches*. – Toulouse : Milan, 2000. – 63 p.
11. Sourdot M. *L'argotologie: entre forme et fonction // Linguistique*. – P., 2002. – Vol. 38, fasc. 1. – P. 25 – 39.
12. Turpin B. *Le jargon, figure du multiple // Linguistique*. – P., 2002. – vol. 38, fasc. 1. – P. 53 – 68.

YOUTH SOCIOLECT AS ONE OF THE FORMS OF THE FRENCH LANGUAGE

N. N. Kopytina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
natali_kopytina@rambler.ru*

The article reveals the contents of the notion « youth sociolect», defines the status of sociolect speech of the youth and its role in modern French. The article deals with linguistic peculiarities of sociolect, it characterises the ways of enriching its vocabulary.

Key words: youth sociolect, youth communication, emotional-expressive function, metaphor, reduplication, encode, truncated units, slangs, affixes.

ШАРЛЬ ДЕ БОВЕЛЬ ОБ ИЗМЕНЧИВОЙ ПРИРОДЕ ЯЗЫКА

Е. Н. Михайлова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
emikhailova@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению воззрений на язык Шарля де Бовеля (1479-1565), яркого представителя французского гуманизма первой половины XVI века. В центре внимания находится проблема изменчивой природы языка, получившая оригинальное решение в лингвистической концепции этого учёного.

Ключевые слова: *differentia, varietas*, изменчивость языка, многообразие и различие языков, языковая вариативность.

В историографии лингвистики за эпохой Возрождения закрепились печальная слава переходного периода между Средневековьем и Новым временем. Авторы абсолютного большинства фундаментальных работ по истории языкознания либо обходят его молчанием, либо упоминают о немногих его представителях вскользь. Как не без сожаления замечает Л. Г. Степанова, тенденция игнорировать этот период под тем предлогом, что в нем не было ничего оригинального и достойного внимания, продолжает оставаться почти неизменной несмотря на обилие работ по различным аспектам языкознания того времени [4, с. 145 – 147]. Между тем, как показывают исследования, посвященные ренессансной системе знания о языке, именно в эпоху Возрождения были заложены основы современной лингвистики [22; 17; 18; 19; 4]. По мнению С. Ору, основателя и главы Международного общества истории и эпистемологии наук о языке, в связи с тем, что в то время были обозначены практически все значимые для науки XIX-XX вв. проблемы, этот период следует рассматривать как важнейший поворотный момент в истории лингвистической мысли [5, с. 12, 25].

Одной из проблем, занимавших внимание ученых Ренессанса, была проблема изменчивой природы языка. Ее появление тесным образом связано с рождением в недрах гуманистической культуры исторического видения, которое распространялось не только на события истории, но и на все области бытия. По свидетельству исследователей ренессансной культуры, археологические раскопки, создание музеев, поиск и изучение старинных рукописей постепенно сформировали у гуманистов историческое видение мира во всем его многообразии [12; 16; 2]. Будучи естественным и закономерным результатом гуманистического мировоззрения феномен *homo historicus* имел целью самоидентификацию человека во времени и пространстве, при этом в качестве надежного инструмента и основного метода научного познания выступала филология [12, с. 25; 2, с. 76]. Неизбежным следствием такого мировоззрения стало понимание исторической изменчивости языка, получившее свое отражение в ряде ренессансных филологических сочинений.

К числу мыслителей Возрождения, попытавшихся проникнуть в тайну изменчивой природы языка, принадлежит Шарль де Бовель (1479 – 1566), французский гуманист, научная деятельность которого приходится на первую половину XVI века.

В истории французской научной мысли Ш. де Бовель известен в первую очередь как философ, именно поэтому основное внимание традиционно уделялось изучению его философских воззрений [15; 7; 9; 17]. Многогранность научной деятельности де Бовеля как одного из наиболее плодотворных ученых своего времени получила отражение в исследовании П. Мишеля [21]. В 1979 г. в связи с 500-летием со дня рождения гуманиста на его родине, в Нуайоне, состоялся международный конгресс, участники которого попытались охватить все грани его богатейшего научного наследия [10]. Та-

ким образом, в истории науки де Бовель предстает как один из «титанов Возрождения», оставивших свой след во многих областях знания, в том числе и в языкознании.

Между тем в классических трудах по истории лингвистических учений имя де Бовеля даже не упоминается. Внимание ученых приковано преимущественно к работам таких представителей ренессансного знания о языке, как Небриха, Скалигер, Санчес, Рамус, Анри Этьен и др. В основном это грамматические сочинения, а трактат де Бовеля к числу грамматик никоим образом не относится. Более того, эта работа стоит особняком в лингвистическом наследии эпохи Возрождения не только в связи со спецификой своего жанра, но и в связи с особым подходом автора к решению поставленных в ней задач. Именно поэтому долгое время лингвистические идеи де Бовеля оставались вне поля зрения историков языкознания.

В западноевропейской историографии лингвистики первыми учеными, обратившимися к рассмотрению воззрений де Бовеля на язык, стали К. Демезьер [13; 14] и К. Шмитт [23; 24]. В своих работах им удалось высветить немало интересных идей, получивших отражение в его трактате о языке. Однако нельзя не заметить того, что при всем пиетете к личности этого ученого, они подчас излишне суровы к его рассуждениям о языке. В частности, в работах К. Демезьер не слишком высокую оценку получили изыскания де Бовеля в области этимологии [13, с. 42 – 43, 46, с. 212; 14, с. 168], а попытка изучения им французских топонимов рассматривается не более как занимательный опыт, не имеющий научной ценности [14, с. 155]. В работах К. Шмита, в целом более благосклонно оценивающего воззрения де Бовеля, также содержится немало критических замечаний в адрес французского ученого [24, с. 252 – 261]. Если подойти беспристрастно к рассмотрению лингвистической концепции де Бовеля, отстоящей от нас во времени почти на пятьсот лет, и отказаться от снисходительного тона в отношении к его суждениям, то со всеми сильными и слабыми сторонами его воззрения на язык окажутся бесценным источником для реконструкции такого важного в истории европейского языкознания периода, каким является Ренессанс.

Сравнительно небольшая по объему работа де Бовеля (144 страницы) была написана в духе времени на латинском языке. Трактат был закончен в 1531 г. (авторское предисловие датировано 5 сентября 1531 г.). Опубликован он был в 1533 г. в Париже в типографии в то время начинающего, а в дальнейшем самого известного во Франции издателя Робера Этьена (на последней странице издания указана точная дата выхода книги из-под типографского преса: 4 февраля 1533 г.).

Полное название этой работы де Бовеля достаточно тяжеловесно, что вполне соответствовало канонам научной традиции того времени: «*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum*» (= Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен). Своеобразная разноплановость содержания трактата де Бовеля привела известных французских ученых к мнению, что это три разные работы, собранные в одну книгу [8, с. 132; 14, с. 163]. Первая часть трактата (*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate*) написана в жанре «общих рассуждений о языке» и посвящена вопросам теории и истории языка, во второй части (*Tabulae breves Gallicanarum vocum, docentes quatenam earum factitiae et arbitrariae, vel barbarae sint et quae ab origine latina manarint*) предпринята попытка создания этимологического словаря, в третьей части работы (*De hallucinatione Gallicanorum nominum*) проблемы этимологии решаются сквозь призму топонимики. Понимание изменчивой природы языка является одной из центральных идей в данном трактате, однако в каждой из его частей она преломляется и обосновывается по-своему.

Воззрения де Бовеля на язык целиком принадлежат ренессансной научной традиции, представляя собой результат гуманистического мировидения и мировосприятия. Это видно и по кругу проблем, затрагиваемых в трактате, и по манере изложения, и по системе аргументации отстаиваемых в нем положений. Автор обращается к решению вопросов, которые вскоре составят основу гуманистической программы французского Возрождения в сфере знания о языке: это проблема происхождения французского языка, вопрос о его статусе и связи с латинским и другими европейскими языками. Ведущее место в трактате отведено поиску «причин порчи, смешения и изменения народных слов» [6, с. 4]. Опираясь обширным фактическим материалом, охватывающим многие языки (латинский, греческий и новые западноевропейские языки), основное свое внимание де Бовель сосредоточил на французском языке, ради изучения природы которого и было предпринято это исследование, о чем он обстоятельно написал в Посвящении к своей работе, обращаясь к известному теологу и знатоку словесности Марциалу Мезюрье [6, с. 3].

Уже из самого названия данного трактата видно, что ключевыми для его автора являются близкие по значению понятия *differentia* и *varietas*. Как убедительно показал Л. М. Баткин в своих работах по культуре Возрождения, понятие *varietas* было тесным образом связано с эстетикой, философией, онтологией, всем стилем ренессансного мышления [1; 2]. Достаточно вспомнить о том, какое место отводили принципу *varietas* художники и теоретики живописи, сколь ощутимо присутствие «разнообразия» жанров, сюжетов, художественных средств в литературе, насколько широко представлено это понятие в философии, истории, естествознании, буквально во всех сферах, затронутых гением титанов Возрождения. Разнообразие интересов и сфер деятельности, в которых проявили себя гуманисты, показывает, каким образом данный принцип отразился на судьбах и творчестве многих представителей данной культуры. Ярким примером этой жажды познания служит и Шарль де Бовель, оставивший заметный след в различных областях знания. Помимо теологии и философии его интересовали точные науки и медицина. В частности, он известен как автор трактата «*L'Art et Science de Géométrie*» (опубликован в 1511 г.), давшего толчок к развитию научной литературы и научной терминологии на французском языке. В свое время имел успех у специалистов в области медицины его трактат «*Liber de remediis vitiorum humanorum et eorum consistentia*» (опубликован в 1531 г.). Кроме того, как и многие гуманисты, он был одержим «жаждой словесности», поэтому был не только знатоком и ценителем античной и итальянской поэзии, но и сам писал стихи (сборник его поэм был опубликован в 1529 г.). Пристальное внимание к родному языку во всем его разнообразии вылилось в собирание им пословиц и поговорок: накопленный им паремологический материал был включен в сборник «*Proverbiorum vulgarium libri tres*», который был опубликован в 1531 г., незадолго до выхода в свет его трактата о языке.

Остановимся на некоторых положениях работы де Бовеля о многообразии языков, имеющих отношение к пониманию им феномена изменчивой природы языка и объясняющих его причины.

Идеи, которые де Бовель высказывает в своей работе, во многом созвучны идеям его современников. Это касается и его глубокого убеждения в том, что любое изменение языка есть не что иное, как его порча, и что поиски каких-либо правил в «вульгарных языках» бесполезны и бессмысленны. Именно потому, что в среде гуманистов долгое время бытовало мнение о невозможности создания грамматических описаний для живых языков, в первой половине XVI в. во Франции была создана лишь одна грамматика французского языка, автором которой был Жак Дюбуа (1531). Де Бовель работал над своим трактатом в тот же период времени, но воззрения на язык у него заметно отличаются от воззрений Дюбуа. Последний использовал в качестве модели для описания французского языка считавшиеся тогда классическими труды Доната и Присциана, из чего следует, что им двигало желание увидеть в этом живом языке систему и доказать, что в нем действуют те же законы аналогии, что и в языках «грамма-

тических», т. е. в латинском, греческом, древнееврейском. Подход де Бовеля к объяснению фактов языка совершенно иной: для него на первом месте в осмыслении природы языка стоит не аналогия, а аномалия. Отсюда естественный для него вывод о невозможности заключить живой язык в рамки канонической схемы грамматики.

Понять, насколько важным в методологическом плане было решение этого вопроса в начале XVI в., дает возможность глава L, в которой де Бовель приводит свои аргументы, доказывая невозможность создания для народного языка грамматики наподобие латинской. Описывая полемику с известным немецким ученым Иоганном Тритемием, с которым он познакомился в 1504 г. во время своего путешествия по странам Европы (1503 – 1508 гг.), де Бовель не без сарказма замечает: «Когда я был в Германии в гостях у Иоганна Тритемия, в то время возглавлявшего Шпангеймское аббатство, я небезосновательно посмеялся над ним, когда он поделился со мной своими планами на будущее, предполагая заняться бесполезным и бессмысленным занятием. Когда однажды в дружеской беседе разговор случайно коснулся народных языков, Тритемий, нимало не смутившись, пообещал сделать нечто, что было выше его сил: он возомнил себя в силах украсить немецкий язык (*Germanica lingua*) выработанными им правилами, чтобы таким образом уподобить его латинскому языку» [6, с. 44 – 45].

Знакомство с содержанием трактата де Бовеля показывает, что значимое место в нем отведено поиску причин многообразия языков мира и разнообразия мира родного языка. Попытка не просто собрать интересные факты, но и дать им убедительное объяснение лежит в основе методологии данной работы. Поэтому трактат де Бовеля с полным основанием можно рассматривать как один из ярких примеров экспликативной линии в развитии языкознания.

Стремление показать и объяснить «многообразие и различие языков» приводит де Бовеля к пониманию того, что сегодня принято называть «человеческим фактором в языке». Так, уже в авторском предисловии к трактату мы читаем: «Употребление звуков и имен, из которых создана ткань языков и наречий, не имеет иного происхождения, чем человеческий произвол в его стихийности и разнообразии» [6, с. 42 – 43]. В дальнейшем, развивая эту идею, он пишет о том, что изменения в языке обусловлены ошибками и отклонениями в произношении, исходящими в первую очередь от людей необразованных, и что искоренить эти недостатки с помощью правил невозможно.

Исключительную значимость для понимания лингвистических представлений первой трети XVI в. имеют те главы трактата де Бовеля, где он пытается «углубить и раскрыть причины разнообразия французского языка». Собственно этой цели посвящена практически вся первая часть трактата.

Обращаясь к выявлению первопричин многообразия языков, де Бовель замечает: «Народные языки, в которых нет никаких правил или предписаний ни в их развитии, ни в архетипе (*idea*), портят и разнообразят народные слова под воздействием места, времени и расположения планет» [6, с. 4]. За исключением последнего положения, касающегося влияния на язык явлений космического порядка (*horoscopus caeli*), это объяснение содержит указание на важнейшие с позиций современной научной парадигмы факторы языковой вариативности – пространство и время. Оно красноречиво говорит о том, что задолго до появления работ по общему языкознанию, диахронической лингвистике и лингвогеографии отдельным ученым не чуждо было понимание феномена территориальной и исторической изменчивости языка.

Одну из важнейших причин изменчивой природы языка де Бовель склонен видеть в значительной удаленности регионов друг от друга. Как он пишет, это привело к тому, что «внутри границ одного государства <...> люди с некогда единым языком и общими привычками ныне имеют как различные нравы, так и различные говоры» [6, с. 5]. Стремясь объяснить изменчивую природу французского языка, он отмечает: «Как показывает нам опыт, французский язык приобретает в себе самом очень большое разнообразие, до такой степени, что в настоящее время во Франции имеется

столько же наречий и языков, сколько народов, провинций и городов» [6, с. 5]. К этой мысли он возвращается неоднократно, подкрепляя ее всякий раз новыми примерами. Примечательно, что де Бовель не замыкается в рамках французского языка, а стремится показать, что явление изменчивости типично для всех языков: «Этот процесс происходит также у всех наций под небесным сводом» [6, с. 6]. Подтверждающие это положение примеры он находит не только у римских историков, на труды которых часто ссылается, но и в тексте Священного Писания, прекрасным знатоком которого он являлся, будучи известным богословом.

Другая причина «разнообразия французского языка», по мнению де Бовеля, связана с историей Древней Галлии. Как он пишет, многообразие наречий внутри французского языка обусловлено «многочисленными вторжениями варваров (сначала готов, аланов, гуннов, вандалов и др., а позднее бургундов, франков, бретонцев, фламандцев, нормандцев), в разное время прошедших через Галлию или обосновавшихся в ней» [6, с. 6]. Подробно и с достаточно убедительной системой доказательств, основанной преимущественно на анализе французских топонимов, этот аспект проблемы освещен в главах IV – X. Так, обращаясь к вопросу о завоевании Галлии франками, он пишет о том, как постепенно название племени привело к новому названию страны: «Перейдя со всем войском Рейн, они направились в Галлию; на земле паризиев они основали королевство, первоначально слабое, которое стало носить их имя. Затем мощь этого королевства возросла и, простирая вдаль длань победителя, оно ныне держит в повиновении почти всю Галлию. И это королевство скрыло название «Галлия» под новым и чужеземным названием «Франция»» [6, с. 8].

Наибольшее внимание де Бовеля приковано к местам, названия которых восходят к автохтонному населению Галлии, в чем прослеживается распространение среди французских гуманистов идеи национального самосознания, связанной со становлением французского национального государства. Поисками своих корней были заняты преимущественно историки и поэты середины и второй половины XVI в. (Жан Лемер, Пьер Ронсар, Жоашен Дю Белле, Пьер де ла Раме, Франсуа де Бельфоре, Этьен Пакье, Анри де Ла Попелиньер и др.). Этимологические разыскания де Бовеля по своему стимулировали этот процесс. Топонимы, которые он связывал с названием древнейшего населения страны, некогда называвшейся Галлией, представляют собой исключительный интерес с точки зрения топонимики и истории языка, так как они являют собой поистине бесценные реликты названий, которых на карте современной Франции либо уже нет, либо они претерпели кардинальные изменения, например: *Humbleux, Humblie, Dammartin en Gouelle, Gauville, Gaulieu, Saintais, Verman* (сегодняшний *Saint-Quentin*) и др. [6, с. 8 – 9].

Замечания де Бовеля о «разнообразии» или «вариативности» французского языка имеют большое значение не только для понимания того, каким виделся французский язык самому де Бовелю. В известной мере они проливают свет на то, почему он и многие его современники, которых можно с полным основанием назвать представителями «первой волны» лингвистического движения французского Возрождения, склонны были усматривать в языке аномалию, а не аналогию.

Одной из значимых проблем, поднимаемых в работе де Бовеля, является проблема родства языков. В первую очередь он пишет о языках, близких по своему словарному составу латинскому языку (*lingua Romae*). К числу романских языков он относит итальянский, французский и испанский, противопоставляя их немецкому языку [6, с. 5, 12]. Как видим, классификация романских языков у де Бовеля несколько отличается от классификации, предложенной за два века до него Данте Алигьери. Согласно этой классификации, латинский язык стал основой для трех языков Европы: итальянского, провансальского и французского (*langue de si, langue d'oc, langue d'oïl*). Причина нового видения этой проблемы, получившая свое отражение в трактате де Бовеля, связана с изменением лингвистической ситуации в Западной Европе. С одной стороны, к началу XVI в. в глазах французов, носителей *langue d'oïl*, провансальский

язык (*langue d'oc*) утратил былое величие и, соответственно, статус литературного языка с некогда богатой письменной традицией, что было обусловлено процессом формирования французского единого национального государства. С другой стороны, политические и экономические успехи Испании, ставшей в то время первой морской державой, расцвет ее культуры, достижения в области науки и литературы способствовали тому, что испанский язык оказался в числе престижных языков Европы.

При знакомстве с лингвистическими воззрениями де Бовеля обращает на себя внимание независимость его суждений по ряду ключевых для той эпохи вопросов, в частности, по вопросу о происхождении французского языка. Как известно, в эпоху Возрождения истоки французского языка гуманисты чаще всего возводили к латыни, решая таким образом проблему защиты и прославления родного языка. С одной стороны, это было связано с высоким социальным статусом латыни, а, с другой стороны, – с обилием латинизмов в словарном составе французского языка, что давало основание утверждать, что он буквально «сделан» из латинского. Помимо большинства гуманистов, последовательно и целенаправленно искавших истоки французского языка в латинском, были и те, кто возводил его истоки к одному из древних языков: древнегреческому, древнееврейскому, галльскому и даже фламандскому. Де Бовель занимает в этом вопросе иную позицию, утверждая: «Французский язык является преимущественно смешанным, поскольку имеет в своем составе большое число чужих слов» [6, с. 3]. Обоснование этого положения дано в виде отдельных примеров в первой части трактата, кроме того, аргументами изобилует вторая часть работы, представляющая собой прообраз этимологического словаря. Каждая словарная статья начинается с объяснения значения французского слова через его латинский эквивалент (наподобие тех, что представлены в известных средневековых глоссариях), например: *crier, id est clamare; pris, id est captus*. Далее следуют указания на происхождение слова: греческое, латинское, варварское или неопределенное. Наибольшую ценность в этих словарных статьях имеют комментарии, проливающие свет на уровень лингвистической компетенции автора, сумевшего обнаружить немало закономерностей, связанных с изменением фонетического облика латинских слов во французском языке. Например: «[Слово] *Chose* парижанами и бельгийцами произносится как *Cose*, [оно] восходит к латинскому *causa*, ведь дифтонг *au* часто переходит в *o*, как, например, *raurer – poure*» [6, с. 56]; «[Слово] *Debuoir* восходит к *debere*, так как буква *V* преобразуется в *V*» [6, с. 58]; «[Слово] *Queual*, или *Cheual*, или *Caua*, восходит к латинскому *caballo*. Латинские слова, начинающиеся с буквы *C*, у бельгийцев начинаются на *Q*, а у парижан на *Ch*» [6, с. 76]. В общей сложности де Бовелем было проанализировано 623 слова, из которых 48 были объявлены словами «неясного происхождения».

По-своему революционные идеи высказывает де Бовель, пытаясь объяснить характер взаимовлияния языков и поднимая новую для своего времени проблему языковых контактов. На страницах его трактата представлено немало убедительных примеров, отражающих характер контактов между народами, населявшими Галлию и Европу в разные исторические периоды. При рассмотрении этого процесса автор обращается к поиску сходств и различий в некогда единых формах слов (например, в утвердительных и отрицательных частицах), прослеживает этимологию ряда западноевропейских топонимов, связывая их с последствиями нашествий и переселения народов в Западной Европе (*Gallia, Veromandia, Vallois, Catalonia, Hungaria, Westgallia, etc.*). Особое место в системе аргументации автора занимает описание звучания гласных и согласных во французском языке и имеющихся вариантов произношения слов в зависимости от их принадлежности к той или иной «разновидности» французского языка (Главы XIX – XLVI). Заключает он свой анализ следующим образом: «Повсюду произношение слов людьми ненадежно и нестабильно, оно приводит к изменению слов таким образом, что в зависимости от сходства букв, соответствующих друг другу в звучании, заставляет изменяться слова либо из-за их несовершенства, проистекающего от влияния гороскопа и воздействия небесных сил (*ab horoscopo & climate caeli*

emanante), либо из-за простого произвола людей; в результате этого образуются самые разные языки (*sermones deuersissimos*)» [6, с. 41].

Формулировка *ab horoscopus caeli* неоднократно используется на страницах трактата де Бовеля для объяснения изменчивой природы языка. Сегодня такое объяснение представляет собой исключительный интерес как реликт ренессансной научной парадигмы с присущим ей пониманием хода истории. В связи с тем, что в эпоху Возрождения астрология занимала одну из верхних ступеней в иерархии научного знания, она рассматривалась как высшая наука, позволяющая постичь скрытые от непосредственного наблюдения связи явлений, дать единое истолкование Универсума. Причину широкого распространения астрологии в то время Н. В. Ревякина усматривает, с одной стороны, в пристальном внимании гуманистов к миру природы, а, с другой стороны, в том, что в эпоху глобальных перемен и кризиса традиционной стабильности, какой, без сомнения, была эпоха Возрождения, тема судьбы стала одной из центральных в понимании мира человека и окружающей его действительности [3, с. 181 – 183]. Не последнюю роль в том, что в объяснении языковых явлений де Бовель широко опирался на сведения из астрологии, оказали и использованные им античные источники, в которых было немало ссылок на влияние небесных сил на судьбы людей и государств. В частности, в главе XVIII, приступая к рассмотрению вопроса о происхождении некоторых французских топонимов, он рассуждает о влиянии планет на судьбы великих людей, например, Ганнибала и Александра Македонского, а также о сообщаемых древними историками предзнаменованиях, сопровождавших основание таких городов, как Карфаген и Рим [6, с. 17 – 18].

Примечательно, что французский гуманист по-особому трактует влияние небес, тесным образом связывая его с категорией пространства, что делает его объяснения по-своему убедительными: «Неудивительно, что произношение изменяется в зависимости от совершенно незначительного удаления, и что народный язык в связи с этим тотчас же становится иным; <...> природа людей, в свою очередь, становится в какой-то мере иной в связи с этим удалением, <...> поэтому различаются темперамент и нрав представителей разных наций. Действительно, так же, как любое место под небесным сводом имеет свою линию горизонта и свой собственный зенит, так же и каждой местности соответствует свой собственный гороскоп в связи с различным обликом неба и своим влиянием, которое изменяет у людей нравы, чувства и всё телосложение» [6, с. 17].

Помимо внушительного по своему охвату фактического материала трактат де Бовеля содержит немало серьезных теоретических положений и обобщений, показывающих, что вопросы общей теории не были чужды ренессансной парадигме знания о языке. Так, Глава XVI, в которой автор подробно рассматривает варианты произношения латинских слов *ita* и *non* на территории современной ему Европы, заканчивается следующими словами: «Чем шире территория, тем значительнее модификации в народном произношении, порожденные расстоянием» [6, с. 6]. Такого рода замечания, разбросанные по всей работе, в своей совокупности свидетельствуют о целостности и зрелости научной концепции автора, стоявшего у истоков французской национальной лингвистической традиции.

Как видим, работа де Бовеля, посвященная проблемам языка, синкретична по своему содержанию, в ней затрагиваются актуальные для своего времени вопросы, используется широкий пласт научных данных, задействуется внушительный языковой материал, до этого не подвергавшийся рассмотрению. В трактате представлено скрупулезное описание различных языковых явлений (фонетики, грамматики, этимологии), дополненное сведениями по истории и географии, истории культуры и этнографии. Воззрения де Бовеля на язык представляют собой интерес не только потому, что они являют собой пример оригинальной по замыслу и воплощению научной концепции, принадлежащей ренессансной лингвистической традиции, но и потому, что в них содержится немало идей и гениальных прозрений, которые получили научное под-

тверждение в работах по сравнительно-историческому и общему языкознанию, диалектологии и топонимике, а также по другим отраслям современной лингвистики.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990.
2. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.
3. Ревякина Н. В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.
4. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000.
5. Auroux S. (dir.) Histoire des idées linguistiques. Vol. 2. Le développement de la grammaire européenne. Liège, 1992.
6. Bovillus Carolus. Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum. P., 1533.
7. Brause K.-H. Die Geschichtsphilosophie des Carolus Bovillus. Borna, Leipzig, 1916.
8. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours [Текст] / Ph. Brunot. Т. 2. – P., 1913.
9. Cassirer E. The individual and the cosmos in Renaissance philosophy. Oxford, 1963.
10. Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479-1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982.
11. Cioranescu A. Renaissance et mort de l'antiquité // Mélanges à la mémoire de Franco Simone. France et Italie dans la culture européenne. Moyen Age et Renaissance. Genève, 1980. – P. 25 – 33.
12. Delumeau J. La civilisation de la renaissance. – P., 1973.
13. Demaizière C. Charles de Bovelles. Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française. – P., 1973.
14. Demaizière C. La grammaire française au XVI-e siècle: Les grammairiens picards. – P., 1983.
15. Dippel J. Versuch einer systematischen Darstellung der Philosophie des Carolus Bovillus. Wuerzburg, 1865.
16. Françon M. La Deffence et illustration de la langue française et l'influence italienne // France et Italie dans la culture européenne. Moyen Age et Renaissance. Genève: Slatkine, 1980.
17. Hall R. A. Jr. Linguistic Theory in Italian Renaissance // Language, 1936. – N 12 / 2. – P. 96 – 107.
18. Kukenheim L. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance. Amsterdam, 1932.
19. Lepschy G. History of Linguistics. London, New York, 1994.
20. Lubac H. de. Le Sage, d'après Charles de Bovelles. Vrin, 1967.
21. Michel P.H. Un humaniste picard: Charles de Bovelles // Revue des études italiennes, I. P., 1936.
22. Sabbadini R. Il metodo degli umanisti. Firenze, 1920.
23. Schmitt C. Charles de Bovelles, *Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française* (1533), une source importante pour l'histoire du vocabulaire français // Travaux de linguistique et de littérature (14). P., 1976. – P. 129 – 156.
24. Schmitt C. Bovelles linguiste // Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479 – 1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982. – P. 247 – 263.

CHARLES DE BOVELLES ON THE VARIABLE NATURE OF LANGUAGE

E. N. MIKHAILOVA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
mikhailova@bsu.edu.ru*

The article deals with the points of view on the language of Charles de Bovelles (1479-1565), an outstanding representative of the French humanism of the early 16th century. An issue of the historical variability of language as treated by the scientist in his peculiar way is in the focus.

Key words: differentia, varietas, language variability, language diversity and difference, language varieties.

УДК 1811.161.1+811.111'37

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Ю. Ромашина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
romashina@bsu.edu.ru*

В статье исследуются механизмы формирования синестетических конструкций в английском языковом сознании, а также особенности объективации определенных синестетических конструкций в английском языке. В работе утверждается тезис о том, что организация синестетических моделей в сознании имеет прямую проекцию на организацию синестетических конструкций в языке, обладающих разной степенью устойчивости (от авторских метафор до фразеологических единиц). Чем крепче связи между чувственными компонентами синестетической модели, тем устойчивее объективирующая данную модель языковая единица.

Ключевые слова: синестетические конструкции, синестезия, объективация.

В настоящее время вопросы изучения взаимодействия ощущений, чувств и эмоций, равно как и вопросы их определения и классификации, приобретают все большую актуальность не только в экстралингвистических теориях, но и в рамках лингвистических изысканий. Действительно, изучение номинации данных психофизиологических феноменов интересно уже само по себе, когда отдельно номинируется эмоция, чувство, ощущение. Даже в таких «простых» номинациях встречаются разногласия, обусловленные сложностью категоризации чувств и эмоций, невозможностью, порой, отличить одну категорию от другой, отнести ту или иную эмоцию, чувство или ощущение к лексике с положительной или отрицательной оценкой. Однако случаи переплетения ощущений между собой, а также переплетения ощущений с эмоциями, на наш взгляд, изучены недостаточно полно (если вообще возможно максимально полное описание феноменов, проявляющихся спонтанно и не имеющих четких постоянных средств выражения в языковых системах).

Подобные переплетения ощущений в психологической и философской теории принято называть синестезией. Другими словами под синестезией понимается «сопутствующее, вторичное представление; факт возникновения при раздражении какого-либо органа чувств не только соответствующего ему ощущения, но одновременно и ощущения, соответствующего другому органу чувств» [5].

На основании данных последних экстралингвистических работ, мы полагаем, что синестетические взаимодействия находят отражения в сознании человека в виде определенных синестетических конструкций. Данный термин предложен нами, и поэтому мы считаем необходимым дать ему небольшое разъяснение.

Термин «синестетический» происходит от слова «синестезия», под которым понимается явление, связанное с восприятием и ощущением и заключающееся в том, что стимулирование одной сенсорной модальности вызывает не только свойственные ей ощущения, но и практически одновременно стимулирует и другую, не связанную с ней сенсорную модальность (например «Звук+Вкус+Цвет») [2].

Исходя из абстрактной сущности конструкта, трактуя его как «нечто недоступное непосредственному наблюдению, но выведенное логически на основе наблюдаемых признаков» [Lingvo], мы определяем синестетический конструкт как такую структуру знания об эмоционально-чувственных состояниях, ощущениях человека, которые находят объективацию на языковом уровне.

Что же представляет собой процесс объективации, и каковы механизмы объективации определенных синестетических конструкций в английском языке?

Современная наука предоставляет лингвистам достаточно большое количество различных толкований объективации. Акцент на понимание сути данного процесса в лингвистике зависит от того, с какой смежной наукой граничит лингвистическое исследование.

Так, объективацию с позиций психологии можно представить как «дискурсивную концептуализацию психического опыта в качестве особого рода объекта» [1, с. 71]. При таком подходе лингвистическая интерпретация данного процесса заключается в способности языка номинировать мыслительные структуры, то есть придавать форму реального объекта абстрактным конструктам нашего психического опыта.

Философская трактовка объективации заключается в понимании данного процесса как процесса опредмечивания, превращения в объект мыслительных сущностей [5]. При данном подходе язык выступает неким преобразователем субъективных состояний в реальное восприятие объекта.

Собственно лингвистического понимания объективации нет, да и на наш взгляд, не может быть, поскольку речь идет не о языке «в себе», а о языке, как инструменте познания собственных мыслей, эмоций, чувств. В данной работе, мы на основе обобщения данных, предоставленных разными науками, а также на основе эмпирического анализа фактического материала исследования, понимаем под объективацией процесс фиксации в языке абстрактных мыслительных конструктов, недоступных непосредственному наблюдению продуктов человеческой ментальной и эмоциональной сферы.

Вслед за У. Крофтом и Д. Сандра, мы полагаем, что лингвисты не обладают компетенцией устанавливать, в какой форме в сознании носителя языка реально репрезентированы языковые факты, а, следовательно, их задачей является рассмотрение наиболее общих ментальных принципов, характеризующих природу языка [3, с. 151; 4, с. 361]. Синестетические конструкты, рассматриваемые нами далее, интерпретируются не как мыслительные конструкты, но как когнитивно-лингвистические единицы, имеющие объективацию в языке и изучающиеся именно в языке.

Отсюда, помимо попытки дать собственное толкование вышеуказанных терминов, целью настоящей работы является изучение механизмов формирования синестетических конструктов в английском языковом сознании, а также особенностей их языковой объективации. Основной задачей работы при этом выступает описание случаев объективации переплетений ощущений между собой и ощущений с эмоциями в современном английском языке.

Объектом настоящей работы являются синестетические конструкты, лежащие в основе семантики языковых единиц и возникающие на основе взаимного пересечения пяти основных органов чувств: «Зрение + Вкус», «Зрение + Осязание (Тактильность, Форма (острый и т. д.))», «Зрение + Обоняние (Запах)», «Зрение + Слух (звук)», «Вкус + Осязание», «Вкус + Обоняние», «Вкус + Слух», «Осязание + Обоняние», «Осязание + Слух», «Обоняние + Слух»; а также экстрасинестетический конструкт, отражающий пересечение пяти органов чувств с определенным эмоциональным состоянием: «Зрение + Эмоция», «Вкус + Эмоция», «Осязание + Эмоция», «Обоняние + Эмоция», «Слух + Эмоция».

В результате анализа примеров, взятых из словарей и энциклопедий, примеров, предоставленных Британским национальным Корпусом, а также примеров со страниц англоязычных сайтов сети (форумов, рекламных текстов, Интернет-статей) мы приходим к выводу о том, что объективация синестетических конструктов в английском языке происходит, по меньшей мере, тремя способами:

(1) соположением лексем, номинирующих то или иное физиологическое чувство (надсинестетический конструкт);

(2) соположением лексем, номинирующих переплетение ощущений (синестетический конструкт);

(3) соположением лексем, номинирующих переплетение ощущений и эмоций (экстрасинестетический конструкт).

(1) В первом случае объективация синестетических конструктов чаще всего происходит в процессе метонимического переноса значения адъективной лексемы на определяемый ею объект, например:

1) *color sound* («цветной звук»), *yummy color* («вкусный цвет») *delicious scent* («вкусный запах») и т.д.. Интересны и случаи пересечения двух лексем, одна из которых обозначает ощущение, а другая эмоцию или чувство *blind rage* («слепая ярость»), *delicious fear* («вкусный страх») и т. д. Данные единицы обладают разной степенью мотивированности: одни встречаются лишь единично, в авторском употреблении для создания определенного стилистического эффекта (чаще всего в рекламных текстах): «color of smell»; другие обладают высокой степенью мотивированности значения и являются давно устоявшимися фразеологическими сочетаниями: «to get cold feet» («испугаться»).

(2) Во втором случае в языке объективируются непосредственно «чистые» синестетические конструкты, отражающие взаимодействие ощущений.

Рассмотрим единицы, объективирующие синестетические конструкты в следующих примерах.

«Зрение (Цвет) + Вкус»

2) I wore a *sweet pink* dress with dark pink roses pattering it (BNC HDB 34). В данном примере синестетический конструкт репрезентирует эпитет «сладко-розовый», в котором сразу же подчеркивается и положительная оценка объекта из-за положительной коннотации одного из компонентов синестетического конструкта.

«Зрение (Цвет)+ Осязание»

3) *Burning Red* («жгуче-красный») – название известной английской рок-группы. В эпитетах, характеризующих объекты, чаще встречается «hot-red» («горячее-красный»).

4) *Shimmering rice fields clothe the land – sometimes brilliant jade green, when freshly planted with young rice shoots; sometimes, when flooded with water, they appear silver, pink, grey, blue, reflecting the ever-changing skies; sometimes they flow sharp yellow, when the rice is ready for harvesting* (BNC E9W 267). В данном примере синестетический конструкт, репрезентированный в сочетании «sharp yellow» («остро-желтый») обозначает признак интенсивности цвета риса во время сбора урожая.

«Зрение (Цвет) + Обоняние (Запах)»

5) Случаи языковой объективации данного синестетического конструкта в современном английском языке немногочисленны, в основном сводятся к сочетанию «light scent», «dark smell». В первом случае, на наш взгляд, объективируется, скорее даже, не цветовая характеристика «светлый», а характеристика «легкий», что не позволяет отнести данное сочетание к объективатору синестетического концепта.

На наш взгляд, отсутствие (недостаточное количество) подобных языковых единиц объясняется недостаточностью лексем, описывающих непосредственно запахи. В современном английском языке номинация запахов сводится к оценочной дескрипции «приятный – неприятный» или же к метонимии на объект, от которого он исходит (запах малины, клубничный запах).

«Зрение (Цвет) + Слух (Звук)»

6) «The Silence in Black and White» («Черно-белая тишина» название альбома группы Hawthorne Heights).

7) «Loud red» («громкий красный»)(о платье).

В большей степени в данных примерах прослеживается взаимосвязь: чем громче звук, тем ярче цвет, что фокусирует такую характеристику, входящую в конструкт, как интенсивность (сила).

«Вкус + Осязание»

Примеров языковых единиц, объективирующих данный конструкт встретилось немного. Данный факт снова, на наш взгляд, обусловлен отсутствием широкого класса номинаций тактильных ощущений в английском языке, которые сводятся только к определению формы предмета «твердый, острый, гладкий» и температурных ощущений «холодный- горячий».

8) With a *soft flavor* («мягкий вкус») – most often likened to almonds – Amaretto [название фирмы] is a delicious drink all year round (реклама).

«Вкус + Обоняние»

Все наименования вкуса (четыре базовых) могут использоваться в сочетаниях типа: *acid, bitter, sweet, salty smell*. Сочетания, репрезентирующие данные конструкты, могут номинировать реальный объект (запах) на основе прямого переноса вкусовых номинаций на номинации запаха (примеры 9,10), либо иметь метафорическую основу (11):

9) *Salty smell* of the ocean. – Соленый запах океана (прямая номинация).

10) The *bitter smell* of almonds. – Горький запах миндаля (прямая номинация).

11) *Sweet smell* of success. – Горький запах успеха (название художественного фильма А. Макендрика).

Замены же лексемы *smell* не произойдет по причине, описанной нами выше: отсутствием номинаций запаха. Отсюда, именно случаи метонимического переноса с одного ощущения на другое дают нам возможность считать такой синестетический конструкт возможным для употребления в английском языке.

«Вкус + Слух»

12) The *sweet sounds, the sweet voice* («сладкие звуки», «сладкий голос»).

В данном выражении эпитет «sweet» чаще имеет положительную коннотацию, однако наблюдаются примеры (13), в которых знак оценки меняется на отрицательный:

13) The *sickly sweet voice* («приторно-сладкий голос»).

14) В выражении *the salt sounds of the sea* очевидна синестетическая метафора, образовавшаяся вследствие вторичной объективации синестетического конструкта «Вкус + Слух».

«Осязание + Обоняние»

Как мы уже упоминали выше, недостаток лексем, описывающих запахи, приводит и к недостатку единиц, объективирующих все синестетические конструкты с элементом «Обоняние». Нами была обнаружена лишь небольшая группа подобного рода языковых единиц, из которых самой распространенной явилась конструкция:

15) The *sharp, pungent smell* («острый, режущий запах»).

«Осязание + Слух»

16) В английском языке обнаружено одно сочетание «*cutting sound*», однако объективирует оно не синестетический конструкт, а имеет значение «нарезка, резка звука, мелодии», не имеющее отношение к синестезии. Пока выражений, объективирующих данный синестетический конструкт нами в английском языке не обнаружено.

«Обоняние + Слух»

17) Данный синестетический конструкт иллюстрирует очень незначительное количество примеров. В выражении «*loud smell*» эпитет «loud» имеет значение «говорящий за себя» и встречается преимущественно в сленговых выражениях заниженного стиля.

(3) В языковой объективации экстрасинестетических конструктов с компонентом «Эмоция» очевиден тот факт, что языковые объективаторы обладают большей степенью устойчивости, чем объективаторы «чистых» синестетических конструктов, среди которых чаще встречаются не просто авторские метафоры, а устойчивые фразеологические единицы, идиомы, поговорки.

Так, при объективации конструкта «Осязание + Эмоция» нам встретились следующие устойчивые единицы:

18) *Burning grief* («жгучее горе»), *burn with shame* («сгорать со стыда»).

Иногда эмоция выражена имплицитно, например:

19) *To be hot under the collar* (горячо под воротничком – о злости); *to be hot* («злиться»).

«Зрение (цвет) + Эмоция»

20) Все выражения, объективирующие данный синестетический конструкт обладают высокой степенью устойчивости, являясь устойчивыми метафорами или фразеологическими единицами: «green envy» («зеленая зависть»), «blue melancholy» («голубая печаль»). Также эмоция может быть имплицитна:

21) «to be blue» («быть голубым», то есть «быть в печальном настроении»)

Конструкт **«Вкус + Эмоция»** репрезентируется следующими единицами:

22) *To cry bitterly* («горько плакать»); *bitter tears* («горькие слезы»).

23) Интересны и случаи импликация эмоции. Так, в английском языке существуют выражения «*to be bitter and twisted*» (быть «горьким» означает «злиться»).

При объективации конструкта **«Обоняние + Эмоция»** наблюдаются случаи повышенной устойчивости языковых единиц, репрезентирующих данные конструкты:

24) *To breathe vengeance* – устойчивая фразеологическая единица.

Конструкт **«Слух + Эмоция»** объективируется в значениях следующих единиц:

25) *Gentle melancholy* («тихая грусть»); *howl of despair* («воплъ отчаяния»); *cry of the heart* («воплъ души»).

В основном определяющий компонент конструкции указывает на интенсивность проявления эмоционального состояния, то есть сила звука прямо пропорциональна силе определяемой им эмоции.

Существуют еще более сложные синестетические конструкты, интегрирующие сразу несколько чувственных ощущений. Например, в английском языке существует выражение «*to become red-hot*» (стать красно-горячим), репрезентирующее модель **«Зрение + Осязание + Эмоция»**. В русском языке подобный синестетический конструкт отсутствует, и в переводе данного выражения мы объективируем либо конструкт **«Зрение + Эмоция»**: «покраснел от возбуждения»; либо **«Осязание + Эмоция»**: «бросило в жар от сильного возбуждения».

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1) синестетические конструкты представляют собой такие структуры знания об эмоционально-чувственных состояниях, ощущениях человека, которые находят объективацию на языковом уровне;

2) под объективацией понимается процесс фиксации в языке абстрактных мыслительных конструктов (в нашем конкретном случае – синестетических), недоступных непосредственному наблюдению продуктов человеческой ментальной и эмоциональной сферы.

3) В процессе объективации синестетических конструктов в современном английском языке наблюдаются две степени мотивированности лексического значения: одна – спорадическая, спонтанная (ситуативные комбинации слов, характерные только данному виду контекста), а другая – фиксированная, приводящая к появлению устойчивой метафоры, часто превращении ее впоследствии во фразеологическую единицу. В соответствии с данными видами возникает представление о первичной и вторичной объективации синестетических конструктов в английском языке.

4) Организация синестетических конструктов в сознании имеет прямую проекцию на организацию языковых средств их объективации, обладающих разной степенью устойчивости. Чем крепче связи между эмоционально-чувственными компонентами синестетической модели, тем устойчивее языковая единица.

Список литературы

1. Трунов Д. Г. Объективация психологического опыта / Д. Г. Трунов // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. – Вып. 3 (3). – 2010. – С. 71 – 82.
2. Шиффман Х. Цветовая синестезия и музыка / Х. Шиффман – <http://www.psychology-online.net/articles/doc-752.html>
3. Croft W. Linguistic Evidence and Mental Representation / W. Croft // Cognitive Linguistics. – 9 (2). – 1998. – P. 151 – 173.
4. Sandra D. What Linguists Can and Can't Tell You About the Human Mind: A Reply to Croft / D. Sandra // Cognitive Linguistics. – 9 (4). – 1998. – P. 361 – 378.
5. ФЭС 2004 – Философия: Энциклопедический Словарь / Под. ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

SYNESTHETIC STRUCTURES' OBJECTIVATION IN MODERN ENGLISH

O. Yu. Romashina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
romashina@bsu.edu.ru*

The article deals with the formation and objectivation of synesthetic structures in the English language mind and in the English language. The article states that the organizing the synesthetic models in mind is closely related with the organizing the lexical units representing them. The more solid the connection is, the more stable is the meaning of the lexeme, representing this or that synesthetic structure.

Key words: synesthetic structures, synesthesia, objectivation.

УДК 81'27

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА А. МЕРКЕЛЬ)

А. П. Седых
И. В. Сопова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
sedyx@bsu.edu.ru*

В статье представлен лингвосомиотический подход к исследованию фразеологической манифестации институциональной языковой личности. Изложены теоретические предпосылки моделирования данного типа языковой личности. Уровень актуального содержания высказывания трактуется как ключевой для выделения характерологических признаков фразеологической коммуникации. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании институционального текста и дополняют сущностные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке. Языковая личность политика рассматривается как активный механизм функционирования институционального дискурса. Намечаются перспективы анализа институциональной коммуникации с учётом экстралингвистических факторов, связанных с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

Ключевые слова: фразеология, лингвосомиотика, институциональный дискурс, коммуникативное поведение, языковая личность.

Введение

Каждый видный политический деятель является одним из ярких представителей языкового сообщества, к которому он принадлежит. Его словотворчество во фразеологической форме отражает характерные признаки национальной коммуникации. В этом плане, мы рассматриваем институциональный дискурс как коммуникативную структуру, являющуюся вектором индивидуальных и национальных особенностей коммуникативного поведения. Данная позиция связана с когнитивно-коммуникативным подходом к трактовке характерологических составляющих институционального текста.

Традиционные понятия «политик», «лидер», «имидж политика» недифференцированно несут на себе печать этнокультурной языковой личности. Языковая институциональная ипостась, по нашему мнению, может быть рассмотрена как «языкотворческая личность». Толкуя политический текст как «смыслопорождающее устройство» (термин Ю. М. Лотмана [8]), мы рассматриваем данный тип дискурса в качестве самостоятельного семиотического конструкта, носителя не только индивидуальных языковых характеристик, но и национальных особенностей функционирования языка.

Проблемы функционального взаимодействия единиц разных уровней языковой системы и их роль в процессе политической коммуникации в последнее время привлекают внимание отечественных и зарубежных представителей гуманитарных дисциплин и лингвистов (М. Н. Грачёв, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, М. В. Ильин, А. В. Олянич, М. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал; Р. Водак, Д. Вотс, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Л. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский). Особенный интерес к межуровневым структурам проявляется при рассмотрении композиционных построений больших, чем предложение, например, сверхфразовых единств, целого текста. Для политического текста речь идёт о дополнительном параметре, обозначенном термином «идеологическая связанность» (Ideologiegebundenheit) (термин В. Шмидта [16]). Под «идеологической связанностью» понимается семантическая детерминированность слова, заданная его принадлежностью к терминологической системе определенной идеологии или какому-либо ее варианту, а также местом, занимаемым им в этой системе.

Иной подход к проблеме взаимоотношения языка и идеологии предлагает А. Нойберт. В ходе анализа этой проблемы он вводит новое понятие «идеологема», которая определяется как «лингвистический инвариант с социальной релевантностью» [15].

Если высказывание есть элементарное речевое действие, то связный текст, составленный из некоторой последовательности высказываний и объединенный какой-то общей мыслью, является сложным речевым действием. Как справедливо отмечает Е. А. Реферовская, текст не просто последовательность высказываний, а сложная иерархически организованная система, где каждое отдельное высказывание подчинено более крупной речевой единице (например, сверхфразовому единству или абзацу), а через нее – тексту как целому [11, с. 5].

Естественно предположить, что именно в тексте осуществляется наиболее всесторонний анализ языковых единиц, при этом текст может представлять собой и отдельное высказывание, и абзац, и целое произведение. Для анализа функций исследуемых языковых единиц важным критерием выступают семиотические характеристики политического текста, носителями которых выступают ФЭ.

Теория текста как комплексная обобщающая дисциплина сложилась в результате интеграции взаимодополняющих дисциплин: текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики, однако, несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, теория текста обладает и собственным гносеологическим статусом.

Теория и методология исследования

При филологическом декодировании неявного смысла текста, частью которого выступает этнокультурный аспект семантики высказываний, осуществляется ориентация на двойственную природу языкового знака. Обладая и смыслом, и формальным воплощением, он может ассоциироваться в том же тексте или в других текстах с иными знаками (как по смыслу, так и по форме) и перекликаться с другими компонентами текста по фрагментам своей субстанциональной структуры. Способы данного взаимодействия могут быть рассмотрены как в универсальном аспекте, так и в идиоэтническом.

Декодированию традиционно подвергаются содержательные структуры текста и авторское отношение к сообщаемому, авторские намерения. В политическом тексте, как и во всяком человеческом самовыражении, обнаруживаются сознательные, управляемые, и бессознательные, не управляемые, но столь же объективные процессы восприятия, воздействующие на адресата высказывания. Институциональный дискурс (текст), созданный на национальном языке, адресуется, прежде всего, представителю определенной языковой общности и структурируется исходя из национальной парадигмы мышления, культурных установок, исторического развития каждого этноса.

Во всяком тексте выявляется несколько пластов организации: от общих правил связности любого текста до дешифруемой смысловой (идеологической) структуры – политического текста. В данном типе текста также возможны наложения других текстов, ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл (интертекст).

Б. М. Лейкина выделяет наиболее существенные для лингвистической теории уровни понимания текста:

1) языковой (первичный кодовый), в известном смысле буквальное и поверхностное значение текста, выводимое на основе чисто языковых фактов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных);

2) глубинный и неязыковой, ситуационное (вторичное кодовое) значение текста, т.е. то содержание, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил

через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения [7, с. 98].

Более поздние исследователи выделяют семь уровней понимания текста (высказывания): «1-й, 2-й и 3-й уровни понимания текста опираются на формально выделяемую структуру и содержат ее описание; здесь мы имеем право говорить об инструктивной прагматике. Инструктивная прагматика возможна лишь у текстов, описывающих заранее известные (по крайней мере, как предполагаемая возможность) состояния действительности. <...> 4-й уровень понимания связан с наличием у текста креативной прагматики, когда понимание текста предполагает творческое воссоздание смысла. <...> 5-й уровень понимания относится к текстам, порождающим семантику и обладающим креативной семантикой, когда имеет смысл говорить о правильном воссоздании комментирующих текстов, о верном раскрытии замысла автора, воплощенного в тексте. Во всяком случае адресат выбирает приемлемую для него интерпретацию понимаемого. <...> 6-й уровень понимания также относится к текстам, порождающим семантику и обладающим креативной прагматикой. Это случай, когда порождаемые комментирующие тексты в принципе несовместимы (дополнительны). В этом случае понимание определяется способностью адресата воссоздавать взаимно-дополнительные (несогласуемые) тексты <...> 7-й уровень понимания возникает, когда все порождаемые тексты не дают адекватного постижения понимаемого, но профанируют постигаемый смысл [9, с. 5 – 7]. В случае понимания реципиентом фразеологии политиков речь должна идти о первых трёх уровнях понимания (инструктивная прагматика), хотя современные политики часто увлекаются фразеологическими конструкциями, и седьмой уровень понимания имеет хорошие перспективы для изучения.

В нашем исследовании при рассмотрении динамики формирования этнокультурной структуры значения внимание уделяется дополнительным смыслам высказываний и интертекстовым компонентам, которые характерны для политической речи и формируются согласно общим законам смыслообразования. Вместе с тем основной акцент направлен на выявление частных закономерностей употребления фразеологических средств общенационального языка в русле функционирования идиолектных моделей коммуникативного поведения институционального лидера.

Политический текст может быть репрезентирован как непрерывно изменяющаяся семиотическая система, внутри которой, используя концепцию К. А. Долинина, можно выделить следующие уровни содержательной организации высказываний:

1. Эксплицитное содержание высказывания непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено.

2. ИмPLICITное содержание (подтекст) есть та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках, составляющих высказывание, но, так или иначе, извлекается из него.

3. Актуальный смысл высказывания – это та часть его содержания, которая представляется наиболее важной, центральной и зависящей от экстралингвистических факторов.

4. Глобальное или интегральное содержание высказывания, которое определяется как совокупность значения и потенциального подтекста [6, с. 6 – 8].

Исследование политического текста базируется на идее предварительной жанровой обусловленности свободы выбора лидера тех или иных средств реализации смысловой структуры высказывания. В данной работе речь идет об этнокультурной обусловленности выбора языковых средств. Вместе с тем, предусматривается исследование авторской организации текста и наполнения его языковым материалом, который можно определить как идиолектную специфику, что представляется чрезвычайно важным в процессе когнитивно-коммуникативного анализа, на основе которого выделяются ядерные признаки языковой личности политического лидера.

Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Падучевой о том, что описание специфики семантической интерпретации структуры текста входит в компетенцию лингвиста.

тики и истолкование текста опирается на выявление смыслов, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на национальном языке [10, с. 198]. Иными словами, объективный лингвистический анализ предшествует выделению в структуре авторского дискурса этноцентрических / индивидуальных элементов.

Наиболее важным для выделения характерологических признаков ФЕ в высказывании представляется уровень актуального содержания. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании анализируемого текста и дополняют сущностные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке.

Фразеологизм в большей степени связан не с понятием, а с коммуникативной ситуацией. По мнению Е. В. Гананпольской: «Синкретичность, комплексность фразеологической семантики определяется тем, что фразеологическая единица не существует вне контекста 1) своей внутренней формы, которая связана с конкретной ситуацией ее возникновения (или ремотивации – в случае народной этимологии), 2) набора строго определенных, хотя и изменяющихся во времени, контекстов (т. е. ситуаций коммуникации), 3) ассоциативных национально-специфичных смыслов компонентов, приобретенных ими в процессе функционирования в языке и т. п.» [3, с. 111]. При этом носители языка не всегда знакомы со всеми параметрами фразеологического узуса, от них могут ускользать и ассоциативные смыслы. К тому же ФЕ стимулируют скорее эмоциональное, чем логическое восприятие высказывания. С характерологической точки зрения количественные и качественные показатели фразеологической плотности речи политика составляют эмпирическую базу для лингвистической идентификации его личности.

В политической лингвокультуре как семиотической системе широко используется фразеологическая номинация. Фразеологическая номинация, как известно, носит ярко выраженный национальный характер. Институциональная фразеология также должна обладает большим этноконнотативным потенциалом, иначе прагматическая цель политического выступления не будет достигнута. В основе фразеологизма доволна часто лежит метафора. Метафорические структуры – суть социальные категории. Они отражают лингвокультурные явления, происходящие в общественном сознании под влиянием политических, идеологических и социально-экономических процессов: перезагрузка, ниже плинтуса, формат большой восьмёрки и др.

Известно, что номинативный аспект значения слова – это, прежде всего его динамическое развертывание в форме отношения наименования, а структура отношения наименования – это способ отнесенности имени к смыслу и смысла имени к обозначаемой действительности, называемой данным именем. При прямой номинации формируются значения, направленность которых на мир имеет такой же характер, как направленность на мир основных (по терминологии В. В. Виноградова) значений слов. Однако значения слов, являясь средством хранения внеязыковой информации, т.е. сведений, знаний, данных о мире, одновременно служат и средством языкового мышления [1, с. 12]. В самом отношении именованного и заложена возможность переосмысления и формирования вторичных знаковых функций слов, поскольку «вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [12, с. 129].

Все вторичные наименования в институциональном дискурсе формируются на базе значения слова, чье имя используется в новой для него функции называния, что находит выражение в несамостоятельной номинативной функции таких косвенно-производных значений слов и проявляется в синтагматической обусловленности их выбора и комбинации в ходе построения предложения [2, с. 373]. При этом не прямое отображение действительности преломляется под воздействием содержательной стороны опорного наименования.

В институциональном дискурсе постоянно протекают спонтанные процессы вторичной номинации, и они не столь случайны по выбору мотивирующих признаков

и результату. Эта мотивированность проявляется в наличии у вторичных наименований внутренней формы, выступающей в качестве посредника между новым смыслом и его отнесенностью к действительности. Переосмысляемое значение словесного знака не только приспособляется к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения.

Необходимо отметить, что мотив выбора языковой формы не должен далеко отходить от ядра опосредующего значения, что характерно для статусно ориентированного дискурса. Таким образом, определенный объем сигнификативного содержания переосмысляемой языковой формы выступает как внутренняя форма нового значения. Именно внутренняя форма языковой единицы является носителем асимметричных признаков, положенных в основу национальных способов актуализации фразеологических единиц в институциональном дискурсе.

В рамках изучения способов функционирования языковой личности в институциональном дискурсе предлагается использовать термин «фразеологическое событие», который соотносится с категорией «дискурсное событие», определяемое как «совокупность коммуникативно-значимых прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [13, с. 67]. Фразеологическое событие представляет собой речевой акт осмысленного употребления ФЕ для решения прагматической задачи идеологического воздействия на аудиторию. Данный тип события всегда потенциально возможен, так как у реципиента фразеологического материала имеются фразеологические «инварианты для каждого типа интеракции и знания о принципах их варьирования. По этой причине ментальной репрезентацией соответствующих интеракций можно признать их схемы как определенным образом организованную последовательность действий, призванную фиксировать прототипическое для соответствующей культуры» [5, с. 144].

Индивид, как участник фразеологического события, идентифицирует себя с лингвокультурой (группы, социума, этноса) и побуждает себя к использованию адекватной модели коммуникативного события, тем самым позиционируя себя как полноправного лингвокультурного субъекта коммуникации и дискурса. В этом смысле: «Признаком лингвокультурной идентичности коммуниканта можно считать особенности использования языка, обусловленные культурно-специфическим языковым сознанием и коммуникативным поведением, которые формируются у человека в процессе усвоения языка и совершенствуются всю жизнь по мере развития навыков коммуникации в различных сферах, а также в процессе усвоения новых языков» [4, с. 65]. Иными словами, лингвокультурная идентичность (по отношению к фразеологической картине мира) определяется как способность к декодированию и воспроизведению фраземных моделей коммуникативного события, поставляемых культурой и усвоенных субъектом в процессе социализации.

Институциональный дискурс входит в семиотическое поле национальной лингвокультуры. Лингвокультура выступает социальной средой носителей национального языка и культуры, индуцирующей определённый тип языкового поведения для всех её представителей. Политическая лингвокультура со своей стороны диктует формат поведения в процессе статусной коммуникации. Статусная коммуникация всегда институциональна. На передний план выступает функция позиционирования по отношению к другому участнику коммуникации. В данном случае фразеологический арсенал коммуниканта может служить «опознавательным сигналом» для выяснения его групповой (социальной, этнокультурной, политической, идеологической) принадлежности. Для достижения взаимопонимания фразеологический арсенал коммуникантов должен быть однотипным.

Политическая фразеология часто довлеет над языковым мышлением лидера, навязывая ему штампы, фразеологизмы-эвфемизмы: «бомбардировки становятся «защитной реакцией», особо точные бомбардировки – «хирургическими ударами»,

разбомбленный дом автоматически становится «военным объектом», а ничего из себя не представляющая джонка, затонувшая в порту, – «морским транспортом» [14, с. 36].

Рассмотрим фразеологическую составляющую дискурса федерального канцлера Германии Ангелы Меркель в плане отражения идиополитических черт языковой личности и идеологических позиций политической партии, представителем которой данный политик является. В условиях политической борьбы А.Меркель, как и любой политический деятель такого формата, стремится привлечь симпатии немцев на сторону своей партии, представляет деятельность партии с положительной стороны, напоминая о политике Гельмута Коля, своего наставника. Фразеологизмы, которые использует канцлер, благодаря своей ярко выраженной экспрессивной составляющей являются эффективным средством осуществления идеологии власти, например: «Die Bundesregierung handelt, um die bestehenden Probleme in den Griff zu bekommen» (Федеральное правительство работает, чтобы владеть существующими проблемами); «In Baden-Württemberg z. B. wurden vor Jahren die Republikaner kurzzeitig stark, weil die CDU damals ihre Idee der Verschärfung des Asylrechts zwar laut verkündete, aber nicht in Taten umsetzte» (В Баден-Вюртемберге, например, несколько лет назад республиканцы были сильны некоторое время, так как ХДС тогда провозглашал идею ужесточения прав убежища (для мигрантов), но не осуществил её); «Das müssen wir verhindern und das Problem der Überschuldung durch glaubwürdige Konsolidierung bei der Wurzel packen» (Мы должны это предотвратить и пресечь на корню проблему, связанную с крупными долгами, путём заслуживающей доверия консолидации).

Рассмотрим каждую из ФЕ: *in den Griff bekommen* [kriegen разг.] (букв. 'получить в захват'). Ядерным элементом содержания выступает сема «навык». В узуальном употреблении данное устойчивое сочетание означает – овладеть чем-либо; приобрести навык (сноровку), набить руку в чём-либо. В контексте политического дискурса А.Меркель, рассказывающей о заслугах в деятельности правительства Германии, выражение приобретает коннотативные смыслы: «быть в курсе дел; учитывать все «за» и «против» для более организованного и успешного разрешения возникающих проблем». Употребление подобной ФЕ характеризует и личность фрау Меркель, подчёркивает её работоспособность и умение владеть ситуацией. (*Etw.*) *in die Tat umsetzen* (букв. 'преобразовать в дело'). В приведённом высказывании актуализируется сема «осуществление». В данном случае фразеологизм употреблён в отрицательной форме, что создаёт коннотативный фон «сожаления» по поводу задуманных, но не воплотившихся в жизнь решений. По словам историографа канцлера Герда Ланггута, А. Меркель очень долго и тщательно обдумывает любой шаг, но если уж что-то решила, то никогда не отступает, пока не добьётся своей цели, в правильности которой она глубоко убеждена. Она считается целеустремлённым и основательным политиком, готовым идти до конца в отстаивании своих решений и воплощении их в жизнь.

Устойчивое выражение *bei der Wurzel packen* (букв. 'схватить у корня') актуализирует ядерную сему «предотвращение». Высказывание развивает идею, касающуюся устранения проблемы на ранней стадии, на этапе возникновения, а также – пресечение любой возможности для её развития и укрепления. Принципы «чёткости» и «предусмотрительности» являются, как известно, ключевыми категориями не только для ХДС, но для немецкой (исторически тевтонской) общенациональной философии каждодневного существования.

А. Меркель часто встречается с представителями общественности, выступая с 2006 г. каждую неделю черед видео-подкаст. Она поддерживает открытый стиль общения, ориентированный на продуктивный диалог, хотя не забывает и о холодном расчёте. Так, в нижеследующих высказываниях манифестируются характерные для канцлера идеологические установки: «Wir müssen den Tatsachen ins Auge sehen. Русск. Мы должны смотреть фактам в лицо». ФЕ *j-m, etw. ins Auge sehen* (букв. 'смотреть в глаз' – смело смотреть в лицо) с ядерной семой «смелость», актуализация которой подчёркивает готовность А. Меркель действовать напрямик. Коннотации фразеоло-

гизма в немецком лингвокультурном сообществе связаны с идеологией «прямого действия», декларируемой канцлером.

«Ich habe mein ganzes Leben lang noch nie einen Hehl daraus gemacht, dass ich für eine längere Laufzeit von Kernkraftwerken bin» (Я за всю свою жизнь ни разу не делала тайны из того, что была за большую продолжительность работы атомных электростанций). В данном высказывании А.Меркель употребляет ФЕ *kein Hehl aus etw. machen* (букв. ‘не делать из чего-либо тайну’ – не скрывать, не утаивать чего-л., не делать тайны из чего-л.). Реализуемая сема «открытость», подчёркивает откровенность и прямооту высказываний лидера федерального правительства. В качестве коннотативных характеристик выступает демократический принцип доступности информации для каждого члена общества. В контексте с лексемами *nie* (никогда) и *mein ganzes Leben lang* (на протяжении всей моей жизни) семантика высказывания манифестирует, что данный принцип является устоявшимся элементом её политической позиции.

В дискурсе А. Меркель часто встречается выражение: «Ich habe dazu auch Stellung genommen» (По этому вопросу у меня есть определённое мнение). В данной фразе употреблено выражение *zu etw. Stellung nehmen* (букв. ‘взять к чему-либо положение’ – занять определённую позицию в каком-либо вопросе; высказать своё мнение (свою точку зрения) по какому-либо вопросу). Устойчивое сочетание слов в своём семантическом плане содержит сему «независимость», которая манифестирует стремление отстаивать собственную позицию, нерушимость взглядов, консервативные тенденции в ведении дел, нежелание поддаваться влиянию, что отражает консервативную концепцию власти ХДС.

Партия ХДС представляет собой надконфессиональное объединение, изначально основанное на общехристианских ценностях. Рассмотрим блок следующих примеров, наполненных соответствующей семантикой: «Das Zusammenleben ist ein Geben und Nehmen» (Совместная жизнь означает – брать и отдавать); «Sie unterstützen nicht nur Bürgerstiftungen mit Rat und Tat, wie auch der Förderpreis zeigt, sondern Sie unterstützen alle, die den richtigen Einstieg zum eigenen Mitwirken in Bürgerstiftungen suchen» (Вы поддерживаете словом и делом не только общественные фонды, как показывают цены, но и всех, которые ищут правильные шаги для собственной работы в общественных фондах); «Wenn wir einmal fragen, was auch geholfen hat, Menschen Mut zu machen, was auch geholfen hat, der Freiheit zum Durchbruch zu verhelfen, dann waren es natürlich die Medien, dann waren es die Informationen, die plötzlich nicht mehr aufzuhalten waren» (Если мы спросим, что помогло приободрить людей, что помогло проложить путь свободе, то это были конечно же средства, это была информация, которую больше не скрывали).

Семантика вышеприведённых высказываний с фразеологизмами определяет культурно-нравственные ориентиры, заявленные в идеологических ценностных установках программы партии. Центральная сема «мораль» актуализируется на денотативном уровне и манифестирует стремление к закреплению христианских ценностей, утверждению межнационального и межконфессионального согласия в стране. Реализуются следующие коннотативные компоненты: честность, общие интересы, братство, терпимость.

Рассмотренный материал демонстрирует фразеологическую манифестацию идеологических концепций партии ХДС в политическом дискурсе А. Меркель. Исторически немцы всегда враждебно относились к политике, поэтому политическому лидеру Германии приходится использовать весь арсенал языковых средств, чтобы убедить своих сограждан принимать активное участие в политической жизни страны. Одну из центральных ролей здесь выполняют фразеологические комплексы, при помощи которых в сознании потенциального избирателя осуществляется образная фиксация идеологических установок федерального канцлера и партии власти.

Заключение

Таким образом, выявление идиолектных и этноцентрических элементов связано с понятием текстового (авторского) пространства, в котором преломляются представления носителей языка о пространстве, фиксируемые в языковой картине мира, предопределяемой архетипами национальных культур. При этом текст рассматривается как часть социально-психологического пространства общества, на которое проецируется ассоциативно-вербальная модель языковой личности политика. Пространственно-временные параметры восприятия реальности национально специфичны и закрепляются в предпочтительном употреблении определенных языковых форм и структур.

Смысл сообщения существенным образом зависит от контекста, который выступает важнейшим компонентом реализации фразеологической семантики. Очевидно, что текстологический анализ не может обойти стороной изучение контекстного функционирования языковых единиц. Другими словами, онтологически контекст выступает как объект изучения и может быть использован в качестве инструмента лингвистического анализа в плане дальнейшего выявления этнокультурных характеристик политической фразеологии как отражения сущностных параметров языковой личности общественного деятеля.

Языковая личность политика выступает в качестве активного элемента функционирования институционального дискурса. При этом институциональный дискурс трактуется как феномен коммуникации. Институциональная коммуникация осуществляется через политический (идеологизированный) текст, который трактуется как многоуровневая коммуникативная структура и носитель не только идиолектных характеристик, но и национальных особенностей коммуникации. Идиолектное и этнокультурное находятся в диалектическом взаимодействии, являясь частью дискретного процесса актуализации смысла высказывания, поэтому есть все основания использовать политический текст как основу анализа характерологической составляющей высказывания. Вместе с тем при анализе политического текста необходимо учитывать и экстралингвистические факторы, связанные с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания – № 5 (сентябрь-октябрь), АН СССР, 1953. – С. 12.
2. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 367 – 395.
3. Гананольская Е. В. Свободное слово или эзопов язык? (Фразеология как средство современной политической коммуникации) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 108 – 112.
4. Герман Н. Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып.11. – С. 63 – 66.
5. Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов: монография. – Воронеж: ВГУ, 2007.
6. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи. – Л.: Просвещение, 1974. – 147 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
9. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Постижение versus понимание // Семиотика: Тр. по знаковым системам. Вып. 23. – Тарту, 1989. – С. 3 – 17.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

11. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л.: Наука, 1983. – 215 с.
12. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. – М.: Наука, 1977. – С. 129 – 222.
13. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002.
14. Bolinger D. Language – the Loaded Weapon: the Use and Abuse of Language Today. – London and New York: Longman, 1980. – 214 p.
15. Neubert A. Zu Gegenstand und Grundbegriffen einer marxistisch-Ieninistischen Soziolinguistik // Beitrage zur Soziolinguistik. – Halle (Saale), 1974. – S. 36.
16. Schmidt W. Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik. – Zeitschr. fur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1969, Bd. 22.

PHRASEOLOGICAL COMMUNICATION AS AN UPDATING WAY OF POLITIC'S LINGUISTIC PERSONALITY

A. P. Sedykh
I. V. Sopova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper describes the phraseological institutional manifestation of linguistic identity and lingvosemiotical approach to its study. A theoretical background for modeling this type of linguistic identity is defined. The level of actual content is considered the most important for the selection of characterological traits of phraseological communication in an utterance. The other levels are taken into account in the contrastive description of the institution of the text and complement the essential parameters contained within the structure of the ethno-cultural code that underlies the construction of sentences in their native language. A politician's linguistic identity is regarded as an active component of the institutional discourse. The prospects for the analysis of political statements in the light of extralinguistic factors are marked and associated with communicative competence of the recipient of institutional communication.

Key words: phraseology, linguistic semiology, institutional discourse, communicative behavior, linguistic identity.

УДК 801.81

РЕАЛИИ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛО-ШОТЛАНДСКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАДАХ

О. С. Филимонова

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого*

*e-mail:
virginia-olga@mail.ru*

В статье анализируется оригинальный текст англо-шотландских народных баллад, принадлежащих к различным направлениям, а также рассматривается вопрос о роли реалий в выражении категории времени.

Ключевые слова: реалия, историзм, архаизм, категория времени.

Знакомясь с балладным жанром, читатель открывает для себя новый мир, полный необычных или неизвестных предметов и явлений. Для создания подобного мира автор использует реалии, свойственные именно этому жанру. Однако нужно заметить, что понятие «реалии» не до конца изучено. Ни в лингвистике, ни в методике, ни в лингвострановедении «нет достаточно четких критериев определения реалий и совершенно не изучена специфика языковых единиц, которые обозначают эти реалии» [1].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахманова определяет реалии как «предметы материальной культуры, а также разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке» [2]. Из этого определения вытекает тот факт, что в реалиях отражается близость между языком и культурой. При возникновении новых реалий в материальной и духовной жизни общества появляются реалии и в языке. Тем не менее, в языке существует большое количество других слов, которые выражают смысловые и эмоциональные «фоновые» оттенки, называя при этом самые обычные понятия. По сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, то есть тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с «лингво-культурным сообществом», с одной стороны, и историческим отрезком времени – с другой [3]. Отсюда следует, что реалии присущ не только местный (национальный) или исторический колорит, но и временной. Этот факт подчеркивают в своем определении С. И. Влахов и С. П. Флорин, которые выделяют реалии в особую категорию средств выражения: «Реалии – это слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит» [4].

На основе временного критерия все реалии мы условно можем разделить на современные и устаревшие. При этом устаревшие реалии можно определить как слова обозначающие мертвые реалии или как слова, переставшие употребляться в обычной речи, а современные (неологизмы) как слова, возникшие в данный период времени [1]. В данной работе нас интересуют только устаревшие реалии, т. к. именно с их помощью автор создает образ прошлого в балладах. Эти реалии мы подразделяем на исторические реалии (историзмы) и архаические реалии (архаизмы).

Однако устаревшие слова характерны для всех старинных текстов, и те из них, которые в момент создания произведения были употребительными, лишены стилистической окраски. В нашем исследовании рассматривать как элемент стиля мы будем только те устаревшие реалии, которые в момент возникновения или первичной записи уже были вытеснены из активного употребления, и использование которых пред-

ставляло собой результат сознательного отбора языковых средств безымянными авторами баллад с целью эмоционального воздействия на слушателя.

К первой группе устаревших реалий мы относим исторические реалии, или историзмы, которые представляют собой «слова вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий» [5].

Историзмам принадлежит доминирующая роль в выражении времени. Они реализуются в балладных текстах в своей номинативной функции, образуя каркас историчности, и передают временные отношения эксплицитно и регулярно в своем первичном кодовом значении, при этом семантическое значение историзмов имеет определенную временную характеристику. Так, например, в героико-исторических балладах, описывающих сражения, вооруженные конфликты (например, между Англией и Шотландией), распространен историзм «bill» («алебарда») (bill – weapon of war (sword or halberd); pruning-hook [6]). Такой пример мы находим в балладе «Chevy Chase»:

He was 'ware o' the doughty Douglas coming
With him a mighty meany;
Both with spear, *bill*, and brand; [7].

Еще одним типичным для англо-шотландских народных баллад историзмом является «mace» («булава») (mace – a large heavy club formerly used as a weapon, usually having a head with metal points [6]). Использование этого историзма мы находим в балладе «Valentine and Ursine»:

Mad and outrageous with the pain,
He whirl'd his *mace* of steel:
The very wind of such a blow
Had made the champion reel [8].

Следующую лексему «axe» («секира»), относящуюся к описанию снаряжения воина той эпохи, мы обнаруживаем в балладе «Adam Bell, Clym of the Cloughe» (axe – a heavy tool with a long handle formerly used as a weapon [6]):

Wyllyam sterte to an officer of the towne,
Hys *axe* out of hys hande he wronge,
On eche syde he smote them downe,
Hym thought he taryed all to long [8].

Другой историзм, «gorget» («латный воротник») (gorget – throat armour [6]), является точным обозначением элемента средневековой боевой одежды в балладе «Sir Aldingar»:

I dreamed a grype and a grimlie beast
Had carried my crowne away,
My *gorget* and my kirtle of golde,
And all my heade-gaere [gay]. [9]

Во многих балладах о Робине Гуде мы встречаем историзм «yeoman» («йомен, или крестьянин в Англии 14-18 вв.») – attendant below the rank of sergeant (XIV); freeholder below the rank of a gentleman, (hence) man of good standing (XV) [6]. Такое использование мы находим в балладе «Robin Hood and Guy of Gisborne»:

Until they came to the merry green wood
Where they had gladdest bee;
There were they ware of a wight *yeoman*,
His body leaned to a tree [8].

В балладных текстах мы часто встречаем указание на определенное время с помощью лексем «Lammas» и «Martinmas». Историзм «Lammas» (1st August, the feast of St. Peter in Chains, observed in Anglo-Saxon England by the consecration of bread made from the first ripe corn [6]) не только переносит читателя в прошлое, но и указывает конкретную дату описываемого события (праздник урожая, 1 августа). Такую картину мы обнаруживаем в балладе «Young Ronald»:

It fell upon the *Lamm* time,
When flowers were fresh and green,
And craig and cleugh was covered ower
With cloathing that was clean [7].

Аналогичный историзм «Martinmas» (feast of the translation of St. Martin of Tours [6]), или Мартынов день (11 ноября), мы находим в балладе «Captain Car»:

It befell at *Martinmas*,
When weather waxed cold,
Captain Car said to his men,
“We must go take a hold” [7].

Таким образом, историзмы, выполняя стилистическую функцию, способствуют созданию реалистического колорита при изображении старины.

Кроме историзмов в англо-шотландских балладах частотны архаизмы, т.е. «слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами» [5]. Они также участвует в передаче ретроспективы. При этом архаизмы в отличие от историзмов оказываются в зависимом положении при выражении категории времени, т.к. не передают временные отношения в своем первичном значении, а скорее служат средством стилистической окраски, дополняя историчность текста.

В нашем исследовании, анализируя балладные тексты, мы пришли к выводу, что их можно условно разделить на четыре тематические группы:

1-я группа – **обозначения внешности, эмоций, поступков человека (личностная сфера)**. Например, употребление архаизма «ugsome» («ужасный, отвратительный») в балладе «Sir Aldingar»:

«Since she has lain into your arms,
She never shall lie in mine.
Since she has kissed your *ugsome* mouth,
She never kiss mine» [8].

Лексема «ugsome» представляет собой своеобразное единство двух стилистических средств: архаизмов и эпитетов (ugsome – ugly; offensive; loathsome [10]). Архаичный эпитет «ugsome» обладает оценочным компонентом, выражая резко отрицательное, презрительное отношение короля к уродцу-нищему, оскорбившему королевскую честь.

В этой же балладе сосуществуют синонимы «boot» («значение, польза») и «help» (boot – profit, gain, advantage, use [10]). «Boot» на момент записи уже являлось архаизмом, «help» – нейтральным словом. Архаизм обладал большей экспрессией из-за неупотребительности в активном языке и, кроме того, отличался от своего синонима оттенком значения, передача которого была необходима по сюжету: не просто помощь, а помощь в момент большой, часто смертельной опасности, когда уже нет надежды. Использование архаизма контекстуально обусловлено – королева была спасена уже в момент казни:

When *bale* is at hiest, *boot* is at nyest –
Help enough there may be [8].

В этом же предложении звучит также устаревшее слово «bale» («несчастье, бедствие, горе») – misery, calamity, misfortune, sorrow [10]. Употребление двух старинных слов при описании кульминационного момента баллады усиливает стилистический эффект.

В поздней балладе, записанной в конце XVIII в., «The Laird O Drum» можно обнаружить архаизм «grie» (to feel sorrow and regret; sorrow, regret [10]). В основе баллады лежат события, относящиеся ко второй половине XVII в., что позволяет утверждать, что на момент возникновения, и на момент записи лексическая единица «grie» в значении «жалеть, страдать» была уже вытеснена из языка и использовалась в значении «сожалеть о чем-то, раскаиваться», в котором оно закрепилось в активном словаре.

Архаичный вариант лексемы «rue» имеет эмоционально-стилистическую направленность, его употребление обусловлено поэтической задачей придать монологу героя взволнованно-поэтический тон, донести до слушателя глубину его переживаний.

O, my bonny, bonny may,
Will ye not *rue* upon me?
A sound, sound sleep I'll never get
Until I lie ayon thee [9].

2-я группа – **обозначения социального положения человека (общественная сфера)**. В поздней балладе «Flodden Field», записанной в XVIII в., употреблено слово «chivalry» («рыцарское достоинство») – the ideal qualities expected of a knight, such as courage, honour and concern for weak and helpless people [6]:

Then bespake our comlye fing
And called upon his *chivalry* [9].

Архаизм как бы возвращал слушателей в средневековье, способствовал воссозданию реальных черт рыцарской эпохи. В XVIII в. рыцарство уже ассоциировалось с набором идеальных качеств: благородства, мужества, отвага, смелость – в таком значении слово стало употребляться по истечении эпохи средневековья. На слушателя оказывало воздействие совмещение в одном слове двух значений – известного ему и архаичного. Неповторимый «привкус» старины придают стилю баллады другие архаизмы, характерные для многих баллад, в которых они выступают как средство исторической стилизации, например, «varlet» и «dame» (varlet – servant, attendant of a knight; dame – lady of the house; the wife of a knight or baronet [6]) в балладе «Robin Hood Rescuing Will Stutly»:

«Now, as a live», the sheriff he said,
«The *varlet* will I know;
Some sturdy rebel is that same;
There fou let him go».
Monke, thou art to blame;
For god holde a ryghtuys man
And so is his *dame* [7].

Слово *dame* выступало в двух архаичных значениях: «домашняя хозяйка», как в приведенном примере, и «жена рыцаря, баронета». В XVIII в. *dame* стало употребляться преимущественно для обозначения знатной или изысканной, благородной женщины, то есть сохранилась связь со старым значением.

3-я группа – **обозначения одежды**. Среди архаизмов, обозначающих одежду, встречается целый ряд наименований для обозначения понятия «платье». Лексема «robe» («одеяние, женское платье») (robe – long, loose outer garment [6]) типична для очень многих баллад, как лирико-драматических, так и исторических. Это слово используется в поэтических целях примерно с XVI в. В балладе «Mary Hamilton», события которой относятся к концу XVI в., а сама баллада появилась около 1764 г., «robe» было архаизмом и при создании, и при записи баллады:

Marry, put on your *robes* o black
Or put your *robes* o brown:
For ye maun gang wi me
The night ti see fair Edinburg town [9].

В данной балладе устаревшая лексика используется для создания атмосферы того времени и тем самым способствует реалистичности описания.

Еще один типичный архаизм «array» («наряд, одеяние, облачение») (array – dress; garments disposed in order upon the person; rich or beautiful apparel [10]) мы находим в балладе «King John and the Abbot of Canterbury»:

"Now horses and serving men thou shalt have,
With sumptuous *array* most gallant and brave;
With crosier, and miter, and rochet, and cope,
Fit to appear 'fore our fader the pope" [8].

Это устаревшее слово также характерно для лирико-драматических баллад и выполняет роль поэтической инкрустации.

Архаизм «pall» («мантия, облачение») (pall – cloth, esp. (a) rich cloth; robe, mantle [6]) представляет собой результат отбора стилистических средств с целью конкретизации понятия: «pall» отражает в тексте стилистические различия синонимичных слов, поскольку оно обозначало не обыкновенное платье, а платье из богатого материала, которое носили знатные дамы. Пример можно привести из шотландской баллады «The Cruel Brother», популярной среди крестьянского населения до XIX в.:

- What will yor leave your mather dear?

- My velvet *pall* and my silken gear [8].

Выбор именно архаичной единицы «pall» из числа всех обозначений стилистически оправдан, так как подчеркивает знатное происхождение молодой особы, погибшей от рук брата, не простившего ей намерения выйти замуж без его позволения.

4-я группа – **обозначение животных**. В балладах функционируют несколько синонимичных слов, обозначающих животных, в частности, лошадь. Эти наименования не были дублетами, а, как и все синонимы, различались оттенками значений. Это определяло их выбор в каждом конкретном случае. Например, слово «steed» (steed – a horse, especially a spirited horse for state of war [10]) до устаревания имело ограниченную сферу употребления: обозначало преимущественно боевых коней. С XVI в. это существительное стало использоваться только в поэтических целях. Оно фигурирует в героико-исторических или балладах повышенного поэтического, лирического настроения: как правило, на таком коне появляется доблестный рыцарь и увозит девушку. Такую картину мы обнаруживаем в поздней балладе «Bonnie May», возникшей в Шотландии и на севере Англии:

Now he's come aff his milk-white *steed*,

And he has taen her hame:

“Now let your farther bring hame the ky,

You neer mair shall ca them agen...” [9].

Архаизм «steed» почти не воспринимается в разбойничьих балладах, поскольку в момент их возникновения данная лексическая единица обозначала боевых, «рыцарских» коней, не имеющих отношения к «лесным братьям». В таких балладах чаще употребляется синоним «palfrey» («верховая лошадь, преимущественно дамская») (palfrey – a horse trained for riding, especially for use by a woman [10]). Например, в балладе «A Gest of Robyn Hode»:

Than were they weire of two black monkes

Eche on a good *palfrey* [9].

Таким образом, выбор того или иного архаичного обозначения лошади стилистически и ситуационно дифференцирован.

Подводя итог сказанному о реалии, следует подчеркнуть важность ее роли при построении нового мира, мира прошлого. Так, устаревшая лексика действительно придает стилю баллады высокий поэтический тон, отчасти в результате «ассоциации с малознакомой и опозитизированной древностью» [11], воспроизводит реальную историческую обстановку, украшает речь героев, характеризует их внутреннее состояние, настроение, внешние и личностные качества. Исторические реалии в балладах используются для передачи исторического колорита, создания временной и пространственной отдаленности событий. Выбор той или иной реалии диктуется конкретными стилистическими задачами.

Список литературы

1. Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Ин. языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 14 – 16.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Международные отношения, 2009. – 360 с.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Отв. ред. В. Н. Ярцева. – Изд. 2-е, репринтное. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
6. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by T. F. Hoad. – L.: Oxford University Press, 2003. – 560 p.
7. Old English Ballads and Folk Songs / ed. by William Dallam Armes. – NY: The Macmillan Company, 1904. – 222 p.
8. Old English Ballads. A Collection of Favourite Ballads of the Olden Time. – London, 1864. – 272 p.
9. Английская и шотландская народная баллада: Сборник / Сост. Л. М. Аринштейн. – М.: Радуга, 1988. – 512 с.
10. Webster's Unabridged Dictionary. – NY: Random House, 2005. – 2256 p.
11. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Изд. 2-е. – М.: УРСС, 2004. – 648 с.

REALIA AS STYLISTIC MEANS OF EXPRESSION OF CATEGORY OF TIME IN ENGLISH AND SCOTTISH POPULAR BALLADS

O. S. Filimonova

*Tula
State
Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
virginia-olga@mail.ru*

This article analyses the original text of the English and Scottish popular ballads belonging to different directions and discusses the problem of the role of the realia in the realization of category of time.

Key words: realia, historicism, archaism, category of time.

УДК 81'42

ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СМЕНЫ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

Ж. Е. Фомичева

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого*

*e-mail:
interdept@tspu.tula.ru*

Статья посвящена рассмотрению различных аспектов (исторических, философских, филологических) модернизма и постмодернизма, литературно-художественных парадигм, оказавших существенное влияние на развитие англоязычной литературы 20-21 веков. В статье проводится анализ диалектической взаимосвязи данных творческих концепций с предшествующей культурой, а также с актуальными проблемами общемирового социального и культурного развития. Задачи определения стилистических характеристик модернистских и постмодернистских англоязычных текстов решаются в контексте художественных исканий данных парадигм и общих принципов модернистской поэтики.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, парадигма, дискурс, ирония, постмодернистский роман.

Постмодернистский дискурс в англоязычной литературе, послуживший материалом для анализа в данной работе, рассматривается двояко. С одной стороны, постмодернизм – понятие, соотносимое с такими художественными направлениями, как реализм и модернизм, – во многом определяется хронологическими рамками, о чем свидетельствует приставка «пост». С другой стороны, – это явление культурно-историческое, выросшее из ощущения человека последних десятилетий XX в. как проблемного, глубинные корни которого уходят в цивилизационные сдвиги прошлого столетия, и основанное на мировоззрении особого типа, порожденного критическим переосмыслением предшествующего культурного опыта.

Предпринятые в современной зарубежной и отечественной гуманитарной науке многочисленные исследования различных аспектов постмодернизма (исторических, философских, социологических, искусствоведческих, литературоведческих, филологических) свидетельствуют как о неоднозначности в понимании данного феномена, так и о корректности рассмотрения представленных в научной литературе его различных трактовок для понимания сущности, установления времени появления данного явления, определения его места и роли в современном культурном пространстве [1; 2; 3].

Развернувшиеся в западном гуманитарном знании в конце века минувшего и начале нынешнего века дискуссии о формировании постмодернизма и его истоках, философско-эстетических основах данного явления, сформулированных постструктурализмом и постфрейдизмом, его месте в истории, стилевых особенностях в различных видах искусства, направленных на эклектичность, мозаичность, ироничное и пародийное переосмысление традиций, вызвали к жизни волну интереса в современном западноевропейском литературно-критическом дискурсе к модернизму – его роли в развитии литературы, других видов искусства и в сознании человека [4; 5; 6].

Большинство исследователей, посвятивших себя изучению различных аспектов постмодернизма в философии, эстетике, культуре и искусстве, рассматривает данную художественную парадигму как естественное продолжение модернизма, что, по мнению российских филологов И. П. Ильина и Е. А. Цургановой, авторов обзора «От модерна к постмодернизму: логика развития», «не исключает существования между ними напряженно амбивалентных отношений – ощущения внутренней близости и неприятия, преемственности и разрыва традиций, перехода к иному качественному состоянию». Авторы далее отмечают более отчетливое проявление в современной за-

падной критической литературе тенденции к оценке всего комплекса «модернизм-постмодернизм» как подтверждения «тех преобразований в сфере духовной деятельности, которые знаменуют собой становление нового, современного «модерного» менталитета. Этим объясняется стремление исследователей обосновать концепцию «глобального модернизма» как выразителя «духа современности», отыскивая его корни в глубинах XIX века» [7].

Одним из пропагандистов указанной концепции считается известный британский романист, драматург, сатирик, критик Малколм Брэдбери (Sir Malcolm (Stanley) Bradbury), посвятивший не одно исследование как живому художественному романному слову, так и практике современного американского и британского романа, его анализу в контексте мировой литературы (“The Modern American Novel”, “The Novel Today”, “Ten Great Writers”, “From Puritanism to Postmodernism”). Спектр теоретических проблем, затронутых и осмысленных М.Брэдбери в указанных критических работах, охватывает рассмотрение жанрово-стилевых особенностей романа XX в. в связи с исследованием мировоззрения и метода писателя, исследование проблемы романа как художественной формы национального самосознания, изучение возможностей литературы в формировании нового мышления, выражении мироощущения человека и духа современности [8].

И. П. Ильин и Е. А. Цурганова, осмысляя представления М. Брэдбери о модернизме с позиций понимания этого феномена как художественного метода и культурологической закономерности, отмечают, что теоретический анализ указанного явления привел известного западного критика к мысли о практической исчерпанности внутреннего эстетического импульса и художественного потенциала этого движения. Авторы обзора констатируют свойственное британскому критику принципиальное различие понятий «модернистский», «авангардистский», «современный». По убеждению М. Брэдбери, модернизм, первые признаки которого проявились еще в 60-е годы XIX в. в романах Ф. М. Достоевского, является способом художественного выражения и эстетической системой, кардинально изменившей наше представление об обществе. Модернизм для британского критика означает «прежде всего ощущение краха традиционной культуры, породившего потребность в создании нового искусства, способного передать опыт эмоционального переживания духа современности» [7].

Представляется, что исследовательские задачи осмысления определенных стилистических характеристик как англоязычного модернистского, так и постмодернистского литературного текста могут быть решены в контексте художественных исканий данных парадигм и общих принципов модернистской поэтики. Сложность указанных эстетических систем, свойственное им воплощение в художественной форме синтеза философских идей и актуальных конфликтов описываемой социально-исторической действительности обуславливают необходимость акцента исследователя на историко-социальной детерминированности данных творческих концепций, их диалектической взаимосвязи с предшествующей культурой и проблемами общемирового социального и культурного развития.

Освоение новых способов художественного восприятия действительности, свойственное европейскому и американскому модернизму, было вызвано изменившимися социальными, политическими, философско-мировоззренческими условиями существования человека. В произведениях англоязычных писателей-модернистов XX в. отразилось мироощущение людей сложной общественно-исторической эпохи, наполненной огромным множеством значительных событий и последовавших за ними существенных перемен – войн, крушений империй, революций, периодов интенсивного промышленного развития, проникновения в новые сферы научного знания о вселенной и о человеке.

Написанные о первой мировой войне романы Д. Дос Пассоса и Э. Хемингуэя вместили в себя судьбы целого поколения, на долю которого выпало первым в истории вынести испытания мировой войны и познать нелогичность и абсурдность совре-

менной бойни. Внимание В. Вулф, Д. Джойса, Д.Г. Лоуренса обращено к внутреннему миру человека, его мировосприятию и особенностям его психологии в условиях наваждения и испытаний войн, конфликтов индустриальной цивилизации эпохи. Поэзия мэтра модернизма Т. С. Элиота посвящена передаче чувства разочарования, осознания хаотичности, исчерпанности бытия в первые послевоенные годы, краха человеческой цивилизации, бессмысленности человеческой истории и безнадежности его удела.

Авторы, связанные с разработкой современных способов художественного выражения, с возникновением и развитием англо-американского модернистского романа, отвергают общепризнанные способы самовыражения; проявляют «художественную интуицию, снимающую покровы с вещей и обнаруживающую их красоту»; коренным образом преобразуют основные параметры текста и его коммуникативную структуру, представленную авторской и нарраторской коммуникациями, выстраивая таким образом дистанцию между автором и протагонистом и за счет тонкой стилистической игры проявляя способность вывести самого себя одновременно и объектом, и субъектом художественного творчества, передать сложный образ окружающего мира.

Развитие литературного модернизма в минувшем столетии происходит во взаимосвязи и взаимодействии с другими видами современного искусства, характеризуемого наличием различных тенденций, течений, стилей и ориентированного как на поиск «нового опыта» жизни, так и на новые достижения и открытия в различных сферах гуманитарного знания эпохи. Создание английского модернистского романа привнесло выдвигание в нем на первый план проблемы свободы творчества и художника-творца, предельно чуткого окружающей жизни, который «в условиях «заката Европы» и пробужденного им хаоса методом проб и ошибок пытается придать своему художественному языку образцовость, статус особой реальности, «слова в слове», фактически «навязывая миру свою эстетическую волю» [9].

Известный новозеландский критик Д. Г. Райт, анализируя стилистические особенности текста романа Д. Джойса «Улисс», отмечает свойственное данному модернистскому произведению размывание границ между описаниями и внутренними монологами, совмещение двух разных типов повествования (от первого и от третьего лица), создание сложной экспозиции происходящего, основанное на разнообразии повествовательных приемов и сложного взаимодействия фрагментарности увиденного и услышанного с воспоминаниями, наблюдениями, мыслями и ощущениями, воплощение иронии, основанное на смешении точек зрения и модусов повествования: “Texts as radically ironic as Joyce’s further emphasise the fact (or, at least, the assumption) that in literary interpretation there can never be a single ‘correct’ point of view. None of the meanings which we locate in his texts suffices completely to disprove or displace certain alternative connotations which also remain active. True meaning therefore arises from the coexistence, mingling or conflict of these alternative sub-meanings or discourses. The ultimate message of Joyce’s text, then, must incorporate an assertion that the world is a collection of competing discourses, and a necessarily ironical place” [10].

Процесс восприятия модернистского текста, осознания его концептуальной основы требует активности и подготовленности читателя. В процесс глубокого и адекватного восприятия образной информации подобного литературного произведения должен включаться эстетический, социальный и культурный опыт читателя, поскольку образ бытия, представленный в сложном для читательского декодирования «многослойном произведении», передается как эксплицитно, так и суггестивно через систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, к которым можно отнести технику свободных ассоциаций, причудливое смешение разнородных голосов, или речевых и изобразительных пластов, стирание границы между прошлым и настоящим, целым и фрагментом, мифом и бытом. Таким образом, в рамках модернистской парадигмы художественное произведение обретает статус дискурса – трехстороннего коммуникативного события: автор – герой – читатель, представляющего собой динамический процесс, частью которого является текст. Коммуникативный характер дискурса и

его функциональность предполагают необходимость рецептивной актуализации данного события в художественном восприятии.

Модернизм, рассматриваемый теоретиками литературы как «индивидуальное мировидение, способ художественного выражения, эстетическая система, совокупность тенденций и стилей, свойственных ему в разное время», интерпретируется ими как явление именно XX века. На данный факт, согласно В. М. Толмачеву, «косвенно намекает его название: в нем заявлена установка на принципиальную новизну и, таким образом, на «здесь и сейчас», определенную утилитарность и прагматичность». Важнейшие закономерности новейшего производства – «обезличивавшиеся на глазах экономические и социальные связи, рост отчуждения» – воспринимались как «беснование» вселенской бури, сметающей отдельные личности и утверждающей стихийность масс. Кризис системы свободного предпринимательства поставил под сомнение традиционную к тому времени концепцию личности – и как историческую (применительно к XIX в.), и как типологически-культурологическую данность» [11].

Определение отчетливо различимых тенденций модернизма как явления именно XX в., рассматриваемого отечественной и западной критикой в качестве художественного метода и культурологической закономерности прошедшего столетия, вместе с тем не отрицает эклектичности данного феномена, наличия в нем «сплавов» различных творческих ориентаций. Многозначность модернизма и постмодернизма как ключевых понятий минувшего века может быть осознана при рассмотрении многочисленных концепций, пытающихся придать этим терминам смысловую определенность.

Впервые использование термина «постмодернистский» (“postmodern”) относят к 1870 г., когда английский художник Джон Уоткинс Чэпмен (John Watkins Chapman) описал искусство, которое было более авангардным, чем французский импрессионизм, как ‘postmodern painting’ («постмодернистская живопись»). Вторым обращением к данному термину считают 1917 год – именно в этом году была опубликована книга Рудольфа Паннвица (Rudolf Pannwitz) «Кризис европейской культуры» (“Die Krisis der Europäischen Kultur”), в которой автор описал новые явления в европейской ментальности при помощи слова ‘post-modern’. Затем теолог Бернард Иддингз Белл (Bernard Iddings Bell) пишет две книги в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия, озаглавленные им при помощи указанного слова «Postmodernism and Other Essays» и «Religion for Living: A Book for Postmodernists». Для Белла постмодернистом является тот, кто отказывается от всех политических систем современного мира (либерализма, коммунизма, фашизма) ради служения религии: “Such a man is the Postmodernist – intellectually humble and spiritually hungry. He who writes this book is one of the breed, who thanks God for the finding of that treasure which his soul desired” [1].

Ни одно из упомянутых значений слова ‘postmodern’ не оказало серьезного влияния на теорию европейской культуры, несмотря на наличие в использованных их авторами значениях сем, связанных с существенными переменами в сфере культуры. Лишь два десятилетия спустя термин получает значение “incredulity toward metanarratives” («недоверчивость к метанарративам»), которое получает свое распространение в период между сороковыми и семидесятыми годами двадцатого столетия [1].

Согласно Н. Б. Маньковской, в 1934 году литературовед Ф. де Онис использовал слово “postmodern” для обозначения реакции на модернизм. Тем не менее в эстетике термин не приживается [12].

Собственно культурологический смысл термин «постмодернизм» приобрел в книге Арнольда Тойнби (Arnold Toynbee) «Изучение истории» (“A Study of History”), в сокращенной версии первых шести томов, опубликованных вскоре после второй мировой войны (1947 – 1954). Термин ‘post-modern’ символизирует появление новой парадигмы, с которой связаны, в оригинальном авторском контексте, тревожные ощущения, беспокойство в отношении будущего человечества, а в читательском восприятии – волнение, тревога, страхи, ожидание перемен, связанных с окончанием

эпохи модерна и утратой его принципов; надломом системы модернизма, затронувшим основы всех его ценностей, явлением новой художественной реальности: "There is a clear sense here of general cultural decline, and the tone is deeply pessimistic as to humankind's prospects. Toynbee's 'post-Modern Age' is a troubled period in which the relative stability of the previous modern era crumbles away with worrying consequences for us all. Post-1875 is to be considered a condition of crisis. This is a recurrent theme of commentators on the postmodern, and Toynbee's fears come to be voiced by many of them. Equally, many others will regard the shift from the modern to the postmodern as a liberating rather than disorienting prospect for humankind our opportunity to escape from the excesses of the previous ideological regime. From the beginning, however, 'post-modern' carries the sense of an unmistakable paradigm shift in which the values of the modern age are eroded – particularly the commitment of that age to rationality. Already in Toynbee we have a vision of post-modernity as a journey into unknown territory where the old cultural constants no longer apply, and our collective security is potentially compromised. The postmodern spells risk: as one cultural historian put it in 1957, 'the postmodern world offers man everything or nothing' [1].

К пятидесятым годам двадцатого столетия понятие «постмодернизм» ('postmodern'), означающее кризис модернистского понимания разума и появление новой культурной парадигмы, потрясшие основы ценностей эпохи модерна, начинает распространяться в социально-экономической и политической сферах запада. Реальный исторический опыт XX века задолго до появления постмодернизма обнажил очевидное противоречие между такими универсалиями разума эпохи модерна, как равенство, братство, справедливость, свобода и действительность. Постмодернизм осуществил разрушение, деструкцию представлений идеологов эпохи модерна, онтологический характер универсальных истин был подвергнут отрицанию, о чем свидетельствует вывод Райта Миллза : " ... Every period provides its own answers. But just now, for us, there is a difficulty. We are now at the ending of an epoch, and we have got to work out our own answers. We are at the ending of what is called The Modern Age. Just as Antiquity was followed by several centuries of Oriental ascendancy, which Westerners provincially call The Dark Ages, so now The Modern Age is being succeeded by a post-modern period. Perhaps we may call it: The Fourth Epoch. ... The ideological mark of The Fourth Epoch – that which sets it from The Modern Age – is that ideas of freedom and of reason have become moot; that increased rationality may not be assumed to make for increased freedom. ... For in our time these two values, reason and freedom, are in obvious yet subtle peril. The underlying trends are well known. Great and rational organizations – in brief – bureaucracies- have indeed increased, but the substantive reason of the individual at large has not. Caught in the limited milieu of their everyday lives, ordinary men often cannot reason about the great structures rational and irrational – of which their milieu are subordinate parts [13].

Анализ ряда взаимодополнительных концепций постмодернизма как феномена культуры позволяет автору монографии «Эстетика постмодернизма» Н. Б. Маньковской обосновать концепцию специфики модернизма, постмодернизма и постпостмодернизма как неклассической эстетики XX в., при этом неканоничность постмодернистской эстетики выявляется исходя из ее системного анализа как феномена культуры [12].

Раскрывая эстетическую специфику постмодернизма в различных видах и жанрах искусства и постнеклассической науке, автор данной монографии связывает особенности указанного явления культуры прежде всего с неклассической трактовкой классических традиций далекого и близкого прошлого, их свободным сочетанием с ультрасовременной художественной чувствительностью и техникой. Интерес данной художественной парадигмы к культуре прошлого, изучению классических образцов, свойственное постмодернизму переосмысление традиционных эстетических ценностей обуславливают его рассмотрение «как фристайла в искусстве, продолжившего эстетическую линию маньеризма, барокко, рококо», как новой классики или нового

классицизма. Данная концепция предполагает широкую трактовку традиции как многообразного и изобилующего «языка форм, чей диапазон простирается от древнего Египта и античности до модернизма XX века». Таким образом, согласно мнению автора, глубинное значение постмодернизма как культурной формации заключается в его переходном характере, отличающимся своим освобождением от догм и стереотипов модернизма, прежде всего «фетишизации художественной новизны, нигилизма контркультуры» [12].

Эстетика постмодернизма проявляет скептическое отношение к предшествующей культурной парадигме, отвергая элитарные концепции вкуса, вырабатывая новые критерии различения высокой и массовой культуры, захватывая те сферы, которые в контексте модернистских взглядов считались маргинальными. Сближение постмодернизма с массовой культурой, феминизмом, экологией, критическое отношение к разного рода глобальным идеологиям и утопиям, децентрализация культуры, отказ от модернистского и авангардистского культа новизны – опознавательные знаки художественной практики постмодернизма [1; 2].

Нигилизм по отношению к предшествующей литературной традиции распространяется у постмодернистов и на наследие классического модернизма, условности и приемы письма которого также вызывают их протест. Согласно И. П. Ильину, «для них неприемлемо все то, что кажется им закосневшим и превратившимся в стереотип сознания, все то, что порождает стандартную, заранее ожидаемую реакцию» [14].

Известный российский культуролог и литературовед М. Н. Эпштейн предпринял философско-эстетическое исследование российского литературного постмодерна, его истоков и основных этапов развития в XX в., изучение его культурно-исторических отличий от других эстетических систем [15].

Рассмотрение соотношения постмодернизма с модернизмом осуществляется автором указанной концепции на основе анализа революционности как модернистского феномена. Последнее понятие определяется как поиск подлинной, высшей, чистой реальности, стоящей за условными знаками и системами культуры. Исследование модернистских предпосылок постмодернизма подводит автора концепции к выводу о модернизме как такой революции, «которая стремится упразднить культурную условность и относительность знаков и утвердить стоящую за ними бытийную безусловность, как бы ни трактовалось это чистое, подлинное бытие: «материя» и «экономика» в марксизме, «жизнь» в ницшеанстве, «либидо» и «бессознательное» во фрейдизме, «творческий порыв» у Бергсона, «поток сознания» у Уильяма Джеймса и Джеймса Джойса, «экзистенция» в экзистенциализме, «самовитое слово» в футуризме, «рабоче-крестьянская власть» в большевизме, и т. д.» [15]. Дистанцируясь от модернизма, постмодернизм резко критикует своего непосредственного предшественника за эти иллюзии «последней истины», «абсолютного языка», «нового стиля», которые якобы открывают путь к «чистой реальности».

М. Н. Эпштейн отмечает, что постмодернизм сформировался как «новая культурная парадигма именно в процессе отталкивания от модернизма, как опыт закрытия, сворачивания знаковых систем, их погружения в самих себя. Само представление о некоей реальности, лежащей за пределами знаков, критикуется постмодернизмом как еще одна, «последняя» иллюзия, как непреодоленный остаток старой «метафизики присутствия». Мир вторичностей, условных отражений оказывается более первичным, чем мир так называемой «реальности». На этой почве возникают разнообразные постмодернистские движения, например, российский концептуализм, который раскрывает природу советской реальности как идеологической химеры, как системы знаков, проецируемых на некое отсутствующее или пустое место «означаемого» [15].

Легче всего постмодернизм выделяется как специфическая стилистическая манера письма. На данном этапе существования как самого постмодернизма, так и его теоретического осмысления, с уверенностью можно сказать, что она оформилась под

воздействием определенного эпистемологического разрыва с мировоззренческими концепциями, традиционно характеризруемыми как модернистские, однако вопрос, насколько существен был этот разрыв, согласно И. П. Ильину, вызывает бурную полемику среди западных теоретиков [14].

Постмодернистский диалог с историей культуры сопряжен с возрождением интереса к проблемам гуманизма в искусстве, тенденциями его антропоморфизации, что выражается и в возврате к фигуративности, пристальному вниманию к содержательным моментам творчества, его эмоционально-эмпатическим аспектам. Существенный интерес для материала настоящей статьи представляет мнение автора монографии «Эстетика постмодернизма» о свойственной указанному диалогу полемической напряженности, создающей «своего рода иронический двойной код, усиливающий игровое начало постмодернизма в искусстве» [12].

Интерес постмодернизма к художественному прошлому человечества, свойственные данной художественной парадигме изучение архетипов классического искусства, следование им и синтез данных образцов с современными художественными реалиями обусловили практику рассмотрения указанного явления многими западными критиками и исследователями, в том числе Ихабом Хассаном, Кристофером Батлером, Сьюзен Зонтаг, Чарльзом Дженксом, Линдой Хатчен, как новой культурной парадигмы запада, отличающейся как формально, так и содержательно от предшествующей ей модернистской парадигмы [2].

Признание постмодернизма в качестве явления культуры, бесспорно, предполагает рассмотрение его своеобразия в отношении к духовному смыслу эпохи модерна. Определению различимых тенденций в развитии исследуемых художественно-творческих стратегий XX в. посвящена монография Кристофера Батлера «Postmodernism», подтверждающая разделяемое нами понимание постмодернизма как специфической литературной практики западной литературы, пришедшей на смену «новому роману» и неоавангардистским экспериментам рубежа 1960 – 1970-х гг., которая характеризуется, прежде всего, неустойчивостью и специфическим для каждого автора сочетанием в его творчестве реалистических и модернистских течений: *It is nevertheless obvious by now that even if we restrict ourselves to the ideas current within the artistic avant-garde since 1945, we can sense a break with those of the modernist period. The work of James Joyce is very different from that of Alain Robbe-Grillet, that of Igor Stravinsky from that of Karlheinz Stockhausen, that of Jean Renoir from that of Jean-Luc Godard, of Jacob Epstein from that of Carl Andre, and of Mies van der Rohe from that of Robert Venturi. What one makes of this contrast between the modern and the postmodern in the arts largely depends on the values one embraces. There is no single line of development to be found here* [2].

Эпатируя восприятие современников новыми приемами письма, литературный постмодернизм, согласно выводам отечественного исследователя английского постмодернистского романа Н. А. Соловьевой, использовал в качестве главных инструментов обновления нарратива «интертекстуальность, саморефлексию, иронию и пародию, смешение высоких и низких форм», передачу идей и стереотипов о прошлом в форме популярной истории [16].

Таким образом, англоязычный постмодернистский роман, по сравнению со своими предшественниками, открыл новые темы и образы, противопоставив прошлое культуры и культурную память эпохе упрощения, явившись специфической реакцией против устоявшихся форм высокого модернизма: *The attack on originality, and the tendency to think of art as a form of re-presentation of something that is already there, in a recycling of discourse, helped to reinforce the thought of those skeptical about postmodernism, that its art has all too much of a 'post everything' air. May not its intertextuality be the symptom of cultural exhaustion, brought on by the failure to meet the avant-gardist challenge of doing something creatively different after the heroic era of experimental modernism? Or might it even be a moral and political failure to engage with the real in society?* [2].

Несмотря на заметную для читателя в произведениях постмодернистов существенную переориентацию эстетических установок, явное стремление стереть грань между высокой и низкой литературой, следует отметить непоследовательность и противоречивость данных признаков, поскольку они, по справедливому замечанию И. П. Ильина, «адресованы все-таки искушенному читателю и носят явно вызывающе эпатажный и пародийный характер. Ощущение угрозы коммуникативного провала породило агрессивность речевого поведения авторской маски, всеми имеющимися в ее наличии языковыми средствами она стремится вовлечь читателя в активный диалог с собой, вызвать его на спор, спровоцировать непредвиденную им реакцию [14].

Следовательно, в отличие от модернистов, которые также видели абсурдность окружающего мира и относились к нему с полной серьезностью, постмодернисты находят в нем повод для ненавязчивой, но постоянной иронической интонации, благодаря которой им удается говорить о жизни и смерти, об одиночестве и обреченности, о любви и ответственности, не впадая в сентиментальность, занудство и пафос. Ирония как метаязыковая игра, высказывание в квадрате, универсальный и необходимый атрибут, сущностная характеристика и доминанта, без которой невозможно передать сущность постмодернистского общества, находит воплощение в художественной практике английских и американских романистов, предложивших новую повествовательную технику, отражающую проблемы современности и человека в ней.

Текстовые и дискурсивные иронические стратегии Дж. Барнса, М. Эмиса, Дж. Фаулза, Г. Свифта, Д. Лоджа, П. Экройда, И. Макьюэна, Дж. Барта, Т. Пинчона, Дж. Уинтерсон, Э. Филдинг, А. Картер, основанные на позиции субъективности, игровом начале, «взгляде со стороны», глубокой рефлексивности, вариативности, воссоздают окружающий мир во всей его полноте и противоречивости.

Романы Йена Макьюэна «Амстердам» (Amsterdam, 1998) и «Искупление» (Atonement, 2001) посвящены темам нравственного выбора, искупления, любви, иррациональности, а также жизни в современном обществе. Здесь царит несколько мрачная, тревожная, но ироничная атмосфера. При невероятно захватывающем сюжете оба романа являются, в первую очередь, психологическими наряду с другими произведениями эпохи постмодерна.

Романы-драмы Йена Макьюэна демонстрируют интерес к истории (обращение к событиям Второй мировой войны в «Искуплении» и к социально-исторической теме в «Амстердаме»), смешение стилей и жанров (блестящая стилизация «Амстердама» под классический английский детектив), метафигуру (метафигуральный характер романа «Искупления», в котором первые три главы являются художественным вымыслом главной героини Брайони). Комплексность текстам романов придает характерная в выражении ключевых моментов, раскрывающих сюжет и причины конфликта главных героев, интертекстуальность (многочисленные аллюзии к творчеству писателей-модернистов А. Мердок, В. Вульф в «Искуплении», аллюзии к произведениям Уинстона Хью Одена, Джеймса Джойса, Уильяма Шекспира, Уильяма Блейка, Ирвина Аллена Гинзберга). Интертекстуальные включения проливают свет на причины самобмана и тщеславия героев, принятия ими решений, которые ведут к трагедиям.

Ирония реализуется в романах Макьюэна с помощью комплекса стилистических средств различных уровней. Взаимодействие этих средств при воплощении иронии служит средством создания смысловой интеграции текстов и обеспечивает их содержательное единство.

В связи со сказанным представляется важным вывод И. П. Ильина о специфике стилистики постмодернизма и необходимости «различения литературного течения постмодернизма, мировоззренчески ориентированного на воспроизведение жизни как хаоса, лишённого цели и смысла, безразличного и чуждого человеку, и постмодернистской манеры письма. Последняя, хотя и широко распространена, но требует для своей оценки в каждом конкретном случае сугубо дифференцированного подхода, ибо разные представители этой манеры по-разному определяют свою жизненную позицию и соответственно задачи искусства [14].

В обзоре западной научной литературы, посвященной изучению комплекса «модернизм-постмодернизм», отмечается, что «классические разновидности модернизма прошлого основывались на создании собственного индивидуального стиля, т. е. модернистская эстетика была органично связана с концепцией уникальности личности, способной выработать собственное уникальное видение мира, свойственное только ей» [14]. Цивилизационная логика развития от модерна к постмодернизму представлена в данном обзоре в том числе и точкой зрения классика теории постмодернизма, американского ученого Фредерика Джеймисона. Согласно представленной концепции, постмодернизм как обозначение определенного культурно-исторического периода характеризуется тем, что «...современные писатели и художники неспособны больше создавать новые миры, новые стили; все уже создано; возможно лишь ограниченное число комбинаций; все уникальные комбинации уже испробованы» [17].

Таким образом, постмодернистская культура не претендует на сотворение абсолютно нового, а обращается к прошлому, к самым разным эпохам, поэтому ей свойственен стилистический плюрализм. Для произведения-коллажа, принадлежащего данному художественному направлению, характерно параллельное сосуществование прошлого и настоящего, взаимодействие художественных стилей, культурный диалог.

Подчеркнем, что постмодернистский коллаж как способ выражения стилистической множественности характеризуется проекцией цитат, отсылок, кодов и не отделим от предшествующих культурных текстов. Составляющие коллажа наполнены юмором, пародийностью, которые приглашают читателя к его интерпретации. В этом смысле важно, что постмодернизм вслед за структурализмом признает наличие кодов, обеспечивающих функционирование текста в процессе коммуникации. В подобной невозможности постмодернистского текста обойтись без цитирования, отсылок, заимствований и самоцитирования, критики и теоретики данного художественного явления отмечают не признак бессилия, а признание за ним права заново открывать смысл или смыслы [14; 17].

Список литературы

1. Sim S. *Irony and Crisis: A Critical History of Postmodern Culture*. – London: Icon, 2002. – 304 p.
2. Butler Christopher. *Postmodernism: A Very Short Introduction*. – Oxford University Press Inc., New York, 2002. – 142 p.
3. Childs P. *Contemporary Novelists: British Fiction since 1970*. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 287 p.
4. Ruland Richard, Bradbury Malcolm. *From Puritanism to Postmodernism: A History of American Literature*. – London and New York: Routledge, 1991. – 330 p.
5. Hutcheon L. *A Theory of Parody*. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2000. – 144 p.
6. Rose M. A. *Parody: Ancient, Modern and Postmodern*. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 316 p.
7. Ильин И. П., Цурганова Е. А. От модерна к постмодернизму: логика развития // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник – 2006: Постмодернизм. Парадоксы бытия/РАН. ИНИОН. Центр гуманист. Науч.-информ.исслед. – М., 2006. – С. 187 – 202.
8. Drabble M., Stringer J. *Oxford Concise Companion to English Literature*. – Oxford University Press, 2003. – 720 p.
9. Иванов Д. А. Модернистский роман Великобритании // Зарубежная литература XX века. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 116 – 156.
10. Wright D. G. *Ironies of 'Ulysses'*. – Savage, Maryland: Barnes & Noble Books, 1991. – 154 p.
11. Толмачев В. М. Типология модернизма в Западной Европе и США: культурологический аспект // Современный роман: Опыт исследования. – М.: Наука, 1990. – С. 213 – 232.
12. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
13. Wright C. M. *The Sociological Imagination*. – New York: Oxford University Press, 1959. – 170 p.

14. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – Москва: Интрада, 1998. – 255с.
15. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. – М.: Высш. шк., 2005. – 495с.
16. Соловьева Н. А. Английский роман в эпоху постмодернизма // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник – 2006: Постмодернизм. Парадоксы бытия. – М.: РАН ИНИОН. – С. 136 – 154.
17. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма // Современная литературная теория: Антология. – М., 2004. – С. 273– 293.

FROM MODERNISM TOWARDS POSTMODERNISM: CHANGE OF FICTION PARADIGM

Z. E. Fomicheva

*Tula
State
Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
interdept@tspu.tula.ru*

This article is devoted to the analysis of different aspects (historical, philosophical, philological) of modernism and postmodernism. These literary and cultural paradigms had a pivotal role in the development of the contemporary English literature. Stylistic analysis provides a comprehensive overview of distinctive features characteristic of the texts.

Key words: modernism, postmodernism, paradigm, discourse, irony, postmodern novel.

УДК 801.73:811.161:811.162.3:811.111

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ HARMONY В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Чекулай
О. Н. Прохорова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена описанию структуры и функционирования категориально-ценностной сферы ГАРМОНИЯ в современном английском языке. В центре внимания авторов находится комплексное представление одного из сущностных принципов ценностной категоризации и уровней его реализации.

Ключевые слова: ценность, оценка, концептосфера, квазикатегоризация.

Аксиологическая сущность гармонии в ее обыденном понимании проявляется практически во всех сферах жизни, а вслед за этим и в понимании окружающего нас мира. Это отношение, не зависящее от человека, и, в то же время, номинируемое непосредственно человеком, а состояние гармонии в определенной сфере жизни или иной деятельности определяется также человеком. Таким образом, категория гармонии как данность философии, этики, эстетики, культуры и т.п. является исключительно «человеческой», антропоцентричной категорией.

Вопрос о том, существует ли абсолютная гармония, является, пожалуй, постоянным вопросом, который люди задают друг другу и не находят ответа. Поэтому мы воспринимаем концепт ГАРМОНИЯ как систему взаимоотношения человека с внешним миром, при котором процветают обе стороны этого отношения. Ценностный концепт ГАРМОНИЯ имеет весьма разнообразные и неоднозначные характеристики.

Гармония как одна из основных ценностных категорий детерминирует практически все сферы частной оценки. Собственно говоря, гармония присуща и сенсорно-вкусовым отношениям, и психологическим основаниям оценки, этическим и эстетическим оценкам, квалификациям утилитарного плана и оценкам телеологическим. Что касается нормативных оценок, выделяемых в ряду прочих Н. Д. Арутюновой [1, с. 75 – 76], представляется, что в них понятия гармонии и нормы слиты воедино. Нормы устанавливаются на основе отношений, осознаваемых как гармоничные. Единственное существенное, на наш взгляд, различие, позволяющее дифференцировать понятия нормы и гармонии, состоит в конвенциональности нормы, в то время как гармония возникает на основе реальных отношений и диктует конвенциональные законы нормы.

Как и другие базовые принципы ценностной категоризации, сложная структура концептосферы HARMONY в его выражении лексическими и фразеологическими средствами современного английского языка детерминирует различные категориально-ценностные объединения. Особый интерес в этой связи представляет концептосфера REASON, поскольку она фактически является продолжением категориально-ценностного домена MEANING и в то же время четко детерминирована особенностями домена HARMONY.

Наиболее тесно базовый ценностный концепт ГАРМОНИЯ связан с ценностной сферой ЗНАЧИМОСТЬ, и тем самым концепты домена ПОРЯДОК имеют наиболее тесные структурные связи с концептами домена ЗНАЧЕНИЕ. Но, несмотря на тесную ассоциативную связь концептов ЗНАЧЕНИЕ и СМЫСЛ, существует концепт, связывающий домены Значения и Порядка более тесной связью, что и объединяет их кате-

гориально как объективно ориентированные домены ценности и оценки. Это причинно-следственная связь, которая, с одной стороны, определяет средства для выполнения определенного алгоритма, и, с другой стороны, определяет алгоритм действий для определенного средства или ассортимента средств выполнения деятельности. Такая причинно-следственная связь в английском языке передается концептом REASON, который реализуется в двух основных содержаниях – причина и разум, рациональное основание, которое в определенной мере структурирует целесообразность деятельности.

То, что концепт REASON имеет тесные семантические связи с концептами MEANING и SENSE, свидетельствует факт их функциональной синонимии в структурах типа *There is ... in smth*, где они практически взаимозаменяемы. В то же время отсутствует употребление лексемы REASON в конструкции *с to make* в этом значении. Таким образом, в английском языке отсутствуют синтагмы **to make meaning* и **to make reason* при достаточно частотном *to make sense*, что сближает его с *to make use/profit/advantage of*. Казалось бы, возможность сочетания *to make order* сближает его с утилитарной парадигмой. Однако в данном случае глагол *to make* характеризуется совсем иной семантикой, чем его словозначение в сочетании с *use* и его синонимами.

В то же время обращает на себя внимание факт, что в управлении глаголом *to apply* лексемы *meaning, reason* и *order* являются квазисинонимами, передающими значение «устанавливать адекватность использования чего-либо в определенной деятельности, что продиктовано разумностью, в свою очередь учитывающей объективный характер причинно-следственных связей в определенной деятельности». Те же семантические отношения устанавливаются при управлении этих слов глаголами *to establish, to maintain, to provide, to support* и рядом других. На наш взгляд, такие особенности экспликации оценочных отношений продиктованы семантической близостью доменов Значения и Порядка с необходимой связкой «рациональная причина» между ними.

То, что существительное *reason* и образованный от него по конверсии глагол совмещают в себе основные семантические аксиологические характеристики концептов MEANING и ORDER, иллюстрирует оценочно-речевая квалификация мудрым и беспристрастным советником мафиозного клана тома Хейгеном доводов Майкла Корлеоне о необходимости убийства Солоццо и коррумпированного капитана полиции:

Hagen shrugged. 'The reasoning is solid. What makes it so is that I don't think the Turk is sincere about a deal' (Puzo GF, p. 138).

Само по себе отглагольное существительное *reasoning* нейтрально, но в сочетании с оценочным прилагательным в предикативной позиции высказывание приобретает все признаки оценочного высказывания. Слово *reasoning* показывает, что у Майкла имеются достаточно веские причины для столь неординарного с точки зрения стратегии конкурентной борьбы в бандитских кланах вывода. Как своего рода «антисредства» нормальной деятельности семьи Корлеоне, Солоццо и капитан МакКлоски тормозят ее и тем самым мешают нормальному алгоритму существования семьи без торговли наркотиками.

Следует отметить, что в английском языке лексема *point* в оценочных высказываниях часто функционирует как синоним к слову *reason*. Как и лексема *reason*, она может управляться глаголом *to see*, употребляться в предикативной позиции (например, в конструкции *That is (not) ...*) и других тождественных синтагматических позициях без различий в семантике обоих существительных, о чем свидетельствуют следующие примеры:

"Did you like Riemeck – as a man?"

"I suppose so," said Leamas helplessly. "There doesn't seem much point in going into it," he added (Le Carré, з. 14).

'Are you being evacuated, Vandam?'

These chaps [from Special Liaison Unit] lived in a world of their own, and there was no point in telling them that a captain had to call a major 'Sir' (Follett, p. 317).

Тем не менее, концепты REASON и POINT, представленные соответствующими лексемами, следует дифференцировать по следующему параметру. Концепт POINT представляет собой хронотоп, поскольку точка ассоциируется с определенным положением во времени или в пространстве. Этот концепт также вписывается в рамки общей концептуальной основы ценностно-оценочной категоризации, т.е. деятельности как способа существования индивида, обладающего сознанием и способного к оценочным языковым и речевым квалификациям. Если определенная временная или пространственная точка выделяется в общем процессе деятельности, то она представляет другой категориально-оценочный концепт в рамках действия принципа Значимости – IMPORTANCE (ВАЖНОСТЬ). Таким образом, кроме общей семантики значения как аксиологической характеристики номинируемых в языке объектов действительности, концепт POINT является промежуточным узлом между категориальными концептами MEANING и IMPORTANCE. Поэтому данная лексема в оценочном значении может встречаться в иных синтагматических позициях, не свойственных слову *reason*, например: *"I'm sorry," I said, and felt the blood flushing my face. "I guess I did get off the point."* (Warren, p. 369) (при невозможности **get off the reason*).

Таким образом, POINT представляется как некий важный момент, определяющий основания оценочной квалификации действий и деятелей в определенной ситуации. Квазисинонимом слова *point* является существительное *object*. Несомненно, они передают единый концепт, но отличие состоит в том, что значение слова *object* несколько эже в своем семантическом объеме, чем значение *point*, поскольку *object*, во-первых, обладает более высокой степенью конкретики (что, очевидно, продиктовано семантикой областей-источников, из которых эти концепты были перенесены метафорически), и, во-вторых, они отличаются категориально-синтаксическими показателями. Слово *object* в предикативно-оценочном значении может встречаться только в отрицательных предложениях и приближается по своему семантическому объему к русским «не проблема, не вопрос»: *But it had been built more than a century back for vanity and love by a cotton snob to whom money had been no object* (Warren, p. 368).

Таким образом, базовые принципы Значимости и Гармонии имеют общую точку пересечения – концепт, выражаемый в английском языке лексемой *reason* и ее метафорическим синонимом *point*. Вместе они создают своего рода концептуальное аксиологическое ядро. Эта связующая концептосфера не является единственной точкой пересечения нестабильных матричных границ концептосфер MEANING и ORDER. На наш взгляд, детерминация базовыми принципами Значимости и Гармонии образует две существенных в категориальной матричной концептуальной сети ценностных концептосферы – концептосферы, объединенные в английском языке категориальным концептом NORM.

Близость доменов Значения и Порядка не исключает и взаимодействия домена ПОРЯДОК, представляющего базовое ценностное отношение Гармонии, с иными доменами, обусловленными прочими принципами ценностно-оценочной категоризации. В первую очередь, это относится к принципам нормы (НОРМЫ ПРОТОТИПОВ и НОРМЫ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ), которые образуются в результате пересечения принципов ценностной квазикатегоризации [4] ЗНАЧИМОСТИ и ГАРМОНИИ.

Принцип НОРМЫ ПРОТОТИПОВ предполагает установление аксиологической взаимосвязи между значимостью средств выполнения деятельности и гармонией отдельных действий в рамках данной деятельности, или алгоритма деятельности, с позиции определяющей оценки средств. Иными словами, акцент ставится на том, что фоновой данностью является алгоритм, а фигурой оценочного отношения выступают средства.

Оценочный прототип из ряда предметных концептов гораздо сложнее по своей структуре, чем предметный прототип, основанный на выделении из класса объектов объекта, имеющего основные признаки класса и абстрагирующего представление о

всех представителях данного подкласса в виде концепта. Когда мы вслед за Э.Рош говорим о малиновках и воробьях как прототипических птицах, мы не имеем в виду конкретную малиновку или воробья. В оценочной категоризации мы, в принципе, также не придерживаемся конкретики, поскольку для забивания гвоздей лучшим инструментом является молоток независимо от того, какого цвета у него рукоятка, из какого дерева она сделана и т. п. Но когда речь идет о роде деятельности, предполагающей определенный алгоритм, то общий класс предметов начинает дифференцироваться. Так, для ремонта обуви необходим специальный сапожный молоток, для придания кирпичу необходимых очертаний и размеров нужен строительный молоток (так называемая кельма), для рихтовки деформированных частей внешней облицовки автомобиля – рихтовочный молоток и т. п. Здесь выбор инструмента уже будет определяться как самим характером деятельности, так и в определенной мере личными предпочтениями исполнителя-субъекта деятельности. Это относится не только к области утилитарных оценок. Даже в области эстетической аксиологии при возможности выбора театрального представления мы руководствуемся как жанром самого произведения, так и личными вкусами, а иногда даже настроением в данный момент.

Таким образом, непосредственный выбор средства может предполагать слияние принципов ПРОТОТИПОВ ОЦЕНКИ и ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ. Это означает, что концепты QUALITY (КАЧЕСТВО) и QUANTITY (КОЛИЧЕСТВО) способны к аксиологическому синтезу, и это обусловлено детерминацией принципами ЗНАЧИМОСТИ и ГАРМОНИИ.

В целом разведение концептов КАЧЕСТВО и КОЛИЧЕСТВО соблюдается при определенных ситуативных условиях. Так, при выборе достаточно разнородных объектов прототипические оценочные свойства объекта определяются непараметрической степенью соответствия данного предмета условиям выполнения данной деятельности. В основном такая деятельность описывается глаголами предпочтения (*prefer, choose, select*, словосочетаниями сослагательного наклонения *would rather* и *had better* и тому подобными средствами), например: *"I can't have you staying in these woods," he declared authoritatively.*

"I fancy you'd rather have me here than in your house," said the boy.

The prospect of this wild, nude animal in Van Cheele's primly ordered house was certainly an alarming one (Saki, p. 13).

Данный пример примечателен еще и полифонией проявления основных принципов ценностно-оценочной категоризации, поскольку в ситуации эксплицитно выражается нежелательность перспективы взять грязного, нагого, да еще и нагло ведущего себя ребенка из лесу в богатый дом, что показывает бесспорное влияние принципа Ожидаемости.

Кроме выбора двух более или менее однородных объектов для совершения определенной деятельности очень важной является операция выбора между различными качествами одного и того же объекта опять-таки для совершения одного вида деятельности. В этом случае функцию оценки можно в целом определить как констатирующую. Оценочное высказывание не меняет ничего в сущности деятельности с позиций принципов Значимости и Гармонии, но зато такая констатация имеет параллельно четко проявляющуюся прагматическую функцию. В результате произнесения оценочного высказывания субъект оценки может либо стимулировать адресата к тому, чтобы он принял деятельность в таком виде, как она есть, или отверг ее как неподходящую с точки зрения субъекта оценки. В зависимости от прагматической тональности высказывания в нем может реализоваться практически любой речевой акт воздействия – совет, угроза, предупреждение и другие. Именно потому, что свойства субъекта выражаются преимущественно прилагательными, исследования в области оценочных предикатов в основном направлены на изучение функциональных свойств этой части речи.

В отличие от прототипических шкал, параметрические нормы ориентированы в первую очередь на домен Порядка. Концепт ПОРЯДОК в обыденном понимании приближается к концепту НОРМА. Но нетрудно заметить, что прототипические и параметрические шкалы как раз основаны на нормативном принципе. Кроме того, ряд исследований показывает, что различные скалярные состояния одного и того же объекта действительности проявляются лишь в определенной ситуации, в частности, в ситуации оценки [3, с. 66 – 78; 5, с. 6 – 9; 6, с. 373; 7, с. 163 – 164; 8, с. 64 – 65]. Кроме того, смежные параметры степени качества признака объекта в сравнении его разных состояний могут носить не плавный, а ступенчатый характер градации. Э.М.Береговская остроумно замечает, что «градуированием явление градации до конца не объясняется» [2, с. 100]. Означает ли это, что различие типа шкал носит частный, некатегориальный характер?

Для этого обратимся к самому концепту НОРМА. Понятие «нормальный» может быть интерпретировано следующим образом:

- НОРМАЛЬНЫЙ – это ЕСТЕСТВЕННЫЙ;
- НОРМАЛЬНЫЙ – это (ВСЕ)ОБЩИЙ;
- НОРМАЛЬНЫЙ – это ТИПИЧНЫЙ;
- НОРМАЛЬНЫЙ – это СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ОПРЕДЕЛЕННОМУ ПОРЯДКУ;
- НОРМАЛЬНЫЙ – это ОБЫЧНЫЙ;
- НОРМАЛЬНЫЙ – это ПРИВЫЧНЫЙ, СТАНДАРТНЫЙ;
- НОРМАЛЬНЫЙ – это ПРЕОБЛАДАЮЩИЙ, ДОМИНИРУЮЩИЙ.

При этом нетрудно заметить, что согласование концептов НОРМА и ПОРЯДОК является лишь частным случаем проявления нормы. Можно сказать, что этот концепт пронизывает всю деятельностную структуру принципов оценочной категоризации. Это может означать, что данный концепт поликатегориален и взаимодействует практически со всей деятельностной структурой как объектом приложения оценочного суждения. Тем не менее, интерпретации «типичный, обычный, привычный, стандартный» являются синонимами, и то же самое верно для английского языка. Наиболее распространенными прилагательными выражения обычности являются следующие: *usual, standard, typical, trivial, everyday, trite* и другие, которые можно объединить общим концептуальным значением USUALNESS. Но синонимом данной лексемы является слово REGULARITY. Эти слова объединены общим семантическим признаком временной отнесенности. Каждое из этих слов, несомненно, имеет свою семантическую специфику: *usual* несколько шире в своем значении, поскольку описывает обычность как регулярно повторяющуюся, так и постоянную, в то время как *regular* отмечает свойство объекта проявлять себя через равные, одинаковые промежутки времени. Но не следует забывать, что это их предметные значения. В оценочном употреблении они приближаются к семантике нормы. Учитывая субъективно-объективный характер ценностных и оценочных отношений, нетрудно заметить, что для субъекта оценки норма деятельности проявляется в ее регулярности. Регулярность деятельности, в свою очередь, связана с ожиданиями субъектом результата деятельности: если деятельность регулярна по своему характеру (в ней задействованы обычные или типичные для данной деятельности средства, и она происходит по соответствующему опыту субъекта оценки алгоритму), то она ассоциативно связана с принципом Ожидаемости результата и относится к домену ПРИВЫЧНОСТИ-НЕОБЫЧНОСТИ. В актуальной речевой квалификации данные концепты могут быть репрезентированы и словами, обозначающими предметные концепты, но в их привычной или необычной комбинации. Так, в следующем примере сочетание *a woman in business* представляется субъектам оценки нелепым:

At first the other dealers laughed at her, laughed with some good-natured contempt at the very idea of woman in business (Mitchell: 646).

Интерпретация «нормальный – это естественный», или согласование концептов NORMAL и NATURAL в английском языке, также связана с принципом Обычности: Необычности. Естественный ход вещей является выражением нормального алгоритма деятельности, и события или явления, которые субъект видит как нормальный алгоритм в определенных условиях, могут быть интерпретированы и прилагательным “normal”, и его синонимом “natural”:

“I sent him on a reconnaissance. He was killed. Natural course of events in war time” (Christie The 10LN, p. 66).

В данном речевом эпизоде отставной генерал МакАртур, обвиненный в убийстве своего бывшего подчиненного и любовника своей жены, негодующим тоном подводит рациональные основания собственной невиновности. Рациональное основание состоит в том, что для военных действий гибель личного состава – это вполне нормальное (или естественное) явление. В этом случае также актуализировано ядро, но оно обусловлено только одним из базовых принципов – принципом Гармонии.

Особо следует сказать о взаимодействии принципов Нормы. Несмотря на существенные отличия от домена Нормы прототипов, домен Нормы параметрического значения основан на определенных числовых параметрах средств деятельности, которые актуализируются лишь в связи с определенным алгоритмом деятельности. Иными словами, в их основе лежат различные числовые показатели в пределах одной шкалы, задаваемой алгоритмом деятельности. Цель деятельности сама по себе в данном случае не влияет на характер оценки в связи с ее выполнением, а оценочные отношения появляются, когда появляется определенный алгоритм этой деятельности, и в зависимости от алгоритма общая речевая оценочная квалификация характера деятельности может быть и положительной, и отрицательной. Впрочем, в аналогичных случаях взаимодействия принципов Гармонии и Значимости параметрическое измерение может и отсутствовать, что свидетельствует об акценте на средства, а не на алгоритм действия, как в следующем случае: *“Oh? Had you proposed to go by hansom I was going to ask you to be good enough to drop me on your way, but if you are going to use the homely conveyance which I in my old-fashioned manner still prefer to call an omnibus, I shall hoist my unwieldy carcass into a four-wheeler”* (Maugham C&A, p. 164).

Особую роль в создании квалификации действительности по определенным количественным параметрам играют прилагательные общей количественной оценки *many* и *much*, поскольку они позволяют передать достаточно адекватную характеристику деятельности в определенной ситуации без дополнительных конкретизаций. При помощи прилагательных и наречий *many* и *much* субъект оценки охватывает весь объем информации о средствах и алгоритме деятельности и сужает его до определенного квалификативного объема, позволяющего вынести решение в пользу данной совокупности средств и алгоритма деятельности или против нее. Таким образом, в английском языке прилагательные и наречия *many* и *much* становятся языковыми и речевыми средствами выражения количественной. Но они не являются единственными такими средствами. То же самое следует сказать и о других прилагательных и наречиях, передающих семантику преимущественно пространственного измерения – *big, large, wide, high, tall, broad* и соответственно их антонимов. Как и *many* и *much*, они употребляются в функции общей параметрической оценки. Достаточно частотны случаи, когда в оценке, не соотносимой с параметрами пространственного измерения, такие прилагательные становятся абсолютными в своих контекстуальных оценочных значениях. Так, в следующем примере *“... If fifty million is bigger than you people can handle, let's forget the whole thing. I'll give it to Chase.”*

The elusive, important business which Heyward had come here hoping to capture seemed suddenly to be slipping away.

He said emphatically, “No, no. It's not too large” (Hailey MCh, p. 234).

Обращает на себя внимание общее функционально-оценочное содержание прилагательных *big* и *large* применительно к характеристике денежной суммы в каче-

стве инвестиции для совместной деятельности провинциального банка и транснациональной корпорации.

Двойственный характер оценочной шкалы, предполагающий возможность совмещения в одной оценочной квалификации контрарные и контрадикторные оппозиции оценочных признаков объектов деятельности, зачастую позволяет представить, например, концепт CLUMSINESS как NON-ADROITNESS. В целом большинство антонимов к ценностным концептам, формирование которых обусловлено принципом Гармонии, образовано морфологически при помощи так называемых «отрицательных» префиксов: HARMONY :: DISHARMONY, AGREEMENT :: DISAGREEMENT, ORDER :: DISORDER, USUALNESS :: UNUSUALNESS и др. Но в то же время возможен и обратный феномен, когда антонимом к концепту, передающему семантику дисгармонии, является слово, также образованное префиксально, например CONSTRAINT::NON-CONSTRAINT.

Наиболее состоятельным, на наш взгляд, представляется следующее объяснение. Объективно ценностные сферы опыта, или ценностные домены, совмещают в себе как положительные, так и отрицательные потенциалы значения. При погружении в ситуацию «положительный» в ассоциативно-парадигматическом значении концепт может стать средством выражения отрицательного развития алгоритма деятельности. Тем самым многие из лексем сочетают в себе энантиосемические оценочные потенциалы. Так, например, наречие *meekly* характеризует манеру действий, не вредящих основной деятельности, и ассоциируется с положительной характеристикой человека или существа как средства деятельности и его поведения как алгоритма деятельности. Однако в ситуации противоборства деятельности в интересах субъекта оценки такая характеристика действий становится отрицательной, как в следующем примере: *Just the same, Alex," Jerome Patterton ruminated, "I don't like the idea of meekly giving in"* (Hailey MCh, p. 203).

Взаимодействие и взаимообусловленность доменов MEANING и ORDER является основным, но не единственным пересечением концептуальных областей, обусловленных принципом Гармонии. Алгоритм выполнения деятельности приводит к определенному результату, и тем самым взаимосвязь и взаимозависимость доменов ORDER и RESULT едва ли подлежит сомнению. Их объединяет семантическая ценностная категория, которая в равной мере применима и к квалификации алгоритма деятельности, и ее результату. Данное категориальное значение в наиболее полной мере выражается концептом EFFECT, репрезентируемым данным существительным, прилагательным *effective* и наречием *effectively*, глаголами *to prosper*, *to thrive*, а также различными синонимами данных лексем. Например, ценностное содержание прилагательного *effective* можно также передать такими прилагательными, как *prosperous*, *lucky*, *happy*, *decisive* и другими. Фактически данный концепт выполняет симметричные функции с концептом REASON как связующим категориальным звеном между доменами MEANING и ORDER.

Следует также отметить, что существительное *effect* несколько уже в потенциале ценностно-семантических вариаций, нежели однокоренные прилагательное и наречие. Точный смысл признаков частей речи становится ясным и без контекста, в то время как существительное *effect* во всех синтагматических позициях передает семантику завершенности, но при этом часто импликация предшествующего алгоритма создается контекстуально. Например: *"A most improper story to tell to young children! You have undermined the effect of years of careful teaching"* (Saki, p. 134).

The marine collapsed, shrieking and clutching his knees. Black Dog, who always preferred fighting below the belt, had abandoned his barrel and had slashed with telling effect at the Frenchman's legs (Judd, p. 130).

В то же время прилагательное или наречие в ограниченной синтагматической позиции могут передавать оба ценностных потенциала. Так, словосочетание *an effective manager* может характеризовать как текущую деятельность объекта

оценки, так и определенные результаты, которых он достиг; *to work effectively* может означать как успешный ход работы, так и ее успешное окончание.

Как и в случае пересечения принципов Гармонии и Значимости, пересечение принципов Гармонии и Ожидания результата является существенным в организации аксиологической концептуальной сети. Здесь тоже образуется своего рода поле ассоциативных значений, структурно подобное конгломерату доменов, объединяемых принципами Значимости и Гармонии, но отличающееся от него по своему содержанию. В результате влияния этого ценностного конгломерата образуются два важных домена, отношения внутри которых и с другими доменами определяют два частных принципа ценностно-оценочной категоризации – ПРИВЫЧНОСТИ :: НЕОБЫЧНОСТИ и СТАБИЛЬНОСТИ.

Как принципиальный домен, ПРИВЫЧНОСТЬ :: НЕОБЫЧНОСТЬ имеет свою собственную, достаточно сложную структуру и систему связей с другими доменами. Его ядро составляют концепты TYPICALITY и USUALNESS. Как и прочие ценностные концепты, они обладают потенциалом выступать в качестве средств языкового выражения актуализировать в речи как положительную, так и отрицательную оценку. В основном, как и в доменах, описанных выше, функциональную оценочную нагрузку в речи выполняют признаковые части речи – прилагательные и наречия. Этот домен соотносится с Нормой прототипов, поскольку его состав и функциональные свойства компонентов детерминированы принципом Гармонии. Но он соотносится с принципами Нормы еще и потому, что и прототипические нормативы, и концепты ТИПИЧНОСТЬ, СТАНДАРТНОСТЬ, ПРИВЫЧНОСТЬ, ОБЫЧНОСТЬ ориентированы на противопоставление необходимого, важного, понятного, одним словом, лучшего средства выполнения деятельности средствам, не столь важным, нужным, малопонятным и т. п. средствам, которые не обязательно носят отрицательный оценочный знак. Эти средства просто выпадают из того представления субъекта оценки, каким алгоритм деятельности должен быть. Иными словами, если нормы прототипов представляют идеал средства, то нормы стандартов представляют идеал алгоритма. Таким образом, связующим звеном между этими двумя доменами является концепт IDEAL, который в реальности не существует, но к которому в ходе выполнения деятельности необходимо стремиться. То, что концепт ИДЕАЛ может являться ценностной характеристикой и количественных отношений, утверждает, в частности, Л. Макферсон [7, с. 190–191].

Другой важный домен аксиологических категорий в пересечении принципов Гармонии и Ожидания результата, имеющий значение как принцип категоризации, представлен концептом STABILITY. Он соотносится с концептосферами Привычности :: Необычности через концепт UNIFORMITY. Если интерпретировать понятие однородности с оценочной стороны, то легко заметить, что однородность характеризует как алгоритм совершения непосредственно действия, так и алгоритм достижения результата. Стабильность предполагает определенную размеренность тех внешних по отношению к деятельности условий, в которых она разворачивается, и которые являются обязательным условием существования деятельности как таковой. Это условия на выполнение деятельности во времени, в пространстве, в определенном направлении мысли, в определенных погодных условиях и т. д., характеризующихся определенным постоянством или регулярностью. Типичными репрезентантами концепта STABILITY в английском языке являются прилагательные и наречия *direct(ly)*, *constant(ly)*, *regular(ly)*, *open(ly)*, *straight*, *immediate(ly)*, глаголы *to straighten*, *to correct*, *to improve* и другие.

Рассмотренные ценностные концепты, получающие отражение своего квалификационного содержания в форме лексических и фразеологических единиц языка, представляют собой, на первый взгляд, разрозненные понятийные сферы. Однако проведенный анализ показывает, что в реальном речевом функционировании ценностно-смысловые объемы данных единиц показывают бесспорное пересечение друг с другом. К числу основных концептов, формирующих такую важную ценностную кон-

цептосферу, как ГАРМОНИЯ, в английском менталитете составляют концепты, которые получают оптимальное выражение такими лексическими единицами, как *reason, point, norm, ideal, stability, uniformity, typicality usualness* и словами, относящимися к другим знаменательным частям речи, особенно прилагательными и наречиями, что вполне объяснимо, поскольку именно эти части речи имеют категориальное значение признаковости. Очевидно, что дальнейшее изучение этой базовой ценностной концептосферы, равно как и эквивалентных ей по степени значимости в формировании языковой структуры отражения ценностных отношений базовых концептосфер INTEREST, SIGNIFICANCE и RESULT, имеет реальные перспективы для углубления научных знаний как о структуре ценностно-оценочного мышления, так и об особенностях её отражения в парадигматике языковых единиц и в квалификативно-оценочном функционировании речевых структур, содержащих данные единицы.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. – М., Рохос, 2004. – 208 с.
3. Сэпир Э. Градуирование / Э. Сэпир. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43 – 78.
4. Чекулай И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дисс... д-ра филол. наук. Белгород, 2006. – 473 с.
5. Bolinger D. Adjective Comparison: A Semantic Scale // Journal of English Linguistics. – 1967 – No 1. – P. 2 – 10.
6. Macnamara J. Parsimony and the Lexicon / J. Macnamara // Language. Vol. 47. – 1971. – No 2. – P. 359 – 374.
7. McPherson L. M. P. Scientific Theories That Unconceal Being: Intentions and Conceptions in Their Genesis / L. P. M. McPherson // Language, Logic and Concepts: essays in Memory of John Macnamara. L.- Cambridge (Mass.), 2002. – P. 163 – 220.
8. Rapoport A. Semantics / A. Rapoport. – N. Y., Crowell, 1975. – 465 p.
9. Scheffler T. Beyond the Letter: a Philosophical Inquiry into Ambiguity, Vagueness and Metaphor in Language / T. Scheffler. – L., Routledge and Keagan Paul, 1979. – 146 p.

THE SEMANTIC AND FUNCTIONAL PECULIARITIES OF THE VALUE CONCEPTUAL SPHERE HARMONY IN MODERN ENGLISH

I. V. Chekulai
O. N. Prokhorova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

This article is devoted to the description of the structure and functional peculiarities of value conceptual spheres HARMONY in Modern English. In the focus of author's attention is to show the essence of one of the main categorical spheres of meaning and the levels of its realization.

Key words: evaluative actualization, value, evaluation, quasicategorisation.

УДК 811.111:81'342.9

ПРАГМАФОНЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В РИТОРИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А. С. Шиханцов

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

e-mail:
alejo.luz.ardiente@gmail.com

В статье рассматриваются виды и функции словесного ударения в риторически ориентированной английской литературной речи (её образцах, используемых в обучении русскоговорящих студентов). Показано, насколько важным является словесное ударение для наглядной демонстрации ряда фонетических особенностей английской речи и насколько перспективна его разработка в учебных текстах; выявляются до сих пор не описанные особенности реализации словесного ударения, которые могут быть включены в курс фонетического образования. Проведённый аудитивный и инструментальный анализ случаев реализации высокого падения на различных сегментно-слоговых базах позволил уточнить контурную форму движения высокого нисходящего тона и её распределение на различных слогах, а также обнаружить и описать ряд регулярно воспроизводящихся просодических моделей, содержащих словесное ударение.

Ключевые слова: словесное ударение, просодия, тон, фонетика, звучащая речь, прагмафонетика.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что изучение английского языка в современных условиях приобретает особую актуальность, поскольку именно этот язык стал «лингва франка» мирового общения. Владение английским языком сегодня является главным условием (*conditio sine qua non*) успешной коммуникации в самых различных сферах. Отсюда и те высокие требования, которые предъявляются в наши дни к уровню преподавания этого языка. При этом в наименее выгодном положении оказывается фонетическое образование, которому, по сравнению с другими аспектами языка, отводится гораздо меньше времени.

Тем не менее, вряд ли стоит сомневаться в том, что фонетически правильная речь человека, для которого английский язык не является родным, вызывает уважение у его собеседников, что особенно важно в сферах экономики, политики, бизнеса и т. д. Кроме того, в речевом общении есть целый ряд явлений, которым в практике преподавания традиционно уделяется меньше внимания, так как они считаются «универсалиями», свойственными всем языкам мира и потому не требующими особо тщательного рассмотрения. К их числу прежде всего относится «словесное ударение» – термин, принятый в фонетической школе МГУ [2; 4; 5], соответствующий английскому *accent* [8; 9], для обозначения совокупности просодических средств (изменения движения тона, увеличения громкости и длительности произнесения), используемых для выделения того или иного элемента высказывания в силу его особой важности, оригинальности, или для противопоставления его другим элементам¹. При этом первостепенное значение принадлежит именно резкому изменению мелодической кривой – «на словесное ударение в первую очередь указывает движение тона» (“It is pitch that primarily signals accent” – [8, с. 45]). При всей распространенности данного явле-

¹ *Accent is intonation at the service of emphasis. In the shapes of the profiles it makes certain syllables stand out in varying degrees above others, revealing to our hearer how important the words containing them are to us, and revealing also, by the buildup of accents, how important the whole message is.* – «Словесное ударение – это интонация, служащая эмфазе. В форме мелодических контуров она в той или иной степени выделяет из всех слогов определенные, показывая слушателю, как важны для нас содержащие их слова, а также, через распределение словесных ударений, насколько важно все содержание высказывания» [9, с. 3].

ния и, действительно, наличия его в разных языках, каждый язык реализует эту потребность в выделении одного из элементов высказывания по-разному. Здесь вовлекаются в действие не только специфически характерные для данного языка особенности просодии (прежде всего движения тона), но и особенности, отличающие природу слога, ритма и артикуляционного уклада. Иначе говоря, в реализации словесного ударения участвуют явления не только сверхсегментного, но и сегментного уровней, что определяет его специфику в каждом конкретном языке.

Материалом для нашего исследования явились тексты, на которых строится фонетическое образование на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ. Обучение английскому произношению здесь уже много лет основывается на концепции «образца-цели» (target), опирающейся на такую разновидность английского языка, которую иностранные учащиеся могли бы взять за образец и к которой могли бы стремиться в своей собственной речи для достижения высших уровней владения фонетикой и языком в целом [3, с. 17 – 23].

В настоящее время такой разновидностью является риторически ориентированная речь в исполнении опытных ораторов², высококвалифицированных образованных носителей языка. Звучащие («живые», в видеоформате) тексты этой разновидности речи, тщательно отобранные в соответствии с определенными критериями, представлены в практике преподавания как образцовые (target texts). Такой материал отвечает всем требованиям, выдвигаемым к образцовому тексту, как в плане выражения, так и в плане содержания: он показывает реальное произношение современного литературного британского английского языка в действии, его темы актуальны и интересны широкому слушателю, его отличает информативность, убедительность и риторическая ценность [1, с. 29 – 30]. Кроме того, в нем получает конкретное воплощение целый ряд важнейших свойств звучания, специфически характерных для английской образованной речи в целом и особенно для ее риторически направленной разновидности³.

В рамках данной статьи мы рассмотрим результаты анализа двух образцовых текстов. Прежде всего, это телевизионное интервью с выдающимся английским актером, режиссером, преподавателем и шекспироведом Филиппом Бертоном. В нем он рассказывает про одного из самых талантливых своих учеников, известнейшего актера Ричарда Бертон⁴, и его исключительное умение держаться на сцене, одним своим присутствием приковывая к себе внимание аудитории. Этот текст, безусловно, можно считать образцом риторически ориентированной речи, поскольку, давая это интервью, Ф. Бертон не просто вел частную беседу с тележурналистом, но как бы обращался к огромной аудитории, делясь со зрителями своими впечатлениями и отстаивая свое мнение. Именно поэтому его речь в данном случае была усилена разнообразными риторическими приемами на просодическом уровне: видоизменениями параметров паузации, движения тона, темпа, громкости, диапазона, а также – и

² О тех изменениях, которые произошли за последние десятилетия в представлениях о понятии «произносительная норма» в современном английском языке, см. [1, с. 2 – 3, 13 – 14]. В этой же работе разъясняется, почему в настоящее время именно риторически ориентированная разновидность речи может считаться образцовой для изучающих английский язык в языковых вузах [там же, с. 28 – 31].

³ Освоение плана выражения текстов «образца-цели» – в том числе и способов реализации словесного ударения – позволяет приблизить произношение к уровню оригинала. В этой связи уместно вспомнить высказывание известных английских фонетистов О'Коннора и Арнольда, которые утверждали следующий принцип овладения литературным английским произношением: "There is only one way to master the pronunciation of a foreign language: to repeat the sound features of the language over and over again, correctly and systematically, until they can be said without any conscious thought at all, until the learner is incapable of saying them in any other way" [12, p. 1].

⁴ Сам актер говорил про своего учителя: «Он научил меня всему». Филип Бертон признавался: "Richard was my son to all intents and purposes. I was committed to him". Он хотел законно усыновить Ричарда, но не мог это сделать, так как до необходимой 20-летней разницы в возрасте им не хватало одного года (со страницы http://en.wikipedia.org/wiki/Richard_Burton).

прежде всего – многократным использованием словесного ударения в различных его разновидностях.

Второй отобранный нами для анализа текст – короткое интервью, которое журналисты взяли у принца Чарльза в период экономических реформ середины 1980-х гг., после посещения им одного из множества мелких частных предприятий, возникших в Великобритании в эти годы. Для обоих текстов характерна некоторая спонтанность – и Филип Бертон, и принц Чарльз отвечают на вопросы журналистов, которые они не могли знать заранее; именно этим объясняются имеющиеся в звучащем оригинале отдельные (хотя и весьма немногочисленные) оговорки, повторы и явления hesitation. Вполне вероятно, что принц Чарльз вообще был застигнут журналистами врасплох: по первой части его выступления, изобилующей паузами, может создаться впечатление, что он как бы на ходу подыскивает слова и оптимальные способы выражения мысли. При этом оба текста чрезвычайно богаты словесными ударениями и в этом аспекте также отвечают вышеуказанным требованиям к образцовому тексту. В какой-то степени и множество словесных ударений и их особую «выпуклость» также можно объяснить спонтанностью данного выступления, общая риторическая направленность которого усиливается непосредственностью, «сиюминутностью» реакции говорящего на вопросы журналистов.

В пределах этих небольших текстов можно проследить практически все разновидности словесного ударения, но остановимся мы, как на самых частотных, на высоком нисходящем тоне и внезапном подъеме и их модификациях. При этом в центре нашего внимания будет неразрывная связь явлений сегментного и сверхсегментного уровней, т. е. особенности реализации этих тонов на различных сегментно-слоговых базах⁵. Исследование материала проводится посредством как аудитивного, так и инструментального анализа⁶. Прежде всего, рассмотрим те случаи, где высокий нисходящий тон воспроизводится на односложной базе.

Так, например: I always taught him | that a great actor has to **be**, | not do, | that doing should come out of being.

Словесным ударением здесь выделен инфинитив be. Данный случай представляет особый интерес прежде всего потому, что здесь падение как таковое воспроизводится именно на гласном [i:] в силу его финального положения в слове и, что тем более важно, в силу финального положения самого слова в контуре – перед паузой. В отличие от односложных баз, где напряженный гласный «усекается» последующим согласным, здесь напряженный гласный оказывается «свободным» и поэтому может быть «развернут» в полной мере. Это подтверждается данными инструментального анализа. Гласный [i:] длится около 0,23 с (что несколько превышает длительность предшествующего слабого взрывного [b] – 0,2 с). Падение тона на нем происходит с 200 Гц до 105 Гц. Таким образом, можно предположить, что словесное ударение с прагмафонетической точки зрения является оптимальным средством выявления базовых позиционных различий в длительности английских гласных – в данном случае имеется в виду увеличение длительности напряженных гласных в финальной позиции (в конце слова перед паузой), когда слог оказывается открытым.

В следующем примере из того же текста высокий нисходящий тон реализуется уже в пределах закрытого слога: As soon as I saw him on the stage | I knew he had that incredible | stage presence | which you either have | or **don't** have.

Здесь слог закрывается финальным консонантным комплексом [nt], состоящим из сонорного носового и взрывного, которому предшествует дифтонг [əu], т. е. напря-

⁵ Под сегментной базой мы понимаем такую совокупность предельных единиц сегментного уровня (т.е. фонем, звуков), которая по своим просодическим и семантическим характеристикам соответствует понятию «потенциального минимума предложения» (Щерба). Конкретно – это либо полнозначные слова, либо их сложные эквиваленты [6, с. 61].

⁶ Инструментальный анализ проводился с помощью программы Speech Analyser 3.0.1 (www.sil.org).

женный гласный. Согласно данным инструментального анализа, дифтонг [əu], на котором осуществляется падение (в интервале от 175 до 110 Гц), оказывается несколько короче последующего сонорного (0,07 с vs. 0,13 с). Таким образом, с точки зрения распределения контура падения между составляющими данной сегментной базы следует признать, что сонорный берет на себя значительно большую нагрузку, чем предшествующий гласный. Вместе с тем, сопоставление позиционной длительности двух напряженных гласных – [i:] в *be* и [əu] в *don't* – показывает, что в положении перед сонорным напряженный гласный оказывается едва ли не в три раза короче.

Рассмотрим теперь случаи реализации высокого нисходящего тона на двусложной и трехсложной базах: *I think, to think about | doing so is one thing, | but to actually get up and do it | is another matter altogether.* – в этом примере из речи принца Чарльза высокий нисходящий тон реализуется на двусложной базе, представленной двумя словами – односложным глаголом *do* (в форме инфинитива) и его безударным односложным прямым дополнением *it*. Перепад между уровнем предшествующего слога (110 Гц) и началом высокого нисходящего тона (180 Гц) в данном случае значительный – 70 Гц. Интервал падения также значительный: от 180 до 110 Гц в пределах первого слога *do*. Что касается *it*, оно произносится уже на очень низком уровне (чуть выше 50 Гц). Именно потому, что ударный напряженный [u:] здесь находится в открытом слоге (т.е. нет никакого согласного, «усекающего» гласный, как это было в предыдущем примере), позиционная долгота гласного здесь оказывается существенной (около 0,15 с), что позволяет осуществить падение тона в таком значительном интервале. Иначе говоря, в данном случае, когда двусложная сегментная база составлена последовательностью ударного и полностью безударного слогов, высокий нисходящий тон полностью реализуется на первом слоге, в то время как второй слог только «поддерживает» это падение. Таким образом, с прагмафонетической точки зрения словесное ударение способствует выявлению («демонстрации») особенностей варьирования позиционной долготы в случае напряженных гласных, с одной стороны, и с другой – специфически характерного для английской просодии нисходящего движения тона в пределах слога, а также распределения контура падения на двусложной сегментной базе с напряженным гласным в первом ударном слоге.

Следующий пример, где высокий нисходящий тон реализуется на трехсложной сегментной базе, взят из речи Филипа Бертона: *He has **incredible** stage presence.*

Аудитивный анализ данного примера показал, что распределение нисходящего тона между тремя слогами *-cred-i-ble* осуществляется постепенно, без резких скачков, на каждом слоге – [kred], [i] и [bl] – согласно подтвердившему это наблюдение инструментальному анализу, в общем интервале от 220 до 140 Гц. Анализ интонограммы позволяет выявить специфику распределения контура падения между этими тремя слогами. Первый из них, ударный *cred-*, реализуется с незначительным начальным подъемом (с 200 до 220 Гц на -г- в течение 0,04 с, при этом по сравнению с предшествующим слогом *in-* общий перепад составляет 40 Гц, с учетом глухого -k-, не «прорисованного» в интонограмме). Обращает на себя внимание также и то, что на интонограмме не «прорисованным» оказывается и закрывающий слог слабый взрывной [d]. Этот «обрыв» в контуре, скорее всего, объясняется тем, что в данной синтагматической последовательности – в силу специфики английских слабых взрывных – основной упор в артикуляции делается именно на стадии смычки, которая длится 0,05 с. На этом же слоге *cred-* оказывается наиболее выраженным падение, тон на гласной понижается с 220 до 190 Гц. На втором слоге – *i-* интервал падения сокращается до 20 Гц (со 170 до 150 Гц), а длится этот слог 0,05 с, то есть столько же, сколько замыкавший предыдущий слог [d]. Что же касается третьего слога, фактически представляющего собой финальный консонантный комплекс – [bl] – то на нем интервал оказывается уже минимальным (10 Гц – от 150 до 140), но длится этот слог 0,11 с – почти столько же, сколько консонантный комплекс [cr] (0,1 с) в первом (ударном) слоге. В результате взаимодействия этих сверхсегментных и сегментных особенностей звучания слово *incredible* становится особенно выразительным, в полной мере реализует свой лексико-

фонетический потенциал, то есть свою экспрессивную ингеретную коннотативность⁷. В прагмафонетическом отношении данный случай, таким образом, является наиболее показательным для демонстрации сильного примыкания, отличающего артикуляцию согласного, завершающего английский слог.

Перейдем теперь к рассмотрению другой разновидности словесного ударения, выражаемой посредством т.н. «внезапного подъема». Как известно, здесь имеется в виду внезапное повышение тона в середине контура, когда вместо ровного тона на более низком уровне в пределах нисходящей шкалы воспроизводится ровный тон на высоком уровне. В рассматриваемой речи несколько таких случаев, которые поддаются «типизации» в том смысле, что, как показывает анализ более широкого материала настоящего исследования, здесь можно выделить ряд повторяющихся реализаций *Accidental Rise*, входящих в состав определенных «просодических фигур», которые могли бы расширить границы фонетического раздела моделирующего функционального стиля. Остановимся на примере из речи принца Чарльза: And I think this is the **great** difficulty that this country faces now... – здесь словесным ударением (acc.r.) выделено односложное слово *great* – определение к последующему существительному *difficulty*, выделенному словесным ударением посредством высокого нисходящего тона. Контурные особенности этой разновидности четко прослеживаются на интонограмме. Предложение начинается как типичная нисходящая шкала, опирающаяся на два ударных слога *think* и *this*, образующие нисходящую последовательность ровных тонов. *Great*, начинающееся на еще более низком уровне (90 Гц), чем предшествующая «ступень» контура нисходящей шкалы (140 Гц), внезапно резко набирает высоту (в основном за счет сонорного [r] в составе начального консонантного комплекса [gr]) и за 0,025 с оказывается на уровне около 200 Гц. При этом замедляется темп и увеличивается интенсивность: громкость *great* воспринимается на слух как повышенная по сравнению с предшествующей частью высказывания, что подтверждается в ходе инструментального анализа. Таким образом, можно предположить, что в случае, если атрибутивное словосочетание оказывается особенно важным для оратора и требующим поэтому выделения в потоке речи, то при условии, что оно реализуется не в начале контура, здесь воспроизводится последовательность словесных ударений, которую по контурным особенностям ее формы можно было бы назвать своего рода «просодической фигурой», – *Accidental Rise* + HF. Поскольку синтаксическая связь в данном случае является самой тесной из всех видов синтаксической связи (атрибутивная связь), внезапный подъем и высокое падение здесь оказываются как бы «спаянными» в единое целое, что тем более позволяет выделить эту последовательность в отдельную просодическую фигуру. При этом второй член последовательности представляется оратору более значимым, а первый воспринимается им как необходимый «усилитель», который подчеркивает значение последующего второго. Случаи использования этой просодической фигуры обнаруживают расхождение с тем интонационным оформлением, которого может ожидать русскоговорящий студент в подобных ситуациях – то есть преимущественным выделением именно «усилителя» (сравни: русское «особая сложность», где словесным ударением, скорее всего, будет выделено первое слово). Это еще раз подтверждает возможность включения данной просодической фигуры в число специфически характерных употреблений словесного ударения в современном английском языке.

Отдельного комментария требуют также и характеристики сегментной базы, на которой реализуется словесное ударение. Здесь отчетливо выявляется особая звучность –r-, который в составе начального консонантного комплекса gr- длится около 0,12 с – примерно столько же, сколько и последующая напряженная гласная [ei] (0,11 с). Таким образом, внезапный подъем на данной сегментной базе демонстрирует две характерные особенности английского произношения, которые представляют особую сложность для тех, кто изучает английскую фонетику на фоне родного русского языка. Во-первых, это специфически английская «весомость» английских согласных, на ко-

⁷ Incredible – 1) extremely good, large, or great; =unbelievable: *The view is just incredible. There was blood everywhere and the pain was incredible* [11, p. 824].

торые опирается артикуляция слога; во-вторых, это видоизменения гласных по законам позиционной долготы: в данном случае напряженный дифтонг [ei] усекается последующим сильным взрывным –t- настолько, что его длительность приближается к длительности предшествующего согласного.

Отметим попутно, что, как показал анализ материала, эта просодическая фигура может использоваться и в случаях других синтаксических построений – например, на последовательностях «подлежащее + сказуемое» и «сказуемое + прямое дополнение». При этом весомым в плане содержания оказывается как первый, так и второй элемент: And the director had the idea, | since the Bastard is a commentator | on the action very often, | to put him on the side of the stage | and let him | **watch the action** | and then get in when his **part came**.

Необходимо также отметить еще одну просодическую модель, встретившуюся нам в речи Филипа Бертона. Имеются в виду следующие три идущие подряд предложения: He wasn't doing **anything**. || He was just **there**. || But everybody's eyes were on him, not on the **action**.

Эти контуры представляют собою последовательности ровных тонов, уровень которых постепенно повышается вплоть до последнего, выделяемого словесным ударением слова. Подъем тона, осуществляющийся на протяжении всего контура, достигает своей высшей точки на последних ударных слогах (в словах anything, there, action), которые произносятся с высоким нисходящим тоном. Форма этого нисходящего тона во всех трех случаях имеет одну отличительную особенность – отчетливо выраженный усеченный характер. Несмотря на разное количество слогов в выделяемых падением словах и на ожидаемые позиционные различия в длительности гласных [e], [eə] и [æ], их реализация в пределах этой фигуры стремится к усреднению по длительности – 0,12, 0,17 и 0,14 с соответственно. Высокий нисходящий тон представлен здесь резким начальным подъемом в значительном интервале (anything от 250 Гц до 350 Гц, there от 190 до 370 Гц, action от 200 до 300 Гц). Что касается той части тона, где осуществляется собственно падение, то здесь интервал узкий и не достигает нижнего участка диапазона говорящего – более того, в этой части тона меняется качество голоса, оно становится шепотным.

Таким образом, первая, восходящая часть контура падения служит своеобразной «стартовой площадкой» для словесного ударения, где голос как бы «разгоняется» для набора нужной высоты. Данная последовательность отличается особой выразительностью и используется в тех случаях, когда словесным ударением выделяется элемент высказывания, который в данном контексте отличается особой парадоксальностью и неожиданностью для слушателя. Именно поэтому такой контур может быть взят на вооружение как весьма полезный риторическим прием, усиливающий выразительность и убедительность речи, поскольку он позволяет оратору вести с аудиторией своеобразный диалог.

Подведем итоги. Проведенный нами аудитивный и инструментальный анализ двух образцовых текстов показал, что словесное ударение способствует выявлению целого ряда важнейших особенностей (сегментного и сверхсегментного характера) английской речи. В прагмафонетическом плане его можно рассматривать как один из способов демонстрации отличительных характеристик английского слога, специфики движения тона и английского артикуляционного уклада. Имеются в виду: усеченный характер английского слога и сильное примыкание, активное участие сонорных согласных в реализации неровных тонов (прежде всего высокого нисходящего тона), базовые позиционные различия в длительности английских гласных. Можно поэтому предположить, что словесное ударение является еще одним «ключом» к прагмафонетическому моделированию специфических особенностей, отличающих английскую образованную речь в целом.

Аудитивный и инструментальный анализ случаев реализации высокого падения на многосложных базах позволил уточнить контурную форму движения высокого нисходящего тона и ее распределение на различных слогах. Так, на двусложных базах собственно падение тона осуществляется преимущественно на первом слоге, в то вре-

мя как второй выполняет в целом «поддерживающую» функцию и произносится либо на очень низком уровне практически с ровным тоном, либо продолжает падение также на низком уровне в настолько узком интервале, что он воспринимается на слух как низкий ровный тон.

К специфическим свойствам английской риторически ориентированной речи можно отнести и обнаруженный нами ряд регулярно воспроизводящихся просодических моделей, содержащих словесное ударение: Acc.R. + HF, Low/ Mid-level + HF. Поскольку в нашем материале эти модели, как правило, выделяются паузами и реализуются в завершающей части контура, есть все основания предполагать, что они в значительной мере являются ритмообразующими и риторически «маркированными», как способствующие большей четкости и выразительности речи. Все сказанное позволяет заключить, что образцовые тексты, относящиеся к риторически ориентированной разновидности английской речи, имеют большую прагмафонетическую ценность для дальнейшей разработки явления словесного ударения.

Список литературы

1. Аниховская Т. В. Риторика интеллективного общения (на материале телевизионных программ новостей Би-Би-Си) / Т. В. Аниховская, С. В. Дечева. – М., МАКС-Пресс, 2006. – 125 с.
2. Дечева С. В. Когнитивная силлабика. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 215 с.
3. Дечева С. В. Основы английской филологии. – М., 2000. – 83 с.
4. Лебедева Т. О. Прагмафонетическое изучение словесного ударения в американском варианте английского языка: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. / Т. О. Лебедева. – М., 2009. – 24 с.
5. Магидова И. М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: дисс... докт. филол. наук. / И. М. Магидова. – М., 1989. – 407 с.
6. Магидова И. М. К вопросу о просодическом минимуме нетерминальных синтагм лекционного регистра речи: дисс... канд. филол. наук. / И. М. Магидова. – М., 1972. – 162 с.
7. Тихонова И. С. Практический курс фонетики английского языка / И. С. Тихонова, Е. Л. Фрейдина, М.А. Соколова, Л.Б. Ковалева, И.А. Шишкова. – Дубна, Феникс+, 2009. – 452 с.
8. Bolinger D. M. *Forms of English: Accent, Morpheme, Order.* – Cambridge, Massachusetts, 1965. – 334 p.
9. Bolinger D. M. *Intonation and its Uses: Melody in Grammar and Discourse.* – Stanford university press, Stanford, 1989. – 470 p.
10. Gimson A. C. *An Introduction to the Pronunciation of English.* Ldn, Arnold, 1989. – 364 p.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English* / director, Della Summers. -Edinburgh, Pearson Education Ltd., 2003. – 1950 p.
12. O'Connor J. D., Arnold G. F. *Intonation of Colloquial English.* – London, Longman, 1961. – 270 p.

PRAGMAPHONETIC STUDY OF THE WORD-ACCENT IN THE RHETORICALLY ORIENTED ENGLISH SPEECH (ON THE BASIS OF MODERN BRITISH ENGLISH)

A. S. Shyhancov

*Moskov
Lomonosov
State
University*

*e-mail:
alejo.luz.ardiente@gmail.com*

The paper deals with the varieties and functions of accent in rhetorically oriented British English speech. The material comprises the 'target texts' as samples of the living reality of public speech which form the basis of teaching English phonetics at Moscow State Lomonosov University. The paper shows the importance of accent for demonstrating some of the fundamental properties (both segmental and suprasegmental) of spoken English which present special difficulty for Russian learners of English. It also highlights some of the pragmaphonetically relevant peculiarities of accent realisation which have not yet been described in the literature. The auditive and instrumental analysis of accents on various syllable-bases allowed us to specify the contour form of the high falling tone and its distribution on syllables as well as to single out and describe the recurrent prosodic models containing accents.

Key words: accent, prosody, pitch, phonetics, pragmaphonetics.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 659.1 (082)

СУЩНОСТЬ ГРАФИЧЕСКИХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ

А. А. Аникаева

*Тверской
государственный
университет*

*e-mail:
a.anikaeva@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме визуальной информации в печатной рекламе. Автор систематизирует графические невербальные средства рекламы, которые рассматриваются с позиции параграфемного, психологического и творческого аспектов. Систематизация различных точек зрения на исследуемую проблему позволяет комплексно взглянуть на использование в печатной рекламе графических невербальных средств.

Ключевые слова: печатная реклама, топографемика, синграфемика, супраграфемика, цвет, изображение, дизайн.

За последние годы интерес к графическим средствам невербальной коммуникации (так называемой «визуальной информации») значительно возрос, что отмечается многими исследованиями.

Рост интереса к проблеме визуализации обусловлено самими требованиями современной коммуникации. Как справедливо отмечает В. М. Березин, «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [1, с. 162]. Несомненно, что «эскалация изображения» не только знаменует собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, но и отвечает первостепенным потребностям современного общества [6, с. 26]. Таким образом, понимание того, что «глобальный мир, мир постсовременности, ориентируется на визуальный способ представления информации», привело к обоснованию необходимости выделения в рамках современной науки понятия визуальности» [5, с. 40].

Рекламу как неотъемлемую составную коммуникативной деятельности изучают достаточно давно, но в связи с многогранностью понятия проблемы рекламной коммуникации как комплексного явления большинство вопросов не могут считаться решенными.

В данной статье рассмотрена проблема передачи рекламной информации графическими невербальными средствами.

Обилие литературы по проблеме графических невербальных средств сопровождается многообразием точек зрения на их природу. Общим недостатком существующих взглядов на данную проблему является отсутствие системного подхода к рассмотрению процесса передачи информации при помощи графических невербальных средств, вследствие чего графические невербальные средства рассматриваются односторонне – с позиции одной области науки.

В связи с этим в данной статье поставлена цель, систематизировав различные точки зрения, рассмотреть графические невербальные средства с позиции параграфемного, психологического и творческого аспектов.

Кроме одностороннего рассмотрения поставленной проблемы, встречаются и материалы, в которых описываются не все графические средства невербальной коммуникации. Например, в книге К. Мозера «Психология маркетинга и рекламы» [12] рассматривается только вопрос психологии воздействия изображения и не упоминается о шрифте и цвете. В книге О. А. Феофанова [14] делается акцент на эстетическую и маркетинговую стороны изображения, раскрыта специфика цвета, но про шрифт никакой информации нет.

На наш взгляд, очень мало внимания (особенно в отечественной литературе) уделяется анализу причин столь значительного расхождения авторов в понимании сущности графических средств невербальной коммуникации. Как правило, имеет место либо простое изложение взглядов других авторов на данную проблему, либо довольно поверхностная критика всех отличных от собственной точек зрения, без поиска и развития того рационального, что имеется в подходах предшественников. Между тем непредвзятый анализ позволяет увидеть в различных гипотезах и формулировках много ценной информации, которую можно использовать при построении целостной и непротиворечивой концепции передачи информации графическими невербальными средствами.

Системное представление о графических невербальных средствах как много-сложном явлении дали автору научные труды лингвистического и психологического характера таких ученых как Харрис З. [17], Хилл А. [18], Колшанский Г. В. [8], Дзякович Е. В. [2], Фещенко Л. Г. [14], Журавлев А. П. [3], Зазыкин В. Г. [4], Лебедев-Любимов А. [10], Мозер К. [12], Кудин П. А., Ломов Б. Ф., Митькин А. А. [9] и др.

Теоретический анализ графических невербальных средств. Вследствуя проблеме передачи информации при помощи графических средств невербальной коммуникации, в первую очередь необходимо обратиться к источникам изучающим параграфематику. С позиции параграфемного аспекта к графическим средствам, которые активно используются в современной печатной рекламе, можно отнести знаки препинания, шрифтовые решения, возможности пространственно-плоскостного варьирования – т. е. элементы параграфематики; а также неизменно сопутствующие им рисунки, схемы, графики, цветовое оформление. Совокупность всех этих средств и составляет воздействующий потенциал современного печатного рекламного модуля.

Изучив работы таких авторов как Фещенко Л. Г. [15], Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. [13], Дзякович Е. В. [2] и др., можно выделить следующие основные параграфемные понятия: синграфематика, супраграфематика, топографематика.

Элементы синграфематики (выразительные возможности знаков препинания и пунктуационных комплексов) широко используется в современной печатной рекламе. С одной стороны, это может быть постановка так называемых семантизированных (вопросительного и – особенно – восклицательного) знаков препинания, с другой стороны – употребление «самодостаточных» знаков препинания, которые не зависят от их вербального окружения. В этих случаях знаки выступают, как правило, в роли аналогов слов, словосочетаний или понятий. Например, реклама чая «Medesson»: «(Не) пробуй, (а то) понравится!». В данном примере короткое выделенное сообщение подчеркивает наиболее важную часть длинного и отчасти дополняет его. И как бы потребитель не прочитал данное сообщение, в любом варианте оно несет положительную информацию.

Супраграфемные элементы (возможности шрифтового выделения) в той или иной мере присутствуют практически в каждом рекламном модуле. Смена шрифтов, их разнообразие, продуманное взаиморасположение обладают значительным воздействием потенциалом. Наиболее распространенный способ шрифтового варьирования – варьирование размера и цвета букв.

Анализируя шрифтовое оформление в печатной рекламе, мы пришли к выводу, что возможности шрифтовой интерпретации в рекламе также широки как и в других областях науки и культуры. Например, можно передать через шрифт аудиальные характеристики. Силе голоса соответствует увеличение кегля. Этот прием характерен для комиксов. Паузе соответствует многоточие или большие пробелы в горизонтальном или вертикальном направлении. Посредством шрифтов передаются такие характеристики, как статичность и динамика. Курсив очень удобен для интерпретации индивидуальных особенностей голоса, по которому идентифицируется личность говорящего. Собственный почерк поможет создать атмосферу интимности, что труднодостижимо для печатных шрифтов.

Наиболее интересным и, соответственно, более запоминающимся представляются тексты рекламных модулей, где с помощью средств супраграфематики извлекается абсолютно новый смысл, возникает слово, практически никак не связанное с рекламируемым предметом [9]. Например, реклама фирмы «ОТОН»: «ВОТ ОН какой!». Или реклама компьютеров SENS: «SENSАЦИЯ, которую Вы ждали!». Еще один пример из рекламы этой фирмы: «ВАС может УСТРОИТЬ сто ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ: «мы согласны» ПРИХОДИТЕ». В этой рекламе, благодаря варьированию размера шрифта, возникает два варианта прочтения, два противоположных смысла.

Шрифт как одно из древнейших средств массовой коммуникации, служащее для передачи речи устной, выполняет те же языковые функции: коммуникативную и когнитивную. Шрифт очень близок по своей природе к графическим искусствам и способен создавать зримые образы, следовательно, здесь можно говорить о художественной функции печатных и письменных знаков языка. Кроме того, на наш взгляд, существует еще одна функция шрифта, которую следует назвать историко-этнической, или историко-культурной. Каждая гарнитура несет на себе печать той эпохи, той страны, где она создавалась, поэтому при выборе шрифта для рекламного сообщения необходимо соблюдать его историческую принадлежность.

В связи с этим часто в рекламных текстах используются элементы старой или иноязычной орфографии, что создает уникальный графический образ: «Комерсантъ», «Рекламист», «Иностранец».

Возможности топографематики (пространственно-плоскостного варьирования) также достаточно широко используются в современных рекламных текстах-модулях. Однако чаще всего эти возможности не изолированы, а «работают» в сочетании со шрифтовым, цветовым или фоновым варьированием, с различного рода сюжетными изображениями.

Анализируя литературу и углубляясь в данный вопрос, мы пришли к выводу о том, что на потенциальных потребителей значительное влияние оказывает психологических признаков цветового оформления и использования изображений в рекламных модулях.

Цвет и изображение обладают как планом содержания рекламного модуля, так и планом выражения информации. Цветовые и графические признаки участвуют в организации прагматического воздействия текста на читателя, способствуют полной передаче информационной емкости и влияют на закономерности текстообразования.

Последователь Макса Люшера (известного психолога, разработавшего цветовой личностный тест) Г. Клар [7, с. 3] считает выбор цвета в рекламе одной из основных составляющих процесса изготовления сообщения. И здесь речь идет не только о выразительности. По мнению ученого, одни и те же цвета по-разному воздействуют на людей в зависимости от возрастной категории, района проживания и социального статуса. Так, например, представители более высокой социальной прослойки предпочитают синий цвет всем остальным, а люди, занимающие низкое положение в обществе, отдают большее предпочтение фиолетовому и желтому. Г. Клар доказал это с помощью теста Люшера. Под «цветовым предпочтением» он понимает выбор не любимого цвета, а того, который оказывает наиболее благоприятное воздействие на личность того или иного типа.

В рекламе помимо этого следует учитывать объект рекламирования и содержание текста (если речь идет о печатной рекламе). Если объект сам по себе не может вызывать ассоциаций с каким-либо конкретным цветом (например, бытовая техника), то цветовое решение шрифта и фона следует выбирать, больше опираясь на предпочтения целевой аудитории. Так, по данным Г. Клара, а также немецких психологов Г. Фрилинга и К. Ауэра [16, с. 9 – 12; 42 – 49], молодежь в возрасте до 20 лет на первое место ставит красный цвет, тогда как люди более старшего возраста отдают предпочтение синему. Но ученые приходят к единому выводу, что цветовое решение должно быть продумано для каждого отдельного случая [11].

Использование изображений, иллюстраций или визуального материала является самой примечательной в повседневности формой проявления рекламы. Существует возможность выявления вариантов визуального представления определенных вербальных понятий. Различные вербально номинированные качества подлежат визуализации в разной степени. Возможность визуализации конкретного качества зависит от степени сформированности образа этого качества, существующего в сознании массового реципиента. Создатели рекламы должны рассматривать иллюстрацию не только с позиции привлечения внимания, но и в качестве средства передачи смысла и восприятия сознанием человека нужного образа или понятия. То есть адресату сообщения предъявляются не реальные предметы и явления, а их знаки.

Реклама имеет свой специфический язык – систему знаков, которые употребляются в соответствии с определенными правилами. В современной семиотике выделяют три основных вида знаков: иконические (иконы), символические (символы) и индексальные (индексы). Каждый тип знака – икона, индекс и символ – имеет свои сильные стороны, которые, при грамотном и уместном использовании, способны создать максимальный эффект.

Изображение занимает особое место среди элементов, составляющих рекламные сообщения. Изображения во многих случаях значительно усиливает воздействие рекламного текста, а в некоторых случаях – полностью или частично заменяет его.

Систематизируя научный материал по графическим невербальным средствам, мы не можем обойти творческий аспект, благодаря которому повышается эффективность коммуникативной составляющей рекламного сообщения.

В связи с повышением роли смыслового восприятия визуальной рекламной информации одним из ведущих типологических признаков печатной рекламы становится дизайн. Дизайн рекламного модуля, построенный на основе композиционно-графического моделирования, способствующего оптимальной организации вербальных и невербальных компонентов рекламного модуля, ориентированный на конкретную аудиторию с ее социально-демографическими и психологическими особенностями, является элементом фирменного стиля рекламодателя и одним из ключевых понятий маркетинга. Оформление рекламного модуля в современных условиях – проектная деятельность, нацеленная также и на эстетический результат.

Любая идея автора, как бы сложна и абстрактна она ни была, передается окружающим при помощи определенных конкретных средств, то есть в определенном формальном воплощении: содержание выражается в форме. Форма выражения – это тот контакт, который замыкает цепь мышления, существующую между автором и зрителем.

Чтобы между автором и зрителем возник контакт, необходимо, во-первых, чтобы автор грамотно и логически выражал свою мысль, во-вторых, чтобы окружающие и автор говорили бы на одном языке. В рекламе контакт между дизайнером и потребителем усложняется еще тем, что дизайнер обращается к вещам давным-давно вроде бы известным, о которых у потенциального потребителя сложилось собственное законченное представление, и преодолеть его бывает трудно.

Исследуя на протяжении нескольких лет печатную рекламу, мы выявили ряд проблем. Основопологающей является проблема стилизации как идейно-

художественной концепции, возникающей на определенной социально-исторической почве. Именно эстетическая концепция определенного времени во многом обуславливает адекватность восприятия рекламного текста и степень внимания аудитории. Таким образом, реклама может выступать и как воплощение собственного стиля художественного направления, господствующего в данный период, и как реплика, воспроизводящая стиль уже ушедшего, потерявшего в текущий момент актуальность направления или художественного течения.

Если обратится к отечественной печатной рекламе, то в ней можно отметить проявление основных господствующих художественных тенденций, таких, как русский стиль и модерн начала XX в., конструктивизм 1920 – 30-х годов, романтический реализм 1930 – 50-х годов и многие другие.

Печатная реклама активно использует культурное наследие известных мастеров типографики. Современные дизайнеры часто стилизуют сообщения, подчеркивая тем самым связь времен. Периодически определенные стили становятся более востребованными: в настоящее время в рекламе популярными вновь становятся стили, возникшие на рубеже XIX – XX столетий, – модерн и конструктивизм.

Сфера дизайна печатной рекламы в данный момент, как уже отмечалось выше, осуществляется в рамках уже сложившихся традиций, новации же в этой сфере связаны, прежде всего, с поиском специфичных, интересных, оригинальных изобразительных способов выражения рекламных идей, способствующих более эффективному воздействию на потребителя. Не случайно под дизайном в широком смысле понимают оригинальный ход мысли, новую компоновочную идею, красивый замысел. Реализация творческой цели в качестве разработки рекламной концепции товара или услуги в наше время является неотъемлемым условием для выполнения функций рекламы.

Поиск выразительной креативной идеи рекламного образа не может быть продуктивным, если он основывается только на изучении функциональных, маркетинговых основ рекламы. Создание рекламного образа должно происходить с учетом особенностей его визуализации. Реклама становится все более изобразительной, если раньше оригинальность и выразительность не являлись обязательными требованиями, то теперь данные характеристики начинают определять ее качественный уровень и свидетельствуют о красоте замысла.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что рекламная деятельность в целом – это не просто вид бизнеса, в ходе которого происходит одностороннее опосредствованное воздействие рекламиста на потребителя. Это сложная форма общения, взаимодействия и взаимовлияния людей, в результате которой они приобретают некие средства для последующей коммуникации с другими людьми, представителями так называемых референтных групп, то есть в определенном смысле реклама – это «коммуникация для коммуникаций». Графические невербальные средства являются важным аспектом в рекламной коммуникации, которая в настоящее время является особым инструментом социокультурного формирования предпочтений, стандартов, определяющим нормы и стили социального поведения людей, а также сущностно затрагивающим ценностно-смысловые аспекты их общественного бытия, включая эстетические, художественно-творческие предпочтения.

Кроме этого, одна из основных (если не основная) цель рекламы – воздействие: на потребителя, слушателя, возможного покупателя, клиента и т. п. Эта цель может достигаться различными средствами – в зависимости от типа рекламной продукции. И если в рекламных роликах, рассчитанных на зрительское восприятие, воздействие достигается с помощью режиссерской, операторской работы, актерского мастерства и качества словесного содержания, то в печатном рекламном модуле воздействующий эффект строится в основном за счет графических средств и их различных комбинаций.

Систематизировав различные точки зрения на проблему передачи информации графическими невербальными средствами, мы попытались создать более полную картину по данному вопросу. Мы затронули параграфемный, психологический и творче-

ский аспекты. На наш взгляд обобщение научной литературы по графическим невербальным средствам помогло взглянуть на данную проблему комплексно, чего ранее нельзя было встретить у других авторов.

Однако, мы считаем, что только обобщения научных материалов не достаточно для раскрытия темы данной статьи. Изучение графических невербальных средств в печатной рекламе требует проведения практического исследования с опорой на полученный систематизированный материал. Анализ графических невербальных средств на практике поможет проследить специфику их применения и сформулировать советы дизайнерам с целью повышения эффективности рекламы.

Список литературы

1. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. – М., 2003.
2. Дзякович Е.В. Особенности современной печатной рекламы (параграфемный аспект). [Электронный ресурс] URL: <http://www.fixed.ru/prikling/conf/stilsist1/osobebfuhvoq.html> (дата обращения: 28.03.2008).
3. Журавлев А. П. Символическое значение языкового знака // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. – М., 1972.
4. Зызыкин В. Г. Психология в рекламе. – М.: ДатаСтром, 1992.
5. Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004.
6. Каменская О. Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. – М., 1996.
7. Клар Г. Тест Люшера: Психологическая характеристика восьми цветов. – Харьков: Сварог. 1996.
8. Колшанский Г. В.. Паралингвистика. 2-е издание. – М.: КомКнига, 2005.
9. Кудин П. А., Ломов Б. Ф., Митькин А. А. Психология восприятия и искусство плаката. – М.: Плакат, 1987.
10. Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2002.
11. Миронова Е. Воздействие цвета в рекламе [Электронный ресурс] // Лаборатория рекламы – 2002 №4. URL: http://lab.advertology.ru/archiv/2002/frem_mironova.htm (дата обращения: 09.04.2008)
12. Мозер Клаус. Психология маркетинга и рекламы / Пер. с нем. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.
13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.
14. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России. – СПб.: Питер, 2003.
15. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста. Учебно-практическое пособие. – СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2003.
16. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек-цвет-пространство. – М., 1973.
17. Harris, Z. Methods in Structural Linguistics. – Chicago, 1951.
18. Hill, A. Introduction to Linguistic Structures. – N.Y., 1958.

ESSENCE OF GRAPHIC NON-VERBAL FACILITIES IN THE PRINTED ADVERTISEMENT

A. A. Anikaeva

*Tver
State
University*

*e-mail:
a.anikaeva@yandex.ru*

The article is sanctified to the problem of visual information in the printed advertisement. An author systematizes scientific material on graphic un verbal facilities. These facilities are examined from position of paragraphemical, psychological and creative aspects. Systematization of different points of view on the investigated problem allows complex to give a glance on the use in the printed advertisement of graphic un verbal facilities.

Key words: printed advertisement, topographemic, syngraphemic, supergraphemic, color, image, design.

УДК 316.346.32:316.776.3 (470.325)

МОЛОДЁЖЬ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК АУДИТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

А. М. Аткина*Администрация
Губернатора
Белгородской области**e-mail:
anna_atkina@mail.ru*

В статье исследуются различные характеристики молодёжи Белгородской области, которая рассматривается как специфическая аудитория региональных средств массовой информации. Также выделяются региональные особенности освещения молодёжной тематики в СМИ Белгородской области.

Ключевые слова: молодёжь, социология молодежи, СМИ для молодежи, государственная молодёжная политика.

Молодежь Белгородской области – это интеллектуальный, репродуктивный, экономический, социальный и культурный резерв региона, его стратегический ресурс и капитал. В регионе проживают сегодня около 400 тыс. молодых людей от 14 до 30 лет, составляющих около 37 % всего трудоспособного населения, свыше 22 % электората, и свыше 25 % от общего числа жителей области. Практически все белгородские средства массовой информации в той или иной степени ориентируются на эту активную, мобильную часть аудитории региона.

Белгородская молодежь как аудитория средств массовой информации будет представлена в данной статье во всем многообразии – будут учтены ее количественные и качественные характеристики. К последним относятся – психологические, социокультурные, профессиональные и др. Дифференциация молодежи необходима, чтобы определить, в какой степени особенности, присущие её различным группам, учитываются при подготовке публикаций региональных СМИ, включая те из них, которые ориентированы на молодёжную аудиторию.

При написании статьи использованы материалы социологических исследований, организованных при поддержке Управления по делам молодежи области и проведенных Белгородской областной организацией общества «Знание» России и Центром социальных технологий БелГУ в 2007–2008 гг. [1; 2; 3], материалы мониторинга СМИ, выполненного администрацией губернатора области [4], а также информация Департамента образования, культуры и молодёжной политики области, данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. Используемые материалы социологических исследований были посвящены либо какой-либо молодёжной проблеме, например, распространению экстремизма в молодёжной среде [1], либо отношению к средствам массовой информации населения в целом [2], когда молодежь рассматривалась в составе региональной аудитории как её часть. В данной статье были отобраны некоторые результаты этих социологических исследований, которые помогли составить классификацию характеристик молодежи как специфической аудитории региональных СМИ.

Несмотря на наличие ряда конкретно-социологических работ, изученность избранной темы следует охарактеризовать как недостаточную, поскольку исследователи не ставили перед собой задачу специального комплексного изучения молодёжи как специфической аудитории региональных СМИ. Имеющуюся литературу по изучаемой проблеме можно разделить на несколько тематических направлений. Непосредственно молодёжные СМИ (печать и телевидение) изучались советским автором В. Н. Ганичевым [5], современными исследователями Л. В. Цвик [6], М. Е. Аникиной [7] и др. Теме современной молодёжной (ювенальной) государственной политики посвящены работы И. М. Ильинского [8], белгородских авторов В. В. Овчинникова и

П. Н. Беспаленко [9]. Среди исследований по социологии молодежи можно отметить работы отечественных социологов А. В. Шарикова и С. Б. Цымбаленко [10], белгородских авторов В. П. Бабинцева и Ю. В. Коврижных [11]. В то же время практически отсутствуют работы, в которых тема СМИ для молодежи рассматривалась бы в тесной взаимосвязи с социологическими исследованиями молодежной аудитории и основными постулатами реализации государственной молодежной политики. Работы белгородских авторов позволяют составить общее представление об информационных потребностях молодежной аудитории региональных СМИ, характеризуют специфику реализации государственной молодежной политики в Белгородской области.

Основным методом исследования явился анализ содержания региональных СМИ, который позволил определить, насколько выявленные в ходе социологических исследований характеристики молодежи и ее информационные потребности артикулированы в публикациях СМИ Белгородской области. Были проанализированы публикации, выявленные в ходе мониторинга за полугодовой период с октября 2010 г. по апрель 2011 года. Этот временной отрезок был выбран в связи с его несколькими отличительными особенностями. Так, в октябре-ноябре в период и после выборов депутатов областной Думы V созыва отмечалось увеличение количества журналистских материалов о деятельности молодежных политических объединений («Наши», «Молодая гвардия» и др.). В декабре-январе, в период новогодних праздников, наблюдался спад количества материалов о молодежи, на февраль-март-апрель пришёлся рост публикаций в связи с увеличением количества проводимых молодежных мероприятий.

Метод сопоставительного анализа позволил сравнить количество и качество публикаций о молодежи в различные временные периоды и в разрезе конкретных СМИ, а также сопоставить результаты социологических исследований по близкой тематике, уточнить данные той или иной характеристики молодежной аудитории (например, процент молодежи, относящей себя к православной и др.). Также применялся оценочный анализ привлекательности заголовочных комплексов (насколько заголовки способны привлечь молодых читателей). Благодаря применению теоретического метода стало возможным на основании результатов исследования предложить **концепцию использования СМИ в поддержке молодежной политики региона и государства в целом.**

Молодежная аудитория и региональные СМИ Белгородской области.

Любое СМИ, стремясь добиться успеха на рынке массовой информации, определяет свою целевую аудиторию, изучает ее особенности и вкусы. В социологии журналистики аудитория определяется как «совокупность людей – адресатов журналистских произведений, возникающая на основе общности их информационных интересов и потребностей, а также форм, способов и каналов их удовлетворения» [12, с. 241].

По данным пресс-службы губернатора и правительства области, информационное пространство региона представлено следующими средствами массовой информации: 8 общедоступных столичных телевизионных каналов; 2 областные телекомпании (ТРК «Мир Белогорья» и ТК «Приосколье»); филиал ВГТРК – ГТРК «Белгород»; семь муниципальных и коммерческих телевещательных компаний (прим. – среди них – ТК «Белый город» и старооскольский «9 канал»); областное и местное радиовещание; около двадцати FM-радиостанций; три информационных Интернет-агентства; а также более шестидесяти периодических изданий, распространяемых в киоске и по подписке – в том числе три областные газеты («Белгородские известия», «Белгородская правда», «Смена») и около сорока межрегиональных, городских и районных газет, пять областных коммерческих журналов и сорок специализированных газет.

Безусловно, почти каждое из обозначенных СМИ рассматривает молодежь как часть своей целевой аудитории, в то же время немаловажную ее часть. По сравнению с взрослым населением молодежь в большей степени нуждается в информации, новостях: это происходит в силу ее психо-физических особенностей (активность, быстрота реакции, мобильность). Так, молодые люди много путешествуют по России и миру, до-

вольно часто меняют работу и место жительства. Молодежь нуждается в информации психологического, юридического, справочного характера: ведь такие важные события в жизни каждого человека, как вступление в брак (и, возможно, его расторжение), налаживание совместных отношений и быта с супругом, рождение и воспитание детей чаще всего происходят в пору молодости. Таким образом, средства массовой информации – какие-то в большей, какие-то в меньшей степени – призваны удовлетворять информационные потребности молодежи, которая составляет будущее страны и региона. Выполняют ли эту общественную обязанность региональные СМИ – попытаемся дать ответ.

На основе классификации И.Н. Блохина, который условно разделил социальные характеристики аудитории СМИ на несколько групп [12, с. 241 – 247], а также опираясь на результаты региональных социологических исследований [1; 2; 3], охарактеризуем белгородскую молодежь как аудиторию региональных СМИ по следующим критериям:

- социально-демографические (возраст, пол, место жительства);
- психологические (особенности восприятия информации, мотивы выбора СМИ);
- социокультурные (образование, вероисповедание, формы проведения досуга, субкультурные особенности);
- социально-профессиональные (род занятий, социальный и профессиональный статусы);
- идеологические позиции и ценностные устремления;
- потребительские (материальная обеспеченность, потребление отдельных видов товаров и услуг).

1) Итак, к социально-демографическим характеристикам молодежи относятся возраст, пол, место жительства и др. По данным Белгородстата, по состоянию на 1 января 2010 г. в Белгородской области проживает почти 105 тыс. человек в возрасте 14 – 19 лет, свыше 133 тыс. – в возрасте 20 – 24 года, и около 125 тыс. – в возрасте 25 – 29 лет. Всего – свыше 180 тыс. юношей и молодых мужчин и 183 тыс. девушек и молодых женщин. Более 70 % молодежи проживает в городах (прежде всего в крупных – Белгороде, Старом Осколе, Губкине), около 27 % – в сельской местности. В то же время для системы региональных СМИ актуальной является прежде всего разделение населения по месту жительства. Оно служит основанием для выделения таких типов СМИ, как областные, городские и районные. Безусловно, сельская молодежь в меньшей степени, чем городская, обеспечена информацией – не во всех населенных пунктах области есть техническая возможность приема телесигнала телеканалов ГТРК «Белгород» и ТРК «Мир Белогорья», во многих деревнях нет доступа в Интернет.

На Белгородчине отсутствуют издания и телепрограммы отдельно для юношей и девушек, ориентированные на разные возрастные группы молодежи. Более того, молодежь в возрасте от 14 до 30 лет чаще всего становится лишь частью аудитории средства массовой информации, заявленного как молодежное. Например, областная газета «Смена», позиционирующая себя как молодежная, не намерена терять «взрослого» читателя, который является ее основным подписчиком, поэтому регулярно публикует материалы о садово-огородной страде. В то же время в регионе присутствует потребность в специализированных СМИ для молодежи хотя бы общего характера (для всех возрастов, девушек и юношей).

К сожалению, СМИ для молодежи в Белгородской области в основном не являются долгосрочными проектами. Так, за прошедшие 10 лет были образованы и прекратили свое существование около десятка молодежных газет, журналов, телепередач. Это газета белгородского студенчества «Студень» (выходившая в 2001 – 2008 гг.), православный молодежный журнал «Новый ковчег» (издавался в 2003 – 2008 гг.), телепрограммы для молодежи «Поколение Next» (2002 – 2005 гг., ТК «Магнит»), «Молодежный формат» (2004 г., ТК «Белый город»), «Молодежный базар» (2005 г., ГТРК «Белгород»), ток-шоу «Вовремя» (2010 г., ГТРК «Белгород»), радиопередача «Молодые ветра» («Радио 31», 2010) и др.

В настоящее время, помимо областной молодежной газеты «Смена» (с 1956 г.) и ее юнкоровского приложения «Вторая смена» (с 2003 г.), в регионе выпускается радиопередача для молодежи «Горизонт» (ГТРК «Белгород», с 2006 г.) Кроме того, выходят молодежные приложения к «взрослым» изданиям – «Enter Зона» при общественно-политической газете «Голос Белогорья» (с осени 2010 г.), «Онлайн» при городской общественно-политической газете «Наш Белгород» (с марта 2011 г., с июня того же года выходит под названием «Репортер»). Молодежные приложения, в выпуске которых активно участвуют студенты факультета журналистики Белгородского государственного университета, привлекают неплохой версткой, обилием фотографий, интересными темами и подачей материалов. Насколько долго они просуществуют – покажет время. Подобные проекты нередко имеют короткую жизнь. Для примера, молодежное приложение к «Нашему Белгороду» под названием «ПроБел» выпускался студентами журфака БелГУ с 2006 по 2008 гг.

Весной 2011 г. молодыми энтузиастами был запущен «Белгородский народный портал». Среди рубрик сайта – «Про жизнь» – новости Белгорода, «Последний Ряд» – о кино- видео-новинках, «ДециБел» – о музыке, а также рубрика, посвященная спорту. На сайте выложены видеоотчеты о городских праздниках, концертах и фестивалях, которые заинтересовали создателей сайта. Тематика статей и видеоматериалов разнообразна и актуальна – экскурсия по кафе и пиццериям, интересные факты о Белгороде, обзор цен на рынке арендного жилья и др. Надо сказать, что формат Интернет-сайта является привлекательным для молодых людей благодаря удобству использования, мультимедийности, интерактивности, а также психологическим особенностям самой молодежи;

2) Психологические характеристики аудитории средств массовой информации – это мотивы выбора СМИ и отдельных материалов, особенности восприятия, понимания, использования информации. По данным региональных социологических исследований [3] большинство молодых людей являются пассивными читателями, они изредка останавливают свое внимание на бесплатных или случайно обретенных изданиях. В среде молодежи преобладает поверхностное чтение, беглый просмотр.

У значительной части молодежи успешны СМИ со следующими характеристиками: без снобизма и элитарных замашек (молодежь демократична и не симпатизирует «элите»); с хорошей подачей материала и эстетичным дизайном (молодежь выбирает профессионализм и красочное качественное оформление); с применением новых мультимедийных технологий (молодежь ценит интерактивность, гипертекстовость и др.); с актуальной тематикой (существует больший, чем принято думать, интерес молодых к общественно-политической жизни, но в глобальном аспекте); с удобным форматом и невысокой ценой (молодежь – рациональна).

По данным других социологических исследований [2, с. 8 – 9] молодые люди не старше 29 лет реже других категорий населения являются регулярными читателями печатных СМИ (около 13 % молодежи регулярно читают газеты и журналы). При выборе печатного издания цветное исполнение (около 30%), качество бумаги (около 20 %) и наличие иллюстраций (28,5 %) гораздо чаще других указывают студенты. Форматы А4 (около 44 %) и А5 (10 %) также чаще выбирает молодежь до 29 лет и студенты (43 % и около 11 % соответственно). Таким образом, молодые чаще всего из обилия периодики выбирают гляцевые журналы. В целом же, можно сказать, что в условиях скоростного развития мультимедийных технологий и Интернета чтение периодики все больше утрачивает для молодежи свою актуальность [7];

3) Социокультурные характеристики молодежной аудитории СМИ – это образование, вероисповедание, формы проведения досуга, субкультурные особенности. Эти характеристики позволяют выделить СМИ по социальным и культурным интересам аудитории. По сведениям областного департамента образования, культуры и молодежной политики, на сегодняшний день в Белгородской области насчитывается 21 высшее и 27 среднеспециальных учебных заведений, в которых обучаются около

100 тыс. студентов. В 19-ти учреждениях начального профессионального образования (училищах) занимаются 8800 учащихся. По данным Белгостат, общая численность учащейся молодежи составляет свыше 126 тыс. человек. Их информационные потребности стараются удовлетворять издания учебных заведений, а также областная молодежная газета «Смена».

По итогам социологического исследования [3] большая часть (96,4 %) населения в регионе исповедуют православие. При том, что сознательно верующих всего 26,3 %. Высокий уровень доверия к Русской православной церкви у молодежи. Так, студенческая и семинаристская молодежь (около 95 %) считает РПЦ подлинной выразительницей и защитницей интересов простых людей и всего народа. Однако со вступлением во взрослую жизнь оценки молодежи становятся критичнее. Другое социологическое исследование не отмечает высокого уровня религиозности молодежи ЦФО. «Православие является лишь социокультурным феноменом и фактически маркирует этническую принадлежность» [1, с. 15].

В то же время, в регионе присутствует сообщество православной молодежи – это учащиеся Белгородской православной духовной семинарии, члены православных молодежных организаций и воцерковленные молодые люди. Всем им присущи специфические информационные потребности по сравнению с основной массой молодежи. Молодежная православная журналистика представлена преимущественно газетами духовных учебных заведений и православных организаций. Например, журнал Марфо-Мариинского сестричества милосердия «Добродетель», а также газеты «Семинарский вестник» (издается Белгородской православной духовной семинарией) и «Свет Христов» (издается Православным молодежным миссионерским центром в г. Белгороде).

Что касается проведения досуга белгородской молодежью, то здесь следует сказать об официальном (формальном) и неофициальном (неформальном) досуге. Первый организуется органами по делам молодежи в рамках реализации ряда официальных документов – Стратегии государственной молодежной политики РФ, областных программ по духовно-нравственному и военно-патриотическому воспитанию молодежи, а также центральной областной программы «Молодежь Белгородчины». Деятельность по организации досуга молодежи разделена на несколько направлений – это привлечение подростков к занятиям в военно-патриотических клубах регионального отделения ДОСААФ России (начитывается 190 таких клубов); организация занятости молодежи в студенческих трудовых отрядах (351 ед.), летних трудовых лагерях (174 ед.), трудовых отрядах дневного пребывания (373 ед.) и др.; строительство и ремонт дворовых (852 ед.) и пришкольных (716 ед.) спортивно-досуговых площадок; привлечение молодежи к участию в различных фестивалях, конкурсах, соревнованиях.

В организации неофициального досуга участвуют чаще всего коммерческие структуры, а также сама молодежь. В свободное время молодые люди занимаются в секциях и кружках по интересам, тренажерных залах, посещают развлекательные и торговые центры, кафе, кинотеатры и т. д. И, если для популяризации официального досуга, журналистские материалы выпускаются в соответствующих официальных СМИ («Смена», «Белгородские известия», ТРК «Мир Белогорья» и др.), то неформальный, платный досуг чаще всего рекламируется в рекламных справочных изданиях (брошюра «Афишка», газеты бесплатных объявлений).

Субкультурные молодежные образования на территории региона присутствуют в меньшем разнообразии, чем их выявлено на федеральном уровне. По данным управления по делам молодежи области за 2010 г., в регионе насчитывается 88 неформальных объединений молодежи, большинство из которых имеют творческую или спортивную направленность – это хип-хоперы, рок-музыканты, байкеры, стритрейсеры, роллеры, брейк-дансеры, скутеристы и др. В меньшинстве находятся любители интеллектуального кино, японской анимации, нестандартной архитектуры. Многие из этих неформальных объединений молодежи получают поддержку от областных

и муниципальных органов по делам молодежи. Так, при непосредственном участии властных структур не первый год проводятся слет байкеров и мотоциклистов Черноземья, фестивали «Стрит-данс» (по уличным танцам) и «Джокер» (по мастерству диджея и МС) и др.

В то же время в регионе действуют молодежные организации, ценностные ориентации которых имеют некоторый политический и идеологический оттенок (анархисты, нацболы, «зеленые» и др.), а также напротив – аполитичные, эскапистского характера (хиппи, панки, эмо, готы и др.). Все эти группировки молодежи, вступающие в противоборство (пусть и показное) с общественным укладом, находятся в ведении Совета безопасности области, управлений ФСБ и УВД по области, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Губернаторе области. Специализированных СМИ для различных субкультур молодежи в регионе не выпускается, если не считать глянцевого молодежный журнал «Буржуй» (уже ушедший в историю), который был нацелен на так называемую «золотую молодежь»;

4) К социально-профессиональным характеристикам молодежной аудитории относятся род занятий, профессиональный и социальный статусы. По профессиональным признакам в среде молодого поколения выделяются старшекласники, студенческая молодежь, молодые специалисты, безработные, военнослужащие. Социальный статус молодого человека определяется исходя из его семейного положения. Ориентация на некоторые из этих характеристик формирует, прежде всего, корпоративные (школьные и вузовские) региональные СМИ, о наличии профессиональных и деловых СМИ для молодежи в регионе говорить не приходится.

Студенческая молодежь – обладает присущими ей информационными потребностями, например, о последних новостях из сферы образования, студенческих традициях, формах проведения досуга, психологических аспектах взаимоотношений со сверстниками и преподавателями. Самый актуальный вопрос для старшекласников (абитуриентов) – это сдача единого государственного экзамена и поступление в вуз, поэтому их заинтересует информация об особенностях различных профессий, разъяснения специалистов (чиновников, психологов, педагогов) о порядке сдачи ЕГЭ, рассказы «бывалых».

По данным службы статистики, в Белгородской области насчитывается свыше 182 тыс. молодых специалистов и около 4 тыс. безработной молодежи. Численность молодых семей, возраст каждого из супругов в которой не превышает 35 лет, составляет около 40 тыс. Эти категории молодежи интересуют широкий круг тем – от поиска работы и повышения квалификации до межличностных отношений в семье и особенностей воспитания детей. Военнослужащие – особая категория – им будет интересно почитать советы по выполнению воинского устава, новости из родного края.

Региональные СМИ отчасти удовлетворяют информационные потребности всех обозначенных групп молодежи. При наличии информационного повода газеты, телекомпания, радиостанции, интернет-порталы регулярно выдают новостные сообщения о начале приема в вузы и сузуы, воинском призыве, повышении стипендии или других льготных выплат для студентов, изменениях на рынке труда и др. В то же время не хватает более серьезных журналистских материалов о проблемах молодежи в различных социальных статусах с привлечением комментариев психологов, педагогов, специалистов центров занятости, работников военкоматов и др. Следует отметить, что в 2010 году в регионе стала активнее развиваться пресса для молодой семьи. Уже больше года успешно действует портал belmama.ru, в начале 2011 года вышел региональный журнал «Родительский репортер». Кроме того, на семейную аудиторию продолжает ориентироваться передача «Телевизионный семейный клуб», которая выходит на ТРК «Мир Белогорья» более двух лет;

5) Идеологические характеристики и ценностные устремления молодежной аудитории региональных СМИ были исследованы в рамках социологического исследования духовного здоровья молодежи Белгородской области [3]. По его результатам

для большей половины молодежи Белгородчины (50 – 55 %) характерно ровное оптимистическое настроение; 26 – 28 % молодых людей в возрасте до 24 лет полагают, что честность, достоинство, ответственность, верность востребованы в сегодняшних экономических отношениях в полной мере, а 55 % – что востребованы частично. Однако оценки этих качеств у работающей молодежи 25 – 29 лет во многом иные: 30 % этой группы говорит о невостребованности названных качеств.

Как показывает социальная практика, молодые люди становятся все более прагматичными и рационально мыслящими, ориентируются на достаток и деловую карьеру. Возможность достижения этих целей связывается с получением хорошего профессионального образования и наличием условий для самореализации. Коллективные ценности все чаще отходят в молодежном сознании на второй план. Лишь 8 % молодежи в возрасте 21 – 29 лет согласны с суждением, что надо работать на благо страны, а не только на себя.

Гедонистические установки разделяет около $\frac{2}{3}$ молодых людей. Богатство как терминальную и как инструментальную ценность в жизни устойчиво исповедует около 20 % молодых людей, которые готовы «вкалывать» на любой работе лишь бы разбогатеть. Подчас коммерческие СМИ, ориентированные на молодежную аудиторию (белгородский журнал «Буржуй» и др.), а также преимущественно вся глянцева-я журнальная периодика регионального и федерального масштаба способствуют распространению гедонистических установок и других ценностей общества «массового потребления»;

б) К потребительским характеристикам белгородской молодежи относятся: материальная обеспеченность, потребление отдельных товаров и услуг. Знание подобных характеристик важно для успешной деятельности рекламодателя и повышения рекламно-информационной эффективности СМИ. По данным региональных социологических исследований [3] молодые люди проникнуты оптимизмом относительно дальнейшего улучшения своего материального положения своими усилиями (65 %). Около 20% полагают, что этого можно добиться лишь объединившись. В то же время большинство молодежи, которая демонстрирует такой оптимизм, готова хоть завтра покинуть Россию и навсегда уехать в одну из развитых стран при условии, чтобы там было бы жилье и работа.

Что касается потребления отдельных товаров и услуг, то на молодых людей от 14 до 30 лет как на потенциальных покупателей нацелено большое количество товаров-производителей и поставщиков услуг. Преимущественно для молодежи работают бутики модной одежды, торгово-развлекательные центры, тренажерные залы, фитнес-центры, пиццерии и др. И газета или телепрограмма, нацеленная на молодежную аудиторию, часто рекламируют молодежные товары и услуги для того, чтобы окупить производственные расходы. Например, белгородское молодежное ток-шоу «Вовремя» рекламировало джинсовую одежду, предоставленную ведущему, а также арт-клуб «Студия», где проходили съемки некоторых сюжетов.

Таким образом, налицо дифференциация белгородской молодежи по возрасту, полу, образованию, отношению к религии, принадлежности к той или иной субкультуре, социально-экономическому положению и другим факторам. В то же время в Белгородской области действуют единицы средств массовой информации, ориентированных на молодежь, преимущественно универсального характера (областная газета «Смена», радиопрограмма «Горизонт» и др.). О создании узкоспециализированных СМИ, например, для православной молодежи, отдельно девушек и юношей, поклонников рок-музыки пока речи не идет. Что же касается большинства региональных СМИ общественно-политического профиля, то они освещают молодежные темы в общем порядке.

Освещение молодежных тем региональными СМИ

«Функции журналистики характеризуют совокупность ее обязанностей и выполняемых ею задач, способ жизнедеятельности в обществе». (...) По мнению специалистов, изучающих журналистику, роли ее как вида человеческой деятельности разнообразны. Говорят о роли журналистики в познании окружающего, выработке человечеством ценностных ориентаций, социализации личности, просвещении и воспитании, распространении культуры, отмечают ее регулятивное и контрольное участие в управлении общественными процессами, в социальной защите людей и снабжении каждого утилитарными сведениями, указывают на гедонистическое значение журналистики, участие ее в психической регуляции, компенсаторной, тонизирующей деятельности (развлечение, разрядка, снятие напряжения) и т. д. и т. п.» [13, с. 44 – 46].

Что касается функций государственной молодежной политики (ГМП), то многие из них пересекаются с функциями журналистской деятельности. Так, в рамках ГМП применяются меры по созданию условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи. Кроме того, принятая в 2006 году «Стратегия государственной молодежной политики» нацелена на воспитание в подрастающем поколении активной гражданской позиции (проект «Доброволец России»), самоопределение молодежи на рынке труда (проект «Карьера»), интеграцию молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества (проект «Шаг навстречу»), поддержку молодых семей (проект «Молодая семья России»), формирование общероссийской молодежной информационной сети («Новый взгляд»).

Одним из документов, определяющих особенности регионального освещения молодежных тем, является Программа по обеспечению духовной безопасности в Белгородской области, утвержденная Администрацией Губернатора области, а также Белгородской и Старооскольской епархией. Так, в рамках мероприятий на 2011 г. запланировано подписание меморандума между епархией и средствами массовой информации о сотрудничестве в области недопущения распространения информации, наносящей вред духовно-нравственной культуре и общественной морали. В течение всего года рекомендовано проводить разъяснительную работу, в том числе в областных и муниципальных СМИ, о преимуществах праздников традиционной духовной и русской культуры. Также предполагается привлечение СМИ для недопущения использования в целях оздоровления, лечения и реабилитации методов и средств оккультно-мистического происхождения, наносящих психический и физический вред здоровью человека.

Таким образом, основу концепции использования региональных СМИ в поддержке молодежной политики области и государства в целом составляет выполнение редакциями следующих функций: участие в социализации и самореализации молодежи, ее воспитании, формирование в подрастающем поколении духовно-нравственных и патриотических ценностей, обеспечение духовной безопасности, оказание помощи молодежи в решении ее проблем, оказание информационных услуг по снабжению утилитарными справочными сведениями, реализация гедонистического назначения журналистики. Выполняют ли региональные СМИ обозначенные функции? Для ответа на этот вопрос обратимся к данным мониторинга медиасредства.

По данным мониторинга СМИ [4] за полугодовой период с октября 2010 г. по март 2011 г. включительно по теме «молодежная политика, духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи» вышло 1675 журналистских материалов. В том числе в федеральных, областных и районных газетах были опубликованы 1092 статьи, на сайтах различных уровней размещено 377 материалов, в телеэфир вышло 206 репортажей. Наибольшее число упоминаний в СМИ о молодежной политике зарегистрировано в феврале и марте (около 400), наименьшее – в декабре и январе (около 200), что связано с общим снижением активности региональных СМИ в канун и в период новогодних праздников.

Большая часть материалов региональных средств массовой информации – это новости о проведении различных молодежных фестивалей и акций, информационные отчеты по итогам деятельности органов по делам молодежи области, информация о работе научно-практических конференций по духовно-нравственному воспитанию молодежи, деятельности молодежного правительства, выборах в молодежный совет и др. Большинство данных новостных материалов носит позитивную направленность.

Что касается проблемных аналитических статей и репортажей, то это либо материалы негативного характера, которых за полгода вышло более двадцати, либо предвыборные пропагандистские статьи и репортажи, вышедшие в октябре 2010 года в канун проведения выборов депутатов областной Думы пятого созыва. Проблемные материалы посвящены несовершеннолетним, живущим без регистрации гражданства, негативному отношению к празднованию Хелоуэна, плохой организации досуга сельской молодежи, судьбах ушедших из дома подростков и др. Предвыборные – рассказывали о проведении молодежными движениями «Молодая гвардия», «Наши», «Сталь» различных акций и митингов – экологических, в защиту прав потребителя, против роста цен и др.

Следует отметить, что негативные материалы либо являются заказными со стороны властных структур с целью формирования общественного мнения (статьи против празднования Хелоуэна), либо иницируются в основном журналистами белгородских приложений к межрегиональным и федеральным изданиям («Житье-Бытье», «АиФ-Белгород» и др.), реже – областными СМИ («Белгородские известия», «Смена», ГТРК «Белгород», ТРК «Мир Белогорья» и др.). В случае выхода негативного материала по закону о СМИ департамент образования, культуры и молодежной политики области готовит официальный ответ редакции.

Большой общественный резонанс, особенно среди молодежи, вызвали последствия реализации в регионе мероприятий программы по обеспечению духовной безопасности населения. Так, информация о рекомендации властей не проводить музыкальных концертов в стиле «heavy metal» и не организовывать праздничных мероприятий в честь Дня Святого Валентина «просочилась» в федеральные СМИ. Они же преподнесли ее в качестве «жаренного факта» под заголовками типа «Губернатор Савченко запретил heavy metal и День Святого Валентина».

Далее охарактеризуем журналистские материалы на молодежные темы в разрезе конкретных средств массовой информации Белгородской области. Наиболее активными в освещении вопросов молодежной политики являются следующие региональные СМИ:

- 1) в сети Интернет – информационные агентства bel.ru, belfm.ru;
- 2) среди печатных СМИ – молодежная газета «Смена», «Белгородские известия», «Наш Белгород», в меньшей степени – «Белгородская правда», районные газеты;
- 3) среди телерадиокомпаний – ТРК «Мир Белогорья», ТК «Белый город», в меньшей степени – ГТРК «Белгород».

Материалы информагентств носят новостной характер, что отчетливо читается в заголовках: У молодёжных православных объединений появился свой сайт, КВНщики Белгородской области вышли в финал центральной лиги «Старт», Белгородское молодёжное правительство отмечает 10 лет своей деятельности. На лентах информагентств bel.ru и belfm.ru ежемесячно выпускается в среднем по 15 – 25 кратких новостей, касающихся молодежи и молодежной политики, то есть почти каждый рабочий день.

Печатные СМИ также не отстают: областная молодежная газета «Смена» (выпускается два раза в неделю), общественно-политические газеты «Белгородские известия» (три раза в неделю) и «Наш Белгород» (один раз в неделю) также публикуют ежемесячно в среднем свыше двадцати материалов о молодежи и молодежных мероприятиях – каждая. Общая доля двух десятков районных газет составляет свыше семидесяти материалов о молодежи ежемесячно. Районки регулярно рассказывают на своих стра-

ницах об успехах молодых земляков на различных поприщах, о работе местных молодежных организаций, например, о развитии волонтерского движения в районе.

Специфика печатных СМИ позволяет выпускать более расширенные заметки и корреспонденции, однако большая их часть также посвящена проведению мероприятий органов по делам молодежи и предвыборных молодежных акций. Заголовки в газетах более образны, не столь информативны как на Интернет-сайтах, порой напоминают лозунги: «В единстве – наша сила» (о молодежном форуме в г. Валуйки, районная газета «Валуйская звезда»), «Завязали узлы дружбы» (о встрече активистов «Молодой Гвардии» и учеников кадетских классов, «Смена»), «И Родины имя так долго звучит!» (о форуме белгородской молодежи, «Белгородские известия»), «На экспедицию равняйся!» (о проведении областной героико-патриотической экспедиции памяти генерала Шумилова, «Смена») и др.

Что касается материалов, которые могли бы вызвать живой отклик молодых белгородцев, то их выходит не так много – примерно 10 процентов от общего числа опубликованных газетных статей о молодежи за месяц. Интересные темы диктуют привлекательные заголовки: «Спилберг отдыхает...» (о турнире по лазерному пейнтболу в Старом Осколе, «Смена»), «Пушкин в «кармане» (об акции творческого клуба «Поколение МЫ», приуроченной к празднованию 199-й годовщины со дня основания Царскосельского лицея, «Наш Белгород»), «Белая Ворона» расправляет крылья» (о клубном фестивале «Белая Ворона» в Белгороде, «Смена»), «Им не вручали повесток» (о визите в Белгород писателя из республики Крым И.К. Мельникова, автора книг о юных героях Великой Отечественной войны, «Смена»), «Правда о войне» (о молодых белгородских исследователях малоизвестных страниц Великой Отечественной войны, «Белгородские известия»), «Обратная сторона Хеллоуэна» («Наш Белгород»).

Региональные телекомпании широко освещают наиболее крупные молодежные акции, фестивали и форумы в новостных выпусках «Вести-Белгород», «Новости Мира Белогорья» и «К этому часу». Ежемесячно на ГТРК «Белгород» выходит пять – семь тематических репортажей, на ТРК «Мир Белогорья» и ТК «Белый город» – около десяти. Из этого числа примерно один – два репортажа посвящены актуальным молодежным темам, например, комплексному рассмотрению вопросов патриотического воспитания молодежи, борьбе с подростковым алкоголизмом, получению субсидии на строительство жилья для молодых семей и др. Кроме того, на ТРК «Мир Белогорья» молодежные темы поднимаются в передаче «Телевизионный семейный клуб». К сожалению, специализированная передача для молодежи на региональном телевидении не выпускается.

Таким образом, региональные СМИ достаточно активно участвуют в поддержке молодежной политики региона и государства в целом. Об этом отчасти говорит большое количество вышедших материалов. Что касается качественных характеристик, то здесь наблюдается некоторая неравномерность в выполнении обозначенных выше функций информационного сопровождения ГМП. Наиболее полно региональными СМИ выполняются функции по участию в самореализации и воспитании молодежи, обеспечению ее духовной безопасности. Большинство материалов местных СМИ посвящено проведению различных фестивалей, конкурсов, акций, работе военно-патриотических клубов, православных трудовых отрядов и другим направлениям деятельности управления по делам молодежи области и Белгородской и Старооскольской епархии. Как уже было сказано выше, нередко по темам патриотического воспитания и духовной безопасности молодежи выходят аналитические передачи и статьи (например, о дискредитации празднования Хеллоуэна). В то же время пропагандистская

работа региональных СМИ подчас сводится на нет в результате вмешательства федеральных газет и телеканалов (история с Днем Святого Валентина).

Что касается выполнения СМИ функций участия в социализации подростков, оказания помощи молодежи в решении ее проблем (в сферах трудоустройства, обеспечения жильем, получения качественного образования и др.), предоставления полезных справочных сведений и развлекательных материалов, то здесь имеется в наличии меньшее число журналистских материалов. По результатам мониторинга региональных СМИ и на основе выявленных ранее в ходе социологических исследований характеристик белгородской молодежи (возраст, пол, образование, вероисповедание, род занятий, субкультурные особенности и др.) можно сделать вывод, что информационные интересы молодежной аудитории недостаточно артикулированы в материалах региональных СМИ.

Результаты исследования

По итогам проведенного исследования молодежной аудитории СМИ Белгородской области и степени освещения молодежных тем региональными газетами, телерадиокомпаниями, информагентствами можно сформулировать следующие выводы:

1. Молодежь Белгородской области является большой социальной группой со своими специфическими характеристиками – социально-демографическими, психологическими, социокультурными, социально-профессиональными, идеологическими (ценностными), потребительскими. В то же время большинство региональных СМИ не учитывают обозначенные особенности молодежи при подготовке журналистских материалов, не стремятся удовлетворять информационные потребности молодых белгородцев как своей целевой аудитории или же ее части. Это утверждение подтверждает малое количество журналистских материалов (около 10 % от общего количества), посвященных молодежным проблемам или хотя бы просто вызывающих интерес молодежи привлекательными для нее заголовками и темами.

2. Вместо реального удовлетворения информационных интересов и потребностей молодых белгородцев в регионе имеет место активное освещение мероприятий и, в целом, деятельности органов по делам молодежи области. Причин этому несколько. Во-первых, распоряжением первого заместителя губернатора области О. Полухина утверждены фиксированные показатели информационного сопровождения деятельности департаментов и управлений области. Так, лимит департамента образования культуры и молодежной политики области составляет 800 журналистских материалов в месяц. Доля управления по делам молодежи, которое входит в структуру департамента, составляет в среднем – 250 – 300 статей и репортажей ежемесячно. Таким образом, органы власти стремятся организовывать освещение как можно большего числа своих мероприятий в региональных СМИ. Для этого в департаменте подготовлен и реализуется годовой медиа план. Его реализацией занимается специальный сотрудник – пресс-секретарь – при организационной поддержке пресс-службы губернатора и правительства области.

Во-вторых, состояние региональной журналистики таково, что критические статьи и репортажи в большинстве случаев оказываются нежелательными (если только они не заказные). Примером, характеризующим взаимоотношения власти и областных СМИ, является случай с запретом празднования Дня Святого Валентина. Тему поддержали свыше двадцати федеральных информагентств и газет (utro.ru, gudok.ru, segodnia.ru, «Российская газета», «Коммерсантъ» и др.), а региональные СМИ в своем большинстве никак не прокомментировали «щекотливую» ситуацию. Лишь газета «Белгородская правда» и портал mediatron.ru выступили в защиту позиции власти о том, что этот праздник не является исконно русским, а «навязан» нам Западом. Из двух десятков районных газет отреагировали всего две. Таким образом, в очередной раз снизился авторитет региональных СМИ, прежде всего, среди молодежи.

В-третьих, сама молодежь либо не желает, либо считает неэффективным отстаивания своей позиции в региональных СМИ. Чтобы избежать редакционной цензуры, многие активные молодые люди высказывают свою точку зрения в личных блогах или на сайтах сообществ «Живого журнала» (belgorod, belgorod.help) и др. Публикация в областной газете используется блогерами с целью создать теме более широкий общественный резонанс. Порой в этом нет необходимости, ведь нередки случаи, когда информация из блогосферы вызвала интерес сразу в редакциях федеральных СМИ. Положительной тенденцией, по нашему мнению, является желание и возможности молодых белгородцев создавать альтернативные СМИ, которые бывают интересны не только самим создателям, но и широкой молодежной аудитории («Белгородский народный портал»);

3. На Белгородчине выпускаются единицы региональных средств массовой информации для молодежи (газета «Смена», радиопрограмма «Горизонт» на ГТРК «Белгород»). Отсутствуют региональные издания и телепрограммы отдельно для юношей и девушек, ориентированные на разные возрастные группы молодежи. В связи с тем, что информационные запросы молодежи удовлетворяются региональными СМИ не в полной мере, в Белгородской области присутствует потребность в СМИ для молодежи (для всех возрастов, вне зависимости от половой принадлежности, социального и профессионального статусов).

Подает большие надежды новый проект, инициированный молодыми энтузиастами – «Белгородский народный портал». Кроме того, недавно был подписан договор между НИУ «Белгородский государственный университет» и МУ «Белгород-медиа» об участии студентов факультета журналистики в подготовке молодежного контента для городской газеты «Наш Белгород», ТК «Белый город» и муниципального сайта «Белновости». Для выполнения этой задачи образован творческий студенческий коллектив из 12 человек;

4. Основу концепции использования региональных СМИ в поддержке молодежной политики области и государства в целом составляет выполнение редакциями следующих функций: участие в социализации и самореализации молодежи, ее воспитании, формирование в подрастающем поколении духовно-нравственных и патриотических ценностей, обеспечение духовной безопасности, оказание помощи молодежи в решении ее проблем, оказание информационных услуг молодежи по снабжению утилитарными справочными сведениями, реализация гедонистического значения журналистики. По результатам исследования выяснилось, что региональными СМИ не все обозначенные функции выполняются в полной мере.

Средства массовой информации области не в полной мере участвуют в социализации подростков, оказании помощи молодежи в решении ее проблем (в сферах трудоустройства, обеспечения жильем, получения качественного образования и др.), в предоставлении полезных справочных сведений и развлекательных материалов. По этим темам за полугодовой период представлено наименьшее число журналистских материалов. Для заполнения этой актуальной информационной ниши, органы по делам молодежи области могли бы проводить пресс-конференции не только по организации ежегодных фестивалей, но также по актуальным для молодежи вопросам. Редакциям СМИ, особенно ориентированным на молодежь, следует не ждать готового пресс-релиза о молодежной политике, а самим договариваться о комментариях специалистов по различным актуальным для молодежной аудитории темам, например, связанным с жизнью молодой семьи, деятельностью групп молодежи, представляющих различные молодежные субкультуры. Заинтересуют молодежь развлекательные и справочные материалы. Также будет иметь успех оригинальная подача материала, эстетичный дизайн, наличие иллюстраций. Эти и другие меры, наряду с созданием и грамотной работой в регионе средств массовой информации для молодежи, на наш взгляд, позволят укрепить авторитет местных СМИ в среде белгородской молодежи. А при помощи качественных журналистских материалов молодежная политика региона и государства в целом будет реализовываться более эффективно.

Список литературы

1. Бабинцев В. П. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)» [Электронный ресурс] / Отчет подготовлен временным творческим коллективом в составе: Дятченко Л. Я., доктор социологических наук, профессор; Бабинцев В. П., доктор философских наук, профессор (руководитель коллектива); Реутов Е. В., кандидат социологических наук, доцент; Воронов В. А., кандидат социологических наук; Заливанский Б. В., кандидат социологических наук; Набережная М. А., кандидат педагогических наук; Самохвалова Е. В. – Белгород, 2008. – 89 с.
2. Бабинцев В. П. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования «Отношение населения Белгородской области к местным средствам массовой информации» [Электронный ресурс] / Отчет подготовлен временным творческим коллективом в составе: Бабинцев В. П., доктор философских наук, профессор (руководитель коллектива); Заливанский Б. В., кандидат социологических наук; Самохвалова Е. В. – Белгород, 2008. – 68 с.
3. Возьмитель А. А., Хвыля-Олинтер А. И., Беспаленко П. Н. Повседневная жизнь, духовно-нравственное здоровье и духовная безопасность населения в Белгородской области [Электронный ресурс]. – Белгород, 2007.
4. Мониторинг средств массовой информации по теме «Духовно-нравственное и патристическое воспитание молодежи» за период с ноября 2010 по апрель 2011 гг. [Электронный ресурс] / подготовлен отделом мониторинга управления информации и массовых коммуникаций Администрации Губернатора области, – Белгород, 2011.
5. Ганичев В. Н. Молодежная печать: история, теория и практика / В. Н. Ганичев, – М., – 1976.
6. Цвик В. Л. Молодежные телепрограммы [Текст] / В. Л. Цвик // Телевизионная журналистика: История, теория, практика: Учебное пособие. – М.: Аспект пресс, 2004. – С. 306 – 326.
7. Аникина М. Е. Молодежная аудитория печати: чтение в условиях развития Интернета [Электронный ресурс] : дисс. ... канд. филол. наук / М. Е. Аникина ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru>.
8. Ильинский И. М. Молодежная политика / И. М. Ильинский // Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. – С. 472 – 476.
9. Овчинников В. В., Беспаленко П. Н. Молодежь Белгородчины: с гордостью за прошлое, с заботой о настоящем, с верой в будущее! / В. В. Овчинников, П.Н. Беспаленко, – Белгород, 2008. – 239 с.
10. Информационное пространство российского подростка в постсоветский период (социологический анализ) / С. Б. Цимбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова, – М, НИИ школьных технологий, – 2006. – 128 с.
11. Бабинцев В. П., Коврижных Ю. В., Реутов Е. В. Социология молодежи: Учебник. – Белгород: Константа, 2008. – 218 с.
12. Социология журналистики: Учеб. Пособие для студентов вузов / И. Н. Блохин и др.; под ред. С. Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, – 2004. С. – 241 – 247.
13. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебное пособие. – М.: Изд. РИП-холдинг, 2002. – 322 с.

YOUTH OF BELGOROD REGION AS AUDIENCE OF REGIONAL MASS MEDIA

A. M. Atkina

*Administration of
Belgorod region*

*e-mail:
anna_atkina@mail.ru*

The article deals with a different descriptions of Belgorod region's youth, which is considered as specific audience of regional mass media. Besides It is attended regional peculiarities of treatment in mass media youth's themes, which makes up conception of information youth's policy.

Key words: youth, sociology of youth, mass-media for youth, state youth's policy.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕДИАСИСТЕМЕ КАЗАХСТАНА

Т. В. Вялых

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
vyalykh@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности развития русского языка в медиасистеме Казахстана после провозглашения республикой государственного суверенитета в 1990 г. В качестве основополагающих факторов, влияющих на медийное функционирование русского языка в Казахстане, представлены: государственная языковая политика, телевизионная среда, газетная периодика, Интернет-пространство. Оценка медийной среды Казахстана показана во взаимодействии языковой политики правительства и современных СМИ.

Ключевые слова: медиасистема Казахстана, русский язык, «Закон о языках в Республике Казахстан», государственный язык, лексическое смешение.

В октябре 1990 г. Верховным Советом Казахской ССР была принята Декларация о государственном суверенитете Республики. С этой даты начинается не только новый период истории Казахстана, но и время конфликтного сосуществования в медиасистеме республики двух языков: русского и казахского.

До объявления полной независимости Казахстана (16 декабря 1991 г.) о языковом противоборстве, а уж тем более о преобладании казахского языка на государственном уровне, никто не говорил. По данным переписи населения, на 1989 г. количество русскоязычных жителей Казахстана составляло 37 % [21]. А в отдельных регионах их численность преодолевала пятидесятипроцентный рубеж (так, в северных, граничащих с Российской Федерацией областях, доля русскоязычного населения доходила до 66 %) [21]. Такое численное соотношение создавало свои плюсы для русскоязычного населения страны. Казалось, для второй по величине диаспоры ближнего зарубежья (6 млн. человек, после самой большой на Украине — около 11 млн.) [21] не существовало никаких преград в культурно-языковом развитии.

Переопределило статус русского языка в Казахстане, решив его дальнейшую участь, также и принятие в 1989 г. закона «О языках в Казахской ССР». В законе говорилось, что «государственным языком Казахской ССР является казахский язык», а русский язык является «языком межнационального общения». В сочетании с другими факторами это вызвало дальнейшую массовую миграцию из Казахстана русскоязычного населения. Многие исследователи именно в масштабности оттока населения видят главную причину дальнейшего изменения государственной политики по вопросу русского языка. Так, председатель Казахстанской ассоциации учителей русских школ Н. В. Вдовина в обзоре «Русский язык в Казахстане» пишет: «Такое определение статуса русского языка в какой-то мере способствовало межэтнической напряженности и стало одной из основных причин массовой эмиграции русскоязычного населения страны. С 1990 г. по 1996 г. из Казахстана выехало 2,283 млн. чел., в результате чего республика лишилась десятков тысяч квалифицированных специалистов, занятых в различных сферах деятельности. Это явилось причиной изменения государственной политики по вопросу русского языка» [19].

С 1995 по 1997 гг. русский язык приобретает статус сначала «официального, имеющего возможность наравне с казахским языком применяться в государственных организациях и органах местного самоуправления». Затем в 1997 г. был принят закон «О языках в Республике Казахстан», предусматривавший, что русский язык наравне с государственным — казахским языком — может применяться в делопроизводстве, учетно-статистической, финансовой документации, вооруженных силах, правоохранительных органах, судопроизводстве [19].

Казалось, что конфликтная ситуация осталась в прошлом. Однако у русского языка выявилось значительно большее количество противников, чем приверженцев. Мажалис (нижняя палата парламента Казахстана) слишком остро отреагировал на попытку сделать русский язык равноправным союзником казахского языка [15]. Нежелание считаться с русским было настолько велико, что президент Казахстана Н. Назарбаев был вынужден подчеркнуть в очередной раз, что «в государственных организациях и органах местного самоуправления казахский и русский языки употребляются в равной степени одинаково, независимо от обстоятельств» [19]. Однако дальнейшая реализация «Закона о языках в Республике Казахстан» требовала более точного определения государственной политики в области развития языков. И уже в феврале 2001 г. была утверждена «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001 – 2010 гг.», в которой были обозначены три основных направления её стратегии: расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение культурных функций русского языка; развитие языков этнических меньшинств. Стало очевидно, что дальнейшее развитие коммуникативных функций русского языка практически невозможно. Реально лишь его сохранение как официального языка и языка межнационального общения.

Межнациональность русского языка в Казахстане неоспорима. Согласно данным информационно-аналитической Интернет-газеты «Столетие» (издается с сентября 2004 г.) доля населения республики, владеющего русским языком, в 1999 г. составляла 84,8 %. Этот же показатель среди казахского населения составлял в тот период 75 %. Примечателен факт использования русского языка другими этническими группами, проживающими в Казахстане (а это украинцы, белорусы, немцы, поляки, корейцы, татары, чеченцы, азербайджанцы (среди них русскоговорящих – 86 %), курды (76,9 %), уйгуры (76,1 %), турки (75,9 %), узбеки (59,2 %).

Примечательно, что десятилетие спустя, в 2009 г., число владеющих русским языком казахов составило 57 %. На сегодняшний день положение русского языка является неопределенным, несмотря на придание ему статуса официального. Это связано прежде всего со стремлением властей внедрить казахский язык во все сферы жизни населения – притом, что большая часть казахстанцев по-прежнему предпочитает общаться на русском языке. Такое положение дел многие эксперты объясняют сложностью произношения казахского и низким уровнем его развития как языка государственного значения. В этой связи основные надежды возлагаются на систему образования, правительство и средства массовой информации.

Число общеобразовательных школ с русским языком обучения неуклонно снижалось. В 2001 г. их количество сократилось до 30 % [15]. По всей территории Казахстана русскоязычные школы либо были закрыты, либо реформированы в школы с казахским языком обучения. В 2009 г. 61 % казахстанских школьников и 48 % студентов перешли на казахский язык обучения. Уже на начало 2011 г. Агентство РК по статистике сообщило, что численность студентов, обучающихся на казахском языке, в РК составила 319 940 чел. или примерно 52 % [9]. Кроме того, государственные экзамены по казахскому языку стали обязательными в средних и высших учебных заведениях. И если молодое поколение имеет реальный шанс получить полноценную базу казахского языка, то старшее поколение практически лишено этой возможности.

Совершенно противоположенная ситуация складывается в СМИ. В 1999 г. в стране выходит закон о СМИ, в котором указывается на необходимость доведения доли контента на казахском языке до 50 %. Однако в медиасистеме по-прежнему доминирующую позицию занимает русскоязычная периодика. В 2008 г. журналист С. Султанов в статье «Казахская журналистика: печальное положение» представил в численном соотношении положение в печатных СМИ: «В стране на казахском выйдут всего лишь 453 периодических изданий, а на русском языке издаются 2303 наименований периодики, не считая еще распространяющихся в Казахстане 5248 видов российских газет и журналов». Следует заметить, что и в 2010 г. ситуация в СМИ мало

изменилась. Общий кругозор среднестатистического казахского журналиста по-прежнему остается низким [7]. Поэтому русскоязычная информационная база является основным источником для создания большинства казахскоязычных материалов.

В стране средний тираж наиболее популярных казахских газет – таких, как «Жас алаш» («Молодой народ»), – не более тридцати пяти тысяч. Совокупный тираж всех популярных казахскоязычных газет («Жас алаш», «Жас қазақ», «Ана тілі», «Түркістан», «Айқын», «Заман-Қазақстан», «Қазақ әдебиеті» и т.д.), не считая «Егемен Қазақстан» («Суверенный Казахстан»), подпитывающейся из госказны, не доходит до тиража русскоязычной газеты «Время» (а это еженедельно 180 000 экземпляров) [7]. Однако они имеют примерно одинаковый тираж с версиями популярных российских газет, выпускаемыми в стране: это «Известия-Казахстан», «МК-Казахстан», «АИФ-Казахстан» [8].

В Казахстане по-прежнему действует старая система подготовки журналистских кадров, которая мешает молодым специалистам стать полноценными профессионалами. Перспективу и значимое место в СМИ зачастую удается завоевать журналисту, пришедшему в профессию из другой сферы деятельности [8].

Издания, являющиеся авторитетными источниками информации в системе СМИ Казахстана, следуют проверенным для них курсом и прибегают в своей работе к традиционным методам распределения информации, что не может не сказаться на их популярности. Газетная и журнальная периодика нацелена на популяризацию политического курса правящей партии. В этом смысле все печатные издания Казахстана предстает для потребителя однообразной группой.

Большинство общенациональных и общественно-политических газет Казахстана на русском языке («Казахстанская правда», «Страна и Мир», «Известия – Казахстан» и др.) не отличается структурным и тематическим разнообразием. Первые полосы газет традиционно заняты президентскими посланиями, постановлениями парламента. На втором месте располагается информация экономического, общественного и научного характера. Однако содержательная сторона текстов представлена довольно грамотно, материалы (не считая правительственных отчетов и докладов) написаны доступным большинству населения языком. Казахские журналисты, излагая свои мысли на русском языке, акцентируют свое внимание на проблемах развития и изучения государственного языка. Несостоятельность и неразвитость казахского как языка нации признается не только сторонниками развития русского языка в Казахстане, но и теми, кто стремится и может достичь совершенства в изучении казахского языка. К таковым, как было сказано выше, относится молодое поколение – школьники, студенты вузов, по словам которых разговорный казахский не имеет ничего общего с уроками казахской лингвистики в школах и университетах [13].

Вывод неутешителен для казахской прессы, но довольно оптимистичен для русскоязычной: «казахская журналистика так и не состоялась как профессионально-социальная группа в казахстанском обществе. Зато казахскоязычные читатели, количество которых составляет как минимум 40 – 50 % от всех русскоязычных читателей, стали потребителями русскоязычной прессы» [13]. Такая ситуация сохраняется несмотря на многочисленные попытки властей четко обозначить доминантный язык при сохранении межэтнического единства.

Так, согласно «Доктрине национального единства Казахстана» (одобренной администрацией президента и направленной в правительство 29 апреля 2010 г.) важными направлениями должны стать поддержка этнических СМИ, проведение информационно-разъяснительной работы с целью освещения реализуемой национальной политики, укрепления патриотизма и этнокультурной толерантности. Для этого, следуя Доктрине, «необходимо: оказание поддержки развитию этнических СМИ, расширение практики выхода в них материалов на темы казахстанской идентичности, патриотизма, этнокультурной и межконфессиональной толерантности; содействие производству позитивных информационных продуктов (телепередач, шоу, фильмов, пуб-

ликаций, роликов и т. д.), пропагандирующих и закрепляющих в общественном сознании консолидирующие духовно-нравственные ценности и общенациональные идеалы; расширение использования в СМИ символов, формирующих у населения чувства принадлежности и сопричастности Казахстану, патриотизма по отношению к государству, уважения к культуре и традициям народа Казахстана, осознания себя в качестве казахстанца...» [20].

Позиции русского языка устойчивы и на телевидении. Несмотря на закон «О языках в Республике Казахстан», который обязывал транслировать передачи и на казахском языке, большую часть эфирного времени занимали русскоязычные передачи и телепроекты. А государственному языку на телеканалах отводилось лишь незначительное ночное время. В течение длительного периода такое вещание сводилось к трансляции концертов отечественных исполнителей.

Согласно действующему закону «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2008 г.), «в целях создания необходимой языковой среды и полноценного функционирования государственного языка объемом передач по телерадиовещательным каналам, независимо от форм их собственности, на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках». Однако телевидение только в последние годы стало уделять требуемое властями внимание казахскому языку [16]. Это проявляется в том, что телевизионный продукт на казахском языке стал транслироваться и в дневное время. Так, «31 канал» в дневное время транслирует прежде всего русскоязычные программы. К ним следует отнести, прежде всего, новостные передачи – «Информбюро» и др. Однако в последние годы руководство телеканала занимается производством собственных передач на казахском языке, стараясь следовать программе развития государственного языка. Это применимо к проектам преимущественно юмористического и развлекательного характера («Эзіл-студио», «Жұлдызбен жүздесу», «Талант шоу», «Тенге-ВОХ», «Базар жок!», «Сырласайық») [2]. Но доминирующим на двуязычных каналах по-прежнему является русский язык.

В последние годы казахское телевидение стало перенимать опыт российских телеканалов и транслировать более интересные для аудитории передачи на родном языке, что стало возможным лишь при значительной финансовой помощи со стороны государства и частных лиц. Последние, так или иначе, являются владельцами или совладельцами большинства телеканалов Казахстана («НТК», «ТВК-6», «Хабар», «КТК», «CaspioNet», «СТС Медиа», «Астана»). К республиканскому можно с полной уверенностью отнести лишь телеканал «Казахстан», основанный еще в 1958 г. Повышенное внимание к казахскому языку на этом канале неоспоримо. При суточном объеме вещания НТК «Казахстан», удельный вес создаваемых здесь собственных телевизионных программ составляет 87 %. При этом телевизионная продукция, выходящая в эфир на государственном языке, составляет более 70 % от общего объема производства и 30 % – в совокупности на русском, немецком, корейском и уйгурском языках [13]. Такой высокий процентный показатель количества программ на казахском языке выводит телеканал на пятое место по популярности. Однако доминирующую позицию среди населения Казахстана занимают телеканалы развлекательного и познавательного направления, которые по-прежнему используют русский язык при производстве и трансляции рейтинговых телепередач. К таковым относятся частные республиканские телеканалы «31 канал», «КТК», «НТК».

Несмотря на внесение существенных изменений в структуру и тематику передач телеканалов, развитие телевизионной среды в республике все еще остается замедленным. Создаются благоприятные условия для развития цифрового телевидения, которым к 2015 г. планируется охватить 98 % населения Казахстана, а остальные 2 % – спутниковым телевидением. Внедрение цифрового телевидения активными темпами ведется с 2011 г. [6].

Отдельным компонентом современной медийной среды можно выделить интернет-пространство Казахстана, которое на современном этапе развития является труднодоступным для большинства населения РК и незащищенным от внешних воздействий.

Информационное поле Казнета всецело зависит от русского языка как наиболее привлекательного для казахстанцев. Успешными и пользующимися спросом являются сайты общественно-политической и аналитической направленности («Nomad», «Zonakz»), так как именно в них представлен полный спектр общественно значимой и достоверной информации о Казахстане. Их содержательность высока по сравнению с сайтами, использующими казахский язык (число таковых незначительно). Большинство казахоязычных сайтов используют многоязыкий контент. Так, в 2008 г. «казахоязычные сайты представляли собой несколько групп: сайты, содержащие только казахоязычный контент, многоязычные сайты (одна и та же информация на сайте представлена на нескольких языках, как правило, казахском, русском, английском), смешанные сайты, на страницах которых бессистемно используются разные языки, в том числе и казахский» [12].

Содержание таких сайтов представлено рубриками, посвященными государству, культуре, образованию, СМИ и экономике. И если принять во внимание в целом периодичность обновления информации, её актуальность, объем и доступность, то по этим показателям казахоязычные сайты в значительной степени уступают русскоязычным. Данная проблема является актуальной и сегодня. Под эгидой Интернет-Ассоциации Казахстана проходят круглые столы, на которых обсуждаются основные пути решения развития сетевого пространства. Выделяют несколько основных проблем, требующих планомерного решения: повышение степени доступности Интернета, соблюдение авторских прав, развитие электронной коммерции, регулирование прав собственности на интернет-ресурс [3].

Несмотря на решение проблемы на государственном уровне, в полной мере развиваются в казахстанском интернет-пространстве (Казнет) преимущественно блоги, сайты государственных органов и СМИ. Языковой проблеме на сайтах уделяется большое внимание. Возможность безцензурно обсудить и дать оценку разного рода проблемам дает Казнету значительное преимущество по сравнению с подконтрольными печатными изданиями и телеканалами. Несмотря на попытки властей контролировать интернет-пространство Казахстана, его контент насыщен разносторонней информацией относительно языковой проблемы.

Интересно мнение сторонних наблюдателей, поскольку вопросы языкового развития Казахстана исследуются зарубежными учеными довольно тщательно. Сайт today.kz привлекая внимание к проблеме сосуществования языков в Казахстане, учитывает мнение иностранных исследователей. У. Фиерман, профессор факультета политологии с кафедры по исследованию жизни Центральной Азии университета Индианы (США), отмечает, что казахский язык обладает определенными перспективами: *«Конечно, ситуация достаточно сильно изменилась. Сфера применения казахского языка расширилась, это однозначно. Особенно изменилась городская языковая среда. Если раньше, 10 лет назад в Астане и даже в Алматы редко слышалась казахская речь, то сейчас все-таки чаще. 20 лет назад по ТВ было очень мало программ на казахском языке, за исключением новостей и документальных фильмов. Сейчас их стало больше»* [5]. Однако, давая такую положительную характеристику казахскому языку, не стоит забывать о качестве государственного языка: *«...если его не будет, можно считать, что «игра проиграна». Надо сделать так, чтобы казахский язык ассоциировался с высоким качеством. Слава Богу, в Казахстане есть средства, чтобы делать хорошие программы, учебники, разрабатывать хорошие методики. По крайней мере, новая программа рождает надежду, что в стране есть намерение улучшить ситуацию в области СМИ»* [5].

Зарубежные эксперты, как и правительство Казахстана, акцентируют свое внимание именно на современной медиасистеме, посредством которой можно наименее болезненно вывести казахский язык на лидирующую позицию. Телевидение в данном случае является прекрасным проводником языка в массы: *«Если будет фундамент – если с дошкольного возраста дети будут слышать казахскую речь из телевизора, это будет большой вклад в развитие языка. Если передачи на казахском языке будут хорошего качества, тогда не только казахи, но Саша и Маша тоже будут смотреть их. И со временем проблема смягчится – при поступлении в школу они будут в какой-то степени владеть казахским»* [5].

Нельзя не отметить также факт трансформации русского языка в связи с его смешением с казахской лексикой – процессом, наблюдаемым во всей системе СМИ республики. К примеру, в рассмотренной нами статье «Казахская журналистика: печальное положение» автор, характеризуя состояние печатных СМИ, использует слово, производное от казахского прилагательного «бейшара», что означает «нищий», «бедный»: *«...зарубежные издания пользуются нашими потребительскими и рекламными корзинами без всяких преград и существует наравне с казахстанскими периодическими произведениями, некоторым образом, даже в выгодных условиях. Главные причины в «бейшарности» казахоязычной прессы две: первая – ...низкая квалификация; вторая – неадаптированность...»* [7].

Исследуя особенности развития русского языка в Казахстане, эксперты Информационно-аналитического центра определяют средства массовой информации основными «инициаторами и активными проводниками заимствований из казахского языка». Согласно проведенному мониторингу русскоязычной прессы (подсчет регионализмов в текстах), «количество собственно регионализмов на 10.000 русских слов в среднем составляет 5,9 %, то есть от 500 до 700 слов» (это в период с 1990 по 2006 гг.). Данное положение дел с годами только упрочилось. Связано это, в частности, с «проблемой «языкового дефицита», под которым понимается нехватка языковых средств для адекватного функционирования языка в определенной сфере» [11].

Смешение лексики свойственно текстам разной тематической направленности. В казахстанском общественно-политическом еженедельнике «Страна и Мир» также наблюдается лексическое смешение, причем данная трансформация языка видна как в заголовке *«Была пора желтоксана»* (в данном случае употребляется казахское название зимнего месяца «декабрь»), так и в самом тексте: *«...в год, когда великий Желтоксан, грянувший неожиданно и грозно, перевернул сознание миллионов...»* [1].

Трансформированный русскоязычный текст встречается на страницах общественно-политической прессы довольно часто. Практически в каждом номере газеты «Казахстанская правда» можно встретить смешение русского текста с казахской лексикой. Например, в номере за 2006 г. автор В. Ли использует в тексте устаревшее казахское слово «барымта» (что означает конокрадство, разбой, кочевой разбойничий набег на стада):

«Ужесточить закон, чтоб с барымтой покончить. ... во многих аулах так и делают... Однако и это вряд ли станет для барымтачей серьезной неприятностью...» [11].

Исследуя языковое смешение, эксперты приходят к выводу, что казахские заимствования в русском языке не только неизбежны по причине «языкового дефицита», но и со временем «теряют свой «чуждый» характер и воспринимаются как естественные компоненты лексической системы родного языка». К таковым относятся такие наиболее часто употребляемые слова, как «Наурыз», «шанырак», «дастархан», «акын», «тенге», «аким», «мажилис», «баурсак», «балапан», и др. По словам экспертов, такое смешение не должно повредить «целостности лексической системы» [18].

Помимо этого, существует одна общая проблема, применимая к русскоязычной и казахоязычной медиасистеме. Связано это с низкой технической оснащенностью не-

которых учреждений и пресс-центров, заседания в которых проходят исключительно на казахском языке. Особенно остро это проявляется во время трансляции заседания правительства и парламента. Отсутствие синхронного перевода в данном случае оказывает пагубное воздействие на качественный уровень передаваемой информации [4].

Исследователи объясняют данное положение дел также низким уровнем практической подготовки казахских журналистов, плохим владением русского языка. Это связано и с необратимым процессом вытеснения русского языка из системы образования, общественно-политической и культурной жизни общества. Однако сохраняющаяся хаотичность исполнения нормативно-правовых актов в поддержку казахского языка и отсутствие четкой структурированной политики дают возможность исполнять русскому языку важные функции распространения информации (так, большинство специализированной литературы печатается на русском языке), выступать хранителем важной научной и культурной информации [2].

Как показывает практика, применение нормативных актов и законов неспособно кардинально изменить языковое состояние СМИ в кратчайшие сроки. Взаимодействие двух языков за многие десятилетия превратилось в сложную систему, позволяющую контактировать между собой всем национальностям, проживающим на территории Казахстана.

Согласно экспертной оценке, проведенной Казахстанским центром гуманитарно-политической конъюнктуры по заказу Фонда развития государственного языка, доминирующее положение русского языка характерно для всех видов СМИ. В частности, это объясняется тем, что в Казахстане существуют несколько русскоязычных медиахолдингов, а в казахоязычном информационном пространстве нет ни одного такого же объединения, что также является основой низкой конкурентоспособности казахоязычных СМИ [17]. Помимо этого, специфика казахоязычного информационного пространства, особенности лексического построения текстов, виртуальный (зачастую неконтролируемый) характер информационных коммуникаций [17] делают казахский язык неустойчивым в системе СМИ. Таким образом, реализация закона «О языках в Республике Казахстан» оказалась замедленной. Несмотря на попытки правительства внедрить казахский язык во все сферы деятельности населения, позиции русского языка значительны. Казахстанцы (независимо от их национальной принадлежности) предпочитают использовать преимущественно «язык межнационального общения».

Однако законопроект «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной языковой политики», который активно разрабатывается министерством культуры Казахстана, может изменить существующую ситуацию не только в СМИ, но и в обществе в целом. Данный законопроект, превратившись в закон, может безвозвратно вытеснить русский язык из списка угодных и востребованных языков. Законопроект предусматривает поэтапную замену русского языка казахским во всех сферах жизнедеятельности казахстанского общества (включая обучение в детских садах, школах, вузах; представление визуальной информации – будь то объявления, прейскуранты цен, юридические документы – исключительно на казахском языке). Применение проекта запланировано на начало 2012 г., и его влияние на дальнейшее развитие республики в целом и казахской медиасистемы в частности пока остается непоясненным.

Список литературы

1. «Страна и Мир», 16 декабря, 2008 г.
2. 31 канал: <http://31.kz/about-company>
3. Gazeta.kz: <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=322175>
4. Today. Kz: <http://www.today.kz/ru/news/kazakhstan/2009-04-14/qwew>
5. Казахский язык теперь будет активно развиваться, даже при полном сохранении роли русского языка в Казахстане. //Today. Kz: <http://www.today.kz/ru/news/kazakhstan/2010-08-06/28192>

6. Zakon. KZ: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/195701-chislennost-studentov-obuchajushhikhsja.html>
7. Казахская журналистика: печальное положение. // Время: <http://www.time.kz/index.php?do=cat&category=about>
8. Диалог KZ.: <http://www.dialog.kz/?lan=ru&id=95&pub=1176&hil=>
9. Интернет-газета "ZONAKZ". Казахстан <http://www.zonakz.net/articles/12614>
10. Информационно-Аналитический Центр: <http://www.ia-centr.ru/expert/7136/>
11. Информационно-Аналитический Центр: <http://www.ia-centr.ru/expert/4124/>
12. Информационные телекоммуникационные сети: <http://seti.btconsult.kz/>
13. Казахстан: <http://kaztrk.kz/rus/tv/about/>
14. Казахстанская правда. 2009.
15. Независимая Газета: http://www.ng.ru/cis/2001-05-24/5_kazakhstan.html
16. Неономад. Информационный синдикат. Казахстан: http://www.neonomad.kz/neonomadika/kultura/index.php?ELEMENT_ID=5596
17. Номад: <http://www.nomad.su/?a=4-201002030031>
18. Номад: <http://www.nomad.su/>
19. Перспективы: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkiy_yazik_v_kazakhstane.htm
20. Право и СМИ Центральной Азии: <http://medialaw.asia/node/6477>
21. Русский Мир: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/russkie-kazahstana/

RUSSIAN LANGUAGE IN MEDIA SYSTEM OF KAZAKHSTAN

T. V. Vyalykh

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vyalykh@bsu.edu.ru*

In article describes the development of Russian language in media system of Kazakhstan after proclaiming of the sovereignty of the Republic. As the basic factors influencing language development of Kazakhstan are considered, presented: the politics of State, the television environment, the newspaper periodical press, Internet space. The estimation of the media environment of Kazakhstan is shown in interaction of a language policy of the government and modern mass media.

Key words: media system of Kazakhstan, Russian, «the Law on languages in Republic Kazakhstan», a State language, lexical mixture.

УДК 070

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ИТАЛИИ И СМИ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

А. Д. Золотых

*Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова*

*e-mail:
azl_46@mail.ru*

В статье рассматривается процесс сращивания политической, экономической и медийной власти в Италии и роли в этом премьер-министра Италии, медиамагната Сильвио Берлускони.

Ключевые слова: массмедиа, политика, политический спонсор, коррупция, тотальный контроль телевидения.

В Италии между миром политики и средствами массовой информации всегда существовали особые отношения. Как во времена фашистского режима, так и в период послевоенного развития им в основном приходилось обслуживать интересы политиков и предпринимателей. Это приводило к их срастанию с экономической и политической властью, к отчетливой политической ангажированности. Особенно наглядно это проявилось в истории с «черными фондами», первой из серии скандальных мошеннических афер, потрясших Италию в 1970-е гг. XX столетия. Тогда трем генуэзским судьям удалось выявить, что союз нефтепромышленников в течение нескольких лет финансировал правительственные партии: христианско-демократическую, социалистическую, социал-демократическую и республиканскую. Один из главных свидетелей того уголовного дела, казначей ХДП Микели признавался следователям: «Конечно, мы, как и другие правительственные партии, нуждались в помощи, чтобы платить служащим, чтобы вести избирательную кампанию, чтобы поддерживать партийную печать и печать, близкую к партии» [1, р. 166].

В начале 1990-х гг. у массмедиа появилась возможность расстаться с наследием прошлого. Однако новые центры политической и экономической власти сделать этого не позволили. Причем появление на вершине исполнительной власти такой неоднозначной фигуры, как Сильвио Берлускони, вызвало лишь новый виток политизации массмедиа, обострило борьбу между ним и оппозиционными СМИ. Поводом становились то коррупционное прошлое Берлускони, то череда сексуальных скандалов с его участием, то ряд инициированных им сомнительных законодательных актов. Причем отношения между премьером и прессой достигли такой точки кипения, что 9 июля 2010 г. в Италии не вышли газеты, в эфире не было теле- и радиовыпусков новостей, не работали сайты ряда средств массовой информации в Интернете. Так журналисты по призыву Национальной федерации итальянской печати отреагировали на очередную законодательную инициативу правительства Сильвио Берлускони: в парламент был внесен законопроект, ограничивающий права журналистов на прослушивание телефонных разговоров, видеосъемку скрытой камерой и распространение информации, полученной подобным образом (La Repubblica, 09.07.2010, L'Unita, 09.07.2010, Il Corriere della sera, 09.07.2010).

Согласно предложенному исполнительной властью тексту, журналистам и издателям грозили серьезные наказания, вплоть до тюремного заключения, за публикацию распечаток телефонных разговоров. Работники прессы посчитали это покушением на свободу слова и печати и приняли активное участие во всеобщей забастовке. Их поддержали транспортники. Железная дорога не работала 24 часа. В крупнейших городах Италии не действовал наземный транспорт и метро.

Таким образом, начался очередной этап напряженности в отношениях премьер-министра Италии Сильвио Берлускони и средств массовой информации. На протяжении почти 20-летнего периода пребывания «Кавальере» на политической арене

(в 1977 г. он получил от президента Италии звание «кавалер труда») его отношения с прессой складывались очень непросто. Но, пожалуй, наибольшей остроты его противостояние с массмедиа достигло в 2009 и 2010 гг.

Весной 2009 г. достоянием газет «La Repubblica» и «L'Unita», а потом и остальной итальянской печати стало посещение Сильвио Берлускони дня рождения 18-летней неаполитанки Наоми Летиции. Это привело к громкой семейной ссоре, закончившейся разводом с женой. Затем в газетах появились фотографии скандальных вечеринок, организованных премьер-министром, признания девиц из службы эскорта, оказывавших гостям «Кавальере» сексуальные услуги. Вдобавок поставщик девиц оказался наркодилером и человеком, причастным к другим темным делам.

В любой другой западноевропейской стране подобный скандал, случившийся с политиком такого уровня, привел бы к его неминуемой отставке. Но не такова Италия и не таков Сильвио Берлускони. С помощью своей медиаимперии он попытался переломить ситуацию. Однако пресса, неподконтрольная ему, не только продолжала отыгрывать тему скандального и возмутительного сексизма, но и стала публиковать сценарии развития политической жизни Италии после вполне вероятного ухода Кавальере в отставку.

В ответ премьер-министр привлек к судебной ответственности за вторжение в частную жизнь левоцентристские газеты «La Repubblica» и «L'Unita» и обрушился с инвективами, поношениями, хулой на независимую печать, порой прибегая и к откровенным угрозам. Тогда газета «La Repubblica» стала писать о покушении на свободу прессы. Беспокойство по этому поводу высказали другие издания.

«То, что свобода прессы оказалась под угрозой, – заявил в эфире своего «Canale-5» премьер министр, – это шутка, озвученная коммунистическим меньшинством и их газетами, которые составляют 90 % прессы» (Il Corriere della sera, 22.08.2009). Конечно, ни о каком превосходстве коммунистических изданий на информационном рынке Италии не могло быть и речи.

Подобные заявления премьер-министра лишь усиливали напряженность в отношениях между печатными СМИ и Берлускони. Газета «La Repubblica» объявила ему настоящую войну. Она инициировала воззвание в защиту свободы информации, под которым подписались не только руководители таких самых престижных европейских изданий, как «The Financial Times», «The Times», «The Independent», «Le Monde», «La Liberation», «Le Nouvel Observateur», «El Pais», «Der Spiegel», но и известные общественные деятели. Среди них писатель Умберто Эко, лауреат Нобелевской премии Дарио Фо, боснийский кинорежиссер Эмир Кустурица. У. Эко свое участие в этом объяснил так: «Я выступаю в защиту свободы слова и высказываюсь против Берлускони, хотя большинство итальянцев премьер-министра поддерживают, несмотря на весь его багаж конфликта интересов, медиаимперию и внебрачные связи».

«La Repubblica» организовала также кампанию по сбору подписей под десятью вопросами, обращенными к премьер-министру. В ней приняли участие сотни тысяч человек. Один из вопросов звучал так: «Считает ли Сильвио Берлускони себя достаточно психически здоровым, чтобы руководить страной?» (La Repubblica, 02.09.2009). Затем в Риме в начале октября позапрошлого года состоялась многотысячная демонстрация. Ее участники несли плакаты с оскорбительными подписями, адресованными «Кавальере», и сатирическими рисунками.

Тональность публикаций с критикой премьера отнюдь не отвечала критериям политкорректности. Однако в полемике с оппозиционной периодикой не стеснялись в выражениях ни премьер-министр со своими политическими единомышленниками, ни неподконтрольные ему средства массовой информации.

В декабре 2009 г. прошла поддержанная левой прессой общенациональная акция «День без Берлускони», итогом которой стала беспрецедентная манифестация в Риме, организованная активистами левых сил и неправительственных организаций. Демонстранты, одетые в фиолетовые одежды – символ их принадлежности к единому

гражданскому обществу, а не какой-либо партии – обвиняли «Кавальере» в подавлении гражданских свобод и проведении «мафиозной политики». Они несли огромную куклу, изображающую премьера, и скандировали: «Берлускони в отставку!» и «Вор, мафиози, паяц» (La Repubblica, 05.12.2009).

Сильвио Берлускони расценил это как политический заговор левых сил и заявил, что он стал жертвой номер один со стороны итальянских массмедиа. В общем-то, очень спорное утверждение, поскольку за 20 минувших лет власть и влияние медиамагната распространились на 90 % итальянского телевидения. Ему также принадлежал ряд печатных изданий. И, как это ни парадоксально, своим нынешним медийным могуществом он в какой-то мере был обязан и левым силам, и их средствам массовой информации.

В Италии государственное RAI – итальянское радио и телевидение, созданное в 1954 г., – было поставлено под жесткий контроль правящих партий и, в сущности, превратилось в инструмент политической власти. Внутри этой государственной корпорации возникло движение протеста против авторитарной системы управления. Стали звучать требования реформировать RAI. И тогда в начале 70-х годов минувшего столетия еженедельник «Espresso» инициировал дискуссию, подхваченную многими другими итальянскими изданиями, о правомерности госмонополии на теле- и радиовещание, используемого в интересах не общества, а политических партий и отдельных бизнес-структур. На страницах газет и журналов разгорелась полемика о необходимости плюрализма в системе аудиовизуальных СМИ, об обеспечении большей автономии структур RAI.

Это привело к тому, что под давлением общественного мнения, в формировании которого активнейшее участие принимала левая печать, в июле 1974 г. Конституционный суд Италии принимает решение, предоставившее частным владельцам право ретранслировать телепрограммы зарубежных станций. Чем незамедлительно воспользовались владельцы так называемых периферических теле- и радиостанций, созданных в сопредельных странах – Швейцарии, Югославии и княжестве Монако. Помимо того, частным владельцам разрешалось создавать местные кабельные телестанции. Началась легализация уже существовавших каналов, а также стали создаваться новые.

В сентябре 1974 г. в телебизнес приходит Сильвио Берлускони, сколотивший капитал на строительстве жилья в Милане. Он создает кабельную телестанцию «ТелеМилано», призванную обслуживать 10 тысяч жителей Милано-2 (микрорайона для состоятельных итальянцев). Но, конечно, наиболее привлекательным и для Берлускони, и для других частных телевладельцев было эфирное вещание. Посему в прессе продолжились дискуссии о том, каким быть RAI.

В апреле 1975 г. был принят закон № 103 о реформе RAI. Однако он мало что изменил в сложившейся практике, потому что он закреплял все ту же государственную монополию на национальное радио и телевидение и утверждал так называемый плюрализм в освещении информационной деятельности. При этом особая роль отводилась парламентской комиссии из 40 членов – представителей партий в палате депутатов и сенате, и узаконивался принцип партийного руководства информационными программами, которые выделялись в автономные структуры. Этот принцип получил название «лоттидзационе», что означало распределение руководящих постов не в соответствии с профессиональными качествами, а с партийной принадлежностью кандидатов. [2, с. 74].

Борьба за либерализацию аудиовизуальных средств, в которой принимали участие политики, предприниматели, печатные СМИ, продолжилась и, в конечном счете, подвигла Конституционный суд принять еще одно решение, согласно которому ряд статей закона № 103 о реформе RAI признавались незаконными. И частные лица получили право владеть эфирными теле- и радиостанциями локального масштаба.

Так в Италии началась эра коммерческого вещания. Особую активность проявили издатели Рускони, Мондадори, Риццоли и новоявленный телемагнат Берлуско-

ни. Он преобразовал «ТелеМилано» в эфирную станцию, обосновался на юге Италии, купил у кинофирмы «Титанус» 300 итальянских кинофильмов и создал телесеть, от которой в той или иной мере зависели многочисленные местные телестанции. Ему также удалось наладить контакты с американскими компаниями по производству и распространению телепродукции. В конце концов, «Кавальере» сумел вытеснить с телерынка менее разворотливых соперников Рускони и Мондадори путем покупки их телеактивов. Он проявлял повышенный интерес не только к телеэфиру, но к рынку печатных изданий, приобретя поначалу пакет акций газеты «Il Giornale nuovo», а затем и контрольный пакет акций самого популярного журнала телепрограмм «Sorrisi et canzoni».

Такая удачливость объяснялась не только его предприимчивостью, но и особыми отношениями с Итальянской Социалистической партией и ее лидером Беттино Кракси, который в 1983 – 1987 гг. возглавлял правительство Италии. По информации ряда печатных СМИ Италии, а также органов следствия, с помощью функционеров ИСП он проворачивал неблагоприятные дела в строительном и ином бизнесе. Именно благодаря их поддержке, по мнению следователей отнюдь не безвозмездной, у Берлускони так хорошо все складывалось на телерынке. Он настолько прочно на нем утвердился, что начал конкурентную борьбу с государственным телевидением.

Такая активность с явными признаками коррупции вызвала беспокойство у оппонентов. В парламенте начались дискуссии о необходимости принятия закона, регулирующего деятельность в телеэфире. Между тем по решению судей Рима, Турина и Пескары были опечатаны ретрансляторы телестанций Берлускони. Дело в том, что трансляция передач на области Лацио, Пьемонт и Аbruцци противоречила решению Конституционного суда о местном характере коммерческого вещания.

И вновь Кракси пришел на помощь Берлускони. Поначалу он выразил беспокойство по поводу того, что погасли экраны телевизоров, а затем, незамедлительно приняв «Кавальере», удовлетворил его требование об отмене запрета. Позднее эти первоочередные действия были подкреплены правительством Кракси путем принятия декрета, снимающего запрет судей и разрешающий сетям Берлускони вещание. Декрет носил антиконституционный характер, а посему в парламенте вспыхнули дискуссии, которые так ничем и не закончились.

Между тем правительство Кракси принимает новый декрет, в котором прописывалось право на существование и частного телевидения, и национальных частных сетей, и местных телестанций. В феврале 1985 г. этот декрет конвертируется в закон, ставший действенной нормой вплоть до принятия нового закона. Впрочем, его разработка растянулась на несколько лет.

Тем временем Берлускони продолжил свое победное шествие по медиарынку. Он завладел контрольным пакетом акций газеты «Il Giornale nuovo», обосновался с немецким телемагнатом Лео Кирхом на европейском рынке телевидения и успешно завершил битву за обладание издательством Мондадори. Кстати, эхо скандальных подробностей той битвы слышалось многие годы спустя. Десять лет назад Берлускони предъявлялось обвинение в подкупе судьи, чье решение позволило ему заполучить издательские активы. Однако дело было прекращено из-за истечения срока давности. Издательство Мондадори – это треть книжного рынка Италии и десятки различных журналов, т. е., значимый дополнительный инструмент воздействия на общественное мнение.

В августе 1990 г. парламент Италии принял новый закон о радио и телевидении. В нем не только подтверждалось существование смешанной системы аудиовизуальных СМИ, но и четко устанавливалось количество национальных телесетей, которые могли принадлежать частному владельцу, – три. Таким образом, парламент законодательно закрепил паритет, установившийся на телерынке: три телеканала государственной корпорации и три телесети, принадлежавшие Сильвио Берлускони – «Italia 1», «Canale-5» и «Rete-4» [3, с. 53].

Продвижение «Кавальере» на вершины бизнеса с помощью политических спонсоров из Социалистической партии, похоже, складывалось идеально. Ему при-

надлежали строительные и продовольственные компании, сеть магазинов, финансовые компании, печатные СМИ, издательство и три национальных канала. В Италии даже появился термин «берлусконизм», которым обозначался стиль жизни, диктуемый Сильвио Берлускони. Изрядная часть итальянцев проживала в домах, построенных его фирмами, покупала продукты в его супермаркетах, читала его газеты и журналы, смотрела фильмы, закупленные его компаниями, и передачи его телеканалов, и, конечно же, стала ядром электората, поддерживавшего его в период наивысших политических температур.

Всеми этому нисколько не помешал, вспыхнувший было, скандал с членством «Кавальере» в подпольной масонской ложе Propaganda-2, связанной с организованной преступностью и неонацистами. По сути дела, в стране был сформирован параллельный центр власти с серьезными политическими, экономическими и финансовыми возможностями, деятельность которого была пресечена прокурорами и судьями. В 1990 г. Берлускони, как и ряд других фигурантов этого резонансного дела, был привлечен к суду. Несмотря на упорное отрицание принадлежности к ложе, он был признан судом виновным в лжесвидетельстве. Тем не менее, ему удалось избежать наказания – помогла амнистия. Не смогли поколебать его позиций то и дело вспыхивавшие вокруг его имени коррупционные скандалы.

Но в 1992 г. прокурорами Милана было положено начало судебному расследованию «Чистые руки». Казалось, Италию, притерпевшуюся на протяжении второй половины XX в. к различным скандалам в сфере политики и экономики, уже трудно было чем удивить. Однако итоги расследования были ошеломительными: выяснилось, что коррупция разъела все звенья партийно-государственной машины. К судебной ответственности были привлечены десятки парламентариев и промышленников, государственные чиновники, партийные деятели и мэры городов.

«Tangentopoli» («взяточград») – такое название получил этот грандиозный скандал, который полностью дискредитировал политическую и экономическую элиту Италии, погрязшую во взяточничестве, превратил в руины политический ландшафт страны. В связи с исчезновением многолетнего политического спонсора – итальянской Социалистической партии, лидер которой Беттино Кракси вынужден был скрываться от правосудия в Тунисе, где, в конечном счете, и умер, – у Сильвио Берлускони появилась вполне реальной перспектива попасть в тюрьму.

И тогда он одним из первых ринулся заполнять образовавшийся в стране политический вакуум. По совету своего ближайшего сподвижника Марчелло Д'Ультри, впоследствии сенатора, угодившего не так давно за решетку за связь с мафией, он приступает к организации клубов «Вперед, Италия!». А потом, когда их уже насчитывается несколько тысяч, на их основе создается партия. Опираясь на пропагандистскую мощь своих телеканалов, а также печатных СМИ, пополнившихся новыми изданиями, он проводит свою партию в парламент и прочно утверждается на политической арене Апеннинского полуострова.

Весь смысл его дальнейших действий на посту премьер-министра, который он в настоящее время занимает в третий раз, заключался прежде всего в том, чтобы оградить себя от судебных преследований, связанных с коррупционными делами. В 2003 г., когда «Кавальере» второй раз возглавлял правительство Италии, контролируемый им парламент принял так называемую поправку «Лодо Скифани», гарантировавшую судебный иммунитет президенту страны, премьер-министру и спикерам обеих палат парламента страны. Это вызвало бурное негодование в итальянском обществе, которое со времен Древнего Рима усвоило формулировку – «Закон равен для всех».

Однако парламентское большинство делает очередной не менее скандальный шаг. С подачи «Кавальере» принимается закон «О конфликте интересов», разрешающий самому богатому человеку на Апеннинском полуострове (состояние Берлускони оценивалось в 17 млрд. евро) не только возглавлять кабинет министров, но и получать прибыль со своих предприятий. Парламентская ассамблея Совета Европы несколько

раз предостерегала итальянских законодателей от принятия такого документа. Но большинство из них не прислушалось к мнению европейских коллег.

Левосторонней коалиции Романо Проди, сменившей правительство Берлускони, удалось упразднить пресловутый правовой документ «Лодо Скифани». Но у власти коалиция находилась недолго. Вновь избранный в апреле 2008 г. парламент, контролировавшийся партией Берлускони «Народ свободы», принял новую поправку о судебном иммунитете высших лиц государства. Оппозиция продолжала настаивать на признании поправки противоречащей основному закону страны и в итоге своего добилась. В октябре 2009 г. Конституционный суд ее отменил, что стало большой неожиданностью для премьер-министра. На такой вердикт конституционных судей он явно не рассчитывал, поскольку с двумя из них ему незадолго до этого удалось отужинать в одном из фешенебельных ресторанов.

«Это политический заговор! – кричал в телеэфире Берлускони. – Конституционный суд состоит из коммунистов! Я самый эффективный премьер-министр за 150 лет существования Итальянской республики». Так к извечным врагам «Кавальере» – журналистам из левых изданий, прибавились судьи, следователи и прокуроры (La Stampa, 25.01.2010).

Решение Конституционного суда открывало судебную перспективу по двум замороженным делам. Но Берлускони реализует через подконтрольный ему парламент два новых законодательных акта. Первый уменьшает срок давности по коррупционным преступлениям с 10 лет до 6. А второй – «Об уважительной причине» – позволяет ему не являться в суд в связи с загруженностью на посту премьер-министра.

Феномен безнаказанности, политической выживаемости и непотопляемости «Кавальере» заключается в том, что к огромной финансовой и политической власти, сосредоточившейся за 20 минувших лет в его руках, добавилась еще и медийная. По сути дела, он стал в Италии олицетворением супервласти с четко выраженными признаками авторитаризма, нетерпимости к инакомыслию, жесткого контроля над информационным пространством.

Помимо трех собственных национальных телеканалов, печатных СМИ и сотен газет, находящихся в зоне влияния рекламных компаний «Фининвеста», премьер еще и контролирует первый и второй каналы государственной корпорации RAI. Путем кадровых перемен в руководстве этих каналов Берлускони добился того, что они стали занимать явную проправительственную позицию.

В Италии политические партии и их лидеры всегда проявляли повышенный интерес к средствам массовой информации как инструменту воздействия на общественное сознание. И когда в 1950-е гг. прошлого столетия влияние партийной прессы стало сходить на нет, начался не только процесс «лоттизации» государственного радио и телевидения в интересах партии, но и раздел между ними рынка печатных СМИ. Это проявлялось во все большей ангажированности газет и журналов, выражавших интересы тех или иных политических сил. Но такой власти над массмедиа на Апеннинах, какую ныне приобрел Сильвио Берлускони, не было ни у одной политической партии и ни у одного политического лидера.

Когда в программе «Porta a porta» на первом канале RAI начинается шоу, посвященное самопиару премьер-министра, на других телеканалах как по волшебству исчезают любые интересные передачи. Страна должна слушать и видеть «Кавальере». Когда разразился сексуальный скандал, освещаемый независимыми изданиями, Берлускони призвал промышленников бойкотировать эту прессу, не предоставляя ей рекламу (La Repubblica, 09.09.09). Когда с осуждением его аморального поведения выступил Дино Боффо, политический директор авторитетного католического издания «L'Avvenire», то на страницах газеты «Il Giornale» против него была развязана грязная клеветническая кампания. Хотя Боффо поддержали епископы и Папа, он вынужден был подать в отставку, чтобы спасти свое честное имя (Il Corriere della sera, 06.09.2009).

Весной 2010 г. в Италии должны были состояться региональные выборы в 13 областях. Это должно было стать важнейшей политической кампанией в преддверии парламентских выборов. Одновременно национальное агентство по контролю за вещанием закрыло четыре телепрограммы на государственных телеканалах на период проведения предвыборной гонки под предлогом, что они не обеспечили равный доступ в эфир представителям различных партий. Однако когда на страницах независимой прессы появились распечатки «прослушек» телефонных разговоров Берлускони с руководителями телеканалов RAI, то стало ясно, что премьером было оказано беспрецедентное давление на последних с целью воспрепятствовать появлению представителей оппозиции в эфире государственного телевидения.

Не обошлось без чисток и на RAI. Так, в феврале минувшего года под различными предложениями в эфире государственных телеканалов перестал появляться целый ряд журналистов, известных своей независимой точкой зрения. Среди них оказалась и популярная ведущая вечерних новостей первого канала Тициана Феррарио (La Stampa, 16.03.2010). Кстати, в конце 2010 г. по решению римского трибунала она была восстановлена на работе. В мае того же года покинул свой пост Микеле Санторо, ведущий программы «Annozero». А затем ушла Мария Луиза Бузи. Она была лицом первого телеканала RAI. Свой шаг Бузи мотивировала несогласием с информационной политикой руководства телеканала и невозможностью выполнять профессиональный долг в обстановке, сложившейся в редакции новостных программ.

Ставшие достоянием гласности телефонные разговоры, в которых «Кавальере» дал волю своим чувствам и гневу по поводу неудобных ему телепрограмм, обернулись внесением его имени в регистр следственных дел и положили начало расследованию проблемы взаимоотношений RAI-Agcom (Агентство по контролю за вещанием). Тогда в следственную деятельность прокуратуры города Трани, занимавшейся этим делом, вмешалась инспекция министерства юстиции. А Берлускони назвал прокуроров «бандой талибов» (La Stampa, 17.03.2010).

В ответ представители прокуратуры заявили: «Премьер-министр – должность институциональная, и человек, ее занимающий, несет политическую ответственность и не ожжет использовать язык оскорблений, а иногда и запугивания, по отношению к свободному отправлению деятельности судебных органов» (La Repubblica, 17.03.2010).

Итоги благоприятных для правящей партии «Народ свободы» региональных выборов премьер-министр Италии расценил как вердикт на свободу действий по отношению к прессе и политическим оппонентам. Прежде всего, им был инициирован законопроект, ограничивающий права на прослушивание телефонных разговоров – кстати, он вызвал осуждение со стороны ООН. Предпринимались им действия на законодательном уровне и по установлению своего рода цензуры за контентом, размещаемом на сайтах Интернета. Кроме того, была провозглашена реформа институтов власти и судебной системы.

Цели были весьма амбициозные. Ограничение «прослушек» сделало бы невозможным их публикацию на страницах газет и журналов, а стало быть, максимально затруднило бы ведение расследований. Контроль за Интернет-пространством помимо ограничений на свободу выражения мнения еще и дал бы преимущество телекоммуникационным компаниям премьер-министра. Ну а институциональная реформа дала бы новую политическую площадку для дальнейшего его пребывания на вершине власти. Ведь речь шла о всеобщих выборах или премьер-министра, или президента. При той концентрации в руках «Кавальере» финансовой и медийной власти для него был бы вполне достижим и тот, и другой пост. Что касается судебной реформы, то она позволила бы расправиться с самыми ненавистными врагами – прокурорами и судьями. Таким образом, можно было бы поставить последнюю точку в истории, начатой 20 лет назад операцией «Чистые руки».

Однако этим планам воспрепятствовала оппозиция с помощью манифестаций, подключением международной общественности. В парламенте было отложено обсуж-

дение «законопроекта-кляпа», такое название получил документ об ограничении «прослушки». Между тем правящей партии «Народ свободы» произошел раскол между соучредителями – Сильвио Берлускони и Джанфранко Фини. В конце минувшего года разразился правительственный кризис. Получив в парламенте хрупкое большинство, «Кавальере» удалось избежать досрочных выборов, чего нельзя сказать о судебных разбирательствах.

Вездесущая пресса раскопала подробности очередной неприличной связи премьер-министра, на этот раз с несовершеннолетней танцовщицей родом из Марокко по имени Руби. «Рубигейт», во всех подробностях освещаемый прессой, до предела разогрел политическую атмосферу в Италии. За это, а также по ряду дел о коррупции премьеру предстояло держать ответ в суде Милана. Тем временем черед сексуальных скандалов, в которые вовлечен Берлускони, его бесконечные разбирательства с оппозиционной прессой и правосудием привели к парламентскому параличу и кризису институтов исполнительной власти. Президент Италии Джорджо Наполитано вынужден был собрать лидеров парламентских групп, чтобы заявить: «если положение вещей не изменится, то нынешняя легислатура окажется под угрозой».

В условиях дискредитации институтов власти вполне может состояться поход во власть еще одного представителя промышленных кругов Италии. О своем желании взять политическую ответственность за будущее Италии в обстановке институционального хаоса недвусмысленно заявил бывший президент Конфиндустрии (объединения итальянских промышленников) Лука Кордеро ди Монтезамо, ныне глава общества «Будущая Италия», а также известного концерна «Феррари». Если такое произойдет, то, по всей вероятности, это существенно ослабит политические и медийные позиции Берлускони, и, возможно, приведет к очередной перекройке политического ландшафта Италии.

Список литературы

1. Pansa G. Comprati e venduti. – Roma, 1977.
2. Урина Н.В. Итальянская журналистика в 1945-1990 гг. – М., 1999. – с. 74.
3. Урина Н.В. Средства массовой информации Италии. – М., 1996. – с. 53.
4. La Repubblica – 09. 07. 2010, 02. 09. 2009, 05. 12. 2009, 09. 09. 2009, 17. 03. 2010.
5. L'Unita – 09. 07. 2010.
6. Il Corriere della Sera – 09. 07. 2010, 22. 08. 2009, 09. 09. 2009.
7. La Stampa – 25. 01.2010, 16. 03. 2010, 09. 09. 2009.

POLITICAL POWER AND MASS MEDIA IN ITALY: SPECIFICS OF INTER-RELATIONS

A. D. Zolotykh

*Moscow
Lomonosov
State
University*

*e-mail:
azl_46@mail.ru*

This article is about of the process of the fusion of political, economic power and mass media in Italy and on relationship of Italy's Prime minister Silvio Berlusconi with media sphere of the republic.

Key words: mass media. policy, political sponsor, corruption, the total control of TV.

УДК 316.77:001.121.18; 070:001.121.18

ОФЛАЙН И ОНЛАЙН: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Е. Н. Подставко*Санкт-Петербургский
государственный
университет
сервиса и экономики**e-mail:**almanach_005@rambler.ru*

Статья посвящена процессу перехода традиционных СМИ в Сеть. Рассматриваются причины возникновения медийной среды в Рунете. Приводятся примеры популярных сетевых СМИ, рассматриваются их преимущества.

Ключевые слова: переход в Сеть, вид издания, содержание, противостояние традиционных СМИ и Интернета.

Интернет, как и все новые технические средства обработки и распространения информации, завершает стадию освоения опыта своих предшественников: он включает в себя документооборот, библиотеки, радио, кино, телевидение, музыку, выстроил на своих просторах систему СМИ по образу и подобию печатной (собственные газеты и журналы). Развитие средств массовой информации перенесено в Сеть, и скоро в Интернете возникнут совсем новые специфические СМИ.

С развитием сети Интернет появилась масса сетевых изданий, которые разные исследователи классифицируют в зависимости от наличия у них традиционных «прародителей». Одни учёные придерживаются деления на исключительно сетевые СМИ и представительства традиционных СМИ в Интернете (А. А. Беляев [1], Ю. В. Костыгова [4]), другие – делят сетевые версии традиционных СМИ на «клоны» и «гибриды» (М. М. Лукина [5]), противопоставляя тем самым электронные версии, копирующие материнский контент, сетевым изданиям, поначалу «клонам», расширившим контент и проводящим собственную, отличную от офлайн-аналога информационную политику. Как можно заключить из такого деления, стадия «клона» неизбежна. То есть содержание печатного выпуска без изменений переходит в Сеть и таким образом электронная версия становится доступной во всемирной паутине. Но остаётся ли она при этом только копией?

Переход в Сеть – это качественно иной уровень восприятия контента и циркуляции информации, а также совершенно новые коммуникативные и технические возможности для издания.

Давно известно, что газета при стопроцентном сохранении текста, но перевёрстанная, – уже другое издание, так как изменяется логика номера как единого произведения и направление всего выпуска, а не отдельных текстов. При переносе публикаций из офлайна в онлайн происходит два сдвига:

- 1) технологический;
- 2) типологический.

Во-первых, нам необходимо специальное оборудование для чтения электронной версии, а также умения и навыки использования сетевых ресурсов и работы с ними.

Во-вторых, перед нами предстаёт новое издание – это не газета, какой её обычно представляют, а электронное издание с комплексом навигационных и коммуникативных опций: обратная связь с читателем, оценка материалов издания, обсуждения в форумах и блогах, гиперссылки, упрощённый доступ к архиву. При всём этом столбцы текстов, открываемые кликом, не видны полностью, как и рекламные баннеры, предлагающие «кликнуть».

Примечательно, что общим объединяющим началом всех сетевых СМИ является текст; радио- и телеверсии помимо возможностей мультимедиа используют текстовые аналоги видео- и голосовых материалов.

Радио и телевидение лишь перешли на интернет-вещание, активно используются мультимедийные возможности и текстовые материалы вместо сюжетов и голосовых сообщений. Но сказать, что содержание разнится по сравнению с традиционными каналами вещания, было бы неправильным. Как и любое другое сетевое СМИ, электронная версия отличается навигационными возможностями и подробной информацией о проектах и программах.

Информационные агентства в Интернете можно охарактеризовать как наиболее оперативные источники информации. Когда происходит какое-либо чрезвычайное происшествие, аудитория обращается в Сеть – к лентам новостей, и только потом – к сообщениям традиционных каналов. Так, показателен пример агентства «РосБизнесКонсалтинг». Во время финансового кризиса 1998 г. наиболее точная информация была бесплатно доступна на сайте агентства. Именно в этот период холдинг «РБК» завоевал доверие сетевой аудитории. Также стоит отметить, что агентство «РосБизнесКонсалтинг» борьбу за аудиторию начало именно в Сети, затем был запущен телевизионный канал, и только потом в свет вышло издание «РБК Daily», т. е. вопреки сложившейся тенденции всё начинать с печатных СМИ.

Таким образом, при создании газетой, журналом, радио-, телеканалом сетевого аналога в результате рождается именно версия, а не копия. Копия предполагает ту же среду. Версия – пример того, как может выглядеть контент печатного номера, но это лишь один из вариантов, а их множество. И при переходе в Сеть возникшая версия отличается от стандартной:

- по виду издания;
- по типу издания;
- по социально-коммуникативным свойствам.

Сетевая версия традиционного канала распространения массовой информации как вид издания характеризуется:

- увеличением объёма информации за счёт интерактивных возможностей Интернета;
- изменением аппарата издания (средства управления вниманием: поиск, выходные данные, информация об издании);
- уменьшением количества метаинформации: в печатном варианте мы воспринимаем текст в комплексе других материалов – выстраиваем систему связей контекстных публикаций, на мониторе компьютера – воспринимаем сообщение как таковое;
- возможностью изменения формата и шрифта в зависимости от предпочтений пользователя;
- изменением структуры макротекста номера (объём в знаках);
- изменением характера движения издания во времени (облегчение связей с архивом, подшивкой; утренний, вечерний выпуски; обновление ленты новостей);
- сопряжённостью движения читаемых материалов с блоком рекламы (механическое соединение интеллектуальных текстов с рекламными);

Как тип издания сетевая версия имеет ряд следующих признаков:

- учредитель и издатель те же, что и у традиционного СМИ-«прародителя»;
- аудитория растёт за счёт уже имеющейся базы у офлайн-издания и прирастает молодёжным сегментом благодаря новому каналу распространения;
- авторский состав: журналистов в номере может быть меньше, чем в печатном аналоге, но соавторства с читателями больше (интерактив, письма, обсуждения);
- функции, цели издания – работа на расширение аудитории, формирование новых участков информационного поля;
- объём и тираж не важны, поскольку имеет место единая система распространения;

– содержание – сопоставление контента: наполнение непосредственно медийными материалами, а также гиперссылками, письмами и отзывами читателей, справочной информацией, рекламой.

Социально-коммуникативные свойства сетевой версии таковы:

- продвижение в новые слои аудитории;
- изменение связи с читателем: развитие социальной активности аудитории посредством сервисов обратной связи;
- более индивидуализированное сетевое потребление информации (даже технически), но есть хостинги, форумы, рейтинги выступлений.

Бесспорно, компьютер влияет на форму подачи материала: читатель, «щёлкавая» по заголовкам материалов, имеет возможность не видеть окружающих публикаций – таким образом, каждый сам для себя, своих потребностей верстаёт собственный номер, определяя интересующую тематику, последовательность – управление контентом вне зависимости от задач редакции.

Печатная газета обращается к некоторому сообществу – по типу деятельности, убеждениям, интересам и т. п. Сетевая версия – к индивиду, хотя существуют сетевые сообщества и обязательная регистрация пользователя. Некоторые социальные и блоггерские ресурсы («Мой Мир», «Живой журнал») открывают доступ к определённым изданиям, т. е. производится своеобразный отбор источников информации для пользователей сообществ. Со временем массовая информация должна переориентироваться на индивидуализацию её производства и потребления.

Наиболее часто звучащий сегодня вопрос: не самоликвидируются ли печатные газеты, не перейдут ли безвозвратно в Сеть? Как правило, ответом служит утверждение, что, во-первых, на территории России сеть Интернет, в которой сосредоточены медийные ресурсы, распространена не столь широко, кроме столичных мегаполисов и крупных региональных центров, далеко не во всех городах-миллионниках даже треть населения имеет доступ к Сети; во-вторых, не все читатели имеют навыки работы в Сети, традиционная привычка читать бумажный вариант неискоренима. Существуют определённые обстоятельства, в которых тот или иной способ получения информации более удобен, но отдавать абсолютное предпочтение сетевой версии или печатной газете пока не возникает необходимости. Один и тот же читатель в разных условиях выберет наиболее подходящий вариант (будучи дома, в дождливую погоду обратится к сетевой версии; находясь на пляже или в метро, возьмёт с собой печатный вариант).

Поэтому вопрос о сроках существования печатной периодики пока не стоит. Пока идёт процесс освоения новых возможностей сетей. Электронная версия газеты не просто сочетает музыку, видео, аниме, 3D и т. д. – предпринимается попытка объединить разные способы видения и осмысления событий.

Что касается сетевых версий газет на региональном уровне, как правило, электронная версия выполняет представительскую функцию в Рунете и содержит меньше материалов, чем печатная («Южноуральская панорама», «Наше время»). Задача переманить аудиторию в Сеть не стоит. Неудивительно, что и привлечь новых постоянных читателей вряд ли удастся, к тому же обновлением и редактированием сетевой версии занимается не специалист, а штатный сотрудник, имеющий основные обязанности. Как и за рубежом, в России электронные версии газет не приносят дохода, они демонстрируют готовность в освоении нового. Но это первый шаг на пути в Сеть.

Общероссийские издания внимательнее относятся к собственным сетевым версиям. Помимо простоты доступа с самых различных принимающих устройств (телефонов, смартфонов и т. д.), существуют дополнительные платные сервисы, которые в печатном варианте невозможны («Ведомости»). Выделяется специалист, занимающийся только электронной версией. Пока читателю предлагается информации больше и быстрее, но довольно ли ему этого?

Печатные газеты в конкуренции с другими СМИ прибегают к самым различным способам удержания аудитории: уменьшение формата, сокращение тиражей,

создание электронных версий, выпуск в цвете для привлечения молодёжной аудитории, объединения и слияния компаний и корпораций.

Газетам как таковым не раз пророчили угасание или постепенное исчезновение, поначалу с развитием радио, затем с появлением самого массового СМИ – телевидения. Но специфика печати ещё долго не позволит ей сдать свои позиции. Это и возможность отложенного чтения, и относительно комфортный способ получения информации.

Сегодня, по мнению многих теоретиков журналистики, Интернет является «врагом» всех печатных СМИ в целом. Во-первых, молодёжная аудитория, не приученная к классическому способу чтения СМИ, отдаёт предпочтение сетевым СМИ и всё чаще именно из таких источников черпает новости. Во-вторых, просторы глобальной Сети дают пользователю возможность за символическую плату просмотреть сразу несколько изданий, тогда как печатные СМИ нужно приобретать за полную стоимость.

В сущности, Интернет вряд ли можно считать «врагом» традиционных СМИ. Он – наиболее яркая тенденция глобализации, отразившаяся в журналистике. Интернет не изживает газеты и журналы, он заставляет их эволюционировать: менять форму подачи информации, находить новые способы привлечения аудитории. В своё время существовала радиогазета, теперь в массовом порядке появляются электронные версии печатных СМИ, которые лишь частично представляют структуру журналистики Рунета [2; 3].

Наиболее показательным примером удачной работы сетевой версии можно назвать сайт газеты «Ведомости», где кроме дополнительных текстовых материалов, отсутствующих в печатном варианте, грамотно применяются новейшие технологии для расширения версии и использования дополнительных опций, доступных только в Сети.

В печатной версии отсутствуют:

1. Комментарии к материалам (доступны зарегистрированным членам Клуба читателей);
2. Подкасты (аудиоанонсы свежего номера);
3. Видеосюжеты (несколько видеосюжетов в неделю);
4. Фотогалерея, фото дня;
5. В рубрике «Мнения»: «Блогеры», «Блоги», «Рейтинг блогов», «Рейтинг записей деловых блогов»;
6. В рубрике «Финансы»: котировки акций и валют, обновляющиеся в режиме реального времени; подбор вклада (ставки по вкладам в крупнейших розничных банках); калькуляторы: кредитный калькулятор, валютный калькулятор; карта фондового рынка;
7. В рубрике «Компании»: акции компаний (ММВБ, РТС), справочник компаний, справочник персон;
8. В рубрике «Карьера»: возможность разместить резюме и подобрать специалиста;
9. Опросы (регулярные опросы читателей на актуальные темы);
10. Спецпроекты (например, «Охота на мигалки»);
11. Игры, скринсейверы, виджеты.

Сервисы для получения информации с сайта:

1. Бесплатный виджет для Windows (программа для просмотра новостей на рабочем столе, не загружая браузер);
2. Бесплатный виджет для Macintosh (программа для просмотра новостей на рабочем столе, не загружая браузер);
3. Бесплатное приложение для iPhone;
4. Бесплатное приложение для смартфонов Nokia N97 и N97 mini;
5. Рассылка по E-mail анонсов свежего номера (доступны тематические рассылки: отдельные полосы, по ключевым словам, фамилиям колумнистов, статьи с пометкой «Молния»);
6. RSS-подписка/ленты.

Подводя итоги, можно сказать: чем ближе сетевая версия к печатной, тем дальше она от будущего. Сетевая версия вне зависимости от полноты содержания является самостоятельной, поскольку канал распространения информации, который она использует, даёт уникальные возможности и предполагает совершенно новый уровень восприятия передаваемой информации. Разместив одни и те же материалы в той же последовательности в обеих версиях, получают разные результаты в двух разных изданиях с одинаковым названием.

Список литературы

1. Беляев А. А. Дизайн-модель Интернет-версии как результат трансформации модели печатного издания (на материале российских СМИ) / А. А. Беляев // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 52 – 62.
2. Вакурова Н. В. Концепции современных российских Интернет-изданий / Н. В. Вакурова, Л. И. Московкин // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 44 – 55.
3. Колесникова М. М. Периодические издания электронных сетей как вид СМИ: типологический аспект: автореф. дис. .... канд. филол. наук / М. М. Колесникова. – Ростов н/Д, 2002. – 22 с.
4. Костыгова Ю. В. Сетевые СМИ: занимательная типология / Ю. В. Костыгова // Мир Internet. – 2002. – № 4. – С. 20 – 23.
5. Лукина М. М. СМИ в домене Ру: Хроника, цифры и типы / М. М. Лукина // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 63 – 73.

OFF-LINE AND ON-LINE MEDIA: COMMUNION AND CONFLICT OF POLARITIES

E. N. Podstavko

*Saint-Petersburg
State University
of Service and Economy*

*e-mail:
almanach_005@rambler.ru*

The article is devoted to the process of transition of traditional media to the Internet. The reasons of appearing media in Russian Internet are considered. The author gives examples of popular virtual media and their advantages.

Key words: transition to the Internet, type of issue, content, conflict of traditional media and the Internet.

УДК 070.15

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕДИЙНОГО ИМИДЖА ИННОВАЦИОННОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГУ)

С. И. Шатохина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
shatokhina@bsu.edu.ru*

Разработанная концептуальная модель медийного имиджа инновационного вуза представляет его структурно-семантические компоненты и цепочки их взаимосвязи, важные для воспроизведения в целях желаемого позиционирования университета. В концептуальных компонентах модели содержатся закодированные идеи-посылы, системно воспроизводимые в медиатекстах.

Ключевые слова: модель, медиаимидж инновационного вуза, медиатекст, триада «образование-наука-производство».

Проблемы модернизации высшей школы получили большой резонанс в российской периодике в связи с реализацией такого приоритетного направления нацпроекта «Образование», как стимулирование учреждений высшего профессионального образования, активно внедряющих инновационные образовательные программы. Poleмика о реализации инновационной деятельности в вузах и управлении ею ведётся на страницах специализированных журналов: «Высшее образование сегодня», «Высшее образование в России», «Педагогическое образование и наука», «Инновации», «Alma mater». Широко освещается прессой на федеральном уровне опыт университетов-лидеров, обладающих высокой степенью инновационной активности, что позволило им добиться незаурядных научных результатов и коммерчески рентабельного их внедрения. Обобщение этого опыта производится такими изданиями, как «Поиск», «Вузовский вестник», «Российская газета», «Известия». Освещается деятельность инновационных вузов и на региональном уровне (местными областными и городскими изданиями, а также корпоративной прессой). Сегодня имеются все основания говорить о формировании периодической медийного имиджа инновационных вузов. Однако в настоящее время журналистской наукой не выделены и не проанализированы характерологические черты, системное воспроизведение в СМИ которых служит конструированию медиаимиджа инновационного вуза как нового объекта отечественной системы образования и науки.

Модель медиаимиджа содержит и адресует характеристики объекта, необходимые конкретной целевой аудитории. Словарные дефиниции феномена «модель» представляют его как образ моделируемого объекта; аналог оригинала модели (схема, структура); устройство, воспроизводящее, имитирующее строение и действие другого устройства [1, с. 399; 11, с. 381; 5, с. 207]. В ряде определений подчеркнута роль модели как объекта-заместителя, который, имитируя оригинал-прототип, может при этом воспроизводить его наиболее важные и существенные свойства и характеристики. В частности, в специализированном источнике – «Толковом словаре. Язык газеты, радио, телевидения» – модель интерпретируют как «вспомогательный объект (или систему), заменяющий изучаемый объект (или систему) и создаваемый для получения нового знания о нем» [9]. Анализ определений термина показывает, что в качестве моделируемого выступает существующий в реально существующий объект. В толковом словаре русского языка с пометой «спец.» модель трактуют как схему какого-нибудь физического объекта или явления [8, с. 361]. Целью нашего исследования является разработка теоретической модели не физического объекта – инновационного вуза, а его медиативированной репрезентации – образа инновационного вуза, формируемого, развиваемого и управляемого средствами массовой информации посредством

вом медиарилейшнз. Подчеркнем, что в условиях модернизации высшей школы в научных трудах актуальны и проблемы формирования модели инновационного вуза как реального физического объекта. Кроме того, исследования разворачиваются в области моделирования процессов управления научно-инновационной деятельностью вуза и конструирования модели показателей её результативности. Ряд учёных поднимают вопросы внедрения компетентностной модели подготовки специалистов.

В настоящее время разработаны теоретические модели имиджа организации вообще, а также выделены структурные компоненты имиджа и образа вуза (традиционно в качестве компонентов образа вуза исследователи выделяют: образовательные услуги; профессорско-преподавательский состав; основатель / руководители; студенты; внутренние социально-психологические характеристики; визуальные характеристики; социальные характеристики [2, с. 26 – 28]). Однако теоретико-концептуальной модели медийного имиджа инновационного вуза, воспроизводящей весь комплекс взаимосвязанных стратегических компонентов-характеристик, определяющих не только образовательный и управленческий, но и научный и бизнес-потенциалы такого университета, в имеющихся на сегодняшний день исследованиях не представлено.

В контексте того, что модель отображает не только свойства, но и отношения реального объекта [10, с. 338] и «служит для хранения и расширения знания (информации) об оригинале, конструирования оригинала, преобразования или управления им» [11, с. 381], разрабатываемая нами теоретико-концептуальная модель медиаимиджа инновационного вуза раскрывает существенные взаимосвязи и взаимовлияния его смысловых структур как составляющих формируемого образа и способствует созданию через публикацию определенных медиатекстов этого образа и его последующей медийной трансформации с «выпуклым», акцентированным представлением характерологических черт, которые актуальны для редакционной политики конкретного издания и его целевой аудитории.

Концептуальная модель медийного имиджа инновационного вуза создана на примере Белгородского государственного университета. В концептуальных компонентах модели представлены получившие отражение в журналистских и имиджевых медиатекстах закодированные идеи-посылы, вычлененные специалистами по связям с общественностью из целеполагающей стратегии инновационной образовательной программы БелГУ и внедряемые в СМИ в рамках медиарилейшнз. Заявленная Белгородским государственным университетом программа «Научоёмкие технологии. Качество образования. Здоровьесбережение» сроком на два года имеет цель – «сформировать центр инновационного развития образования, науки и культуры в Белгородском государственном университете, выступающем в роли катализатора экономики и социальной сферы региона, на основе создания многопрофильной кластерной системы непрерывной профессиональной подготовки кадров мирового уровня, продвижения на рынок новых знаний и наукоёмких технологий, обеспечения стратегического партнерства высших учебных заведений, бизнеса и власти федерального и регионального уровней» [4].

На основе семантического анализа текста программы сформулированы ключевые термины-символы и отношения взаимосвязи между ними, введение которых в содержание инспирируемых медиатекстов целесообразно с точки зрения достижения соответствия тезаурусу и опыту реципиента, что важно для обеспечения должного восприятия медийного содержания. А. П. Короченский отмечает, что представленная в СМИ идеальная реальность «воспринимается аудиторией в ходе «раскодировки» и познания медийного содержания, когда осуществляется анализ, интерпретация и оценка информации, полученной через печатную и электронную прессу» [7, с. 24]. Подчеркнем, что в символьных концептах, вплетенных в «ткань» медиатекстов, акценты смещены с вуза на результат его деятельности, отвечающий запросам каждой из целевых аудиторий: для абитуриентов и их родителей – это не только уверенное профессиональное «завтра» (успешное трудоустройство), но и стабильное, качествен-

ное «сегодня» (возможность как профессионального, так и творческого развития в студенческие годы); для потенциальных научных сотрудников, научных школ, рассматривающих вопросы переезда в БелГУ – гарантия качества жизни (предоставление жилья) и работы (во власти ученых – современное научно-аналитическое, измерительное и испытательное, технологическое оборудование и программное обеспечение); для бизнес-партнеров – предложение инновационного наукоёмкого продукта, обладающего по сравнению с аналогами (если таковые имеются) более высокими техническими и умеренными ценовыми характеристиками.

В медийном поле БелГУ представлен как вуз, в основе инновационной деятельности которого лежит принцип интеграции образования, науки и производства. В этой связи в концептуальной модели медийного имиджа инновационного вуза ключевыми компонентами являются: образовательный, научный и бизнес-потенциалы университета как неразрывно связанные и взаимообусловленные компоненты, а также интеллектуальный, административный и технологический ресурсы (проводящий грамотную управленческую стратегию руководитель-новатор, генераторы инноваций – научные коллективы и уникальная материально-техническая база) как звенья логической цепочки реализации интегрированной триады «образование-наука-производство». Ректор Белгородского государственного университета, профессор Л. Я. Дятченко, представляя системные эффекты реализации нацпроекта «Образование» в вузе, отмечает, что «в университете апробирована кластерная система непрерывного междисциплинарного профессионального образования в области разработки и освоения наноструктурных материалов и нанотехнологий промышленного и медицинского назначения, проведена практическая апробация разработанной модели «технологических коридоров» в виде взаимообусловленной инновационной системы «новые знания в области геоинформатики – трудовой потенциал – рынок труда, услуг и товаров», внедрена система реализации в образовательном процессе принципа командно-модульной подготовки кадров в области ИКТ-технологий» [3, с. 3]. Каждое направление программы создает условия для формирования механизмов эффективной комплексной реализации образовательной, научной и инновационной деятельности.

Поскольку смыслообразующие сегменты модели медийного имиджа инновационного вуза представляют собой единую интегрированную систему, то, на наш взгляд, целесообразно на примере публикаций периодики, воспроизводящих процесс реализации триады, раскрыть взаимосвязи между её компонентами. Проведенный в ходе мониторинга федеральных («Российская газета», «Поиск») и региональных СМИ («Смена», «Белгородская правда», «Белгородские известия») анализ медиатекстов позволяет сделать вывод, что траектория развития структурно-семантических составляющих модели носит оригинальный характер. Репрезентация в СМИ динамичного процесса реализации инновационной деятельности вуза осуществляется посредством ряда медийных цепочек сквозь призму конкретных медиаформул («не только компетентный, но и здоровый»; «от идеи к внедрению»), в которых закодирована целеполагающая концепция инновационного вектора развития БелГУ. Подчеркнем, что две формулы оперируют с объектом «конкурентоспособный продукт»: в первой – это выпускник-профессионал, во второй – наукоёмкая коммерчески привлекательная разработка.

В рамках аналитической работы с материалами периодики, посвященными деятельности БелГУ, мы выделили ряд медийных цепочек, воспроизводящих процесс реализации системы «образование-наука-производство». Проиллюстрируем на конкретных примерах. Категория «образовательный потенциал» не ограничена традиционными рамками выпуска из стен *alma mater* «специалиста вообще». В медиополе сквозь призму концептов «учеба – на благо и прибыль», «учеба – в радость и на здоровье» проводится идея подготовки не только компетентного, конкурентоспособного «специалиста мирового уровня, способного ответить на все современные вызовы, готового работать в наукоёмких отраслях экономики» (Белгородская правда).

15.05.2007), но и главным образом «здорового во всех отношениях выпускника» (Белгородские известия. 30.09.2008). Стоит отметить, что в медиатекстах, адресованных абитуриентам и их родителям как одной из целевых аудиторий, акцент сделан как на результат (конкурентоспособный выпускник вуза, успешно трудоустроенный), так и на процесс: в СМИ представлены яркие этапы достижения конечной цели, то есть освещены те мероприятия, которые делают путь превращения вчерашнего школьника в творческого, талантливого, здорового специалиста-профессионала не только познавательным, но и увлекательным, необычным. Таким образом, медиаформула «не только компетентный, но здоровый» реализуется в медийной цепочке «практико-ориентированная образовательная подготовка – здоровьесбережение как отдых-игра» («В БелГУ открылся уникальный класс для студентов-стоматологов...» (Российская газета-Неделя – Черноземье. 27.03.2008), «тренироваться им предстоит на учебных фантомах – небольших анатомических моделях человека... В качестве наглядного пособия – видеоролик на экране. Белые халаты, стерильные перчатки, защитные маски – здесь всё настоящее, максимально приближенное к рабочим условиям в стоматкабинете» (Смена. 15.03.2008); («В БелГУ разработано шесть типов реабилитационных программ. Выполнять их – самое место в учебно-спортивном комплексе С. Хоркиной. Или на ипподроме вуза. А летняя реабилитация подразумевает отдых в шебекинской Титовке, где есть своя база. Или пребывание в Туапсе: дорожка туда тоже «протоптана» (Белгородская правда. 30.09.2008).

В теоретико-концептуальном моделировании медийного имиджа вуза, реализующего в условиях рынка инновационную деятельность в целях «накопления и использования новых знаний, а также использования новых технологий и готовой продукции, основанных на этих знаниях, в экономике страны, социальной сфере...» [6, с. 5], закономерно акцентирование компонента, связанного с активностью вуза как бизнес-субъекта. Подчеркнем, что речь идет о вузе как участнике наукоёмкого бизнеса. Анализ опубликованных в СМИ материалов показывает, что медиаформула «от идеи к внедрению» реализуется в цепочке «наукоёмкий продукт – охрана и защита прав на объект интеллектуальной собственности – коммерциализация – рынок». Ее воспроизведение ярко иллюстрирует вузовский пример эффективной интеграции науки и производства и обеспечивает формирование медийного образа инновационного университета, отвечающего приоритетам развития наукоёмких экономических кластеров – «Как подчеркнул министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко, вуз продемонстрировал умение договариваться с бизнесом и коммерциализировать разработки» (Российская газета – Экономика ЦФО. 2.12.2008). В этой связи ударными микротемами публикаций являются специфика, уникальность и коммерческая привлекательность наукоёмкой разработки, а также инфраструктурная готовность университета к внедрению результатов интеллектуальной деятельности в производство («При вузе созданы Региональный центр интеллектуальной собственности и Инновационно-технологический центр «Стратегическая инициатива», благодаря которым результаты исследований оперативно патентуются и коммерциализуются» (Поиск. 21.12.2007); «...разработана оригинальная технология и налажен синтез наногидроксилпатита в виде водных и спиртовых коллоидов» (Белгородская правда. 1.04.2008); «Использование спиртового коллоида наногидроксилпатита позволяет получать шликерные биоактивные покрытия, чья прочность и нужная липкость достигается без высокотемпературного отжига. Разработка защищена патентом РФ» (Поиск. 30.01.2009); «По решению Минздравсоцразвития наногидроксилпатит уже активно используется при производстве стоматологического препарата нового поколения нанофлюор. Этот препарат в настоящее время выпускается белгородским предприятием ЗАО «Опытно-экспериментальный завод ВладМиВа» (Белгородская правда. 1.04.2008).

На пересечении двух выше обозначенных медиаформул можно вычлениить идеальную цепочку «новая специальность / направление подготовки / образовательная

технология – компетенции студентов – научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа – конкурентоспособный специалист / наукоёмкий продукт – новое рабочее место». Она не только отражает реальные мероприятия, выполняемые в университете в рамках инновационной программы, но и воспроизводит целеполагающие концептуальные установки на перспективу, иначе говоря, желаемый и необходимый ход развития и результативности инновационной деятельности вуза. Медийная цепочка посредством различных приемов реализует идею создания необходимых условий для образовательной подготовки специалиста, востребованного в конкретных секторах экономики, обеспечивающего себе рабочее место посредством проведения эффективной, имеющей фундаментальное и прикладное значение научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности. Значение реальности и ирреальности (желательности, возможности, намерения) развиваемой медиаидеи выражено в текстах грамматическими и лексическими средствами (специальными формами наклонений и модальными словами). Проиллюстрируем на конкретном примере: *«Мы должны, – говорил ... ректор БелГУ Л. Я. Дятченко, – научить студентов создавать для себя рабочее место. ... В БелГУ реализуется грандиозный социально-технологический проект внедрения специальности «Наноматериалы». Мы создали кафедру для подготовки специалистов в этой области, открыли Центр наноструктурных материалов и нанотехнологий и оснастили его суперсовременным оборудованием. ... развернули научные исследования по производству новых материалов, тут же построили опытное производство и создали лабораторию, которая получила сертификат об аккредитации, позволяющей оценивать качество наноструктурных материалов и композитов. Получается, что студенты учатся, создают инновационные продукты, а затем идут в исследовательские лаборатории, где оценивают свои инновационные материалы. Несколько выпускников мы заберём на наши производства»* (Белгородская правда. 25.02.09 г.). В медиатексте представлены реальные факты, подтверждающие инновационный потенциал вуза как «производителя знаний и новых рабочих мест». Однако идея поэтапной организации трудовых мест самими студентами реализуется средствами, выражающими значения реальной (глаголами изъявительного наклонения) и интенциональной модальности – модальности намерения (кратким прилагательным «должны»).

На наш взгляд, в контексте отражения идеальной медийной цепочкой триады «наука-образование-производство» с акцентом на такой аспект, как востребованность результатов интеллектуальной деятельности студентов-исследователей инновационного вуза в наукоёмких секторах экономики, показателен следующий пример: *«Каждый день после учёбы я иду в лабораторию, где готовлю образцы и провожу их исследование с использованием современного оборудования Центра наноструктурных материалов и нанотехнологий. ... они (прим.: полученные результаты) будут использованы при создании технологии деталей газотурбинных двигателей, которая приведет к существенному увеличению срока эксплуатации и снижению стоимости энергетических установок. Можно, например, усовершенствовать газотурбинную электростанцию на площадке Белгородской ТЭЦ»* (Белгородские известия. 21.03.2008). Реально существующие факты представлены в структурных единицах фрагмента с модальным значением действительности. Заключительное предложение фрагмента обладает значением потенциальной модальности. Анализ медиатекстов показывает, что совмещение модальных значений реальности и ирреальности (возможности, необходимости, желательности, намерения) свидетельствует о формировании образа вуза, стратегически готового к реализации инновационной деятельности в целях социально-экономического развития региона.

Мы считаем, что принципиально важную семантическую роль в модели формируемого СМИ имиджа инновационного вуза играют образующие медийную цепочку компоненты и взаимосвязи между ними, воспроизводящие управленческий, интеллектуальный и технологический потенциалы университета как своего рода катализи-

ческие звенья реализации триады «образование-наука-производство», воплощенной в медиаформулах «не только компетентный, но и здоровый» и «от идеи к внедрению». В этой связи в медиаполе мы выделили три цепочки, две из которых иллюстрируют так называемый единый инфраструктурный процесс, подчиненный выполнению образовательной, научной и инновационной деятельности, а третья – комплекс мероприятий, ориентированных на повышение качества социальной сферы. Рассмотрим их, подтверждая примерами.

В медиатекстах широко представлены не только результаты, полученные в рамках выполнения инновационной образовательной программы, но и пути их достижения. По мере развития и расширения сфер деятельности инновационного вуза укрупняется медиафигура руководителя-лидера, проводящего грамотную управленческую стратегию (закрепление в университете перспективных научных коллективов как генераторов инноваций) и способствующего созданию в вузе уникальной материально-технической базы. В периодике подчеркнута роль ректора Л.Я. Дятченко в инновационном развитии БелГУ: *«Пять последних лет университетом руководит доктор социологических наук, профессор Л. Я. Дятченко. ... за эти пять лет университет подвергся таким преобразованиям, каких он не знал все предыдущие 125 лет. Эти годы стали для вуза своего рода прорывными, ... периодом творчества, созидания, ... развития широчайшего спектра инновационных направлений...»* (Белгородская правда. 10.03.2007). Анализируемые медиатексты формируют образ решительного, стремящегося «только вперед!» лидера-стратега, инициирующего масштабные проекты, значимые в области приоритетных направлений развития государства; проводящего в сотрудничестве с административными структурами региона единый комплекс мероприятий для их реализации, предусматривающий прежде всего творческий подход к созданию мощного кадрового потенциала вуза. Таким образом, идея реализации триады «образование-наука-производство» воспроизводится следующими взаимосвязанными медийными цепочками «лидер-стратег – грамотная кадровая политика – мощная научная школа» и «лидер-новатор – прогностическая инвестиционная политика – уникальная материально-техническая база».

В периодике высоко оценивается политика ректора по привлечению перспективных ученых на работу в БелГУ: *«Многие видные ученые в свое время уехали работать за рубеж, теперь они вернулись из Англии, Японии, Мексики по приглашению руководства вуза»* (Белгородские известия. 29.11.08 г.). Способность к нестандартным, но взвешенным решениям, прогностический подход руководителя обусловили появление и закрепление в университете команды ученых, производящих конкурентоспособную наукоемкую продукцию: *«В Белгороде сегодня собрался самый сильный в России коллектив ученых по освоению наноструктурного титана. Аналогичные исследования, насколько мне известно, ... ведутся только в США и Чехии. И мы идем с ними ... «ухо в ухо»* (Белгородские известия. 5.03.2008). Усилия лидера направлены на формирование уникальной материально-технической базы. В связи с тем, что главный принцип деятельности ректора, позиционируемый в СМИ, – «все для человека!», в контексте ряда публикаций второе направление управленческой стратегии подчинено первому. В прессе идея выражена так: дорогостоящее современное оборудование приобретается под конкретного ведущего ученого, возглавляемый им перспективный научный коллектив (*«В то время такого оборудования в Томске не было, – вспоминает Юрий Романович (прим.: Колобов Ю.Р. – директор Центра наноструктурных материалов и нанотехнологий БелГУ). – Мог ли томский физик ожидать, что кто-то купит ему прибор стоимостью в 40 миллионов рублей?! Лично для меня это стало решающим аргументом в пользу переезда – в материальном отношении мне и в Томске было вполне комфортно...»* (Смена. 21.11.2007). Комплексное воспроизведение выше названных медийных цепочек способствует формированию образа прогрессивного инновационного вуза, одного из лучших в стране – *«С таким научным коллективом наноиндустрия Белгородской области пойдёт семимильными шагами,*

ведь БелГУ среди вузов России, признанных инновационными, занял пятое место по своей успешности и продуктивности реализации национального проекта «Образование», а по уникальности технического оснащения – оказался в лидерах!» (Смена. 26.03.2008).

Высшее учебное заведение, претендующее на статус инновационного, прежде всего, должно быть социально ответственной организацией. В периодике Белгородский госуниверситет позиционируется как вуз с мощной системой социальной поддержки коллектива, руководитель представлен не только как лидер, считающий инвестиции в развитие человеческого капитала самыми эффективными, но прежде всего живой человек, проявляющий заботу о ближних. Являясь приверженцем здорового образа жизни («Спорт – это моё спасение, – говорит ректор БелГУ...» (Белгородские известия. 17.03.2007), ректор Л. Я. Дятченко способствует внедрению в вузе мероприятий, ориентированных на поддержание здоровья студентов, сотрудников и преподавателей («ректорская инициатива по созданию условий для здорового образа жизни учащихся и работников университета формирует настоящий корпоративный дух. ... обеспечивать отдых подчинённых (если так в этом случае можно назвать студентов и преподавателей вуза) могут позволить себе только крупные и богатые предприятия. БелГУ на данный момент – одно из редких учебных заведений страны, которые внедрили эту систему» (Белгородские известия. 11.08.2007). Идея социальной ответственности руководства вуза воспроизводится в медийной цепочке «лидер без галстука» – гуманистическая социальная политика – моральное и материальное благополучие коллектива» («Я очень благодарна руководству университета и лично ректору Леониду Дятченко за оказываемую поддержку, – говорит доцент факультета журналистики БелГУ Татьяна Тришина. – ... университет обеспечил нашу семью квартирой в преподавательском доме. Не так давно у меня родился третий ребенок, и теперь как многодетная мама я буду получать от университета по 1000 рублей в месяц на каждого малыша. Прибавьте к этому еще 12 тысяч – такова сумма единовременного пособия при рождении ребенка» (Смена. 26.03.2008); «Белгородский государственный университет – из тех организаций, которые заботятся о своих сотрудниках даже после ухода их на заслуженный отдых. К праздникам и юбилеям ветераны получают подарки и поздравления» (Смена. 23.01.2008).

Заявленные нами медийные цепочки, воспроизводящие взаимодействие структурно-семантических компонентов модели медиаобраза инновационного высшего учебного заведения, представляют внутривузовские механизмы процесса реализации триединства «образование-наука-производство». Однако не стоит забывать, что вуз – это открытая система: «с одной стороны, деятельность образовательного учреждения определяет дальнейшее развитие общества как основного субъекта внешней среды, а с другой стороны, общество и внешняя среда в целом определяют цели и направления деятельности образовательного учреждения» [3, с. 3]. В этой связи следует отметить системное освещение в СМИ мероприятий в рамках программы здоровьесбережения, ориентированной на улучшение качества жизни населения Белгородской области («Занятия иппотерапией (так называется лечебная верховая езда) для детей, страдающих столь тяжелым недугом, как ДЦП, уже четвертый год проходят на базе конно-спортивной школы Белгородского государственного университета. Результаты превосходят все ожидания. Чем тяжелее нарушения у ребенка, тем более заметна положительная динамика» (Российская газета-Неделя – Черноземье. 11.09.2008 г.).

Отдельного упоминания заслуживает популяризируемый в СМИ принцип реализации кластерного подхода, который лежит в основе инновационной деятельности БелГУ. Его суть заключается в том, что для эффективного внедрения инноваций происходит объединение разных структур – от вуза и органов власти до академического и бизнес-сообщества [4]. Таким образом, можно выделить внешнюю медийную цепочку

«вуз – региональная власть – бизнес-сообщество», позиционирующую сотрудничество сторон, объединенных общим намерением – повысить социальное и экономическое благополучие региона («Президент призвал равняться на белгородский опыт, где региональные власти, бизнес-сообщество и Белгородский госуниверситет совместными усилиями построили учебно-спортивный комплекс Светланы Хоркиной, не имеющий аналогов ни в одном вузе страны» (Белгородская правда. 9.10.2007); «Вуз, органы местной власти, областная экологическая инспекция и другие структуры совместными усилиями пытаются найти оптимальные пути решения экологических проблем региона» (Белгородские известия. 30.01.2008). Особая роль в развитии вуза по инновационному пути в медиатекстах отведена руководству Белгородской области, в частности губернатору Е.С. Савченко («Молодёжь ... работает на лучших микроскопах мира, один из которых купил для наноцентра губернатор Е.С. Савченко» (Смена. 26.03.2008); «Амбициозный проект поддержали областные власти» (Российская газета. 6.11.2008).

Разработанная концептуальная модель медийного имиджа инновационного вуза представляет его структурно-семантические компоненты и цепочки их взаимосвязи, важные для воспроизведения в целях желаемого позиционирования в ходе имиджетворческой деятельности. Пресс-службы вузов, реализующих инновационную деятельность, могут взять выработанную модель за основу в целях должного позиционирования образовательного учреждения, при этом учитывая типологические характеристики печатного периодического издания и его целевую аудиторию. Использование модели в целом в качестве «кальки» формирования медиаобраза других вузов вариативно ввиду того, что в семантической структуре образа каждого конкретного университета, желающего занимать выигрышные позиции в медиаполе, должны быть индивидуальные, персонифицированные характерологические компоненты, позволяющие выделить объект из ряда организаций-конкурентов, и оригинальная цепочка взаимосвязей и взаимовлияний.

В итоге реализации названной концептуальной модели применительно к медийному «портрету» Белгородского госуниверситета в печатных СМИ формируется имидж БелГУ как университета XXI в., ведущего вуза в регионе, определяющего и развивающего приоритетные наукоёмкие направления, способствующие стремительному росту его социально-экономического потенциала; как одного из ведущих инновационных вузов России, располагающего необходимыми кадровыми, производственно-технологическими и финансовыми ресурсами для подготовки востребованного в конкретной сфере профессионала и реализации инновационной деятельности с обязательной перспективой внедрения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в производство; социально ответственного вуза с мощной системой поддержки студентов, сотрудников и преподавателей.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. / под ред. А.М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. Т. 16. Мезия – Моршанск. 1974. – 616 с.
2. Дагаева Е. А. Управление имиджем вуза // Управление персоналом. 2005, – № 3, – С. 26 – 28.
3. Дятченко Л. Я. Системные эффекты реализации национального образовательного проекта «Образование» в Белгородском государственном университете / Высшее образование сегодня – 2008 – № 11. – С. 2 – 6.
4. Заявка на участие в конкурсе по отбору образовательных учреждений высшего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы [Электронный ресурс] // Инновационная образовательная программа БелГУ / БелГУ. – Белгород, 2007 – 2009. – Режим доступа: <http://iop.bsu.edu.ru/iop/zayavka/>.
5. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

6. Инновационная деятельность вузов: принципы и механизмы организации // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 5. – С. 4 – 10.
7. Короченский А. П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики / А. П. Короченский. – Ростов-на-Дону, 2003. – 280 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. Солганик Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения: Ок. 6000 слов и выражений Г. Я. Солганик. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 749 с.
10. Философский словарь / Под ред. И. Т. Флорова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
11. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

THEORETICAL MODEL OF THE MEDIA IMAGE OF AN INNOVATIVE UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF BELSU)

S. I. Shatokhina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
shatokhina@bsu.edu.ru*

The theoretical model of the media image of an innovative university consists of its structural and semantic components and the chain of relationships among these components, which are important for representation in the media to the desired position of the University. Conceptual components of the model contain coded idea-sending, systemically reproduced in media texts.

Key words: model, media image of the innovative university, media-text, triad «education-science-production».

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ РОДНОГО ЯЗЫКА УЧАЩИХСЯ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ УСВОЕНИЯ РКИ

Али Анвар

*Государственный
институт
русского языка
им. А. С. Пушкина,
г. Москва*

*e-mail:
Anwar3691@mail.ru*

Представленная статья посвящена воздействию особенностей родного языка учащихся на процесс усвоения русского языка как иностранного. Доказываются факт привлечения родного языка и невозможность отвлечения от него. Определяется понятие «родной язык». Автор приводит сравнительный анализ некоторых особенностей русского и арабского языков и рассматривает трудности, которые испытывают учащиеся при усвоении изучаемого языка.

Ключевые слова: усвоение, родной язык, трудности, сопоставление, иностранный язык, обучение, принцип.

Одной из наиболее актуальных задач методики преподавания русского языка как иностранного являются постоянный поиск новых подходов, способов, приемов и разработка методов, направленных на повышение эффективности обучения. Цель учащихся-иностранцев при обучении русскому языку заключается в его использовании как средства общения и надежного инструмента формирования и оптимизации правильной русской речи. Важно подчеркнуть, что усвоение, представляет собой сложное, многозначное понятие и может трактоваться с точки зрения разных подходов. Во-первых, усвоение есть механизм формирования человеком индивидуального опыта через приобретение социо-культурного общественно-исторического опыта как совокупности знаний, умений и навыков (соответственно обобщенных способов действий), нравственных норм, этических правил поведения. Во-вторых, усвоение представляет собой сложную интеллектуальную деятельность человека, включающую все познавательные процессы, обеспечивающие прием, смысловую обработку, сохранение и воспроизведение принятого материала. В-третьих, если мы исходим из того, что учение и обучение – «это два различных процесса («ученик учится и учитель учит»)

 [1], то, очевидно, это результат деятельности и ученика, и учителя.

Понятие «усвоение» является центральным в психологии и педагогике и считается синонимом понятий «учение» и «приобретение». В трудах [1 – 3] усвоение рассматривается как приобретение знаний, умений, навыков.

Суть процесса усвоения иностранного языка заключается в том, что внешние действия учащегося должны пройти путь интериоризации, чтобы превратиться в автоматизированный навык речевой реакции на иностранном языке. В связи с этим, всякое обучение знаниям одновременно является процессом формирования у учащихся умственных действий [4]. Между тем, принцип интериоризации введен в

психологии П. Жане и перенесен в учение о высших психологических функциях человека Л. С. Выготским.

Взгляд на обоюдную взаимозависимость развития родного и иностранного языков человека является важным в усвоении иностранного, так как сознательное и намеренное усвоение иностранного языка совершенно очевидно опирается на известный уровень развития родного языка... и обратно – усвоение иностранного языка проторяет путь для овладения высшими формами родного языка [2].

На пути усвоения русского языка иностранными учащимися, в том числе арабскими, возникают многочисленные системные языковые трудности, которые тормозят его процесс и способствуют нарушению фонетической, лексической и грамматической сторон звучащей речи на этом языке, и следовательно, затрудняют процесс коммуникации, делая его малорезультативным, а иногда и полностью невозможным. Многие из этих трудностей появляются в силу воздействия особенностей родного языка учащихся, поэтому цель настоящей статьи – описание этого влияния на усвоения русского языка в арабской аудитории.

В отечественной методике преподавания русского языка как иностранного учет особенностей родного языка приобрел особое значение, в частности в работах Б. В. Беляева, В. Н. Вагнер, П. Я. Гальперина, И. А. Зимней, И. И. Китросской, В. Г. Костомарова, О. Д. Митрофановой, К. А. Мичуриной, Е. И. Мотина, А. А. Леонтьева, Л. В. Щербы и др.

А что же такое «родной язык»? Как известно, в лингвистике нет определения понятия «родной язык», которое можно было бы признать терминологически строгим. Существующие в словарях и работах по социолингвистике и лингводидактике упоминания о родном языке либо, в противоположность терминам, подаются по принципу само собой разумеющихся, либо сопровождаются достаточно противоречивой дефиницией, не способной объяснить сложную совокупность признаков данной этнопсихологической категории. Между понятиями родной – неродной языки, первый – второй и родной – иностранный существуют сложные взаимоотношения. Противопоставление родного языка иностранному теряет смысл в ситуациях, когда один и тот же язык определяется его носителями как родной (или домашний, детский, семейный) и как иностранный (язык другого государства) одновременно. В работе [5] автором было отмечено, что в последние годы все явственнее ощущается необходимость пересмотреть сложившееся в лингводидактике противопоставление родной язык – иностранный язык. Оно, по всей видимости, должно стать трехчленным, с учетом языка, который можно обозначить как родной, но иностранный.

С целью уточнения содержания понятия «родной язык» и компонентов этого содержания в языковом сознании арабских (живущих в Австралии, Дании и Англии) и русских (живущих в СНГ) билингов и мультилингов нами было проведено анкетирование, и были заданы четыре вопроса:

- Каким языком вам приходится ежедневно пользоваться?
- Назовите ваш домашний язык, родной язык вашей матери и вашего отца.
- Назовите вашу национальность, национальность вашей матери и вашего отца.
- Как вам кажется, возможно ли существование двух или более родных языков у одного человека?

Полученные результаты могут быть обобщены следующим образом:

1. Большинство взрослых билингов продолжают считать язык, который был домашним, «семейным», родным или одним из родных.
2. Возможно несовпадение понятий «родной язык» и «язык моей национальности» в языковом сознании билингов.
3. Национальность родителей не связывается в сознании респондентов любого возраста с их собственным родным языком.

4. Подавляющее большинство респондентов считает, что у человека может быть два родных языка, один из которых – язык местности, где человек не только родился, но и вырос.

Таким образом, анализ результатов проведенного анкетирования показал, что большинство респондентов, из семей с домашним арабским или русским языками, считает родным или одним из родных язык страны проживания. Поэтому в их сознании побеждает функционально востребованный язык – язык государства, в котором они живут.

В свете результатов проведенного анкетирования, мы считаем, что *родной язык представляет собой язык, воспринимаемый человеком – при одних и тех же родителях – как свой природный язык, в каком бы государстве он ни родился, и/или язык государства формирования индивида*. К примеру, араб, живущий в Ираке, считает своим природным языком ранний домашний язык, который одновременно является языком места (страны) проживания. Для иракца, который сейчас живет в Австралии, родной язык – арабский, либо у него два (арабский и английский) родных языка, либо он считает родным языком английский. Данная дефиниция охватывает как монолингвов, так и билингвов, кроме того, в билингвальном обществе она фиксирует возможность функционирования двух или более языков в качестве родных для человека. Более того, предложенное определение позволяет учитывать достаточно типичные для современного мира случаи, когда родной язык именно воспринимается как природный, а уровень владения им не имеет значения.

Рассмотрим способы привлечения родного языка учащегося в процессе преподавания русского языка как иностранного и отвлечения от него. Важность, острота вопросов, связанных с этим принципом, выражены еще в 1930 году известным методистом Е. М. Рытом. В труде [6] ученым было подчеркнуто, что «методическая борьба все еще продолжает кипеть вокруг самых общих вопросов: возможности или невозможности устранения родного языка, предпочтительности механического или сознательного изучения (а, следовательно, и преподавания) иностранного языка...». Так, на протяжении всей истории методики обучения иностранным языкам у лингвистов, методистов и преподавателей иностранных языков не исчезал интерес к проблемам, связанным с использованием родного языка при обучении иностранному. Однако в оценке эффективности применения этого принципа представители различных методов стояли на разных позициях. Одни из них видели секрет успеха в овладении иностранным языком в полном или частичном исключении родного языка из процесса обучения иностранному (представители прямого и аудиовизуального методов), другие же, наоборот, подчеркивали необходимость тщательного, т.е. полного и постоянного сопоставления соответствующих языковых явлений в родном и изучаемом языках и перевода обучающих диалогов (представители переводно-грамматического метода и аудиолингвального метода).

Использование родного языка в процессе изучения иностранного связано, прежде всего, с дидактическим принципом сознательности обучения. Особое значение метода сознательного отталкивания от родного языка подчеркивал еще Л. В. Щерба. Данный метод ученый рассматривал, как «...единственный путь, который в какой-то мере может гарантировать обучающимся в школьных условиях активному владению тем или другим иностранным языком от опасностей смешанного двуязычия ... учащиеся должны изучать всякое новое более трудное явление иностранного языка, сравнивая его с соответственным по значению явлением родного языка» [7].

Из этого следует, что полное исключение родного языка из процесса обучения иностранному, с одной стороны, как и постоянная, ничем не обоснованная опора на родной язык, с другой, не лишены недостатков. Так, А. Н. Леонтьев писал: «Когда я встречаюсь с применением в обучении переводно-грамматического метода, то я склонен решительно критиковать его с позиций прямого метода, и тогда выходит, что я – за прямой метод?.. Но это – не так, потому что одна из ведущих идей «прямизма»

заключается в том, что учащиеся научаются речи на иностранном языке так же, как они научаются речи на родном языке, и является неприемлемой, так как она утверждает стихийность процесса овладения речью на иностранном языке» [8].

Мы считаем, что задача преподавателя состоит в том, чтобы, учитывая структуру родного языка учащихся, снять или, по крайней мере, нивелировать неизбежное воздействие родного языка. Таким образом реализуется принцип учета особенностей родного языка в практическом плане преподавания русского языка как иностранного.

В преподавании «чужого» языка в любой иностранной аудитории невозможно отвлечься от родного языка учащихся не потому, что он важнее для практики преподавания, чем другие (ведь результатов можно добиться, следуя всем методическим принципам в их совокупности и синтезе), а потому, что от родного языка учащиеся не могут абстрагироваться, поскольку связаны с ним навсегда. Весь мир, в том числе и второй язык, воспринимается через призму родного языка. Так, в соответствии с философским «принципом дополнительности» и с принципом «лингвистической относительности» вся окружающая действительность, не исключая и второго языка воспринимается на основе понятий, в «системе координат» родного языка. Иными словами, принцип учета особенностей родного языка реализуется еще до того, как студенты приступают к работе над новой темой в аудитории, и влияет на качество дальнейшего учебного процесса; от успешной и правильной реализации данного принципа зависит эффективность обучения, количество потраченного на него времени, легкость/трудность усвоения языковых явлений, прочность полученного знания и устойчивость приобретенного навыка. Все языки, несмотря на различия понятий «родного» и «чужого», имеют относительно общие свойства и универсалии, которым при изучении второго, «чужого», не надо учить, так как учащиеся ими уже владеют. Такие свойства и универсалии ярко присутствуют в так называемых врожденных языках. Учащимся надо максимально использовать эти универсалии, и им по сути дела остается выучить только то, что составляет «отличие» иностранного языка от родного, причем как в структуре языка, так и в его употреблении. В связи с этим, А. А. Леонтьев пишет: «для современного этапа в развитии методики обучения иностранному языку вообще и русскому языку как иностранному в частности стало как будто уже тривиальным утверждение о необходимости опоры на родной язык. Стало очевидным, что оптимизация такого обучения требует максимального использования тех навыков и умений, которые более или менее стихийно сложились у учащихся в процессе овладения ими речью на родном языке» [9].

Уделяя внимание ориентации на родной язык учащихся российские ученые [10] рассматривают ее в качестве методического удобства. К примеру, приспособление типового (общего, неадресованного) учебника, материал в котором подается на основе системных трудностей изучаемого языка, к использованию его с носителями разных национальных языков может привести к появлению специфических ошибок, характерных для конкретной языковой аудитории и не учтенных при выявлении общих трудностей. Тогда как в учебниках, ориентированных на родной язык учащихся, предполагаются необходимые объяснения, формулировки к упражнениям, словники. Ориентация на родной язык учащихся представляет собой лингводидактическую основу методики национально-языковой ориентации обучения целевому языку, когда с учетом национально-языковой специфики восприятия и усвоения русского языка учащимися отбирается, организуется, излагается и закрепляется языковой учебный материал и строится весь учебный процесс.

С методической точки зрения применение принципа учета особенностей родного языка учащихся, на наш взгляд, есть применение сопоставительного принципа, который при тождестве языковых явлений ускоряет и облегчает усвоение языкового материала, способствует более точному и осознанному восприятию его, а в

случаях же расхождения языковых явлений предупреждает ошибки, связанные с влиянием родного языка учащихся.

Особенности родного языка учащихся в практике преподавания русского языка как иностранного учитываются в области графики, просодии, фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Е. И. Мотина понимает учет особенностей родного и изучаемого языков как сопоставление системы, строя языков [11]. Действительно, самая большая трудность при обучении чужому языку состоит не в усвоении нового, а в преодолении структурных и системных навыков строя своего языка [12]. Иными словами, без сопоставительного анализа данных родного и изучаемого языков невозможно прогнозировать, диагностировать и соответственно предупреждать трудности в усвоении материала, которые возникают перед учащимися и которые им придется с помощью преподавателя преодолевать в процессе овладения речью на русском языке. Цель данного сопоставления заключается в выявлении наличия или отсутствия явлений в контактирующих языках, что позволяет обнаружить при лингвистическом подходе довольно ясную картину соответствий или несоответствий в двух лингвистических системах.

Описание особенностей языков в лингводидактических целях служит базой для разработки соответствующей стратегии обучения иностранному языку, являясь первой ступенью в реализации принципа учета особенностей родного языка, и, несомненно, в развитии имеет практическую методическую ценность.

Отрицательное воздействие особенностей родного языка учащихся находит свое отражение именно при выделении системных языковых трудностей. Иными словами, учет особенностей родного языка учащихся реализуется в продуманной типологизации по трем языковым аспектам (фонетическому, лексическому и грамматическому), наиболее трудным для учащихся определенной национальной аудитории.

При сопоставлении родного и изучаемого языков мы сталкиваемся с тремя группами языковых явлений: а) совпадающие явления; б) частично совпадающие явления, и в) отсутствующие явления в родном языке. Наибольшую трудность усвоения РКИ представляют явления, частично совпадающие, так как именно здесь возникает отрицательное воздействие родного языка или так называемая межъязыковая интерференция, и отсутствующие. В то же время изучение совпадающих явлений двух языков является важным фактором, так как при усвоении таких явлений происходит перенос речевых навыков и умений родного языка учащихся на изучаемый язык.

Важно отметить, что сравнение родного и изучаемого языков должно происходить в практическом и теоретическом планах, к примеру, система вокализма в русском языке богаче, чем в арабском, так как в первом, согласно учению Московской Фонологической школы, пять гласных фонем, в последнем – три. Здесь уместно сопоставить системы вокализма двух языков в практическом и теоретическом планах: 1) выявить русские гласные фонемы, отсутствующие в арабском языке; 2) рассмотреть особенности русских гласных фонем, частично совпадающих с арабскими; 3) определить фонетические трудности, возникающие в результате воздействия межъязыковой интерференции и ошибки, связанные с этим явлением.

Если в том или ином языке данное явление формально не выражено (к примеру, тот или иной звук), то для его усвоения целесообразно прибегать к практическому сравнению с аналогичным явлением родного языка. Предположим, что нам нужно обучать учащихся русской фонеме [ы], которой нет в арабском языке. В этом случае лучше прибегнуть к арабским словам, в которых в определенном положении появляется аналогичный звук. Для этой цели подошли бы слова [*dagiga*] (минута), [*batikh*] (дыни), [*cagira*] (маленькая) в которых фонема [i] наиболее близка изучаемой. Тот же принцип применим и при усвоении учащимися других аспектов русского языка.

Рассмотрим одну из различительных морфологических особенностей родного и изучаемого языков. Распределение слов по частям речи в русском и арабском языках также не всегда совпадает. Так, русскому определительному местоимению «весь» в арабском языке соответствует существительные «*кулл*», «*джамй'у*». Вследствие этого в арабском языке отсутствует согласование в падеже этого слова с последующим существительным, после него имя всегда стоит в родительном падеже: дословно «*все спортсменов*», поэтому возникает грамматическая трудность, связанная со спецификой этого слова в арабском языке, что приводит к ошибкам, типичным для арабских учащихся: «*Все студентов любил преподавателя*». «*Все людей знали его*» и т. п.

Теперь приведем пример ошибок арабоговорящих учащихся на синтаксическом уровне. Деление предложений на глагольные и именные в русском и арабском языках не совпадает. В русском языке глагольными предложениями считаются все предложения, в которых позицию сказуемого занимает спрягаемая форма глагола; именными – в которых в составе сказуемого входит имя. В арабском языке дело обстоит несколько иначе: глагольными предложениями считаются только те предложения, которые начинаются с глагола: именными – все предложения, начинающиеся с имени.

Такое деление обусловлено тем, что в спрягаемых формах арабского глагола как в настоящем, так и в прошедшем времени наличествует местоименный аффикс, так как исторически эти формы произошли путем слияния личных местоимений с именными основами, представляющими собой название какого-либо признака или деятельности [13]. Личные местоимения в позиции подлежащего в глагольных предложениях в арабском языке не употребляются, поэтому учащиеся-арабы очень часто опускают их при употреблении спрягаемых форм глагола в глагольных предложениях русского языка предложения «*Я играю*» в арабском языке будет выражено одной словоформой «*'аль'абу*», причем это предложение является двусоставным с точки зрения арабского языка. Подлежащее в таком предложении как бы входит в состав самой глагольной формы. Поэтому преподаватель русского языка в арабской аудитории часто сталкивается с противоположенным явлением – пропуском личных местоимений, когда они выступают в позиции подлежащего и когда их употребление с точки зрения правильности русского языка является необходимым. Например, «*Ему было скучно и подумал, что ничего нельзя сделать*»; «*через шесть лет кончилась война и вернулся домой*» и т. п.

Таким образом, на основе воздействия особенностей родного языка учащихся определяется общая картина системных языковых трудностей изучения и усвоения русского языка в той или иной национальной аудитории. Если исходить из философского понимания слова «принцип» как первопричины (по Аристотелю), как самоочевидной основы (по Декарту), то можно сказать, что воздействие особенностей родного языка учащихся является первым из основных принципов, на которых основывается лингвометодическая типология трудностей усвоения русского языка как иностранного. Это понимание по отношению к принципу особенностей родного языка учащихся приводит нас к тому, что его реальное осуществление является возможным только тогда, когда речь идет о конкретной аудитории, от языкового опыта которой зависит характер и объем трудностей.

Список литературы

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2006. – 713 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.
4. Шутова М. Н. Теория поэтапного формирования умственных действий и понятий и обучение иностранцев русскому языку // Фонетический аспект / М. Н. Шутова. – М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2004. 146 с.

5. Лихачева А. Б. В поисках родного языка: к определению понятия (по данным диаспоры) / Россия в мировом культурном пространстве // Материалы XX конгресса МАПРЯЛ. под ред. И. В. Ребровой, Н. О. Рогожиной, М. А. Шахматовой, Е. Е. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – С.112 – 116.
6. Рыт Е. М. Основы методики преподавания иностранных языков в свете науки о языке / Е. М. Рыт. – М.: Работник производства, 1930. – 404 с.
7. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. Издание второе: Под ред. И. В. Рахманова. – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.
8. Леонтьев А. Н. Некоторые вопросы психологии обучения речи на иностранном языке / Сб. статей «Психоллингвистика и обучение русскому языку нерусских»; под ред. А. А. Леонтьева, Н. Д. Зарубиной – Москва, 1977. Русский язык – С. 5 – 12.
9. Леонтьев А. А. Проблема опоры на родной язык и типология речевых действий / сб. статей «Вопросы психоллингвистики и преподавания русского языка как иностранного», под Ред. А. А. Леонтьева, Т. В. Рябовой. – М.: изд-во МГУ, 1971. – С. 17 – 28.
10. Костомаров В. Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. – М.: Русский язык, 1976. – 136 с.
11. Мотина Е. И. Избранные труды / Е. И. Мотина. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 340 с.
12. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. Изд. 4-е., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
13. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б. М. Гранде. – М.: Издательство Восточной литературы, 1963.– 594 с.

FEATURES OF THE NATIVE LANGUAGE OF STUDENTS AS THE CAUSE OF THE DIFFICULTIES OF ASSIMILATION THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE

Ali Anwar

*Pushkin State
Russian Language
Institute,
Moskov*

*e-mail:
Anwar3691@mail.ru*

The article deals with the influence of the features of the students' native language upon the process of assimilation of Russian language as a foreign language. The fact of involvement of the native language as well as the impossibility of distraction from it is proved. The author makes a comparative analysis of some features of Russian and Arabic languages and examines the difficulties, which students are facing during the language study.

Key words: assimilation, the native language, difficulties, comparison, foreign language, learning; principle.

УДК 316.613

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА

Е. В. Богданова
Е. А. Болотова
И. Ф. Исаев
Н. И. Исаева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Isaev@bsu.edu.ru
Isaeva@bsu.edu.ru*

В статье представлены результаты исследования проблемы развития научного потенциала личности. Авторы обосновывают совокупность психологических условий, обеспечивающих эффективное развитие научного потенциала учащейся молодёжи: оптимальность информационной культуры, креативный тип мышления, мотивация достижений, сформированность эмоциональной культуры.

Ключевые слова: научный потенциал, личностный потенциал, креативность мышления, мотивация, психологическая культура.

Необходимость описания психологических условий развития научного потенциала личности именно в рамках культурологического подхода связана, во-первых, с тем, что культурологический подход в последние годы все активнее выступает в качестве надежного теоретико-методологического ориентира, позволяющего выявить закономерные связи и отношения изучаемого явления, что дает возможность использовать его в качестве обобщающей теории по отношению к частным исследованиям. Во-вторых, в качестве условий развития научного потенциала рассматриваются понятия, входящие в систему категорий культурологического подхода, в частности такие как: психологическая культура, ее инвариант – эмоциональная культура, информационная культура, мышление, мотивация, творчество и др.

Особенно актуальным становится вопрос о необходимости создания условий для развития научного потенциала личности на этапе обучения и профессиональной подготовки, поскольку это позволит удовлетворить острую потребность современного образования и общества в повышении не только количества людей, приобщенных и интересующихся научно-исследовательской деятельностью, но и самое главное, качество науки в целом. Однако создать условия невозможно без качественного осмысления их сущности и природы [1].

Уровень сформированности научного потенциала личности детерминирует не только ее социальное и экономическое положение, но и степень ее влияния на само общество. Именно развитие научного, исследовательского потенциала, креативности, актуализация стремлений, способностей и возможностей позволит формирующейся личности занять достойное место в обществе. Современная система образования, испытывает острую необходимость в обосновании условий развития научного потенциала личности.

Описание психологических условий развития научного потенциала личности заключалось в обретении возможности изучения и моделирования педагогических условий, способствующих его актуализации и развитию. Разработанные на основе выявленных психологических условий и механизмов развития научного потенциала педагогические условия и технологии их реализации в условиях школы, колледжа и вуза, по нашему мнению, могут стать основой формирования высококомпетентной личности, специалистов, обладающих конкурентными преимуществами не только в контексте занятий научным творчеством, но и на рынке труда; обеспечить эффективность системы как общего, так и профессионального образования, создать основу для карьерной перспективы выпускников школ, колледжей и вузов в новых социально-экономических условиях.

Рассматриваемые в качестве условий развития научного потенциала концепты: оптимальность информационной культуры, креативный тип мышления, мотивация достижения, культура Я, оптимальное состояние эмоциональной культуры способствуют развитию личности в рамках научно-исследовательской деятельности. Они являются личностным ресурсом достижения успеха во многих видах деятельности, в том числе и научно-исследовательской. Исследователь, который владеет психологической культурой (культурой Я), способен к обогащению своего внутреннего и эмоционального мира, способен к рефлексии, к внутренней работе над собой и своими эмоциями, в любой деятельности мотивированный на достижение успеха гораздо продуктивнее и успешнее осуществляет процесс постижения научной истины. И, напротив, ученый, не стремящийся, не реализующий свои возможности овладения способом гармонизации собственного внутреннего и эмоционального мира, выполняющий научную деятельность с целью избежать неудачи, может быть обречен на неуспех в научной деятельности.

Изучение данных психологических условий развития научного потенциала личности, наряду с выявлением психологических механизмов, и моделированием педагогических условий в контексте культуротворческой модели, даст возможность современным исследователям перейти от культууроосвоения, культуроиинтерпретаторства и культурупользования к культуротворчеству.

Культуротворчество рассматривается как высшее проявление культуры личности, оно знаменует собой, в первую очередь, личностную активность, работу над собой, процесс и результат которой свидетельствуют о психологической культуре, различных ее инвариантах и тесно связанных с ней явлениях (мотивация, особенности мышления, творческая активность и т. д.).

Обратимся к теоретическому описанию психологических условий развития научного потенциала личности.

Сущность явления научного потенциала личности отражена в составляющих его понятиях, одним из таковых является информационная культура. Если исследователь имеет навык работы с информацией, умело использует мыслительные операции, активно и творчески подходит к решению исследовательских задач, то это свидетельствует о высоком уровне его информационной культуры. Этим тезисом объясняется целесообразность исследования *оптимальности информационной культуры* в качестве психологического условия.

Научная деятельность представляет собой познавательную деятельность, направленную на получение результатов, которые проявляются в новом знании. Для того чтобы найти (установить, обнаружить) новое знание, необходимо владеть знанием, уже имеющимся в науке. Но последнее предстаёт в виде информации, которую необходимо расшифровать и понять.

В русле культурологического подхода информационная культура трактуется как способ овладения знаниями, умениями, навыками в области поиска, отбора, хранения, использования информации средствами новых информационных технологий. Информационная культура предполагает разностороннее умение поиска нужной информации и ее использования.

Если рассматривать информационную культуру в широком смысле, то она предполагает совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие этнических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества. В узком же смысле информационная культура – это оптимальные способы обращения со знаками, данными, информацией и представление их заинтересованному потребителю для решения теоретических и практических задач; механизмы совершенствования технических сред производства, хранения и передачи информации; развитие системы обучения, подготовки человека к эффективному

Занимаясь наукой, студенты и научные сотрудники вузов должны не только овладевать необходимой информацией и приемами работы с ней, но и творчески подходить к решению научных проблем, а для этого необходимо развивать особый *креативный тип мышления*.

Творчество как научное, техническое так и художественное направлено с одной стороны на преодоление сложившихся установок, норм, традиций, а с другой – на непрерывное исследование пределов созидательной деятельности, расширение границ самореализации и самостроительства (В. А. Петровский). Развитие исследовательских способностей обучаемых уже предполагает наличие в их структуре творческого, а если быть более точными, интеллектуально-творческого, компонента, который характеризует умение обучаемых ориентироваться в многообразии известного материала и осуществлять его комбинирование и дополнение под определённую задачу.

Нельзя творить (изобретать, выдумывать что-либо), если нет навыков исследовательской деятельности, которая предполагает ряд специфических умений и навыков, которые выходят за рамки типовых алгоритмов. А для этого необходимо умение творчески мыслить, т.е. искать более сложные и необычные решения, а не те, которые «лежат на поверхности», дают лишь общий алгоритм действий. В связи с интенсификацией развития науки резко возрастают требования к творческому мышлению, которое позволяет человеку ставить новые проблемы, новые решения в условиях неопределённости, множества выборов, делать открытия, не вытекающие непосредственно из уже имеющихся знаний.

Творческое мышление есть процесс образования новых систем связей, свойств личности, её интеллектуальных способностей, характеризующихся динамичностью и системностью. В творческом мышлении и отражена сущность научно-исследовательской деятельности. Творческое мышление – это результат и важное условие развития личности, систематического и последовательного формирования личностных новообразований в рамках деятельности, особенно научно-исследовательской. Любой исследователь в идеале должен владеть творческим типом мышления. Овладев творческим мышлением, деятель науки приобретает рефлексивную способность, позволяющую ему строить свое целеполагание, нестандартно подходить к решению возникающих проблем, проектировать свои действия, оценивать результат своей деятельности. Посредством этого и развивается научный потенциал личности.

По мере формирования творческого мышления складывается принципиально новое качество – научный потенциал личности, которое становится личностным приобретением студента и является ядром целостного интегративного процесса подготовки специалиста нового поколения.

В сфере профессионального образования научная деятельность является необходимым элементом образовательного процесса, необходимым средством повышения у студентов мотивации к обучению, более глубокого интереса к профессии и современной профессиональной подготовки. Однако, и исследование, и творчество как самостоятельная деятельность личности возникают только тогда, когда появляется внутренняя потребность в них, поскольку, по словам В. П. Зинченко внешний источник, его вызов бессилён, когда иссякают внутренние, собственные источники и движущие силы, являющиеся предпосылкой развития любых процессов. Именно поэтому очень важно обратиться вопросу *мотивации научно-исследовательской деятельности*.

Необходимо заметить, что нас интересует вопрос, связанный с изучением понятия мотивации достижения в научно-исследовательской деятельности как условия развития научного потенциала, поскольку мотивация достижения предполагает намерение справиться с чем-то сложным – с физическими объектами, идеями, деятельностью. И, что не маловажно, делать это настолько быстро и независимо, насколько это вполне вероятно. Преодолевать препятствия и достигать высокого уровня, превосходить самого себя, увеличивать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей.

Человек с высокой мотивацией достижения успешен в различных сферах деятельности, в том числе и в научной. Это обусловлено рядом причин.

Одной из характеристик мотивации достижения является постоянное возвращение к прерванному заданию, к чему-то прежде оставленному, возобновление ос-

новой направленности действий. Именно это качество важно для исследователя – неугасаемый интерес и постоянный поиск новых путей решения. Стремление открывать что-то новое, познавать неизведанные ранее сферы и, как отмечает Д. МакКлелланд «побуждение к гораздо более совершенному действию, к достижению стандарта совершенства» – являются одним из составляющих успеха в развитии научного потенциала личности.

Мотивация достижения направлена на определенный конечный результат, получаемый благодаря собственным способностям человека. Мотивация достижения, таким образом, по сути своей ориентирована на цель. Она подталкивает человека к «естественному» результату ряда связанных друг с другом действий.

Исходя из анализа литературы по проблеме научного потенциала и мотивации, мы предполагаем, что мотивация достижения является одним из внешних условий по отношению к понятию научного потенциала, поскольку способствует общему личностному развитию, а не специальным способностям, умениям и навыкам научно-исследовательской деятельности. Человек, мотивированный на достижение цели и результат, ориентируется на успех в любой деятельности, в том, числе и научной. В сущности, мотивация достижения является личностным ресурсом развития научного потенциала.

Так же общему личностному развитию способствует и овладение способом гармонизации внутреннего мира, то есть психологическая культура (культура Я). Психологическая культура и ее инварианты является залогом достижения успеха в профессиональной и научно-исследовательской деятельности

В нашем исследовании психологическая культура рассматривается как самостоятельное интегральное, целостное образование. А это означает, что психологическая культура обладает теми свойствами, характеристиками и функциями, которые не могут быть сведены к сумме свойств и характеристик ее элементов.

Психологическая культура понимается нами как способ гармонизации внутреннего мира личности, системообразующим конструктом которого является «Я», и гармонизации внутреннего мира («Я») с миром внешним.

Культура Я занимает центральное место в структуре психологической культуры личности, является её системообразующим компонентом. На основе оптимальности или неоптимальности культуры Я соответствующим образом происходит становление всех других её компонентов (предметно-психологического и социально-психологического).

Культура Я это свойство личности, заключающееся в готовности и способности достижения и поддержания гармонии внутри себя, свидетельствующей о личностном росте. Для того чтобы запустить процесс развития культуры Я необходимо: получить информацию о наличном уровне развития самосознания; определить, что в этой информации мне не нравится и что нужно оптимизировать в собственном «Я»; совершить оптимизацию культуры внутреннего мира, что предполагает.

Человек, рефлексирующий «на себя», пытающийся осознать себя в этом мире, ищущий ответы на вопросы «Какой Я?», «Зачем Я?», проводящий работу по поиску новых знаний в отношении себя, а также анализу уже имеющихся, их переструктурированию, гармонизации, априори является человеком с развитым научным потенциалом. Это объясняется тем, что провести подобную работу человеку со слаборазвитым научным потенциалом сложно, т. к. он не владеет приемами поиска, структурирования и анализа информации [2].

Овладение способом гармонизации внутреннего мира предполагает и приведение в соответствующее гармоничное состояние и эмоционального мира, то есть *развития эмоциональной культуры* как инварианта психологической. Эмоции являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Они относятся к процессам внутренней регуляции поведения и деятельности. Являясь субъективной формой выражения потребностей, эмоции предшествуют деятельности по их удовлетворению, побуждая и

направляя ее. Большинство исследователей эмоциональной сферы изучают эмоции как объективно существующую данность, фон, не требующую от человека никакой созидательной работы, усилий по конструированию своего внутреннего эмоционального мира. Поэтому, в качестве одного из психологических условий повышения потенциала личности в научной деятельности правомерно рассматривать не сами эмоции, а способ развития, обогащения, гармонизации эмоционального мира личности, то есть эмоциональную культуру.

Эмоциональная культура проявляется не в способности управлять своими чувствами и переживаниями, развитии положительных эмоций и чувств, а связана с выстраиванием, преобразованием, изменением, насыщением эмоционального мира человека самыми различными переживаниями, что создает богатство эмоционального пространства личности и, создавая дополнительный ресурс, позволяет человеку жить полноценной жизнью. А это основа достижения успеха и в научно-исследовательской деятельности, поскольку научная деятельность достаточно специфична и выдвигает ряд требований к ученому. Кроме того, важное значение имеет стремление ученого к овладению способом развития своего внутреннего мира, в том числе и эмоционального. Человек, не владеющий способом приведения в соразмерность, сбалансированность своего внутреннего мира и эмоционального пространства личности вряд ли сможет продуктивно развиваться в плане науки. Другими словами, исследователь, не владеющий способом гармонизации своего «Я» и эмоционального мира, то есть психологической и эмоциональной культурой, в ситуации психологически и эмоционально некомфортной может «зарубить на корню» самые лучшие научные идеи, размышления и действия, у него может пропасть даже само желание заниматься научной деятельностью.

Итак, психологические условия развития научного потенциала (оптимальность информационной культуры, креативный тип мышления, мотивация достижения, культура Я, оптимальное состояние эмоциональной культуры) в исследовании рассматриваются в качестве психологических ресурсов, необходимых личности для достижения результатов в исследовательской деятельности.

Список литературы

1. Исаев И. Ф., Ерошенкова Е. И., Кролевецкая Е. Н. Особенности развития научного потенциала личности на различных уровнях высшего профессионального образования. Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 30, вып. 9.
2. Научный потенциал личности и инновационные процессы в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Отв. ред. И. Ф. Исаев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 218 с.

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL OF PERSONALITY: PSYCHOLOGICAL CONDITIONS

E. V. Bogdanova
E. A. Bolotova
I. F. Isaev
N. I. Isaeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Isaev@bsu.edu.ru
Isaeva@bsu.edu.ru*

The results of research on the development of scientific potential of the individual. Authors prove the following set of psychological conditions that ensure the efficient development of scientific potential of students: the optimality of the information culture, a creative mindset, motivation, achievement, emotional culture of formation.

Key words: scientific potential, personal potential, creative thinking, motivation, psychological culture.

УДК 378:316.422

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ И РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОДЫ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОВСКИМ ЦЕНТРОМ МОДЕРАЦИИ

Н. В. Кирий
Л. В. Верзунова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
Kiriy@bsu.edu.ru
Verzunova@bsu.edu.ru

В статье представлены программно-целевой и рефлексивный подходы, на основе которых описана технология управления вузовским центром модерации. Данные подходы обеспечивают разработку технологии управления как программы с заранее обозначенными конкретными результатами и в заранее установленные сроки, а также с учётом системной рефлексии участников образовательного процесса, объектом которой является опыт социально-педагогической системы, возможности её внутренней и внешней среды, взаимодействие с окружающей действительностью.

Ключевые слова: программно-целевой подход, рефлексивный подход, модерация, центр модерации, технология управления.

В настоящее время в условиях изменения образовательной парадигмы система дополнительного профессионального педагогического образования поставлена перед необходимостью работать не только и не столько на «передачу» информации слушателям курсов повышения квалификации, сколько на создание предпосылок для профессионально-личностного саморазвития преподавателя, на организацию внутригрупповых процессов в ходе курсовых мероприятий с целью обмена педагогическим опытом. Это ориентирует систему дополнительного профессионального педагогического образования на включение в образовательный процесс специально подготовленных к обучению взрослых преподавателей-практиков – **модераторов**.

Подготовка модераторов, понимаемая как один из видов дополнительного профессионального образования, обусловлена созданием в вузе внутривузовской системы повышения квалификации преподавателей, которая в соответствии с образовательными потребностями конкретных преподавателей способна обеспечить им методико-технологическую подготовку по освоению интерактивных форм взаимодействия со студентами как со взрослыми обучаемыми. Подготовка модераторов в БелГУ осуществляется на базе созданного в 2009 г. Центра модерации. Основной целью работы Центра модерации является содействие научно-педагогическим кадрам БелГУ в овладении технологиями модерации, разработанными специалистами системы повышения квалификации педагогических кадров Земли Северный Рейн-Вестфалия и преподавателями БелГУ, а также создание сообщества преподавателей БелГУ, освоивших технологии модерации. Управление Центром модерации предполагает определение специфики содержания управленческой деятельности и разработку технологии управления центром.

Обоснование содержания управленческой деятельности, разработка технологии управления центром модерации в вузе требует определения теоретических подходов к этому управлению. В качестве первого подхода нами избран *программно-целевой подход*.

Программно-целевой подход ориентирует управляющих на планирование будущего как разработку целостной системы действий с четко определенными, понятными для всех результатами. Программа становится нормативной моделью совместной деятельности участников образовательного процесса, определяющей:

- а) исходное состояние некоторой системы;
- б) образ желаемого будущего состояния этой системы;
- в) состав и структуру действий по переходу от настоящего к будущему.

Наличие программы дает уверенность руководителю, что он знает: какой конечный результат должен быть получен к определенному моменту времени; кто, когда и какие действия для этого должен совершить; и что этих действий будет достаточно для достижения желаемого результата. «Но не менее, а может быть, и более важно, что благодаря программе не только руководитель, но и участники совместной деятельности понимают, на достижение какой общей цели они работают, какова их роль в этой работе, что от них ждут и что произойдет, если они не обеспечат своевременного решения своих частных задач» [1].

Другое важное достоинство программы состоит в том, что она позволяет своевременно выявлять и предупреждать возможные «пожары», а не тушить их, когда они уже разгорелись. Если руководитель не только поставил цель, но и определил промежуточные результаты, необходимые для достижения этой цели, он получает возможность обнаруживать угрозы достижению конечного результата, и принимать решения раньше, чем угроза перерастет в неудачу. Причем чем больше промежуточных контрольных точек (т. е. чем детальнее программа), тем более чувствительно управление к угрозам.

Программно-целевое управление базируется на положении о том, что руководитель центра устанавливает нормы-образцы деятельности подчиненных, «принуждает» их к согласию с задачами и делает их ответственными за достижение этих задач [2]. В такой ситуации оказываются слабо реализованными активность и самостоятельность управляемых, поскольку они не являются участниками установления норм-образцов деятельности. Реальное включение участников процесса повышения квалификации в управление может быть обеспечено посредством привлечения их не только к выполнению тех или иных задач, но и к их разработке. Это возможно при условии осмысления каждым из них существа разворачиваемой деятельности, что предполагает инициирование и интенсификацию их интеллектуальной, личностной, коммуникативной и кооперативной рефлексии. Сказанное определило выбор *рефлексивного подхода*, в качестве основания для разработки технологии управления центром модерации. Рефлексивное управление – целостное образование, в котором имеет место внешнее управление и самоуправление. Оно реализуется через системную рефлексию участников образовательного процесса, объектом которой является опыт социально-педагогической системы, возможности ее внутренней и внешней среды, взаимодействие с окружающей действительностью (Т. М. Давыденко, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова и др.). Под системной рефлексией, мы понимаем – переосмысление и перестройку центром своего прежнего индивидуального опыта самоуправляемого развития, возможностей своей внутренней и внешней среды.

По форме рефлексивное управление центром – полисубъектное диалогическое взаимодействие, в котором обратные связи осуществляются преимущественно в виде рефлексивных процессов, и которое обеспечивает активность участников процесса повышения квалификации посредством «передачи» им оснований, позволяющих перевести их с позиции «реагирования» в позицию «интенсивного саморазвития».

Рефлексивное управление предполагает не только рефлексию управляемых, но и саморефлексию управляющего. При этом управляющий осуществляет операцию соотнесения двух планов: плана реальной деятельности и плана «идеала». Под реальной деятельностью понимается та деятельность, в которой участвует субъект; под «идеалом» имеется в виду некий совершенный результат деятельности, к которому можно стремиться в соответствии с потребностями и социальным заказом общества. Рефлексивное управление имеет отражательный характер: для того, чтобы субъект управления мог принять решение о воздействии на отдельные компоненты развивающейся системы, он должен иметь представление о возможной их реакции на эти воздействия. Рефлексивное управление позволяет руководителю осуществить критический анализ процессов принятия своих решений и обеспечивать самоорганизацию системы.

Таким образом, сущность рефлексивного управления состоит в том, что руководитель центра осознает сам и создает условия для осознания другими субъектами взаимодействия средств и оснований своей деятельности, а при необходимости изменяет средства и основания своих действий и действий других посредством перевода их из позиции «реагирования» в позицию «самоорганизации» [3].

С позиции рефлексивного подхода важным становится выход руководителя центра в рефлексивную позицию участников процесса повышения квалификации и содействия овладению технологиями модерации научно-педагогическими кадрами БелГУ, планирование контролирующих и регулирующих мер уже на этапе разработки прогнозирования развития рассматриваемого процесса.

Анализ теоретических подходов к управлению центром позволяет разработать и определить содержание конкретных этапов управления процессом повышения квалификации научно-педагогических работников БелГУ и действий руководителей центра.

Рассмотрим далее каждый из этапов управления центром и выделим их существенные признаки. Краткий обзор представленных в специальной литературе функциональных схем управления позволяет сделать вывод о том, что в качестве основополагающего этапа выступает анализ. Мы исходим из того, что цели работы центра невозможно определить без *проблемно-ориентированного анализа* его деятельности.

Проблемно-ориентированный анализ обеспечивает выделение тенденций организации процесса повышения квалификации, и в том числе овладения научно-педагогическими кадрами БелГУ техниками модерации, которые могут быть выделены в общем виде в соответствии со следующими процедурами: изучение внешней среды университета и установление общих зависимостей между различными аспектами процесса повышения квалификации и образовательными интересами общества; изучение непосредственной внутренней среды университета (локального сообщества) и определение связей между различными аспектами жизнедеятельности университета и требованиями локального сообщества; выявление внутриуниверситетских групп интересов участников повышения квалификации, их анализ по отношению друг другу и проблеме освоения техник операции; комплексный анализ результатов работы центра по проблеме овладения техниками модерации научно-педагогическими работниками; фиксирование тенденций (причинно-следственных зависимостей), детерминирующих ожидаемое в будущем изменение состояния процесса повышения квалификации научно-педагогических работников БелГУ, с указанием возможных в будущем проблемных ситуаций. Таким образом, содержание I-го этапа – проблемно-ориентированного анализа состояния процесса повышения квалификации научно-педагогических работников – ориентировано на выявление проблем в содержании и организации процесса повышения квалификации, в том числе овладении техниками модерации и в управлении этим процессом.

Информации, получаемой в ходе проблемно-ориентированного анализа, недостаточно для принятия эффективного решения, о тенденциях организации процесса повышения квалификации центром, поскольку недостаточно учитываются личностные особенности как управляемых, так и управляющих, поэтому нами и выделяется в качестве II-го этапа управления – *рефлексивный анализ*.

Рефлексивный анализ позволяет получить особый тип информации для генерирования управленческого решения (В. А. Лефевр). Рефлексивный анализ исходного состояния управления процессом повышения квалификации следует расценивать как стремление управляющего во взаимодействии с управляемыми посмотреть заново на состояние процесса повышения квалификации научно-педагогических работников университета, исследовать ту «почву», на которой возникнут идеи и предложения относительно направленности развития этого процесса. Рефлексивный анализ, в отличие от других видов управленческого анализа, обеспечивает описание исходного состояния процесса повышения квалификации на основе изучения позиций всех категорий участников процесса в логике переосмысления управляющим их развития в связи

с собственными действиями [4]. Это возможно при условии получения достаточно полной и объективной информации. В качестве информации, необходимой для рефлексивного анализа, можно выделить три ее блока.

Первый блок информации выделен на основании того, что рефлексивное управление центром – управление системной рефлексией социально-педагогической системы. Чем выше уровень системной рефлексии, тем эффективнее используются центром возможности своей внутренней и внешней среды для решения проблемы повышения квалификации. Поэтому первый блок информации – это информация о системной рефлексии центра, то есть данные о состоянии процесса повышения квалификации научно-педагогических работников на основе самопереосмысления своего прежнего опыта.

Информация о системной рефлексии центра и ее анализ обеспечат в дальнейшем определение таких воздействий, которые приведут к повышению уровня системной рефлексии и оптимально возможному на этой основе процессу повышения квалификации. В этой информации содержатся данные о конечных результатах деятельности центра, о функционировании механизмов процесса повышения квалификации, обеспечивающих достижение этих результатов и др.

Второй блок – информация, используемая управляющим для рефлексии своего индивидуального опыта (качеств личности, своей деятельности и общения). Необходимость этого блока, по мнению Т. М. Давыденко, определяется спецификой выбора и обоснования управляющих воздействий руководителя, которые последуют в результате анализа.

Третий блок – информация, полученная в результате рефлексии управляющими своих личных качеств, своего взаимодействия с другими, а также рефлексии других (их индивидуального опыта). Такая рефлексия позволяет управляющему осуществлять критический анализ своей управленческой деятельности по созданию условий для повышения квалификации научно-педагогических работников университета.

Полученные данные (первый блок информации) обеспечивают понимание управляющим того, каким образом функционирование отдельных механизмов процесса повышения квалификации привело к достижению или, наоборот, к ошибкам, недостаткам и затруднениям в деятельности центра. Выделенные недостатки, затруднения, ошибки, а также определенные достижения становятся «частью» не только процесса повышения квалификации, но и управления им.

Для получения такой информации целесообразным представляется использование как традиционных методов: (в частности, анкетирования), так и диагностирующих заданий, рефлепрактических методов [5].

Анкетирование участников процесса повышения квалификации в процедурном отношении является традиционным методом. В содержательном плане оно, как метод диагностики уровня системной рефлексии центра, должно опираться на данные об особенностях личного отношения участников процесса повышения квалификации к опыту работы центра и собственному, о степени готовности их к созданию образа нового опыта, его структурированию и выяснению причин возникших затруднений.

Диагностирующие задания, в основном, предназначены для заведующих кафедрами, деканов факультетов, преподавателей. Используются они для выявления возможностей названных субъектов в переосмыслении опыта работы университета по решению проблемы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава.

В качестве методов проникновения в «глубину» объекта на этапе рефлексивного анализа используются «субъект-субъектные» методы, в основе которых лежит диалог управляющего и управляемых.

Во втором блоке информации объектом выступает «управляющий», а именно: его личностные качества, его деятельность, общение с управляемыми. Источниками в этом случае выступают: другие руководители, иногда преподаватели. Собранные ин-

формация используется управляющим для рефлексии своих личных качеств и взаимодействия с другими субъектами университета.

Информация, необходимая управляющему для рефлексии своей деятельности, личных качеств, может быть получена посредством использования разнообразных анкет, выявляющих мнение участников процесса повышения квалификации о личности и деятельности управляющего; «свободных интервью», «разброса мнений» и др.

Наличие информации для рефлексии управляющим своей личности, деятельности, общения с участниками процесса повышения квалификации обеспечивает ему условия для разработки стратегии собственного поведения и определения воздействия на процесс повышения квалификации научно-педагогических работников в университете.

Благодаря проблемно-ориентированному и рефлексивному анализу обеспечивается самопереосмысление университетом прежнего опыта в решении проблемы повышения квалификации научно-педагогических работников.

Таким образом, II этап технологии управления центром модерации – рефлексивный анализ состояния процесса повышения квалификации научно-педагогических работников – ориентирован на получение особого типа информации (представление субъектов управления о собственной деятельности в контексте совместной работы), необходимой для принятия управленческого решения с целью перевода процесса повышения квалификации, в том числе овладения техниками модерации из исходного в желаемое состояние.

Основное назначение следующего III этапа – *разработки проекта перевода процесса повышения квалификации научно-педагогических работников в новое качественное состояние* состоит в определении желаемого состояния процесса повышения квалификации научно-педагогических работников в университете и разработке проекта перехода университета к этому состоянию.

В качестве такого проекта можно рассматривать комплексно-целевые программы развития организации повышения квалификации научно-педагогических работников на новом качественном уровне.

По мнению В. С. Кабакова, формирование комплексно-целевых программ должно базироваться не столько на выделении основной и частных программ, сколько на получении «эффектов» от межпрограммного взаимодействия, т.е. на полипрограммном эффекте [6]. Такой эффект – качественно новый, несвойственный отдельным комплексно-целевым программам, результат их совместной реализации.

Основным источником взаимосвязи целевых программ служит концепция развития университета. Реализация целевых программ в этом случае, позволяет получить эффекты, повышающие результативность не одной, а нескольких программ.

В качестве IV этапа нами выделен этап *обеспечения устойчивости педагогически управляемого процесса повышения квалификации научно-педагогических работников.* Анализ специальной литературы по теории управления показывает, что относительная устойчивость обеспечивается посредством реализации таких функций управления как: организация, руководство, контроль (В. С. Лазарев, Н. В. Немова, М. М. Поташник, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова и др.).

Организация предполагает распределение функциональных обязанностей между участниками процесса повышения квалификации научно-педагогических работников с целью решения проблемы овладения ими техник модерации. Распределение обязанностей обусловлено построением организационной структуры.

Внесем ясность в понимание особенностей построения организационной структуры управления процессом повышения квалификации научно-педагогических работников. Прежде всего, речь идет о создании универсальной организационной структуры, построенной на принципах горизонтально-сетевое управления.

Традиционная пирамидальная организационная структура управления характеризуется сильными вертикальными связями, что определяет ведущую роль ректора, проректоров в принятии стратегических решений. Управление в ней осуществляется

на основе жесткого внешнего контроля и регулирования деятельности участников образовательного процесса. По мнению А.И.Мищенко, такое управление «характеризуется чрезмерной опекой и мелочным внешним контролем, которые нивелируют личность учителя, снижают уровень социальной ответственности личности и способствуют формированию иждивенческих установок интеллектуального и социального потребительства» [7]

В нашем исследовании акцентируется внимание на создание такой организационной структуры, построенной на принципах горизонтально-сетевое управления, которая бы способствовала эффективной реализации комплексно-целевых программ, обеспечивающих оптимальное решение, проблемы повышения квалификации научно-педагогических работников.

При построении организационной структуры управления особенно следует акцентировать внимание на том, что:

– элементы этой структуры предполагают включение участников процесса повышения квалификации в деятельность по самоуправлению (каждый структурный компонент – субъект управленческой деятельности);

– организационная структура должна быть, с одной стороны, достаточно гибкой, с другой – ориентироваться на практически стабильный состав педагогического коллектива. В этой связи, целесообразно создание как стабильных органов управления, так и временных групп, для решения краткосрочных задач, возникающих в ходе реализации разработанных на третьем этапе комплексно-целевых программ.

В рамках горизонтально-сетевое управления предусматривается создание временных творческих групп для оперативного решения отдельных задач, возникающих в ходе управления процессом повышения квалификации научно-педагогических работников. Как правило, их назначение состоит в разработке исследовательских материалов, структурирование первоначальных статистических и аналитических данных.

Содержанием V этапа, обеспечивающего *устойчивость управляемого процесса повышения квалификации научно-педагогических работников*, является создание организационной структуры, построенной на принципах горизонтально-сетевое управления, распределение функциональных обязанностей между участниками образовательного процесса с целью решения проблемы повышения квалификации, создание организационной структуры, построенной на принципах горизонтально-сетевое управления, которая бы в оптимальной степени способствовала эффективной реализации на организационном уровне управления процессом повышения квалификации, создание специфических структурных подразделений, обеспечивающих реализацию конкретных направлений деятельности университета по повышению квалификации, в том числе по освоению техник модерации, создание временных творческих групп для оперативного решения отдельных задач, возникающих в ходе управления процессом повышения квалификации. Это обеспечит устойчивость управляемого процесса посредством реализации действий: организация, руководство, контроль. Результатом взаимодействия на этом этапе является реализация на организационном уровне различных направлений развития университета в аспекте организации повышения квалификации.

Таким образом, такая пятиэтапная структура управления вузовским центром модерации, построенная на основе программно-целевого и рефлексивного подходов, позволяет наилучшим образом обеспечивать процесс повышения квалификации в вузе, осуществлять трансфер технологий модерации.

Список литературы

1. Поташник М. М., Лазарев В. С. Проблемно-ориентированный анализ состояния школы // Управление развитием школы. – М., 1995. – С. 196 – 205.
2. Программно-целевое проектирование образовательных систем. Стратегии инновационного развития / Под ред. Н. В. Томилиной, Е. А. Мясоедовой. – М.: Учитель, 2010. – 352 с.

3. Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В. Е. Лепского. – М.: Когито-центр, 2009. – 448 с.
4. Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. – М.: Три квадрата, 2005 – 224 с.
5. Степанов С. Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций. – М.: Наука, 2000. – 78 с.
6. Кабаков В. С. и др. Менеджмент: проблемы, программа, решения. – Л., 1990. – 341 с.
7. Мищенко А. И. Педагогический процесс как целостное явление. – М.: Прометей, 1993. – 157 с.

PROGRAM-TARGETING AND REFLECTIVE APPROACHES AS THE METHODOLOGICAL BASIS OF HIGHER SCHOOL MANAGEMENT TECHNOLOGY OF MODERATION CENTER

N. V. Kiriy
L. V. Verzunova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kiriy@bsu.edu.ru
Verzunova@bsu.edu.ru*

The article deals with the program-targeting and reflective approaches used as a basis for description of higher school management technology of moderation center. The given approaches provide the development of management technology as programs with definite results given in advance and in predetermined time-frame, and also taking into account systemic reflexion of the educational process participants, the object of which is the experience of social-pedagogical system, its internal and external environment possibilities, the interaction with actual reality.

Key words: the program-targeting approach, the reflective approach, moderation, the moderation centre, management technology.

УДК 37.018.523(470.325)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ УЧАЩИХСЯ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ-КОМПЛЕКСОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (1975 – 1992 ГГ.)

Е. В. Кудинов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
116770@bsu.edu.ru*

Целью исследования было проанализировать организационные и мотивационные принципы, отражающие специфику деятельности школы и учителей по педагогическому сопровождению профессионального самоопределения учащихся сельских школ-комплексов Белгородской области в 1975 – 1992 гг.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение школьников, сельские школы-комплексы, принципы организации работы по профессиональному самоопределению.

Анализируемый период (1975 – 1992 гг.) совпал в нашей стране с активизацией профориентационной работы. С середины 1980-х гг. в России начались преобразования и появились тенденции на демократизацию общественной жизни. Было принято постановление «О реформе общеобразовательной и профессиональной школы» (1984), которое дало значительный импульс для организации работы по профессиональному самоопределению школьников. Во многих школах открылись кабинеты, классы по профориентации, хотя невысокое качество самой профориентационной работы в те годы далеко не всегда соответствовало ее масштабам. Государство выделяло значительные средства на эту работу [8, с. 26]. Предпринимались активные попытки оказания помощи самоопределяющимся подросткам. Эта работа проводилась и в сельских школах-комплексах Белгородской области.

Учебно-воспитательные комплексы появились в 1975 г. на Белгородчине на базе Бессоновской и Яснозоренской средних школ Белгородского района. Это были первые в стране общеобразовательные учреждения нового типа. Их возникновение было связано с необходимостью улучшения качества образования и развития сельских школьников, стремлением превратить школу в центр организации работы с детьми в свободное время, усилить ее влияние на повышение культуры села. В ходе практического осуществления этих задач в области была найдена новая прогрессивная форма организации воспитания и обучения подрастающего поколения – школа, работающая в одном режиме с внешкольными учреждениями музыкальной, художественной, спортивной или другого вида направленности [13]. Открытые, демократичные школы, абсолютно лишённые элитарности, предоставили каждому ребенку условия для самореализации, самоутверждения и самоопределения. Организация работы по профессиональному самоопределению в школах – комплексах строилась на основе определенных принципов.

В принципах выражались знания о целях, сущности, содержании деятельности в образовательном и воспитательном процессе, позволяющие определить регулятивные нормы педагогической практики (лат. *prīncipiūm* – начало, основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, организации и т. д.; внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности [2, т. 20, с. 588]).

Теоретический анализ философской, психологической и научно-педагогической литературы [1; 5; 10] позволил классифицировать эти принципы в ви-

де трех групп, тесно связанных между собой: философско-методологические; организационные; мотивационные.

Первые отражают методологию профориентационной работы в школах-комплексах, дают ее философское обоснование.

Вторые указывают на организационные формы реализации профориентационной работы и механизмы управления системой работы по профессиональному самоопределению учащихся в сельских школах-комплексах со стороны администрации школы.

Третьи характеризуют деятельность учителей-предметников, направленную на формирование и развитие мотивов деятельности школьников, побуждающих процесс профессионального самоопределения. Сформированные мотивы определяют значимость данной деятельности для личности учащихся [5, с. 240]. По А. Н. Леонтьеву, для развития мотивов важное значение имеет ясность и адекватность их осознания. Причем, актуально создается только то содержание, которое является предметом «целенаправленной активности субъекта» [5, с. 361].

Среди **философско-методологических принципов** организации работы по профессиональному самоопределению в сельских школах-комплексах Белгородской области в анализируемый период обращают на себя внимание следующие принципы: гуманизации, гуманитаризации, интеграции и дифференциации, культурологической и социальной обусловленности, научности, прогностичности.

В группу **организационных принципов** мы включили такие принципы, как: политехнической направленности; совместной работы школы, семьи, производства по профессиональному самоопределению; доминантности; регионализации.

К группе **мотивационных принципов** мы отнесли четыре принципа: непрерывности; многоуровневости; личной обусловленности и развития профессиональных намерений.

В данной статье мы обратимся к более подробному анализу организационных и мотивационных принципов, так как они отражают специфику деятельности школы и учителей по педагогическому сопровождению профессионального самоопределения учащихся сельских школ-комплексов Белгородской области.

1. *Принцип политехнической направленности* профессионального самоопределения предусматривал создание в сельских школах-комплексах условий для активного творческого участия в учебном, общественно-полезном, производительном труде на основе овладения законами развития природы и общества, готовности и способности к труду. Политехническое образование создавало базу для профессиональной подготовки [4, с. 56]. Практически во всех УВК успешно работали клубы, кружки и студии трудового профиля: технического творчества, сельскохозяйственного опытничества, цветоводов, овощеводов, юннатов, вязания, аппликации, декоративно-прикладного искусства, художественной обработки металлов и древесины. Общественно полезный труд школьников в кружках, студиях и клубах носил добровольный характер, а объекты творческого труда выбирались ими самостоятельно. Это способствовало развитию качеств творческой личности: инициативности, самостоятельности, организаторских способностей, умения планировать свою деятельность [11; 3, с. 50]. Производительный труд, связанный главным образом с техникой и технологией сельскохозяйственного производства, как общественно полезный труд, был включен в систему отношений общественного производства и носил обязательный характер. Такой труд позволял учащимся войти в систему современных производственных отношений, познать и прочувствовать эти отношения, сформировать личностное отношение к этому виду труда.

Взаимная зависимость учащихся в производительном труде создавала основу для формирования ответственности, требовательности друг к другу, взаимопомощи, порождала стремление к инициативе, творчеству [3, с. 51], необходимости знакомства с научной организацией и культурой труда.

2. *Принцип совместной работы* школы, семьи, производства по профессиональному самоопределению. В решении вопросов школе оказывалась поддержка семьи, общественности, производства. К разумному участию в профессиональном самоопределении школьников привлекались родители, передовики производства, ветераны труда, представители общественности, руководители производственных коллективов сельскохозяйственных предприятий, партийных органов. В сельских УВК стали традицией вечера-встречи с работниками сельского хозяйства, утренники «Хвала рукам, что пахнут хлебом», балы трех поколений, экскурсии на производство (животноводческую ферму, свинокомплекс и т. п.). Большое воздействие на сельских школьников оказывало непосредственное знакомство с результатами работы сельских изобретателей и умельцев, занимающихся прикладным искусством и различными ремеслами. Значительное влияние на учащихся УВК в плане их профессионального самоопределения оказывал положительный пример родителей-тружеников, а также совместная деятельность представителей нескольких поколений в домашнем хозяйстве.

3. *Принцип доминантности* связан с выходом постановления «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» (1977), а также постановления «О реформе общеобразовательной и профессиональной школы» (1984). Постановления дали значительный импульс для развития профессиональной ориентации в сельских УВК Белгородской области. В соответствии с постановлением увеличивалось время на трудовое обучение, общественно полезный, производительный труд учащихся. На эти цели выделялось во II – IV классах – 3 часа, в V – VII классах – 4 часа, в VIII – IX классах – 6 часов, в X–XI классах – 8 часов в неделю [8]. Было признано целесообразным ввести в школах курс «Основы производства. Выбор профессии» [9]. Трудовое воспитание, обучение и профессиональная ориентация должны были подготовить учащихся ко времени окончания неполной средней школы (девятилетки) к осознанному выбору профессии и учебного заведения для продолжения образования. К окончанию средней школы учащиеся должны были овладеть определенной профессией, сдать квалификационные экзамены [7]. Принцип доминантности трудового обучения способствовал профессиональному самоопределению учащихся сельских УВК Белгородской области.

4. *Принцип регионализации* предполагал учет региональных проблем, связанных с потребностью в квалифицированных специалистах, работу по формированию положительной мотивационной готовности выпускников сельских УВК к труду на селе.

Конец 1960-х и первая половина 1970-х гг. XX в. были отмечены бурным развитием сельского хозяйства Белгородской области. Особенно интенсивно осуществлялось развитие животноводства. Первой в стране в больших масштабах область осваивала животноводческие комплексы, приступив к концентрации и специализации животноводства. Одновременно на селе интенсифицировалось строительство домов культуры, предприятий службы быта и торговли, современных школ, улучшилось качество дорог, шла активная газификация. Селу требовался образованный, развитый труженик с творческими способностями, умеющий хорошо работать и полноценно отдыхать. Эту задачу были призваны решить сельские УВК. При этом важное место отводилось ученическим производственным бригадам, самостоятельным ученическим производственным звеньям. Организация работы по профессиональному самоопределению осуществлялась с учетом национальных и культурных традиций, природных и социально-экономических условий, сложившихся на Белгородчине.

В 1991 г. 43 % выпускников сельских УВК остались работать на селе или поступили на учебу в сельскохозяйственные учебные заведения (в отдельных УВК области – 50 – 70 %) против 28 % – в 1976 г. [12, с. 22].

5. *Принцип непрерывности*, являясь фундаментальным принципом стратегии обучения, развития и воспитания личности, с 1972 г. стал ведущим в области общегосударственной образовательной политики. Реализация этого принципа позволяла проводить работу по профессиональному самоопределению в течение всего времени обучения в

сельском учебно-воспитательном комплексе и достигать школьнику уровня, соответствующего как его личностным интересам, так и потребностям общества. Например, работа по профессиональному самоопределению сельских школьников в I – III (IV) классах была нацелена на формирование первоначального интереса к профессиям, на нравственный выбор профессии, на понимание значения труда в жизни людей, на развитие интереса к труду вообще.

В IV – VI (V – VII) классах педагогическая деятельность была ориентирована на формирование у подростков профессиональной направленности, определяющей внутреннюю позицию личности школьника, его профессиональные интересы, потребности, стремления, профессиональные идеалы и возможности. Учащиеся должны были уяснить для себя содержание интересующей их определенной профессии и необходимые для нее способности и умения.

В VII – VIII (VIII – IX) классах работа по профессиональному самоопределению была нацелена на формирование у учащихся самооценки, самоанализа и самовоспитания в соответствии с намечающимися профессиональными интересами. У сельских школьников вырабатывались умения соотносить общественные потребности со своими идеалами и реальными возможностями, требования профессии и личных данных.

В IX-X (X-XI) классах у обучающихся активно развивались мотивы выбора профессии. Обращалось внимание на социальную значимость профессии, интерес к школьным предметам и будущей профессии, наличие специальных способностей, подражание родителям и старшим, возможность творчества, поиска, осуществлялась практическая проба сил в интересующей сфере деятельности, продолжалась работа по определению соответствия между требованиями профессии и возможностями ученика. Одновременно у сельских школьников формировалась устойчивая позиция выбора, поскольку в этот отрезок времени завершался процесс профессионального самоопределения.

6. *Принцип многоуровневости* обеспечивал поэтапное обучение школьников труду в соответствии с психолого-возрастными особенностями личности. При этом переход с одного уровня на другой рассматривался не с позиций кумулятивности, а с точки зрения целостного развития личности. Так, младшие школьники обучались предметно-практической деятельности: в учебный процесс включались систематизированные знания о народном хозяйстве, мире профессий; у учащихся формировали представления о себе как о будущем участнике трудовой деятельности, их нацеливали на общественно значимые отношения с людьми, мотивы труда. Учитывая, что в профориентационном развитии подростка ведущей являлась общественно полезная деятельность (учебная, общественно-политическая, трудовая, производительный труд и другие), ее старались приблизить к будущей профессиональной. Благодаря включению в общественно полезную деятельность учащиеся сельских УВК приобретали конкретные умения и навыки в избираемой профессии, осваивали порядок взаимоотношений в трудовом коллективе взрослых, получали представление о себе как о будущем профессионале. Ведущей деятельностью в старшем школьном возрасте являлась учебная. В связи с этим, старшеклассники направляли свои усилия главным образом на те виды учебной деятельности, которые в последствии были связаны с их профессиональной деятельностью. Их учебная деятельность носила избирательный характер. Учителя-предметники со своей стороны не только способствовали расширению и углублению знаний, умений, связанных с содержанием будущей профессиональной деятельности школьников, но и осуществляли постоянный контроль за развитием этой деятельности.

7. *Принцип личностной обусловленности* представлял знание индивидуальных особенностей школьников, позволяющих осуществить работу по профессиональному самоопределению через развитие мотивов выбора профессии, формирование профессионального намерения соответственно интересам и способностям личности в процессе различных видов деятельности учащихся: познавательной, общественно-

полезной, производительной, коммуникативной. Он способствовал формированию определенной профессиональной ориентации и достижению конкретного профессионального статуса.

Деятельность школьников, обучающихся в сельских УВК, отличалась разносторонностью и демократизацией межличностных отношений педагогов, детей, родителей, общественности, учреждений дополнительного образования, культуры, спорта, правоохранительных органов. Именно своеобразие такой деятельности способствовало развитию склонностей и способностей к различным видам профессионального труда.

8. *Принцип развития профессиональных намерений.* Под профессиональным намерением принято понимать завершающую стадию развития профессионального интереса, сложившегося в сознании школьников как профессиональный выбор.

Профессиональный интерес рассматривается как эмоционально положительное отношение человека к определенной профессии, заключающееся в выделении ее из группы других и стремлении больше узнать о ней. Профессиональный интерес сельских школьников в УВК реализовался в ходе профессионального самоопределения в соответствии со способностями и интересами личности и потребностями Белгородского региона в кадрах.

Особенностью сельских УВК области было то, что «от урока дороги шли к занятиям кружков, занятиям спецшкол, ко всей внеклассной и внешкольной работе, а затем стекались вновь на урок, когда школьники приходили к учителю, обогащенные новыми знаниями, сведениями, впечатлениями, стремились поделиться всем этим со своим учителем и товарищами» [6, с. 17 – 18].

Благодаря созданным условиям сельские школьники получили возможность учиться и развиваться в благоприятной среде, которая предоставляла им условия для широкого выбора внеурочных занятий по своим склонностям. В кружках, ансамблях, секциях занимались все желающие школьники, так как педагоги не проводили отбора, принимали всех по интересам.

Названный принцип позволял изучать личность школьника в динамике, учитывая его возрастные особенности. Знания об индивидуальных особенностях учащихся давали возможность осуществлять педагогическое руководство процессом профессионального самоопределения, развитием мотивов выбора профессии, установления соответствия потребностей школьника потребностям общества [4].

Каждый из принципов характеризовал отбор содержания, построение учебно-воспитательного процесса, определял связи между организационными формами и технологией по формированию профессионального самоопределения школьников. Совокупность принципов и их взаимодействие обеспечили структуру работы по профессиональному самоопределению учащихся в сельских УВК Белгородчины в исследуемый период.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 335 с.
2. Большая Советская Энциклопедия / Глав. ред. А. М. Прохоров. 4 издание. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
3. Исаев И. Ф. Жизненное самоопределение школьников: труд, мотивация, готовность / И. Ф. Исаев, В. Н. Кормакова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 268 с.
4. Исаев И. Ф. Профессиональное самоопределение учащихся в условиях сельской школы-комплекса. / В сб. Учебно-воспитательные комплексы – новый тип школы XXI века: Материалы всерос. науч. конф., БГУ, 2001. – С. 55 – 61.
5. Леонтьев А. Н. Философия психологии: Из науч. наследия. Под ред. А. А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.
6. Образовательно-воспитательная работа в школах-комплексах / Под ред. В. П. Кыркалова. – Белгород, 1980. – 57 с.

7. «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда». – Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Правда, 4.05.1984.

8. Основы профориентологии / С. И. Вершинин, М. С. Славина, М. В. Борисова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 176 с.

9. Программа курса «Основы производства. Выбор профессии» // Школа и производство. – 1986. – №7. – С. 24 – 28.

10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. II. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.

11. Фисунова Н. В. Основные формы организации профессионального самоуправления учащихся основной школы Германии. – Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 18, вып. 7. – с. 297 – 305.

12. Щербинина В. М. Становление и развитие сельских учебно-воспитательных комплексов как инновационных образовательных учреждений (1971-1991 гг.). Автореф. дисс... к.п.н. – Белгород, 2003. – 25 с.

13. <http://www.belgorod.intergrad.ru/>

PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF CHILDREN`S PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION WORK IN BELGOROD REGION COUNTRY SCHOOL UNITS IN 1975 – 1992

E. V. Kudinov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
116770@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

УДК 373.3:811.161.1

УСВОЕНИЕ ДЕТЬМИ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ЭЛЕМЕНТА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Н. И. Любимова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Lybimova.1979@mail.ru*

Статья посвящена проблеме обогащения речи детей начальных классов колоративами. Цветовая картина мира этнически обусловлена, способствует обретению исторически накопленного лексического богатства.

Ключевые слова: колоративы, картина мира, языковая картина мира, цветовая картина мира.

В процессе школьного обучения и приобретения личностного опыта ребёнок познаёт и усваивает картину мира.

Картина мира всегда этнически, национально обусловлена, поэтому, обучая языку, мы формируем параллельно этническую ментальность будущего члена общества – русского человека, воспитываем не только уважение к родному языку, но и уважение к своей этнической и национальной принадлежности, формируем этнический, национальный менталитет» [1, с. 120].

Однако очевидно, что любая картина мира находит отражение в языке, поэтому, обучая языку, мы в сознании школьника, и особенно младшего школьника, формируем языковую картину мира.

О. А. Радченко, исследователь наследия В. Гумбольдта и неогумбольдтианцев, отмечает, что в процессе усвоения языка в сознании ребёнка формируется языковая картина мира, то есть «окружение, представленное через единицы и в единицах языка [1, с. 120].

Безусловно, одним из аспектов, характеризующих целостную картину мира, является цвет. Человек воспринимает окружающий мир не одноцветным, а цветным. Цвет является частью общей картины мира, и его изучение вносит вклад в описание картины мира. В сознании человека и человечества рождается и формируется цветовая картина мира – совокупность представлений человека о мире, отражающихся через призму цветовых ощущений, материализующихся посредством речи.

В. Гак вводит понятие лингвоцветовая картина мира. Она реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах и органично входит в лексическую систему языковой картины мира [2, с. 34].

Историей возникновения цветообозначений, способом их образования и употребления в речи занимались многие учёные: Р. В. Алимпиева, Н. Б. Бахилина, А. А. Брагина, А. П. Василевич, Т. И. Вендина, Е. М. Верещагин, С. В. Кезина, В. Г. Костомаров, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко, И. В. Мокиенко, И. И. Чумак-Жунь и др. Данная тема интересовала также учёных, которые рассматривали употребление цветообозначений на примере иностранных языков И. В. Арнольд, А. А. Реформатский, М. В. Никитин (английский язык), Е. Г. Симонова (немецкий язык). Активно изучаются цветообозначения в казахстанской лингвистике. В Казахстане данная проблема исследуется Ф. Н. Даулетовым, А. Т. Кайдаровым, Г. А. Кажигалиевой. Одним из последних исследований цветообозначений в сопоставительном аспекте является докторская диссертация Ш. К. Жаркынбековой «Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах».

В исследованиях цветообозначений в современной науке выделилось направление, получившее название лингвистика цвета.

Теоретические аспекты лингвистики цвета представлены в работах Л. Байрамовой, ею определены и основные направления исследований: «историческое изучение цветолексики (эволюционное направление), психолингвистическая составляющая цветоименований, когнитивные аспекты, лингвокультурологические и номинативно–терминообразующие аспекты исследования цветолексики» [3, с. 159].

Цветообозначения обладают большой культурной значимостью. Как компонент культуры цвет приобретает сложную и разнообразную систему смыслов, толкований, становится воплощением культурных ценностей. Цветовая среда, цветовое видение мира в каждую эпоху осмысливается в соответствии с «цветокультурными» установками.

Н. Б. Бахилина в своих исследованиях убедительно доказывает, что происхождение всех цветообозначений уходит своими корнями в историческое прошлое и носит этнокультурный характер. Цветовые впечатления веками внедрялись в сознание и подсознание людей и определяли цветовосприятие целых социальных групп. Формирование разноуровневых значений цвета шло миллионы лет. Воспринимая цвета, люди связывали их с наиболее ценными для них веществами и жизненно важными стихиями. Таким образом, возникли ассоциации, которые основывались на неизменных свойствах человека и Природы: кровь была и остаётся красной, небо – синим, трава и деревья – зелёными. Основную триаду цветов составили чёрный, белый и красный, поскольку наиболее важными для выживания человека были такие явления и вещества, как свет, тьма, молоко, земля, кровь, огонь. Ассоциации, связанные с цветом, вырабатывались у человека помимо его воли – на бессознательном уровне [4].

В свою очередь А. Н. Вежбицкая подчёркивает, что понятия цвета формируются универсалиями зрительного восприятия, представлениями о различных степенях яркости света. По её мнению, денотативную и сигнификативную основу прилагательных цветообозначений в языке формируют представления о свете, огне, солнце, земле, растениях [5, с. 284].

Очевидно, что есть ряд универсальных явлений, связанных с общечеловеческой картиной мира. Однако есть и национальные особенности, присущие только данной культурной общности людей. И «какую бы психофизиологическую основу ни имел цветовой язык, на него неизбежно наслаиваются традиции и обычаи народа» [6, с. 52]. Цветообозначение «антропоцентрично и этноцентрично – оно имеет некое специфическое измерение в языке, релевантное в аспекте коммуникативной значимости» (Яньшин), поскольку аккумулирует социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретного национального характера. Значения названий цвета – артефакты культуры, как и цветовая картина мира. «Цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы [7, с. 105]. Именно поэтому так актуальны исследования цветообозначений в свете лингвокультурологической парадигмы.

Различение красок в массе цветового круговорота природы и человеческого бытия требует немалого опыта, наблюдательности и зрительной памяти. Способность различать цвета составляет существенную часть возможностей зрительного восприятия человека.

Однако не все люди обладают сразу всеми этими достоинствами зрительного, эстетического и просто обывательского характера. Распознаванию оттенков нас не учили с детства и не учат ни в школе, ни в университетах и академиях, и поэтому в этой проблеме, как в далёком прошлом, так и до настоящего времени много непонимания, несогласованности и разночтения [6, с. 26].

Окружающий мир поражает цветовым многообразием и изменчивостью цвета предметов и явлений. Чтобы дети могли ориентироваться в цветовом богатстве, понять значение цвета и грамотно использовать названия цвета в своей речи, необходи-

мо систематично и последовательно знакомить детей с цветом предметов и явлений, окружающей среды, формировать у них умение самим создавать и употреблять цветообозначения.

В школьной практике, к сожалению, мало уделяется внимания обогащению цветообозначающей лексикой речи детей начальной школы, в то время как понятие цвет, его содержание, дети изучают начиная с первого класса.

За период обучения языку в начальной школе дети осваивают около 17 цвето-наименований, в словаре Ожегова мы обнаружили их более 100. В 1954 г. вышла брошюра А. С. Бондарева «Шкала цветов», в которой автор представил «105 тоновых оттенков разных цветов» [8, с. 23].

На начальном этапе обучения нет определенной системы презентации наименований цвета в учебных книгах, усвоение цветообозначений (колоративов) идёт стихийно, всё зависит от системы работы учителя: насколько он обращает внимание на усвоение детьми этого семантического поля или лексико-семантической группы, то есть насколько последовательно он формирует цветовую картину мира как компонент языковой картины мира.

Несовершенство владения способами создания цветоименований и скудость их употребления в речи сигнализируют о несовершенстве введения цветообозначений в практику обучения языку и чтению в школе. Для сравнения: в японской школе за период начального обучения вводится 150 цветообозначений, в русской – 17. Актуальным становится вопрос введения цветообозначений в процесс обучения через уроки русского языка, чтения, окружающего мира, изобразительно искусства с целью обогащения колоративами детской речи.

Работа по формированию у младших школьников знания и умения употреблять в речи названия цвета и его оттенков, умения определять цвета окружающих предметов, умения сравнивать предметы окружающего мира по цвету, устанавливать их сходство и различие по цвету может осуществляться в разные моменты жизни и деятельности детей: в процессе разнообразных игр, на уроках русского языка, чтения, музыки, изобразительного искусства, на художественно-речевых занятиях – в сказках, стихотворениях. Формировать чувство цвета у детей младшего школьного возраста необходимо во время экскурсий, на прогулках, в процессе целенаправленных наблюдений. Вся эта педагогическая деятельность должна осуществляться во взаимосвязи.

Вопросам введения в активный словарь ребёнка цветообозначений и количественным составом колоративной лексики в русском языке занимались многие известные психологи, педагоги, лингвисты, методисты. Достаточно назвать имена таких учёных, как С. Н. Цейтлин, Т. Б. Козак, А. К. Маркова.

Значимыми для организации учебного процесса являются положения теории интериоризации (Л. С. Выготский) и теории внутренней речи (Н. И. Жинкин), которые объясняют образование текста с позиций корреляции внешней и внутренней речи, теория развития умственных способностей на основе формирования внутреннего плана действий (Я. Л. Пономарев), концепция развивающего обучения (Л. С. Выготский), разграничения информации и знания (С. А. Архангельский), взаимосвязи предметных и дидактических задач (К. В. Бардин), обобщения на основе выделения инвариантов (В. В. Давыдов).

Большое значение приобретают работы по теории языковой личности, её формированию в учебном процессе, положение о лингвистической, языковой и коммуникативной компетенции языковой личности (Н. Ф. Алефиренко, И. Б. Игнатова, Ю. Н. Караулов, С. А. Кошарная), а также работы по использованию лингвокультурологического, этно- и социокультурного компонента лексической единицы в процессе обучения языку (В. В. Дёмичева, О. И. Ерёменко, Т. Ф. Новикова, Т. В. Яковлева).

Цветовая палитра русского языка достаточно богата и разнообразна.

Планируя формирование в сознании учащегося начальной школы лингвоцветовой картины мира, необходимо, на наш взгляд, учитывать ряд следующих особенностей русской системы цветоименований.

Берлин и Кей, изучив историю наименований цвета, пришли к выводу, что 95% цветов происходят от названий предметов, и лишь 5% слов не имеют чёткой этимологии, существует единый набор из 11 базовых цветов (Basic Color Terms) для всех известных языков: белый, чёрный, красный, зелёный, жёлтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый [9].

Особенностью русского и некоторых других языков является то, что для обозначения синего цвета существует два основных названия – синий и голубой [6, с. 46].

Введение цветообозначений уместно при изучении всех уровней структуры языка, что связано с целым рядом особенностей формирования лингвоцветовой картины мира в языковом сознании русского народа.

Так, изучение морфологии, системы частей речи позволяет показать детям, что цвет может быть обозначен не только именем прилагательным, но производным от прилагательного именем существительным или глаголом: синий – синева – синь – синеть – синить.

При изучении форм субъективной оценки и безотносительных степеней признака имён прилагательных цветообозначения дадут целый ряд красноречивых примеров: красный – красн-оват-ый, красн-еньк-ий, красн-ущ-ий; жёлтый – желт-оват-ый, жёлт-еньк-ий.

На примере цветообозначений легко показать способы образования и синтаксические функции кратких форм прилагательных: бел-ый – бел, бел-а, бел-о; Белый снег, белый мел, белый заяц тоже бел. А вот белка не бела, белой даже не была.

Важнейшим фрагментом лингвоцветовой картины мира является «словообразовательный фрагмент». Он характеризуется непрерывным процессом создания новых слов с помощью имеющихся в языке словообразовательных средств и отражает все изменения, происходящие в окружающей действительности [10, с. 3].

Изучение морфемного состава слова и словообразования (а этот раздел очень уместно введён авторами учебника «Русский язык» по программе «Начальная школа XXI века») позволяет проследить на примере цветообозначений основные, предусмотренные программой, способы словообразования: суффиксальный: лимон-н-ый, серебр-ист-ый; префиксальный: по-синеть; префиксально-суффиксальный: рас-красн-еть-ся. Особенно важно, что способ основосложения позволяет ввести модели образования названий оттенков цвета: тёмн-о-зелёный, жёлт-о-зелёный.

Цветовая лексика формировалась веками, цвет и его наименования позволяли точнее передать колористическую гамму окружающего мира, поэтому в цветолексике заметно развито явление синонимии. Научить детей пользоваться колоративами одного синонимического ряда – задача уроков развития речи: красный – алый, карминный, киноварный, кровавый, кумачовый, пунцовый, рдяный, рубиновый, гранатовый, червонный; синий – васильковый, лазурный; жёлтый – золотой, янтарный, канареечный, яичный; оранжевый – апельсиновый; зелёный – изумрудный.

Употребление цветообозначений характерно более всего для художественного стиля с целью создания образа, придания особой выразительности тексту. В художественной речи цветообозначения выполняют самые разнообразные функции, подробно описанные целым рядом авторов (С. В. Бобыль, Е. М. Волкова, Е. В. Губенко, Л. В. Зубова, И. Н. Лукьяненко, Е. Г. Лысоиваненко, Н. А. Мартыанова, С. И. Меньчева, и др.). Художники слова учат ребёнка свободному использованию возможностей образования цветообозначений для придания тексту особой выразительности, красочности, их собственные образования оригинальны, всегда уместны и исключительно выразительны: пунцово-красные листья рябин, нежно-розовые облака, бирюзовый лён, серо-сизый осинник; (Бунин); пурпурно-зелёная и лимонная листва (Паустовский); шафранно-жёлтая бабочка, блёкло-зеленоватая изнанка (Новиков).

В научной и специальной терминологии цветообозначения используются как дифференцирующий признак при родо-видовой классификации животных: Бурый медведь, белый медведь, чёрный гималайский медведь; золотистый хомяк, серый хомячок; пятнисто-рыжая кошка; серая лисица; пурпурная, или лиловая лягушка; чёрный носорог, белый носорог; бурый ушан; красная полёвка; рыжая вечерница; голубой кит, серый кит; оливковый сомик; бронзовый панцирник, или золотой сомик.

С этой же целью используются сложные слова, включающие в качестве первого компонента цветообозначение: желтогорлая мышь, желтохвостая шерстистая обезьяна, синекольчатый осьминог, белокрылая морская свинья; белощёкий ворон.

Характерна в этом плане классификация попугаев: бронзовокрылый, желтолицый длиннокрылый, или желтощёкий, желтолобый прыгающий, желтоухий, желтошейный, зеленохвостый, зеленощёкий, золотоплечий плоскохвостый, красноголовый кольчатый, красногрудый длиннокрылый, краснокрылый, краснолобый прыгающий, красноплечий, или синегузий, красношапочный, розовоголовый кольчатый, розовогрудый кольчатый, сероголовый кольчатый, синегрухий, синеголовый красногузий, синешапочный ракетохвостый, черноголовый, чернохвостый.

Чрезвычайно интересно использование цветообозначений для характеристики декоративных растений и цветов в рекламных и справочных изданиях: бледно-серовато-розовый, голубовато-сиреневатый, карминно-коралловый, кремово-перламутровый, кремово-розовый с тёмно-розовым пятном, медно-красный, молочно-серебристый, оливково-коричневый, серебристо-зелёный, тёмно-пурпуровый с лиловым оттенком, светломалиново-персиковый, светло-оранжево-красный и т. п.

Цветообозначение может быть положено в основу названия географического объекта: Красная площадь, посёлок Красная Яруга, посёлок Зелёная поляна; город Белая Церковь, Белая Калитва, Жёлтые воды, Красный Ключ, Красный Луч, Красный Яр, Красная Поляна, Зелёная Роща, а также Зеленоборск, Зеленогорск, Зеленоград, Зеленодольск; Белое, Жёлтое, Красное, Чёрное море; Лазурный берег и т. д.

Наш эксперимент показал, что учащиеся третьего класса при написании сочинения обходятся скудным количеством колоративов, а в ряде случаев и вовсе без цветоименований. Однако третьеклассники указали больше цветообозначений, чем ученики четвёртого класса. Учащимися 3 класса названы 25 цветообозначений, наиболее частотные из них красный – 72 %, зелёный – 71 %, чёрный – 70 %, белый, голубой, оранжевый – 69 %, розовый – 68 %, синий, фиолетовый – 67 %, коричневый – 65 %, золотой, жёлтый – 50 %, серебряный, (серебристый) – 45 %, единичны: пурпурный, бежевый, бордовый, салатовый, болотный, небесный, песочный, русский; отмечены оттенки цвета, создаваемые сложением основ: тёмно-синий, тёмно-розовый, прозрачно-синий.

Несколько скуднее, как ни странно, цветовая палитра в 4 классе – всего 17 цветообозначений: красный, жёлтый, розовый – 100 %; синий, голубой, зелёный – 90 %; фиолетовый, золотой, серебристый – 50 %; единичны: алый, малиновый, банановый, лиловый, перламутровый, серый, светло-коричневый, каштановый.

Таким образом, проблема введения цветообозначений в активный словарный запас носителей языка – актуальная и насущная проблема. Без цвета нет природы, без ощущения этой природы и умения обозначить её цветом – нет поэта.

Список литературы

1. Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Комкнига, 2006.
2. Гак В. Г. Диалог культур в свете общей теории диалога / Россия и Запад: диалог культур. Тезисы 7-ой Международной конференции в МГУ. – М.: МГУ, факультет иностр. языков, 2000.
3. Байрамова Л. Социально-языковая номинация с цветолексемами // Слово. Текст. Время. Новые средства языковой номинации в новой Европе. Материалы VII международной научной конференции / под. ред. М. Алексеенко, М. Кучинска. – Щецин, 2004.
4. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975.

5. Вежбицкая А. Н. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
6. Глезер В. Д. Зрение и мышление. – Л., 1985.
7. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969.
8. Негрбов В. К. Шкала цветовых тонов. Научно-практическое пособие / В. К. Негрбов, П. С. Русинов. – Воронеж, 2002.
9. Berlin V., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, 1969.
10. Царёв П. В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке. – М.: Издательство МГУ, 1984.

LEARNING OF THE COLOR PICTURE OF THE WORLD BY THE CHILDREN AS THE ELEMENT OF HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE

N. I. Lyubimova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Lyubimova.1979@mail.ru*

This article is about the problem of enrichment of colour saturation of speech of children of initial classes. The color picture of the world is defined ethnically and promotes acquisition of historical accumulated lexical enrichment.

Key words: picture of the world, colour saturation, language picture of the world, color picture of the world.

УДК 378:316.74

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

А. В. Скрипкина

Краснодарский государственный университет культуры и искусств

В настоящее время сложившаяся ситуация изменения роли и места образования в российском обществе привела к необходимости разработки концепции формирования имиджа региональных вузов социокультурной сферы. Для этого необходимо использовать новые подходы и методы, повышающие престиж вуза, что непосредственно влияет на условия функционирования высших учебных заведений, определяет уровень и качество образования в целом, а также повышает мотивацию к получению образования в сфере культуры и искусств.

Ключевые слова: имидж, мотивация, образование, профессиональная подготовка, образовательные услуги, прогнозирование.

Необходимость разработки концепции формирования имиджа учебных заведений социокультурной сферы определяется сложившейся в начале XXI в. ситуацией изменения роли и места образования в жизнедеятельности российского общества. Стала очевидной необходимость использования новых подходов и методов в повышении престижа вузов социокультурной сферы, обусловленная тем, что общественное отношение влияет на условия функционирования вузов, что, в конечном счете, определяет не только уровень и качество образования, но и развитие страны, как в национальном, так и в общемировом контексте. Вместе с тем, стало очевидным снижение мотивации к получению образования в сфере культуры и искусств: новая экономическая ситуация, бизнес, который пришел в учреждения культуры, часто не заинтересован в фундаментальности подготовки специалистов, работающих на перспективу.

Социокультурная ситуация в стране и регионе свидетельствуют, что в формировании имиджа вуза важнейшим является рассмотрение его как интеграционного процесса в контексте инновационного развития образования. Эффективным в этом аспекте становится рассмотрение теории кластера (англ. cluster – пучок, группа), подразумевающей интегрирующую деятельность субъектов корпоративного сообщества с включением в данный процесс органов федерального и регионального уровней управления культурой и образованием, непрерывной подготовки кадров, стратегического партнерства (заказчиков образовательных услуг, и молодых специалистов) [2]. Важнейшая роль среди региональных социокультурных процессов принадлежит региональным вузам социокультурной сферы. В региональных культурных кластерах вузы социокультурной сферы призваны играть роль не только центров подготовки творческих одаренных специалистов, способных реализовывать многоцелевые задачи подготовки управленческих и творческих кадров для сферы культуры и искусств, но и быть центром формирования инновационной культурной ауры, способной интегрировать различные сферы региональной экономики и повседневной социальной жизни [5].

В основе теории кластеров – существенное повышение эффективности и качества профессиональной подготовки кадров в соответствии с требованиями развития страны и региона на основе процесса обмена информацией между субъектами неформальной социально-экономической интеграции. В аспекте проблемы формирования имиджа вузов социокультурной сферы под кластером мы понимаем социально-экономическое пространство, где на определенной территории взаимосвязано функционируют профильные учреждения (библиотеки, музеи, театры, клубы, учебные заведения, органы управления и пр.), действующие, тем не менее, автономно. В условиях усиления глобального характера экономики и все большей открытости рынков, об-

разование в сфере культуры и искусств начинает ощущать все возрастающую конкуренцию по предоставлению многоаспектных услуг. Растет динамичность и непредсказуемость процессов в сфере образования в силу его взаимосвязи с мировыми экономическими тенденциями и факторами макроэкономического плана.

Социокультурному кластеру свойственна, что существенно в контексте данной проблемы, интегративная роль в развитии региональной системы образования: от качества подготовки будущих специалистов этой сферы зависит профессионализм функционирования самой отрасли. Основными задачами вуза в кластере социокультурной сферы являются, с одной стороны, эффективность объема и структуры подготовки и повышения квалификации кадров на основе создания единой, научно обоснованной системы рынка труда специалистов, прогнозирования перспективных потребностей кадрового обеспечения региональной системы образования, а с другой – существенное повышение качества подготовки специалистов путем создания единой системы непрерывного профессионального образования, совершенствования потенциала, модернизации материально-технической базы, внедрения новейших технологий профессионального образования, оптимизации сроков подготовки и повышения квалификации специалистов путем разработки и реализации образовательных программ профессионального обучения.

Кластерный подход в контексте формирования имиджа вуза социокультурной сферы предполагает как вертикальную, так и горизонтальную интеграцию учреждений разных типов, форм и уровней вокруг вуза, который берет на себя функции головного. С этой целью вуз осуществляет интегративные взаимосвязи со всеми образовательными учреждениями в системе ШУВ (школа-училище вуз), с многоотраслевыми учреждениями культуры и искусств региона. Предлагаемая кластерная социокультурная модель может стать научно-методической основой, определяющей содержание и организационные механизмы такой деятельности. Вуз в этом контексте должен сыграть роль своеобразного ресурсно-координационного центра непрерывного профессионального образования в регионе, концентрирующего в себе современные инновационные технологии предоставления образовательных услуг и механизмов позиционирования профильного образования с целью повышения его социального престижа. Следовательно, по своему статусу кластер представляет собой ассоциацию, объединяющую головной вуз, учреждения среднего образования, Департаменты края, молодежные организации, средства массовой информации, учреждения и организации – заказчики научных и образовательных услуг кластера в качестве членов ассоциации. Являясь центром ассоциации в профильной сфере региона, вместе с тем, вуз социокультурной сферы, должен иметь, общефедеральную направленность и являться частью единого культурно-образовательного пространства России [6].

Отметим, что сегодня региональное социальное пространство, в котором функционируют профильные вузы, можно рассматривать как систему, включающую институциональное, инфраструктурное, прородно-ресурсное и человеческо-ресурсное измерения.

Институциональное измерение в позиционировании вуза социокультурной сферы связано с нормативно-правовыми и политическими институтами, формирующими правила поведения субъектов региона и предписывающих учебному заведению социальные роли акторов регионального пространства. Именно здесь осуществляются интеграционная, адаптационная, стабилизационная и инновационная функции. Интеграционная функция призвана объединить производственные, социальные и культурные направления деятельности различных социальных групп вокруг значимых региональных целей, обеспечить контроль за их соблюдением со стороны органов государственного управления. Адаптационная функция формирования имиджа содействует приспособлению социальных акторов регионального пространства к динамически изменяющимся условиям внутренней и внешней среды региона. Стабилизационная функция призвана поддерживать отобранные в ходе исторического процесса традиции и обеспечивать преемственность в развитии регионального сообщества. Иннова-

ционная функция нацелена на отбор и фильтрацию новых сфер и форм социальной деятельности, на создание условий их внедрения и превращения в конкурентные преимущества вуза и региона.

Человеческие индивидуальности и системы межличностных связей реализуются в неформальных повседневных социальных практиках, в совокупности образующих инфраструктурное измерение, определяющее качество жизни регионального сообщества. Названное измерение призвано обеспечивать относительное равенство условий конкурентного поведения людей, получение общественных благ в соответствии с вкладом в общественное развитие, поддержание приемлемых условий уровня жизни между различными социальными слоями. С системной точки зрения эта инфраструктура включает систему учреждения профессионального образования и другие ведомства.

Природно-ресурсное измерение включает геополитическое, геоэкономическое и геокультурное положение региона, его территориальные, ресурсы, исторически сложившиеся особенности системы. И, наконец, человеческо-ресурсное измерение регионального пространства включает численность населения, баланс этнической и поло-возрастной структуры населения, среднюю продолжительность жизни и т.д.; профессионально-трудовой потенциал региона, определяющийся культурой населения региона и уровнем его занятости, балансом лиц имеющих профильное профессиональное образования и не имеющих такого; социально-культурный потенциал региона отражает значимый уровень развития ценностно-мотивационной сферы (региональный менталитет, региональный характер), включающий доминирующие значимые ценности населения региона, уровень правового сознания и толерантности; качество регионального развития образования и культуры и уровень доступности для различных социальных слоев, степень гражданской активности и т. п.

Современное развитие вузов социокультурной сферы достигло такого состояния, когда система развивается как на уровне внешнего позиционирования, так и на уровне внутрисистемного развития. Разработка концепции формирования имиджа профильного вуза направлена на достижение синтеза знаний относительно особенностей организационной культуры, исследовании закономерностей формирования и трансформации общественного мнения о вузе [1]. Внимание к проблемам формирования имиджа вузов социокультурной сферы актуально в теоретическом отношении.

Хотя в отечественной системе профессионального образования намечен переход от анализа внутренних параметров к изучению внешней составляющей имиджа вуза, можно говорить об отсутствии стратегии развития этого процесса в организации жизнедеятельности современного профильного вуза. Следует констатировать, что формирование позитивного имиджа вуза социокультурной сферы не стало еще предметом целенаправленного изучения. Среди значимых, вопрос о методологических основаниях изучения имиджа вуза в обществе, о структуре и содержании этого феномена, стратегии формирования имиджа, параметрах его воздействия на общество, вопрос о возможностях целенаправленного формирования имиджа вуза культуры и искусств как важнейшего фактора социального престижа высшего профильного образования.

Разработка концепции формирования имиджа вуза социокультурной сферы заключается, с одной стороны, в необходимости синтеза знаний относительно особенностей организационной культуры вуза, исследовании закономерностей формирования и трансформации общественного мнения, с другой стороны, в разработке обобщающей модели взаимоотношений между высшим учебным заведением и обществом, а также методов исследования этого взаимодействия. В этой связи актуальным в разработке концепции становится обоснование стратегии и механизмов формирования имиджа вуза социокультурной сферы, обеспечение на системной основе форм и методов принятия решений, направленных на развитие вуза в условиях изменений внешней и внутренней среды.

Концепция стратегии формирования имиджа вуза социокультурной сферы, представляет сложную систему теоретико-методологических оснований и технологий, совокупность которых открывает новое научное направление в области образовательного менеджмента [3]: на основе интегрированного процесса (единства личностно-

ориентированного, деятельностного и диалогического), достигается получение нового качества деятельности вуза с учетом потребностей образовательных услуг и профессионального рынка труда. В контексте стратегии формирования имиджа вуза важно учитывать следующие аспекты: экономический аспект позволил рассмотреть вузы социокультурной сферы в рыночной экономике с учетом совокупности экономических элементов, к которым относятся методы, инструменты реализации, критерии оценки эффективности и методы контроля; нормативно-правовой аспект определил учет, во-первых, законодательных и иных нормативно-правовых документов развития высшего образования на современном этапе, а во-вторых, необходимость разработки внутренних регулирующих документов, которые позволяют обеспечивать реализацию процесса формирования имиджа в вузе; информационно-аналитический аспект представляет собой систему сбора и обработки информации для поиска направлений формирования имиджа вуза, который стал базой разработки стратегии и механизмов формирования имиджа вуза. Когнитивный аспект основан на необходимости использования индивидуализации восприятия, мышления, познания, объяснения и понимания. Систематизация методов разработки стратегии формирования имиджа осуществляется по направлениям анализа внешней и внутренней среды, принятия стратегических решений, а инструменты ориентированы по стадиям реализации стратегии (разработка стратегического плана формирования имиджа и его контроллинга), позволяющие уточнить содержание, конкретизировать область формирования инициатив формирования имиджа [4].

Концептуально важно определение объектов анализа внешней среды в формировании имиджа отраслевого вуза (маркетинговые и коммуникационные технологии) и внутренней среды, куда отнесены направления развития рынка труда молодых специалистов-выпускников вуза культуры и искусств, корпоративная культура и ресурсы). Механизм мониторинга и контроля адекватности условий формирования имиджа с точки зрения внутренней и внешней среды, позволяет перейти к устойчивому инновационному развитию всех структурных подразделений учебного заведения.

Концепция формирования вуза социокультурной сферы включает компоненты сформированности имиджа (политика и стратегия, управление и ресурсы, уровень качества предоставления и потребления образовательных услуг, менеджмент персонала, менеджмент процессов, маркетинговые мероприятия, коммуникационная деятельность, роль руководителя, самореализация персонала, влияние на общество, результаты деятельности вуза, востребованность выпускников вуза на рынке труда) и критериальные характеристики имиджа вуза (соответствия, вариативности, ресурсного обеспечения, персонификации, процессуальности, перспективности), свидетельствующие о его качестве, что дает возможность обеспечить более рациональное формирование зон деятельности имиджа вуза и использовать территориальные и отраслевые условия функционирования учебного заведения.

Концептуальные основания формирования имиджа позволяют определить механизмы реализации имиджа, включающие взаимообусловленные этапы: предварительное определение ответственности за реализацию имиджа; формулирование целей стратегии; определение планирования; составление и реализация коммуникационных обращений в направлении формирования имиджа вуза; достижение целей формирования имиджа; реализация целей формирования имиджа; система индикативных показателей; корректировка деятельности и подведение итогов. Условием эффективного имиджа является контроль количественных и качественных измерений динамики формирования имиджа вуза (востребованность выпускников, воспитательная деятельность образовательного учреждения, возможность продолжения образования по программам послевузовского и дополнительного профессионального образования, спектр реализуемых основных образовательных программ, научная, художественно-творческая деятельность и их результативность, методическая работа, квалификация педагогических работников, контроля развития материально-технической базы).

Концепция основана на понимании важности подготовки специалистов в сфере формирования имиджа учреждения социокультурной сферы. Компетенции профессиональных качеств субъекта образовательной деятельности, определяют приоритеты и методы обеспечения, которые существенно влияют на качество преподавания отдельных элементов учебного процесса.

Таким образом, одним из приоритетных показателей социально-экономического и социально-политического роста общества выступает уровень развития образования как важнейший компонент качества жизни человека. Вузы социокультурной сферы как многопрофильные научные, образовательные и культурные центры, обеспечивают отрасль кадрами, обладают мощным и неисчерпаемым потенциалом развития, влияют на культурную и экономическую жизнь регионов и страны.

Список литературы

1. Арефьев А. Международный рынок образовательных услуг и российские вузы // Высшее образование в России. – 2008. – №3. С. 124 – 136.; Новаторов В. Е. Маркетинговая концепция подготовки специалистов в вузах культуры и искусств // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – №3. – С. 165 – 167.
2. Давыденко Т. М., Пересыпкин А. В. Многопрофильная кластерная система непрерывной профессиональной подготовки кадров.- Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки, №6 (77) 2010г., Выпуск 5, стр. 23-32.; Кластеры: формализация взаимосвязей в неформализованных производственных структурах. Монография. Новосибирск: ИЭОПП, 2006. – 196 с.
3. Корчагина Л. А. Маркетинговые инструменты в управлении вузом: формирование товарной политики // Высшее образование сегодня. 2007. – № 9. – С. 18.
4. Скрипкина А. В. Методы анализа внешней и внутренней среды в разработке стратегии развития вуза / Культурная жизнь Юга России.- 2009. – №1. – с.48-52. ; Тульчинский Г. Л., Шекова Е. Л. Менеджмент в сфере культуры: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. доп. – СПб: Издательство «Лань», 2003. – 528 с.
5. Тульчинский Г. Л., Шекова Е. Л. Менеджмент в сфере культуры: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. доп. – СПб: Издательство «Лань», 2003. – 528 с.; Туравец Н. Региональный компонент музыкального и музыкально-педагогического образования: методология, теория, практика. – Краснодар,1998. – 179 с.
6. Туравец Н. Региональный компонент музыкального и музыкально-педагогического образования: методология, теория, практика. – Краснодар,1998. – 179 с.

CONCEPT OF FORMATION OF IMAGE FOR REGIONAL UNIVERSITIES IN SOCIO-CULTURAL SPHERE

A. V. Skripkina

*Krasnodar
State University
of Culture and Arts*

The current situation of changing role and place of education in the Russian society has led to necessity of working out of the concept of formation of image for regional universities in socio-cultural sphere. For this purpose it is necessary to use new approaches and methods raising prestige of universities. It influences directly on conditions of functioning of higher educational institutions, defines level and quality of education, and also raises motivation of getting education in sphere of culture and arts.

Key words: image, motivation, education, professional training, educational services, forecasting.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.1

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТЦОВСТВЕ У МОЛОДЫХ ОТЦОВ

Н. В. Акиньшина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nad-1184@yandex.ru*

В статье даны определения понятиям «отцовство», «представления об отцовстве». Приведены результаты эмпирического исследования особенностей представлений об отцовстве у молодых отцов с различным уровнем удовлетворённости браком.

Ключевые слова: отцовство; представление об отцовстве; эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты представления об отцовстве.

Изучение психологической литературы, посвященной детско-родительским и семейным отношениям, позволяет сделать вывод о том, что семья играет очень большую роль в становлении и развитии личности ребенка. При исследовании данного вопроса ученые зачастую больше внимания уделяют познанию роли матери в воспитании и развитии ребенка. И на фоне относительной изученности материнства особенности отцовства остаются мало изученными. По этой причине в литературе очень часто отцу отводится второстепенная роль, идущая после роли матери. В связи с этим Ю. В. Евсеенкова отмечает, что исследования по проблеме отцовства проводятся только в Германии и США. В США они носят прикладной характер и позволяют отследить многие закономерности и особенности феномена отцовства в современном обществе. Германия в данном случае ориентирована как на практику, так и на теоретическое осмысление и обоснование практических результатов исследования выше обозначенной проблемы. В России данная проблема практически не исследуется [2, с. 1].

В своей работе мы использовали трактовку понятия «отцовство», предложенную Евсеенковой Ю. В. и Портновой: отцовство представляет собой интегральную совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающую в себя все уровни жизнедеятельности человека, одной из важнейших характеристик которой является комплексность, а также социальная детерминированность. Феномен отцовства тесно связан с такими понятиями, как эмоциональная, мотивационная и ценностно-смысловая сферы, самооценка, самосознание, Я-концепция, удовлетворенность жизнью и стиль жизни, а также социальная роль отца, различающаяся в зависимости от общественной системы, социальной, экономической и политической сфер общества, статуса мужчины в данном социуме, социальных стереотипов, предписывающих определенные правила выполнения этой роли, в том числе и гендерных стереотипов [3, с. 3].

В свою очередь И. С. Кон поясняет, что русское слово «отцовство» в английском языке передается термином «fatherhood» (что обозначает отцовство как социальный институт с его социокультурными нормами и ожиданиями) и «fathering» – отцовство как деятельность, практики и стили поведения, то есть это то, что фактически делают и чувствуют отцы, какова психология отцовства [4, с. 1]. Таким образом, в литературе, посвященной психологии отцовства, можно встретить указание на многомерность этого понятия.

Поясним, что мы понимаем под *представлением об отцовстве* – это создание образа роли родителя (отца), которая подразумевает определенное отношение к ребенку, выполнение определенных функций, обязательств перед ним. Для нас представляет интерес изучение представлений об отцовстве у молодых отцов, имеющих различный уровень удовлетворенности браком. Большинство психологов определяют *удовлетворенность браком* как внутреннюю оценку, отношение супругов к собственному браку. Наиболее полное определение удовлетворенности браком мы находим у С. И. Голод: «Удовлетворенность браком, очевидно, складывается как результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности» [1, с. 35].

Далее обратимся к эмпирическому изучению особенностей представлений об отцовстве у молодых отцов с различным уровнем удовлетворенности браком. С целью сбора необходимого материала нами были использованы следующие методики: опросник «Сознательное родительство» (разработан М. О. Ермихиной под руководством Р. В. Овчаровой) [5], методика «Представление об идеальном родителе» (авторская методика семантического дифференциала, разработанная Р. В. Овчаровой, Ю. А. Дегтяревой) [5], методика «Я как отец» – для изучения представления об отцовстве, и тест на удовлетворенность браком – для выявления уровня удовлетворенности браком у молодых отцов. Таким образом, изучение психологической литературы, посвященной психологии отцовства, и методических разработок по данному вопросу позволили выделить параметры изучения представлений об отцовстве у молодых людей, имеющих детей. К ним относятся:

- I. Когнитивный параметр: когнитивный образ ребенка, знания об особенностях отцовства (о функциях и обязанностях отца), социальные представления о моделях отцовства;
- II. Эмоциональный параметр: принятие – отвержение ребенка, эмоциональное восприятие ребенка;
- III. Поведенческий параметр: доступность отца для ребенка, ответственность за воспитание и принятие решений, включенность в совместную деятельность, стиль общения с ребенком.

Для обработки полученных результатов мы использовали статистическую систему Stadia, в частности был использован Т-критерий Стьюдента и χ^2 .

Исследование проводилось на базе консультативного центра по охране репродуктивного здоровья семьи перинатального центра Белгородской областной клинической больницы, а также на базе Белгородского Государственного Университета. Объем выборки: 36 молодых отцов, возраст – от 19 до 30 лет. Возраст детей испытуемых – от 7 месяцев до 2 лет. Во внимание принимался также тот факт, что жены некоторых молодых людей беременны (срок беременности составлял от 4,5 до 9 месяцев).

Итак, рассмотрим представления об отцовстве у молодых отцов.

Таблица 1

**Средние значения
по параметру «Сознательное родительство»**

Компоненты	Среднее значение
Родительские позиции	22,1
Родительские чувства	21,1
Родительская ответственность	24,7
Родительское отношение	24,6

Наибольший показатель относится к шкале «Родительская ответственность» (24,7), что может свидетельствовать о том, что молодые отцы понимают свою роль в укреплении семьи, ведут наравне с супругой домашнее хозяйство, принимают непосредственное активное участие в воспитании ребенка. Испытуемые считают себя отзывчивыми к призывам о помощи в своей семье. На наш взгляд, тот факт, что молодые отцы получили наибольший показатель по данной шкале, может свидетельствовать об их стремлении реализовывать идею о том, что мужчина должен быть серьезным и ответственным человеком во всех сферах жизни, в частности – в семье. Теперь обратимся к также высокому показателю по шкале «Родительское отношение» (24,6). Испытуемые оценивают себя как отцов, которые искренне относятся как к супруге, так и к ребенку, способны признать свою неправоту в отношении семьи. Но при этом не каждый молодой человек утвердительно ответил на вопрос о том, чересчур ли он снисходительно относится к домашним, проявляют интерес к ребенку и его делам, переживаниям. Многие молодые отцы оценивают себя как доброжелательных молодых людей. Что же относится к шкале «Родительские позиции» (22,1), то здесь можно отметить следующее: в основном молодые отцы стремятся взаимодействовать с семьей, и частности с ребенком, с позиции сотрудничества, считаться с мнением ребенка, принимая какое-либо решение. Испытуемые считают, что как родители, они способны настоять на своем. Бесспорным для них является тот факт, что родитель должен пользоваться в семье уважением. В целом для всех молодых отцов в меньшей степени характерно проявление родительских чувств (21,1), то есть они считают, что не всегда смогут простить своему ребенку какой-либо проступок, вероятно, для них составляет определенную трудность понимать чувства членов своей семьи. Также испытуемые предполагают, что ребенок в некоторых ситуациях может вызывать у родителей негативные чувства. Многие отцы оценили себя как человека, который не любит опекать. Выше указанные особенности могут свидетельствовать о том, что в своем поведении молодые отцы реализуют полоролевые стереотипы, а именно: мужчины не должны открыто проявлять свои чувства.

Таким образом, в целом для нашей выборки молодых отцов характерно ответственное отношение к выполнению роли супруга и отца. Они оценили себя как открытых и искренних супругов и отцов. Взаимодействие в семье чаще всего происходит с позиции сотрудничества. Вероятно, для них составляет определенную трудность понимать чувства и переживания членов своей семьи.

Таблица 2

Средние значения по параметру «Я как отец»

Составляющие	Средние значения
Когнитивный компонент	16,7
Эмоциональный компонент	18,4
Поведенческий компонент	14,0

Многие испытуемые отметили, что счастливы быть отцом (эмоциональный компонент – 18,4). Они считают себя любящими, добрыми отцами, которые, при этом,

могут иногда и повысить голос на своего ребенка. Следует отметить, что лишь несколько человек оценили себя максимальной оценкой по качествам «мягкий», «ласковый», «теплый». Это может свидетельствовать о выше упомянутом нами стереотипе о требованиях общества к соответствующим качествам отца. Испытуемые достаточно осведомлены о том, каким должен быть отец, об основных функциях, обязательствах, которые накладывает на него роль отца (когнитивный аспект – 16,7). В большинстве случаев молодые отцы оценивают себя как ответственных, прощающих, практичных, сильных родителей. При этом, они отмечают, что могут чего-то не знать или не уметь как отец. Большинство молодых людей считают, что они уважают своего ребенка. Многими молодыми отцами было отмечено, что они не всегда могут терпеливо относиться к каким-либо проступкам со стороны ребенка. Зачастую наличие таких знаний об особенностях отцовства может быть результатом того, что они передаются из поколения в поколение, от отца к сыну в форме каких-либо высказываний, реплик, замечаний; очень важным здесь также является собственный пример отца и наблюдение будущего папы за поведением других родителей. Как показывают полученные данные, многие молодые отцы в реальном поведении стремятся по мере возможности баловать ребенка, помогать ему (поведенческий компонент – 14,0). Они отмечают, что не всегда могут повлиять на своего ребенка, стараются не ограничивать его свободу. В общем можно отметить, что реальное поведение отцов и их знания об особенностях отцовства сильно разнятся.

Таким образом, все молодые отцы нашей выборки достаточно осведомлены об особенностях отцовства (функциях, обязательствах). Большинство участников выборки считает себя любящими, внимательными отцами. Многие молодые отцы в реальном поведении стремятся по мере возможности баловать ребенка, помогать ему. При этом отмечается, что происходит своеобразный разрыв между знаниями, представлениями об особенностях отцовства, эмоциональным компонентом родительства и реальным поведением молодого отца.

Далее обратимся к рассмотрению особенностей представлений об отцовстве на основе полученных данных по методике «Представления об идеальном родителе».

Таблица 3

**Средние значения по параметру «представления
об идеальном родителе»**

Составляющие	Средние значения
Когнитивный компонент	20,4
Эмоциональный компонент	17,2
Поведенческий компонент	14,6

Молодые отцы имеют богатый запас знаний относительно ожиданий общества к поведению отца, его отношения к ребенку, его функций (когнитивный компонент – 20,4). В отношении представлений о себе как идеальном родителе очень большое значение приобретают социальные стереотипы, в которых достаточно четко прописаны особенности отцовства. В социальных представлениях об отцовстве, а точнее – в эмоциональном компоненте родительского поведения (17,2), преобладает эмоционально-оценочное отношение к ребенку, то есть оценка отцом поведения, поступков, эмоциональных реакций ребенка. Такое отношение, на наш взгляд, может способствовать отдалению, дистанцированию родителя от ребенка. Это может происходить из-за того, что в традиционном российском обществе принято мужчинам проявлять интерес к ребенку лишь тогда, когда он достигнет более «сознательного» возраста. (Напомним,

что возраст детей наших испытуемых – от 7 месяцев до 2 лет.) В этом случае ребенок становится интересен отцу в плане совместных игр, забав, постепенного привлечения к труду. Дистанцирование отца от ребенка также может быть следствием недостаточности знаний об особенностях развития ребенка в промежуток от рождения до двух лет.

Итак, все молодые отцы достаточно осведомлены о особенностях отцовства, которые транслирует ему общество через различные социальные институты. Мы можем предположить, что для них характерно эмоционально-оценочное отношение к ребенку.

Далее рассмотрим различия между представлениями о себе как об отце и социальными представлениями об отцовстве, которые сложились у наших испытуемых.

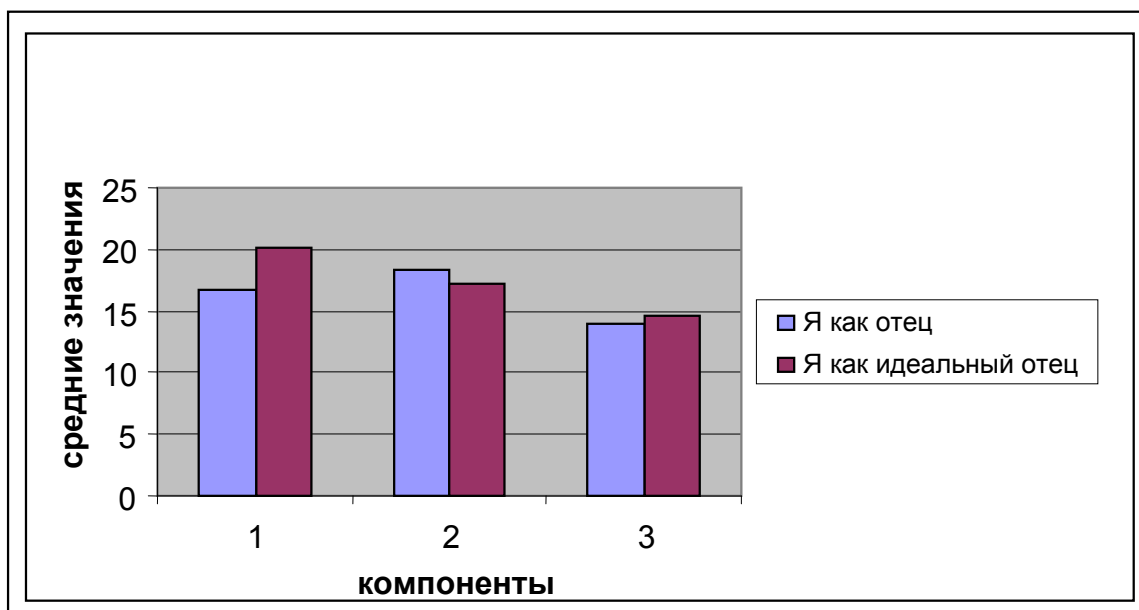

Рис. 1 Различия в представлениях об отцовстве

1 – когнитивный компонент, 2 – эмоциональный компонент,
3 – поведенческий компонент.

В общем, для всей выборки характерно повышение показателей по когнитивному компоненту родительского поведения как по методике «Я как отец», так и по методике «Представление об идеальном родителе». При этом наблюдается повешение показателя по последней методике. На наш взгляд, это является закономерным результатом, так как социальные требования к поведению отца регламентированы во многих социальных институтах (родительская семья, школа и т. д.). Поэтому молодой человек, так или иначе, усваивает ожидания и требования общества. На рисунке мы также можем видеть несущественное различие между средними показателями по эмоциональному аспекту. В данном случае мы можем говорить о том, что отношение к ребенку носит не только регламентированный характер, но и проявляется при реальном взаимодействии родителя и ребенка. Поэтому мы говорим о повышении средних значений по методике «Я как родитель». В отношении поведенческого компонента наблюдаются незначительные различия.

Полученные данные по изучению удовлетворенностью браком в группе молодых отцов приведены в таблице:

Таблица 4

**Процентное распределение полученных данных
по удовлетворенности браком**

Уровень удовлетворенности браком	Диапазон в баллах	Число испытуемых в %
Низкий уровень	От (-8) до 8	28
Средний уровень	От 11 до 15	39
Высокий уровень	От 17 до 23	33

Наша выборка была разделена на три группы в соответствии с полученными данными. Для 28 % испытуемых характерен низкий уровень удовлетворенности браком, который может сигнализировать о наличии дисгармоничных отношений между супругами. Для 33 % молодых отцов характерен высокий уровень удовлетворенности браком, который свидетельствует о гармоничных отношениях между супругами. Для 39 % участников выборки характерен средний уровень удовлетворенности браком.

В исследовании мы учитывали только лишь данные первой и третьей групп. Это проводилось с целью выявления особенностей представлений об отцовстве у молодых отцов с низким и высоким уровнем удовлетворенности браком.

Далее обратимся непосредственно к результатам изучения особенностей представления об отцовстве у молодых отцов с разным уровнем удовлетворенности браком.

Результаты проведения математико-статистической обработки полученных данных позволяют сделать вывод о том, что существуют различия в собственных представлениях об отцовстве у выделенных нами двух групп молодых отцов. Данные различия наблюдаются во всех аспектах родительского поведения.

Таблица 5

Средние значения по параметрам

Уровень удовл. браком	Сознтел. род-во				Я как отец			Я как идеальный отец		
	РП	РЧ	РО	РОт	К.А.	Эм.А.	П.А.	К.А.	Эм.А.	П.А.
Высокий уровень	21,8	23,4	27,2	25,6	17,6	19,4	14,8	24	17	18
Низкий уровень	21,75	18,75	22,75	23,9	19,1	18,6	17,3	20,1	17,9	17,75

Так, у молодых отцов с высоким уровнем удовлетворенности браком более выраженным является эмоциональный компонент реального родительского поведения (методика «Я как отец») ($\chi^2=44,88$). На наш взгляд, данный факт может быть связан с тем, что в целом удовлетворенность семейной жизнью, гармоничные отношения с супругой накладывают «отпечаток» и на взаимоотношения с ребенком, на его позитивное восприятие. То есть молодой отец уделяет больше внимания к ребенку, проявляет к нему теплые и нежные чувства. При этом не происходит «разграничения» сфер супружеских отношений и детско-родительских, так как они в целом воспринимаются как эмоционально позитивные. У испытуемых с низким уровнем удовлетворенности браком этот компонент не так сильно выражен (18,6), что может свидетельствовать все о той же недифференцированности отношений с супругой и ребенком, то есть негативное переживание молодым человеком своих брачных отношений будет в некоторой степени спроецировано и на отношения с ребенком. При этом, в данной группе молодых отцов происходит смещение объекта привязанности с супруги на ребенка. Существуют различия в когнитивном компоненте родительского отношения в двух группах ($\chi^2=35,72$). Более выражен данный компонент у испытуемых с низким уровнем удовлетворенности браком (19,1). Это могло возникнуть вследствие того, что напряженные взаимоотношения с супругой предоставляют молодому отцу сосредоточить свое внимание на выполнении отцовской роли, что предполагает знание основных функций и обязанностей отца. А у молодых людей с высоким уровнем удов-

летворенности браком данный показатель ниже (17,6). В отношении данного факта можно сделать следующее предположение: гармоничные взаимоотношения с супругой предполагают совместное воспитание ребенка. При этом молодой отец может чего-то и не знать, ведь практически всегда рядом с ним находится его супруга, которая может восполнить пробелы в его осведомленности относительно родительских функций и обязанностей. В поведенческом аспекте родительского поведения также наблюдаются различия ($\chi^2=65,35$). У молодых людей с низким уровнем удовлетворенности браком данный аспект более выражен (17,3). На наш взгляд, это может быть связано с тем, что эти отцы, уделяя больше внимания выполнению родительских функций, проводят много времени с ребенком, принимает участие в его играх, постепенно обучает его чему-либо. Как мы можем видеть, в отношении данной группы испытуемых (с низким уровнем удовлетворенности браком) показатели аспектов родительского поведения находятся в логической взаимосвязи, то есть наличие знаний об особенностях роли отца и позитивное восприятие ребенка находят свое отображение в поведении отца. У испытуемых с высоким уровнем удовлетворенности браком показатель по этому компоненту родительского поведения ниже (14,8), нежели у предыдущей группы. Данный факт может быть связан с тем, что совместное воспитание ребенка может «освободить» молодого отца от выполнения некоторых функций родителя.

В отношении социальных представлений об отцовстве между выделенными нами группами также имеются различия. В когнитивном аспекте родительского поведения ($\chi^2 = 119,5$)наибольший балл получила группа испытуемых с высоким уровнем удовлетворенности браком (24). Это свидетельствует о том, что данная группа отцов более осведомлена о тех требованиях, которые предъявляет общество к отцу, нежели отцы из второй группы (20,1). Здесь можно выдвинуть и другое предположение относительно того, что в сознании молодых людей с низким уровнем удовлетворенности браком собственные и социальные представления об отцовстве находятся очень близко. То есть имеющиеся у них знания о тех функциях, которые он либо уже выполняет, либо это только предстоит ему выполнять, не имеют больших отличий от идеальных представлений относительно этих функций. В эмоциональном аспекте также были выявлены различия между двумя группами: показатель по этому аспекту более выражен у молодых отцов с низким уровнем удовлетворенности браком (17,9). Это также может свидетельствовать о небольшой «оторванности» у этой группы социальных представлений об эмоциональном отношении к ребенку от реального отношения к своему ребенку. В отношении поведенческого аспекта родительского поведения между двумя группами не было выявлено различий.

Далее обратимся к рассмотрению результатов проведения опросника «Сознательное родительство». Были выявлены различия по шкалам «родительские чувства» ($\chi^2=31,76$), «родительская ответственность» ($\chi^2=37,8$) и «родительское отношение» ($\chi^2=30,66$). По выше указанным шкалам наблюдается повышение значения только у молодых отцов с высоким уровнем удовлетворенности браком. Мы считаем, что высокий показатель у этой группы испытуемых по шкале «родительские чувства» (23,4) тесно связан с высоким показателем эмоционального компонента родительского поведения и отражает сходные тенденции с этим компонентом, то есть эмоционально позитивное восприятие ребенка, проявление к нему теплых чувств, общение с ним у отца вызывает приятные переживания, родитель многое готов простить своему ребенку, считает, что ребенок не способен принести родителям беспокойства и негативных эмоциональных переживаний. На наш взгляд, это также связано с удовлетворенностью молодого отца своими супружескими отношениями, которое сказывается и на отношениях с ребенком, на его восприятии. Мы предполагаем, что высокий показатель по шкале «родительская ответственность» (27,2) тоже очень тесно связан с удовлетворенностью браком, ведь если мужчину принимают в семье, уважают и считаются с его мнением, то он готов принимать на себя выполнение всех функций, которые накладывают на него роль мужа и отца. А осуществление этих функций тесно связано с

тем, что он берет на себя ответственность не только за выполнение обязанностей супруга и родителя, но и отчасти за всех членов семьи. Высокий показатель по шкале «родительское отношение» (25,6) в группе молодых отцов с высоким уровнем удовлетворенности браком может свидетельствовать о том, что гармоничные взаимоотношения с супругой предполагают взаимодействие равно как с ней с позиции сотрудничества, которое включает в себя согласование своих планов с планами жены, проявление неподдельного интереса к чувствам, переживаниям супруги, а также признание собственной неправоты в случае ошибки. Данная позиция сотрудничества распространяется также и на сферу общения с ребенком, только в данном случае молодой отец проявляет интерес к чувствам и переживаниям его ребенка.

Таким образом, у молодых отцов с низким уровнем удовлетворенности браком более выраженным является когнитивный компонент родительского поведения, то есть они более осведомлены об особенностях отцовства (функции, обязательства). Также для них характерен высокий показатель по поведенческому аспекту, что предполагает реализацию полученных знаний в реальном родительском поведении. Для молодых отцов с высоким уровнем удовлетворенности браком характерен более высокий показатель по эмоциональному компоненту родительского поведения, то есть проявление искренних, добрых чувств к своему ребенку, отсутствие стыда за своего ребенка; отец эмоционально готов к родительству. Также для этой группы испытуемых характерен более высокий показатель по шкале «родительская ответственность» опросника «Сознательное родительство».

Список литературы

1. Голод С. И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты. -Л., 1984. – 135 с.
2. Евсеенкова Ю. В. Система отношений в диаде «Отец – ребенок» как фактор развития личности // Семейная психология и семейная терапия. – 2003. – №4. – С. 30 – 47.
3. Евсеенкова Ю. В., Портнова А. Г. Отцовство как структурно-динамический феномен. – Кемеровский Гос. Университет: 2003.
4. Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. – 2005. – №9. – С. 3 – 16.
5. Овчарова Р. В. Психология родительства: Учебное пособие для студентов ВУЗов. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 368 с.

YOUNG FATHERS' REPRESENTATIONS OF FATHERING

N. V. Akinshyna

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nad-1184@yandex.ru*

At the article lets definitions of ideas «fathering», «idea of fathering». Results of empirical research of traits of ideas of fathering at young fathers with different level of satisfaction of marriage presents at the article.

Key words: fathering; idea of fathering; emotional, cognitive and behavioral components of idea of fathering.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УСЛОВИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ПОПАВШЕГО В СЛОЖНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Н. М. Волобуева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

nataliavolobueva@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению жизнестойкости, как фактора, смягчающего стрессогенные воздействия, и психологической культуры, как условия развития жизнестойкости. Описаны особенности жизнестойкости и психологической культуры людей, находящихся в сложной жизненной ситуации. Проведён анализ компонентов жизнестойкости испытуемых с различным состоянием психологической культуры. Представлены результаты экспериментального исследования.

Ключевые слова: жизнестойкость, психологическая культура, сложная жизненная ситуация, кризис.

Жизнь современного человека протекает в экстремальных условиях. Их формированию способствует социальная, экономическая, экологическая обстановки в Российском обществе. Безработица, экономический кризис, неблагоприятная экологическая обстановка, информационная насыщенность и изменение ритма жизни, все это и многое другое заставляет человека находиться в постоянном поиске выхода из сложившихся ситуаций.

Еще одной проблемой современного общества является наркомания. Человек, который употребляет наркотики оказывается в сложной жизненной ситуации, являющейся для него травмирующей и кризисной. Объективно он оказывается перед необходимостью поиска новых стратегий жизни, так как старые привычные формы поведения не применимы к новым условиям. В кризисной ситуации каждый человек оказывается перед необходимостью переосмысления своей жизни. Для того, чтобы выйти из сложившейся ситуации человеку необходимо такое качество личности, которое позволило бы эффективно самореализовываться и развиваться в различных условиях жизни и деятельности. Таким качеством, по-нашему мнению, является жизнестойкость. Она рассматривается как системообразующий фактор, который смягчает эффекты стрессогенных обстоятельств и помогает сохранить здоровье. Структура жизнестойкости включает три компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска (вызов). Вовлеченность мотивирует человека к реализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению. Она дает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. Данный компонент способствует активной включенности человека в деятельности. Контроль мотивирует человека к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений, в противовес впаданию в состояние беспомощности и пассивности. Это понятие сходно с понятием "локус контроля" Дж. Роттера. То есть, благодаря данному компоненту человек учится брать ответственность за происходящее на себя, тем самым, убеждаясь в том, что только он может оказать влияние на собственную жизнь. Принятие риска помогает человеку оставаться открытым окружающей среде и обществу. Данный компонент позволяет воспринимать опасность как сложную задачу, знаменующая собой очередной жизненный поворот, побуждающий человека к непрерывному росту. Любое событие переживается в качестве стимула для развития собственных возможностей С. Мадди считает важным развитие всех компонентов жизнестойкости для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях [2, с. 5]. Считается, что эти компоненты формируются и развиваются в детстве, в контексте детско-родительских отношений. Поэтому так важны принятие и любовь со стороны ро-

дителей, поддержка инициативы ребенка и формирование у ребенка представлений о богатстве среды.

Попав в сложную жизненную ситуацию, человек переживает психотравму. И. Ялом считает, что переживание психотравмы включает в себя страх, тревогу, бессмысленность, изоляцию, чувство вины, фиксацию на прошлых воспоминаниях и переживаниях [7]. Согласно теории С. Мадди, человек постоянно совершает выбор: «выбор прошлого» (привычного и знакомого) или «выбор будущего» (нового, неопределенного и непредсказуемого). Выбирая будущее, мы выбираем неизвестность, тревогу. Хотя сами страх и тревога оказывают разрушающее воздействие, их осознание и принятие приносит катализирующий эффект отмечает И. Ялом. Выбирая прошлое, мы приобретаем вину за упущенные возможности. Мы оказываемся перед выбором: взять на себя вину или взять на себя тревогу. И то, и другое вызывает достаточную степень дискомфорта, сопоставимую между собой. Однако эти два выбора не равноценны с точки зрения личностного развития. Выбор прошлого означает уход от осознания, попытку законсервироваться, а это не может привести к успеху. Выбор будущего, создает перспективу для развития личности. Сделать такой выбор могут только жизнестойкие люди. Благодаря готовности активно действовать и уверенности в возможности влиять на ситуацию она воспринимается как менее травматичная [3].

В качестве условия, способствующего развитию жизнестойкости, рассматривается психологическая культура. Под психологической культурой, в работе понимается как «способ гармонизации внутреннего мира личности, системообразующим конструктом которого является «Я», и гармонизации внутреннего мира (Я) с миром внешним» [1, с. 152]. Основным механизмом развития психологической культуры является развитие рефлексии. Как отмечал С. Л. Рубинштейн: «существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом... Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее» [5, с. 351].

Исследование психологической культуры, как условия жизнестойкости человека проводилось среди людей проходящих реабилитацию от наркозависимости, в возрасте от 18 – 32 лет. Общее количество испытуемых составило 90 человек.

В качестве инструментария нами были выбраны следующие методики:

- 1) «Психологическая культура личности», разработанной О. И. Мотковым, модифицированная Н. И. Исаевой, Е. А. Болотовой, Ю. О. Калашниковой
- 2) Тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова).

Исследование проводилось в 3 этапа: подготовительный, основной и заключительный. На подготовительном этапе проводился теоретический анализ специальной литературы по теме исследования; был произведен анализ подходов отечественных и зарубежных авторов к проблематике исследования; было проведено пилотажное исследование и изучено состояние психологической культуры и особенности жизнестойкости молодых людей находящихся в сложной жизненной ситуации

Данные, полученные при исследовании жизнестойкости людей проходящих реабилитацию по излечению от наркозависимости, позволили всех респондентов условно разделить на пять групп: с высоким уровнем жизнестойкости (2 %), с уровнем жизнестойкости выше среднего (20 %), со средним (52 %), с уровнем жизнестойкости ниже среднего (21 %) и низким (5 %).

Мы проанализировали особенности представителей групп с различной жизнестойкостью, по особенностям развития компонентов жизнестойкости. Обратимся к таблице 1, в которой представлены средние вовлеченности, контроля, принятия риска

у групп испытуемых с высоким уровнем жизнестойкости, уровнем жизнестойкости выше среднего, средним, ниже среднего, низким.

Таблица 1

Средние значения вовлеченности, контроля и принятия риска у групп испытуемых с различным уровнем жизнестойкости (Me)

Показатели жизнестойкости / Уровень жизнестойкости	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Высокий	49	39	24
Выше среднего	44	40	22
Средний	36	25	13
Ниже среднего	25	18,5	9,5
Низкий	20	13	5,5

Исходя из анализа средних значений мы выяснили, что люди обладающие высокой жизнестойкостью умеют быть вовлеченными в происходящее с ними, как правило занимают активную позицию по отношению к происходящему, умеют находить полезное и нужное для своего развития, и практически всегда берут ответственность за происходящее на себя. Самым сильным компонентом, который и обеспечивает высокий уровень жизнестойкости является «принятие риска», это говорит о том, что представители данной группы из всего, что с ними происходит, извлекают опыт и находят пользу для себя. Если такой человек попадает в сложную жизненную ситуацию, то сможет найти выход из нее, за счет активной жизненной позиции и извлечь уроки для себя. Отличие особенностей жизнестойкости представителей второй группы проявляется только в выраженности компонента вовлеченности. У них средний уровень вовлеченности это говорит о том, что они могут активно включаться в ситуацию, в которой находятся, но делают это не всегда. То есть, у них менее активная жизненная позиция по отношению к тому, что с ними происходит, за счет этого снижается способность справиться со сложными ситуациями. Для представителей третьей группы характерен средний уровень выраженности всех показателей жизнестойкости (контроль, принятие риска и вовлеченность). Испытуемые, имеющие жизнестойкость ниже среднего редко включаются в процесс происходящего, но если их что-то сильно заинтересует, то они выполняют деятельность с удовольствием. Чаще, склонны перекладывать ответственность, нежели брать ее на себя. Они извлекают опыт чаще из позитивных событий собственной жизни, ориентируясь только на достижения. Но те события, которые приносят неприятные эмоции, стараются забыть, считая, что ничего хорошего взять из них нельзя. В сложных ситуациях они испытывают сильные негативные эмоции, и стараются избегать принятия важных решений, что в свою очередь усложняет процесс выхода из сложившихся обстоятельств. Испытуемые с низким уровнем жизнестойкости часто остаются безучастными по отношению к той деятельности, которой занимаются. Они не хотят бороться с препятствиями, считая, что все предопределено и не зависит от них. Чаще всего отрицают негативные события собственной жизни и хотят их забыть, а позитивные воспринимают как что-то приятное. Но не из тех не из других не извлекают ничего полезного для собственного опыта. Сложные ситуации в своей жизни они воспринимают очень болезненно, и самостоятельно справиться с ними не в состоянии. Однако помощь, которую им оказывают, не всегда эффективна, так как они считают, что все должно решиться без их участия.

Таким образом, большая часть испытуемых (78 %) (процент складывается из испытуемых входящих в третью, четвертую и пятую группы) не умеют эффективно

справляться с трудными ситуациями, возникающими в жизни. Они склонны перекладывать ответственность за произошедшее с ними на других, мало включены в деятельность, которой занимаются и не используют опыт.

В нашей работе мы изучали психологическую культуру через соотношение мотивационной сферы, сферы реализации и долженствования в проявлениях самопознания, самоотношения и саморегуляции. Испытуемым предлагалось оценить силу стремлений к познанию себя, позитивному самоотношению и психической саморегуляции, а также свои возможности к этому и необходимость в собственной жизни, а также степень реализации по каждому из показателей.

В результате исследования психологической культуры мы выделили 3 группы испытуемых: с оптимальным состоянием психологической культуры, с промежуточным и с неоптимальным. В первую группу, условно названную – «группа с оптимальным состоянием психологической культуры» вошло 19 человек, что составляет 21 % от всей выборки; во вторую группу, условно названную – «группа с промежуточным состоянием психологической культуры» вошло 48 человек, что составляет 54 % испытуемых, в третью группу – «с неоптимальным состоянием психологической культуры» вошло 23 человека (25 % от общего числа испытуемых).

Представители группы, с неоптимальным состоянием психологической культуры, не могут выстраивать гармоничное соотношение между своими возможностями, желаниями и осознанной необходимостью. Обнаружены рассогласования, как между сферами (мотивационной, сферой возможностей и необходимости), так и внутри них. В сфере желаний представителей этой группы обнаружены противоречия между силой желаний ($M_e=3,88$), которые выражены на среднем уровне и степенью их реализации ($M_e=2,38$) имеющей низкий уровень. Это свидетельствует о низком уровне гармоничности силы стремлений и степени их реализации. Очень выражено стремление уметь регулировать свое поведение ($M_e=4,66$), но при этом нет желания познавать себя ($M_e=2,33$). Свои возможности респонденты данной группы оценивают как низкие ($M_e=3,33$) (особенно это касается возможностей в самопознании ($M_e=2,66$) и саморегуляции ($M_e=3,22$) и реализуют их в низкой степени ($M_e=2,6$), что также говорит о низком уровне гармоничности в данной сфере. В сфере необходимости также обнаружены противоречия между осознанием силы необходимости ($M_e=4,22$) и степенью реализации этой необходимости ($M_e=2,77$). Возможно, низкая степень реализации желаний и необходимости связана с недостатком возможностей их реализации.

У испытуемых группы с промежуточным состоянием психологической культуры желания ($M_e=4,22$), возможности ($M_e=3,66$) и осознанная необходимость ($M_e=3,77$) выражены на среднем уровне, и степень их реализации также средняя. У большинства респондентов обнаружено высокое стремление к положительному отношению к себе ($M_e=4,33$). Стремление к самопознанию ($M_e=3,88$) и саморегуляции ($M_e=4$) выражены на среднем уровне, это показывает, что испытуемые данной группы не очень хотят познавать себя и учиться регулировать собственно поведение. Свои возможности к самопознанию ($M_e=3,66$) и самоотношению ($M_e=3,88$) они оценивают как средние, а к саморегуляции ($M_e=3,33$) – низко. Но все перечисленное, представители данной группы считают очень необходимым для себя. То есть, прежде всего, они ориентированы на выполнение обязанностей. Таким образом, у данной группы испытуемых не наблюдается противоречий как внутри мотивационной, регуляционной и реализационной сфер, так и между ними. Однако все показатели выражены на среднем уровне, что может говорить об отсутствии стремления к развитию, не желании полностью реализовываться.

Желания ($M_e=4,77$) и осознанная необходимость ($M_e=4,66$) испытуемых третьей группы очень сильные и реализуются в полной мере. Скорее всего, это позволяет им выстраивать и добиваться своих целей. Свои возможности они оценивают как средние ($M_e=4,11$), но реализуют их в полной мере ($M_e=4$). Можно говорить о том, что представители данной группы умеют находить гармоничное сочетание между своими

желаниями, возможностями и необходимостью, так как противоречий как внутри каждой из сфер, так и между ними не обнаружено. У этой группы испытуемых наблюдается очень высокое стремление к самопознанию ($M_e=4,66$), положительному отношению к себе ($M_e=4,77$) и саморегуляции ($M_e=4,77$). Понимают необходимость этого для своей жизни. Они оценивают свои возможности к этому как высокие и реализовывают все выше перечисленное на должном уровне. То есть, все три параметра самосознания (самопознание, самоотношение и саморегуляция) во всех трех сферах являются высокими и реализуются полностью. Следовательно, они способны выстраивать цели на основе своих желаний, возможностей и внешних ограничений, осознают и используют свои ресурсы для их достижения. Для людей с оптимальным состоянием характерно отсутствие противоречий как внутри сфер, так и между ними, а также высокие показатели самопознания, самоотношения, саморегуляции по каждой из сфер. Это свидетельствует о том, что эти люди умеют находить гармоничное соотношение между своими желаниями, возможностями и осознанной необходимостью и стремятся к постоянному саморазвитию.

Теоретический анализ специальной литературы по психологической культуре (способ приведения к гармонии) и жизнестойкости (показатель сохранения гармонии) свидетельствует о том, что эти явления связаны между собой. Для эмпирического подтверждения наличия связи, мы провели корреляционный анализ. Мы разделили испытуемых на группы по состоянию психологической культуры (оптимальное, неоптимальное, промежуточное). И сравнили показатели жизнестойкости, представителей этих групп, с помощью t -критерия Стьюдента. В результате выяснили, что между показателями жизнестойкости людей с оптимальным состоянием психологической культуры и с неоптимальным состоянием обнаружены значимые различия в особенностях жизнестойкости. По общему показателю жизнестойкости ($t=17,05$; $p>0,05$), по вовлеченности ($t=12,7$; $p>0,05$), по контролю ($t=10,6$; $p>0,05$), по принятию риска ($t=6,2$; $p>0,05$). У представителей первой (с оптимальным состоянием психологической культуры) группы общий показатель жизнестойкости, и показатели по всем шкалам (вовлеченность, контроль, принятие риска) выше, чем во второй (с неоптимальным). То есть у людей с оптимальным состоянием психологической культуры уровень жизнестойкости выше, чем у людей с неоптимальным состоянием. Первые легче справляются с возникающими трудностями и стрессовыми ситуациями по сравнению со вторыми. Это происходит за счет умения находить в любой деятельности положительные моменты для себя; понимания, что с помощью собственной активности можно изменить ситуацию, но при этом они допускают негативный исход и относятся к нему как к опыту, который можно использовать для решения подобных ситуаций в будущем.

Следующий этап нашего исследования был направлен на эмпирическое подтверждение нашего предположения о том, что психологическая культура является условием жизнестойкости личности. С этой целью был организован и проведен квази-эксперимент. Мы разделили, всех испытуемых на две группы: контрольную и экспериментальную.

Для оценки эффективности программы занятий по развитию психологической культуры мы использовали предварительное и итоговое тестирование. После проведения развивающих занятий общее состояние психологической культуры изменилось. Сила желаний ($M_e=4,55$) снизилась до просто высокого уровня, а степень их реализации ($M_e=3,33$) осталась на среднем уровне. В сфере возможностей произошли изменения. После проведения эксперимента, они стали определять силу своих возможностей немного выше ($M_e=4,22$), степень реализации также повысилась ($M_e=3,55$), но все же осталась на среднем уровне. Показатели осознанности необходимости ($M_e=4,55$) снизились с псевдо высокого до высокого уровня, а степень ее реализации также немного повысилась ($M_e=3,55$). Полученные данные говорят о том, что описываемые нами сферы возможностей, желаний и осознанной необходимости тесно связаны между со-

бой (изменение одной из сфер влечет за собой изменения в других сферах). Изменения в сфере возможностей связано, по нашему мнению с тем, что на занятиях испытуемые занимались самопознанием и учились находить собственные ресурсы в достижении целей. А изменения в двух других подтверждают то, что они смогли найти эти ресурсы и учатся применять их для достижения конкретных целей. Кроме того, мы считаем, что у людей с оптимальным состоянием психологической культуры уровень жизнестойкости выше, чем у людей с неоптимальным состоянием. Первые легче справляются с возникающими трудностями и стрессовыми ситуациями по сравнению со вторыми. Это происходит за счет умения находить в любой деятельности положительные моменты для себя; понимания, что с помощью собственной активности можно изменить ситуацию, но при этом они допускают негативный исход и относятся к нему как к опыту, который можно использовать для решения подобных ситуаций в будущем. После участия в развивающих занятиях испытуемые стали больше уделять внимания познанию себя, стали познавать и понимать себя, свои желания, находить причины своих ошибок, осознавать своё предназначение в жизни, гибко управлять своим настроением, желаниями, действиями, культурно выражать свои «отрицательные» эмоции (например, агрессию и т. п.). Кроме того, их отношение к себе изменилось в лучшую сторону, они научились одобрять свои поступки находить психологические причины своего настроения, ценить и уважать себя и свой внутренний мир. Быстро реагировать на свое плохое состояние и находить способы его улучшения. В результате развивающих занятий повысился уровень самопознания, самоотношения и саморегуляции, что привело все компоненты самосознания в гармоничное состояние. Это будет способствовать устойчивому гармоничному функционированию личности.

Обратимся к анализу состояния психологической культуры молодых людей проходящих реабилитацию. Нас интересует вопрос о том, насколько изменилось состояние психологической культуры в результате экспериментального воздействия. Для этого сравним процентное соотношение молодых людей с различным состоянием психологической культуры до и после экспериментального воздействия. До экспериментального воздействия процент людей с оптимальным состоянием психологической культуры составил 18 %, после – 36 %; с промежуточным состоянием психологической культуры до воздействия – 52 %, после – 64 %; с неоптимальным состоянием процент испытуемых до воздействия был 27 %, после такой группы испытуемых не было обнаружено. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что состояние психологической культуры молодых людей после воздействия оптимальнее, чем до. Таким образом, мы можем говорить о том, что цели, выдвинутые нами при разработке занятий по развитию психологической культуры, в процессе реализации программы были достигнуты.

Анализ особенностей жизнестойкости контрольной и экспериментальной групп проводился по схеме квазиэкспериментального исследования.

Для начала опишем изменения, которые произошли в особенностях жизнестойкости до и после проведения развивающих занятий. Общий уровень жизнестойкости ($M_e=108$), испытуемых, входящих в экспериментальную группу повысился. Это говорит о том, что стрессовые ситуации практически не приводят к изменению обычного (для испытуемых) функционирования, так как они научились получать удовольствие от собственной деятельности (уровень вовлеченности выше среднего ($M_e=46$), они научились брать положительные моменты для своего развития из любых ситуаций происходящих с ними (принятие риска выражено на высоком уровне ($M_e=23$), но все же еще не во всех ситуациях, считают что могут повлиять на происходящее (уровень контроля средний ($M_e=37$)). Данные представлены в таблице 2:

Таблица 2

Средние значения жизнестойкости и t-критерий Стьюдента у представителей экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия

Значения	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Общая
Средние до воздействия	39	29	19	79
Средние после воздействия	46	37	23	108
t-критерий	4,11	4,3	2,6	4,4

После экспериментального воздействия произошли изменения в выраженности компонентов и общего уровня жизнестойкости, об этом свидетельствуют данные, полученные при статистическом сравнении указанных параметров жизнестойкости представителей экспериментальной группы до и после воздействия. Мы обнаружили значимые различия по всем компонентам: «вовлеченность» ($t=4,11$, $p>0,05$), «контроль» ($t=4,3$, $p>0,05$), «принятие риска» ($t=4,11$, $p>0,05$), общий уровень жизнестойкости ($t=4,11$, $p>0,05$). Общий уровень жизнестойкости ($Me=102$) стал выше среднего. Это говорит о том, что стрессовые ситуации практически не приводят к изменению обычного (для испытуемых) функционирования, так как незначительно изменились числовые значения компонентов жизнестойкости. Уровень вовлеченности ($Me=43,5$), контроля ($Me=32,5$), принятия риска ($Me=17,5$) остался средним. И статистически значимых различий по показателям и общему уровню жизнестойкости представителей контрольной группы обнаружено не было. Об этом свидетельствуют данные, полученные при статистическом сравнении указанных параметров жизнестойкости представителей контрольной группы до и после воздействия. («вовлеченность» ($t=0,78$), «контроль» ($t=0,32$), «принятие риска» ($t=0,93$), общий уровень жизнестойкости ($t=0,91$)).

У контрольной группы испытуемых, произошли изменения в выраженности некоторых компонентов и общего уровня жизнестойкости. Общий уровень жизнестойкости ($Me=102$) стал выше среднего. Это говорит о том, что стрессовые ситуации практически не приводят к изменению обычного (для испытуемых) функционирования, так как незначительно изменились числовые значения компонентов жизнестойкости. Уровень вовлеченности ($Me=43,5$), контроля ($Me=32,5$), принятия риска ($Me=17,5$) остался средним. Данные представлены в таблице 3

Таблица 3

Средние значения жизнестойкости и t-критерий Стьюдента представителей контрольной группы до и после экспериментального воздействия

Значения	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Общая
Средние до воздействия	40,5	32,5	14	87,5
Средние после воздействия	43,5	32,5	17,5	102
t-критерий	0,78	0,32	0,93	0,91

Статистически значимых различий по показателям и общему уровню жизнестойкости представителей контрольной группы обнаружено не было. Об этом свидетельствуют данные, полученные при статистическом сравнении указанных параметров жизнестойкости представителей контрольной группы до и после воздействия. («вовлеченность» ($t=0,78$), «контроль» ($t=0,32$), «принятие риска» ($t=0,93$), общий уровень жизнестойкости ($t=0,91$)).

Для того, чтобы подтвердить предположение, что психологическая культура является условием жизнестойкости личности – сравним сдвиги в показателях компонентов и

общего уровня жизнестойкости у представителей контрольной и экспериментальной групп после экспериментального воздействия. Для этого обратимся к таблице 4, в которой представлены значения t-критерия Стьюдента, полученные при данном сравнении.

Таблица 4

Статистические различия по параметрам и общему уровню жизнестойкости между представителями контрольной и экспериментальной группы после проведения экспериментального воздействия

Значение t-критерий	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Общая
	2,1	4,16	2,7	1,69

Как мы видим из таблицы, существуют значимые различия в выраженности компонентов («вовлеченность» – $t=2,1$, $p>0,05$, «контроль» – $t=4,16$, $p>0,05$, «принятие риска» – $t=2,7$, $p>0,05$) и общего уровня жизнестойкости ($t=1,69$, $p>0,05$). Это свидетельствует о том, что изменения, произошедшие в экспериментальной группе более значимы (они проявляются, как в количественном, так и в качественном изменении). Таким образом? использование статистических методов показало, что в результате экспериментального воздействия в экспериментальной группе произошли значимые изменения в уровне развития жизнестойкости по сравнению с контрольной группой.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что развитие психологической культуры влияет на развитие жизнестойкости. При оптимизации психологической культуры, повышается жизнестойкость человека, что позволяет ему более эффективно реагировать на сложные ситуации и решать их с пользой для себя.

Список литературы

- Исаева Н. И. Профессиональная культура психолога образования. – М.; Белгород: МПГУЮ, БелГУ, 2002. – 235 с.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
- Мадди С, Хошаба-Мадди Д. Жизнестойкость: Диагностика и тренинг.//Пер. с англ., Материалы семинара – CD – 180 мин.
- Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений// Психологический журнал, 2005, том 26, – №6, – С. 87 – 101.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. – С. 255 – 385.
- Шкуратова И. П., Анненкова Е. А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризиса и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. 2007. Вып.4 – С. 17 – 23.
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т. С. Драбкиной. – М.: Независимая фирма "Класс", 1999. – 579 с.

PSYCHOLOGICAL CULTURE AS A CONDITION OF HARDINESS OF THE PERSON, IN DIFFICULT VITAL SITUATION

N. M. Volobueva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nataliavolobueva@yandex.ru*

Article is devoted consideration hardiness, as the factor softening stress influences, and psychological culture, as development conditions hardiness. Features hardiness, and psychological culture of people who are in a difficult vital situation are described. The analysis of components hardiness, examinees with a various condition of psychological culture is carried out. Results of an experimental research are presented.

Key words: hardiness, psychological culture, a difficult vital situation, crisis.

УДК 159.94

ДИНАМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СТРЕМЛЕНИЙ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Ю. О. Калашникова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
drugnavsegda@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема развития психологической культуры в старшем школьном возрасте. Представлены результаты исследования культурно-психологических стремлений как структурного компонента психологической культуры личности старших школьников: выявлены особенности динамической характеристики культурно-психологических стремлений; представлена психологическая интерпретация силы стремлений к самопознанию, самоотношению и саморегуляции; дана качественная характеристика особенностей их развития у учащихся 9 – 11-х классов. Установлено, что стремления старших школьников к саморегуляции имеют достаточно низкий уровень действенности.

Ключевые слова: психологическая культура, культурно-психологические стремления, сила культурно-психологических стремлений, старший школьный возраст.

В настоящее время в российском обществе происходят значительные социально-экономические и политические преобразования, которые предъявляют высокие требования к человеку. В социальной практике они сопровождаются кардинальной ломкой стереотипов в сознании, деятельности, образе жизни людей. Современное социально-экономическое развитие общества нуждается в инициативных, самостоятельных и ответственных за свой выбор гражданах, способных активно, творчески преобразовывать себя и окружающий мир. В этих условиях особую роль начинает играть психологическая культура, стимулирующая субъективную готовность использовать имеющиеся у личности и социальной общности возможности для совершенствования себя, своей жизненной и профессиональной среды, образа и стиля жизни и профессиональной деятельности.

По нашему мнению, развивать психологическую культуру необходимо еще на этапе школьного обучения, а старший школьный возраст является таким возрастным этапом, когда ее развитие становится наиболее актуальным. В этот период общество впервые ставит перед молодым человеком жизненно важную задачу осуществить профессиональное самоопределение в плане реального выбора. В свою очередь, задача профессионального самоопределения принципиально не может быть успешно решена без решения более широкой задачи личностного самоопределения. Именно психологическая культура может способствовать формированию у старших школьников осознания цели и смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотнесения своих желаний, наличных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества.

Анализируя состояние и проблемы современной школы, ученые еще в конце 1980-х гг. констатировали, что из социального института, ориентированного на повышение культуры в обществе, школа превратилась в рядового потребителя культурной продукции. В начале 1990-х гг. психологи отмечали отрыв современного образования от культуры в целом: «В школьных предметах преобладает логическая компонента, она явно преобладает в ущерб историкокультурной и социокультурной составляющей знаний... В результате образование утратило культурный, нравственный, личностный, а вместе со всем этим и предметно-содержательный и предметно-деятельностный контекст и смысл. Это означает, что произошел разрыв образования и культуры, образо-

вания и жизни и даже образования и науки» [1, с. 128]. Особенно это относится к гуманитарной культуре, таким ее областям как духовно-нравственная, валеологическая и психологическая.

А. Н. Леонтьев в своих записках о будущем науки и образования предупреждал о губительности безликого накопления знаний, о возможном сдвиге ценностей, при котором происходит «обнищание души при обогащении информацией». Фокусируя внимание на вершинных проблемах психологии, А. Н. Леонтьев в заметке «Психология 2000-го года» отмечал, что образование должно порождать личность, а не быть фабрикой общества сделанных голов – «сделанная голова – голова потерянная» [4, с. 278].

Согласно национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», главная задача современной школы – это раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Школьное обучение должно способствовать личностному росту так, чтобы выпускники могли самостоятельно ставить и достигать серьезные цели, уметь реагировать на разные жизненные ситуации.

Но на данный момент школа, несмотря на поставленные перед ней задачи личностного развития учащихся, на практике осуществляет их недостаточно. Старшему школьнику чаще достается позиция пассивного накопителя знаний, умений и навыков, в то время как его психологический и личностный потенциал остается нереализованным. Существует опасность, что школьник в своей последующей учебно-профессиональной и профессиональной деятельности не сможет качественно преобразовать ставшую привычной для него пассивную позицию.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития психологической культуры в старшем школьном возрасте.

В настоящее время в специальной психолого-педагогической литературе проблема психологической культуры рассматривается с разных точек зрения.

В профессиональном аспекте психологическая культура изучается на этапе подготовки к профессиональной деятельности. Изучаются особенности приобщения студентов к психологической культуре (Т. Ф. Ковалевич), формирование психологической культуры у будущих специалистов (Е. В. Дементьева), особенности формирования психологической культуры курсантов учебных заведений МВД России (И. В. Будовская), студентов технических специальностей вуза (Т. В. Шубницына, Л. С. Полякова), студентов-юристов (И. В. Савельева), функции психологической культуры студентов (М. В. Капранова). В рамках профессиональной культуры психолога образования исследуется динамика развития профессионально-перцептивной культуры студентов-психологов (И. В. Аксенова).

Психологическая культура рассматривается также в рамках профессиональной культуры специалистов различных областей деятельности. Исследуются особенности развития психологической культуры кадров управления (Г. И. Марасанов), руководителей системы образования (Н. Т. Селезнева), государственных служащих (Е. Н. Гришина), руководителей бизнес-объединений (А. Р. Биктагирова), изучается формирование профессионально-психологической культуры учителя (Н. И. Лифинцева), психологическая культура в педагогическом взаимодействии (В. В. Семикин), психологическая культура как фактор самоактуализации личности учителя (О. В. Пузикова). Изучаются педагогические условия формирования психологической культуры учителя (Ф. Ш. Мухаметзянова), формирование психологической культуры преподавателя учреждения среднего профессионального образования (О. В. Юдин), психологическая культура педагога и эффективность профессиональной деятельности (Н. Ю. Певзнер), формирование психологической культуры педагогов в процессе повышения квалификации (Е. Е. Смирнова), психологическая культура преподавателя вуза (А. А. Леженина), психологические условия развития рефлексивной культуры практического психолога образования (М. А. Набережнева), развитие про-

фессиональной культуры психолога образования (Н. И. Исаева), психологическая культура журналиста (В. И. Кузин).

В аспекте детско-родительских отношений изучается психологическая культура как условие достижения родительского акме (Е. А. Овсяникова), особенности психологической культуры в детско-родительских отношениях (А. В. Гумницкая).

В возрастном аспекте изучаются особенности формирования психологической культуры старших дошкольников (О. Р. Меремьянина), особенности становления психологической культуры младших школьников (Л. С. Колмогорова, О. Н. Романова), особенности структуры психологической культуры младших школьников (О. Г. Холодкова), развитие психологической культуры младших подростков (С. В. Борисова), подростков в условиях школы-интерната (И. П. Павлова). Обнаружено, что на сегодняшний день недостаточно исследований, касающихся проблемы развития психологической культуры в старшем школьном возрасте.

Изучение культурно-психологических стремлений в старшем школьном возрасте с необходимостью требует обращения к сущности психологической культуры и ее структуры.

Как справедливо отмечают современные ученые, остается проблемой определение понятия «психологическая культура» личности, выделение ее параметров, уровней.

Как составную часть базовой культуры как системной характеристики человека общую психологическую культуру рассматривает Л. С. Колмогорова и определяет ее через готовность эффективно решать широкий круг повседневных задач независимо от особенностей узких, специальных видов деятельности, выполнять широкий спектр социальных ролей безотносительно к конкретной профессиональной деятельности. С точки зрения автора, психологическая культура позволяет человеку самоопределиваться в социуме и самореализоваться в жизни, способствует саморазвитию, успешной социальной адаптации и удовлетворённости жизнью [3].

Психологическую культуру как совокупность специфических психологических средств, способов и норм личностного развития и взаимодействия людей друг с другом и со средой трактует Е. В. Бурмистрова. Психологическая культура рассматривается как потенциальная возможность конструктивного личностного развития и развития определённой социальной общности.

Как интегративное личностное новообразование, выполняющее проектно-регулирующую функцию психики в профессиональной деятельности, самоактуализации и самоуправлении, обеспечивающее компетентность в решении проблем организации, эффективность управления и оптимальность самореализации руководителя-профессионала психологическую культуру понимает Н. Т. Селезнева, исследуя закономерности и факторы ее развития у руководителя системы образования.

Как профессиональное качество, позволяющее учителю познать своего ученика, сущность своей деятельности, обладать психоаналитическими свойствами, способствующими самоанализу, самооценке, самопознанию личности самого учителя, как меру и способ самореализации творческих сил и способностей психологическую культуру определяет Ф. Ш. Мухаметзянова.

Как способ осуществления межличностного посредничества между внутренним миром ребенка и культурным (духовным) опытом человечества и как способ духовной интерпретации многообразия человеческих целей и ценностей, средств и форм их осуществления, открытия новых культурных смыслов, смыслов человеческой деятельности, неповторимости и уникальности человека, его духовной сущности психологическую культуру определяет Н. И. Лифинцева [5].

Как результат «постепенного преодоления и изживания невротических (т.е. неаутентичных, иллюзорных) компонентов собственного внутреннего мира в разного рода психотерапевтических по своей сути практиках» [8, с. 146], как условие и результат внутренней гармонизации личности, проявляющейся в интересующейся активности, психологическую культуру рассматривает А. Б. Орлов [8].

Как актуализированный культурно-психологический потенциал вместе с соответствующей технологией его реализации психологическую культуру рассматривает О. И. Мотков. Под культурно-психологическим потенциалом личности автор понимает комплекс культурно-психологических стремлений, к которым относятся «побуждения к самопознанию, организации самовоспитания, развитию психической саморегуляции, деловых качеств, творческих способностей, полезных навыков общения в обычных и стрессогенных ситуациях, тренировке процессов внимания, памяти и мышления» [6, с. 15]. Соответствующие культурно-психологическим стремлениям умения составляют технологию реализации культурно-психологического потенциала [6].

Как часть общей культуры человека (как члена семьи, гражданина, специалиста), предполагающую освоение системы знаний в области основ научной психологии, основных умений в деле понимания особенностей психики (своей и окружающих людей) и использование этих знаний в обыденной жизни, в самообразовании и профессиональной деятельности, психологическую культуру рассматривает Е. А. Климов.

Как способ гармонизации внутреннего мира личности, системообразующим конструктом которого является «Я», и гармонизации внутреннего мира («Я») с миром внешним, психологическая культура рассматривается в концепции профессиональной культуры психолога, разрабатываемой Н. И. Исаевой. Профессиональную культуру психолога образования автор определяет как специфический способ преобразования профессиональных способностей и умений в такую структуру и такой способ действия, результат, устойчивость и однозначность которого не только не определяется случайным стечением индивидуально-профессиональных способностей и умений, но и наполняется отличным от предметного духовным содержанием [2].

В контексте проблемы психологического здоровья психологическую культуру рассматривает М. К. Тутушкина. Автор определяет ее как умение выходить из психологических кризисов и помогать другим, как заботу о своем психологическом здоровье.

Анализ подходов разных авторов показал, что не существует единого понимания и определения психологической культуры.

Так же неоднозначно рассматривается и структурно-функциональная организация психологической культуры.

Раскрывая содержание базисной психологической культуры как системного многокомпонентного образования, Л. С. Колмогорова выделяет в нем такие компоненты, как психологическая грамотность, психологическая компетентность, ценностно-смысловой компонент, рефлексия и культуротворчество [3].

Рассматривая психологическую культуру руководителя как сложноструктурированное образование, Н. Т. Селезнева выделяет в нем аксиологический, социальный, когнитивный и психологический компоненты, а также опыт.

Исследуя профессионально-психологическую культуру как форму культурно-активности учителя, Н. И. Лифинцева указывает на такие ее составляющие, как гуманитарное мышление, эмоциональная регуляция, поведение в эмоциогенной ситуации, аксиологический компонент и профессионально-психологическая компетентность [5].

В. В. Семикин выделяет следующие основные компоненты в структуре психологической культуры: когнитивный, рефлексивно-перцептивный, аффективный, волевой, коммуникативный, регулятивный, подсистема опыта социального взаимодействия, ценностно-смысловой. Три последних компонента в этом многомерном психологическом образовании являются системообразующими, а ценностно-смысловой компонент в этой системе, кроме того, выступает стержневым, интегрирующим [9].

В структуре психологической культуры учителя А. Б. Орловым выделяются такие компоненты как культура убеждений, культура переживаний, культура представлений и культура влияний [8].

Рассматривая психологическую культуру в социально-психологическом контексте, в контексте взаимных отношений, Н. Н. Обозов выделяет в ее структуре адекватные структуре отношений компоненты: понимание и знание себя и других людей,

адекватная самооценка и оценка других людей, саморегулирование личностных состояний и свойств, саморегуляция деятельности, регулирование отношений с другими людьми [7].

Такие компоненты как мыслительная культура (культура мышления), эмоциональная и волевая культура, а также социально-психологическая культура (коммуникативная) в структуре психологической культуры выделяет В. И. Долгова. Изучая развитие профессионализма госслужащих, А. С. Гусева, как и В. И. Долгова, в компонентный состав психологической культуры включает развитые качества психики (волю, мышление, эмоции) и, наряду с ними, способность к самоанализу, к самооценке, а также владение приемами самоконтроля и саморегуляции.

М. К. Тутушкина выделяет в психологической культуре следующие компоненты: самопознание и самооценку, познание других людей и умение управлять своим поведением, эмоциями, общением.

Таким образом, анализ литературы показал, что не существует единого понимания, определения и общепринятой структуры психологической культуры. На сегодняшний день в психологии отсутствует концептуальная модель психологической культуры.

В данном исследовании психологическая культура рассматривается как способ гармонизации внутреннего мира личности, системообразующим конструктом которого является «Я», и гармонизации внутреннего мира («Я») с миром внешним.

В нашем исследовании мы опираемся на подход О. И. Моткова, который рассматривал психологическую культуру как актуализированный культурно-психологический потенциал вместе с соответствующей технологией его реализации.

В соответствии с этим, в качестве основных показателей психологической культуры мы рассматриваем силу культурно-психологических стремлений личности, степень их реализации в повседневной жизни, а также уровень их гармоничности.

Целью нашего исследования являлось изучение культурно-психологических стремлений в структуре психологической культуры личности учащихся старших классов.

Исследование проводилось на базе МОУ «СОШ № 4», МОУ «СОШ № 42» и МОУ «Гимназия №3» г. Белгорода. В нем приняли участие 262 человека, учащиеся 9-11 классов.

Для изучения особенностей культурно-психологических стремлений в старшем школьном возрасте была использована, разработанная на основе методики О. И. Моткова «Психологическая культура личности», методика «Изучение культуры самосознания личности». С помощью методики изучалась сила трех групп культурно-психологических стремлений, выделенных в соответствии с компонентами самосознания: I группа – стремления к самопознанию, II группа – стремления к самоотношению, III группа – стремления к саморегуляции.

Анализ силы культурно-психологических стремлений старших школьников позволил разделить всех учащихся на 4 группы.

В I группу с высоким уровнем культурно-психологических стремлений вошли 20 % учащихся старших классов, во II группу со средним уровнем стремлений вошли 28 % старшеклассников, в III группу с низким уровнем психологических стремлений – 27 % учащихся. Отдельную группу составили старшеклассники с псевдовысоким уровнем культурно-психологических стремлений в количестве 65 человек, что составило 25 % всей выборки.

Таким образом, у четвертой части старших школьников обнаружен завышенный, нереалистичный уровень культурно-психологических стремлений, который трудно осуществить в жизни. Школьники с таким уровнем очень хотят иметь высокую силу стремлений, но это может не совпадать с их реальными стремлениями. Кроме этого, исходя из теоретических представлений об оптимальности выраженности любых личностных характеристик, а также из эмпирических данных о завышенной самооценке и высоких, но в действительности недостаточно реализуемых, амбициях, псевдовысокий уровень можно трактовать как неоптимальный по эмоциональным и

поведенческим проявлениям. Очень высокие притязания, характерные для данного уровня, трудно реализуемы.

Для старших школьников с высоким уровнем культурно-психологических стремлений характерно сильное стремление познавать и понимать себя, анализировать свои личностные и поведенческие особенности. Такие школьники стремятся к пониманию себя и осознанию, как своих отдельных поступков, так и жизненного пути в целом, своего предназначения. Им свойственно большое стремление находить психологические причины своего поведения, настроения, переживаний, чувств, ошибок и т. п. Составляющие эту группу старшеклассники стремятся регулярно совершать самопознание, самоанализ своих личностных и поведенческих особенностей, в результате чего ими начинают осознаваться свои жизненные предназначения, образуется и поддерживается конструктивное самоотношение, самооценка. Это помогает таким старшеклассникам ставить осуществимые цели и задачи, направлять конкретные усилия в соответствующее своим склонностям и предпочтениям русло, быть самими собой.

Также для старших школьников с высоким уровнем психологических стремлений характерно стремление относиться к себе на высоком уровне, одобрять себя в целом и в существенных частностях. Эти школьники стремятся одобрять свои планы и поступки, личностные особенности. Они стремятся принимать свои достоинства и недостатки, ценить и уважать себя, свой внутренний мир со всеми его достоинствами и недостатками. Для них характерно стремление доверять себе, позитивно себя оценивать, соглашаться со своими внутренними побуждениями.

Выявлена еще одна особенность группы старшеклассников с высоким уровнем психологических стремлений – это высокий уровень стремления к саморегуляции. Такие школьники стремятся гибко управлять своим настроением, эмоциями, желаниями, действиями, стремятся поддерживать преимущественно положительный тон, сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях. Они стремятся культурно, приемлемо для других людей, выражать свои «отрицательные» стремления и эмоции (например, агрессию и т. п.). Такие школьники стремятся уметь быстро реагировать на свое плохое состояние и находить способы его улучшения.

Для старших школьников с низким уровнем психологических стремлений, а это каждый третий старшеклассник, в большинстве случаев характерен низкий уровень стремлений к самопознанию, самоотношению и саморегуляции. Такие старшеклассники слабо стремятся к познанию и пониманию себя, осознанию причин своих поступков и своего жизненного пути в целом, своего предназначения. Они не стремятся к регулярному самопознанию, анализу своих личностных и поведенческих особенностей. Такие учащиеся не стремятся к позитивному самоотношению, одобрению и принятию себя, своих поступков, мыслей, желаний и т. д. Обычно они не стремятся принимать свои достоинства и недостатки, ценить и уважать себя, свой внутренний мир. Не стремятся к согласию со своими внутренними побуждениями.

Также группа учащихся с низким уровнем культурно-психологических стремлений характеризуется слабым стремлением к саморегуляции. То есть эти старшие школьники не стремятся управлять собой, своим поведением, эмоциональным состоянием, желаниями, не стремятся культурно выражать свои отрицательные эмоции, не стремятся развивать в себе быстрые реакции на свое плохое состояние и находить способы его улучшения.

Анализ силы культурно-психологических стремлений к самопознанию, самоотношению и саморегуляции позволил распределить всех старшеклассников по уровням развития данных стремлений (Табл. 1).

Выявлено, что старшие школьники с псевдовысоким уровнем стремлений и к самопознанию, и к самоотношению, и к саморегуляции составляют наибольшую часть всех учащихся. А школьники с высоким уровнем психологических стремлений и к самопознанию, и к самоотношению, и к саморегуляции составляют самую маленькую часть всех старшеклассников.

Таблица 1

Распределение старших школьников в зависимости от уровня развития культурно-психологических стремлений (в %)

Уровень Виды стремлений	Высокий	Средний	Низкий	Псевдовысокий
К самопознанию	10	29	21	40
К самоотношению	16	25	19	40
К саморегуляции	14	29	25	32

Обнаружено, что средний уровень психологических стремлений к самопознанию, самоотношению и саморегуляции имеет каждый третий старший школьник. В то же время школьников с низким уровнем стремлений к самопознанию и саморегуляции в два раза больше, чем школьников с высоким уровнем этих видов стремлений.

Таким образом, культурно-психологические стремления старших школьников находятся либо на завышенном, нереалистичном, трудно достижимом уровне, либо не достигают высоких значений.

Анализ результатов изучения динамических характеристик культурно-психологических стремлений позволил выявить особенности их развития у школьников 9-11 классов (Табл. 2).

Таблица 2

Средние арифметические значения динамической силы различных видов психологических стремлений старших школьников

Виды стремлений	9-е классы	10-е классы	11-е классы	Все старшие школьники
К самопознанию	3,84	4,5	4,37	4,08
К самоотношению	4,01	4,39	4,14	4,13
К саморегуляции	3,84	4,28	3,99	3,97

Установлено, что у учащихся 9-х классов сила всех культурно-психологических стремлений ниже, чем у учащихся 10-х и 11-х классов. При этом сила стремления к самопознанию статистически значимо отличается от силы стремления к самопознанию у учащихся 10-х (t -стат. $=-5,53$; t крит. $=1,974$) и 11-х классов (t -стат. $=-5,04$; t крит. $=1,976$), а сила стремления к самоотношению и саморегуляции статистически значимо отличается от силы данных стремлений у учащихся 10-х классов (t -стат. $=-3,287$; t крит. $=1,974$ и t -стат. $=-3,942$; t крит. $=1,974$).

У учащихся 10-х классов по всем видам культурно-психологических стремлений наблюдается более высокий уровень, чем у учащихся 9-х и 11-х классов. При этом сила стремлений к самопознанию, самоотношению и саморегуляции статистически значимо отличается от силы данных стремлений у учащихся 9-х классов, а сила стремления к самоотношению и саморегуляции статистически значимо отличается от силы данных стремлений у учащихся 11-х классов (t -стат. $=2,286$; t крит. $=1,974$ и t -стат. $=2,534$; t крит. $=1,974$).

У учащихся 10-х и 11-х классов наблюдается схожая картина в особенностях структуры психологических стремлений: сильнее всего они стремятся к познанию себя, к пониманию себя и осознанию, как своих отдельных поступков, так и жизненного пути в целом, своего предназначения. Меньше всего учащиеся 10-х и 11-х классов стремятся к саморегуляции, гибкому управлению своим настроением, эмоциями, желаниями, действиями. В то время как для учащихся 9-х классов более важным являет-

ся стремление положительно к себе относиться, одобрять себя в целом и в существенных частностях, принимать себя со всеми достоинствами и недостатками. А стремления познавать и регулировать себя имеют для них меньшее значение.

Различия в стремлениях к самопознанию у учащихся разных классов могут быть обусловлены возрастом или связаны со спецификой социальной ситуации развития. Несмотря на то, что общество ставит задачу осуществить профессиональное и личностное самоопределение в плане реального выбора, в 9-м классе учащиеся находятся только в начале этого пути, выбор для них еще не так актуален, планы подвержены частой смене. Дети только начинают задумываться о будущем, цели выдвигаются ситуативно и редко – самостоятельно. Для учащихся 10-х и 11-х классов проблема выбора дальнейшего жизненного и профессионального пути становится наиболее актуальной, что побуждает их в той или иной степени планировать свою дальнейшую деятельность, ставить перед собой конкретные цели и выбирать пути их достижения. Появляется потребность продумывать способы своих действий для достижения намеченных целей, выделять значимые условия достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем. Реализация этих потребностей невозможна без познания себя, анализа своих личностных и поведенческих особенностей, способствующих или препятствующих достижению поставленных целей. Поэтому учащиеся 10-х и 11-х классов сильнее стремятся к пониманию себя и осознанию, как своих отдельных поступков, так и жизненного пути в целом, своего предназначения, стремятся регулярно совершать самопознание, самоанализ, в результате чего ими начинают осознаваться свои жизненные предназначения.

Выявленный факт относительно того, что сила стремлений к саморегуляции менее выражена по сравнению с другими культурно-психологическими стремлениями, свидетельствует о достаточно низком уровне действенности культурно-психологических стремлений учащихся старших классов.

Выявленные динамические особенности культурно-психологических стремлений учащихся старших классов свидетельствуют о том, что у старшеклассников система психологических стремлений в большинстве случаев не достигает оптимального состояния, что затрудняет устойчивое гармоничное функционирование личности в целом и в частности затрудняет понимание и принятие себя, саморегуляцию своих желаний, эмоций и действий, нарушаются позитивные гармонизирующие ориентации на конструктивное общение и ведение дел и т. п.

Таким образом, весьма важно в период обучения не только создавать условия для овладения знаниями, умениями и навыками, но и отводить центральное место формированию психологической культуры личности. Реальное воплощение идей культурологического подхода в образовании предполагает переосмысление, наполнение конкретным содержанием, детальную проработку всех компонентов педагогического процесса: от целевых ориентиров и отбора содержания образования до отслеживания результативности образовательного процесса.

Список литературы

1. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся: Очерки Российской психологии. М.: Тривола, 1994.
2. Исаева Н. И. Профессиональная культура психолога образования. – М., Белгород: МПГУ, БелГУ, 2002.
3. Колмогорова Л. С. Становление психологической культуры школьника // Вопросы психологии. – 1999. – №1. – С.83-91.
4. Леонтьев А. Н. Психология 2000-го года // Леонтьев А. Н. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994.
5. Лифинцева Н. И. Формирование профессионально-психологической культуры учителя. – М.: Изд-во МПГУ. – Курск: Изд-во КПКУ, 2000.
6. Мотков О. И. Психология самопознания личности. – М.: РАО, 1993.
7. Обозов Н. Н. Психологическая культура отношений. – СПб., 1995.

8. Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики: Учеб. пособие для студ. психол. фак. вузов. – М.: «Академия», 2002.

9. Семикин В. В. Психологическая культура в образовании человека: Монография. – СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2002.

DYNAMIC CHARACTERISTIC OF CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL ASPIRATIONS IN THE SENIOR SCHOOL AGE

J. O. Kalashnikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
drugnavsegda@yandex.ru*

The article examines the problem of the development of psychological culture in the senior school age. Results of the research of cultural and psychological aspirations are presented as structural component of psychological culture of personality of the senior school students: features of the dynamic characteristic of cultural and psychological aspirations are revealed, psychological interpretation of the force of aspirations for self-knowledge, self-attitude and self-regulation is offered, qualitative characteristic of features of the development of students' aspirations in 9-11 forms is given. It is ascertained that aspirations for self-regulation of senior school students have low enough level of effectiveness.

Key words: psychological culture, cultural and psychological aspirations, the force of cultural and psychological aspirations, senior school age.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алефиренко Н. Ф.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Акинъшина Н. В.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Али Анвар** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков Багдадского университета (Ирак), докторант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва
- Аникаева А. А.** – соискатель ученой степени кандидата филологических наук при кафедре журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета
- Антонова О. Н.** – ассистент кафедры второго иностранного языка, аспирант кафедры английской филологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого
- Аткина А. М.** – консультант пресс-службы Губернатора и правительства Белгородской области управления информации и массовых коммуникаций Администрации Губернатора Белгородской области, соискатель при кафедре журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Багана Ж.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Береснева М. А.** – аспирантка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Богданова Е. В.** – аспирант факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Болотова Е. А.** – старший преподаватель кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борченко Н. А.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Великанова А. Л.** – аспирант заочной формы обучения кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Верзунова Л. В.** – начальник отдела организации и сопровождения НИОКР Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук, доцент

- Власова Ю. Н.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета
- Волобуева Н. М.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вялых Т. В.** – учебный мастер кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Габец А. А.** – аспирант кафедры английской филологии Самарского государственного университета
- Дехнич О. В.** – доцент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Дубовик Е. И.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Золотых А. Д.** – заместитель главного редактора газеты «Москва и москвичи», доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- Исаев И. Ф.** – заведующий кафедрой педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Исаева Н. И.** – декан факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук, профессор
- Калашникова Ю. О.** – педагог-психолог МОУ «СОШ № 4 г. Белгорода», аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кирий Н. В.** – начальник отдела аспирантуры, докторантуры и дополнительного профессионального образования Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Колотилова А. Э.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Копытина Н. Н.** – старший преподаватель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Кошарная С. А.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кудинов Е. В.** – аспирант кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Лесников С. В.** – кандидат филологических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета
- Любимова Н. И.** – соискатель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, методист физического факультета НИУ «БелГУ»
- Михайлова Е. Н.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Моисеева С. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нагорный И. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Пашкова Г. И.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Подставко Е. Н.** – ассистент кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
- Прохорова О. Н.** – заведующая кафедрой английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Ромашина О. Ю.** – доцент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук, доцент
- Седых А. П.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Скрипкина А. В.** – доцент кафедры педагогики, психологии Краснодарского государственного университета культуры и искусств, кандидат педагогических наук
- Сопова И. В.** – соискатель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Таранова Е. Н.** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Туранина Н. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Филимонова О. С.** – ассистент кафедры второго иностранного языка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, аспирантка кафедры английской филологии

- Фомичева Ж. Е.*** – проректор по международному сотрудничеству и образованию Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, профессор кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, доцент
- Харченко В. К.*** – заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Чекулай И. В.*** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шатохина С. И.*** – аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, корреспондент управления по связям с общественностью НИУ «БелГУ»
- Шиханцов А. С.*** – аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в 2-х экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

- по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

на русском
и английском
языках

на русском
языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.

2. Поля:

- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.

3. Шрифт:

- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.

4. Абзац:
  - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
  - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
  - номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная;
  - текст сноски внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф. – профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

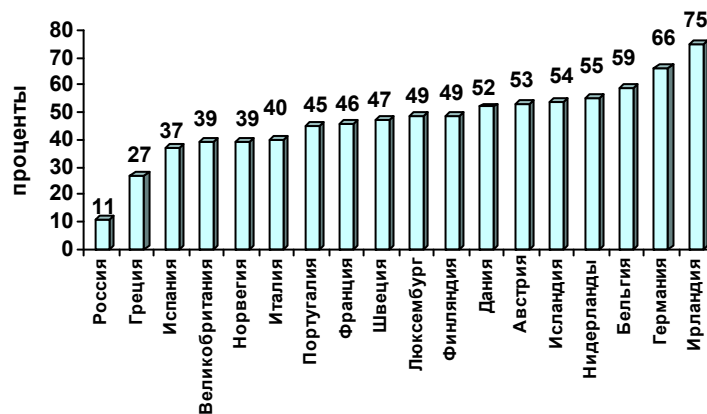

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

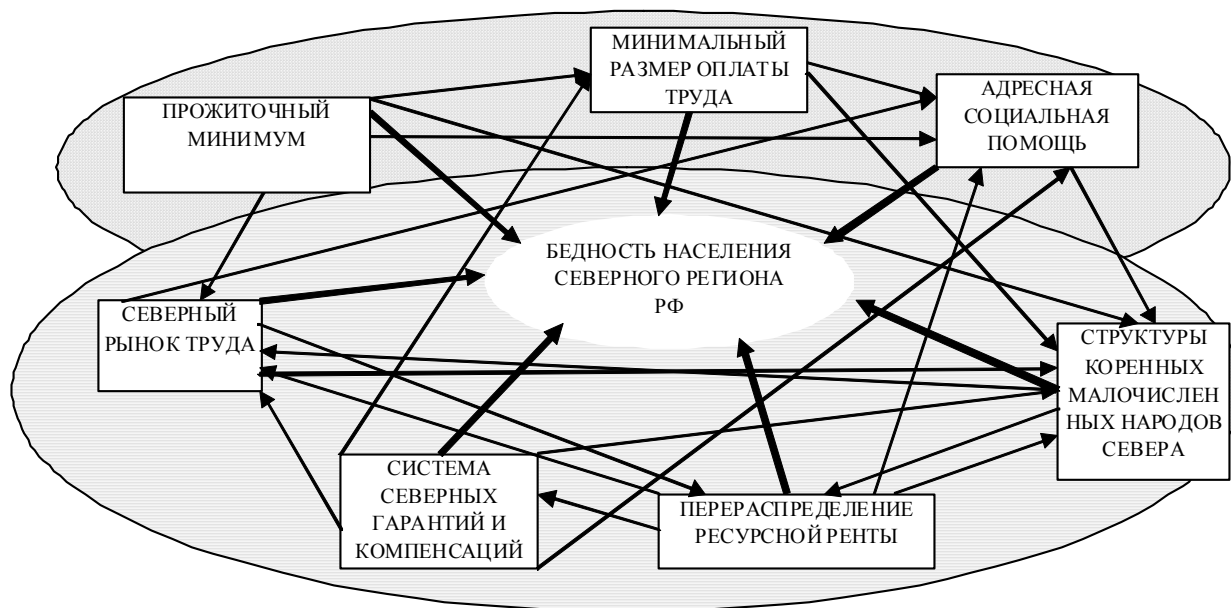

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.